Г. М. ПРОХОРОВ ПОВЕСТЬ О МИТЯЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Г. М. ПРОХОРОВ

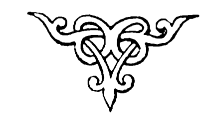
ПОВЕСТЬ О МИТЯЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Г. М. ПРОХОРОВ

ПОВЕСТЬ О МИТЯЕ

РУСЬ И ВИЗАНТИЯ В ЭПОХУ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ



ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

Ответственный редактор

Д. С. ЛИХАЧЕВ

П $\frac{70202-565}{042(02)-78}$ 388-78

ВВЕДЕНИЕ

Повесть о Митяе — небольшой летописный рассказ о том, как Дмитрий Донской пытался поставить во главе русской церкви близкого себе человека (его-то и звали Митяем). Напряженные, драматические и достаточно авантюрные события Повести происходят во время первого «розмирия» (прекращения мира) Руси с Ордой. Начинаются они до, а кончаются после Куликовской битвы. Героев повествования мы видим в Москве, затем в Константинополе, по пути они встречаются с Мамаем — как раз накануне его похода на Русь. В наше поле зрения попадают греки, итальянцы, татары, турки. Речь идет о международных церковно-политических интригах: о беззакониях, насилии, обмане, подлоге, подкупе. В беспристрастном на первый взгляд летописном повествовании сквозят черты памфлета, ирония, недоговоренность и оппозиционный политический подтекст.

Эпоха Куликовской битвы — переломное время и особый, своеобразный период в русской истории. Здесь начало — самое начало — великорусской народности и государственности; Москва в эти годы решительно возвышается над другими княжествами, но еще не до такой степени, чтобы полностью их подчинить; это время духовного возрождения, культурного взлета после катастрофы татарского завоевания, но возрождения более широкого, чем рамки одного княжества или одной страны, время творчески деятельное и полное загадок. События Повести и сама она — из числа этих загадок.

«Повестью», названием одного из современных нам литературных жанров («промежуточного» между жанром рассказа и романа), это произведение именуется нами условно. Оно принадлежит к несуществующему в наши дни роду литературы; его жанр — составная часть иной, непривычной нам сейчас жанровой системы. Чтобы правильно воспринять эту повесть, необходим перевод — не языковой, а жанровый: из одной литературной системы в другую. В сегодняшней литературе летописная повесть может или стать основой исторического романа — жанра худо-

жественной прозы,[1] или, как в данном случае, послужить объектом научного исследования — жанра интеллектуальной прозы.

Автор этой книги предлагает читателю вместе неторопливо, вдумчиво прочесть Повесть, сопоставляя по ходу чтения ее сведения с сообщениями других имеющих отношение к делу произведений и документов, и приглядеться к ней как к литературному произведению с целью определить ее место в современном ей литературном процессе, а лежащих в ее основе событий — в процессе историческом. Как произведение иной жанровой системы Повесть, очевидно, должна рассматриваться не изолированно от других, современных и так или иначе родственных ей произведений, а в их ряду. И ясно, что литературный процесс не может быть правильно понят, если мы не видим той общественной среды и того процесса общественной жизни, в которых он коренится. Потому автор считает единственно правильным подходом к предмету своего исследования подход исторический. Но только подход: проблемы истории того времени не рассматриваются здесь во всей их полноте; история служит литературоведению. С другой стороны, дополняя событийный, собственно исторический план исследования анализом литературного процесса, «словесной составляющей» тех же событий, мы сообщаем этому плану добавочное измерение, а сами приобретаем «объемность» видения. Повесть же предоставляет нам достаточно широкий угол зрения для знакомства с эпохой в целом.

Повесть о Митяе дошла до нас в разных видах в составе ряда летописных сводов под 6885 (1377—1378) г. В особой работе я установил соотношение этих видов, проследив тем самым историю текста Повести.[2] Оказалось, что Повесть имеет три редакции и три сокращенных варианта одной из этих редакций. Древнейший вид она имеет в Рогожском летописце XV в.,[3] в Симеоновской летописи XVI в.[4] и имела в сгоревшей Троицкой летописи 1408 г.[5] Это — первая редакция. В результате некоторого ее сокращения и «прояснения» (убраны повторения, длинноты, коечто обобщено, язык упрощен) и одновременно пополнения за счет записей на ту же тему в статьях других лет той же летописи

---

[1] Знаю лишь один такой опыт с Повестью о Митяе: Алексеев-Кунгурцев Н. Н. Брат на брата. Историческая повесть-хроника. СПб., 1904. Произведение в историческом отношении наивное, а в художественном, на мой взгляд, слабое.

[2] Прохоров Г. М. Летописная Повесть о Митяе. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 238—254.

[3] ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922, с. 124—132.

[4] ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 121—125.

[5] См. выписки Н. М. Карамзина из Троицкой летописи в примеч. 54—60 к пятому тому «Истории государства Российского» (СПб., 1892, с. 16—18).

возникла вторая редакция.[6] Она-то и дала несколько производных — еще более кратких переработок.[7]

При создании в XVI в. Никоновской летописи возникла третья редакция Повести.[8] По объему она почти в два раза превосходит первую. Опирается она на обе первые редакции, а также на Житие Сергия Радонежского, но является уже типичным произведением литературы XVI в. Домышленные детали начинают здесь заслонять и искажать суть дела. Однако именно эта поздняя редакция Повести оказала, как мы увидим, самое большое влияние на русскую историографию XVIII—XX вв. Даже те из историков, кто не считал эту редакцию первоначальной, в той или иной мере использовали ее данные. Мы будем читать и исследовать первую редакцию Повести о Митяе.

Подробнее об истории текста и о существующих исследованиях Повести я скажу в начале второй части книги, где мы станем рассматривать Повесть как литературное произведение, когда читателю уже будет ясно, о чем, собственно, идет разговор. Здесь замечу только, что все ученые касались истории Митяя и повести о нем лишь мимоходом. Монографического исследования на эту тему до сих пор не было. А тема его, конечно, заслуживает. При общей исторической важности событий и литературы переломного XIV века борьбе вокруг русской митрополии в эпоху Куликовской битвы, борьбе политической, идеологической и литературной, борьбе восточноевропейского масштаба, в которой так или иначе участвовали все значительные тогда силы, принадлежит, — как читатель, надеюсь, убедится, — громадное, по достоинству еще не оцененное значение и в истории России, и вообще в истории Восточной Европы.

Благодарю от души моего первого учителя, доктора исторических наук Л. Н. Гумилева за привитый мне вкус к историческому исследованию, а академика Д. С. Лихачева за добрую помощь и терпеливое руководство при написании этой книги.

---

[6] Она содержится в Московском своде конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 196—199), так называемой Ростовской летописи (ЦГАДА, ф. 181, № 20/25, конец XVII—начало XVIII в., л. 354—359), Типографской (ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, с. 137—141) и Воскресенской (ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, с. 28—32) летописях, а также в сборниках ГБЛ, Музейск., № 3271, XV—XVI в., л. 27 об.—33 и ГИМ, Хлудовск., №-147D, XVI в., л. 449—460 об.

[7] Одна из них — в Ермолинской (ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 121—124) и родственных ей летописях: Своде 1497 г. (ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, с. 79—81), Уваровской летописи, или Своде 1518 г. (там же, с. 242—243), и Львовской летописи (ПСРЛ, т. XX, 1 половина. СПб., 1910, с. 199); другая — в Сокращенном летописном своде 1493 г. (ПСРЛ, т. XXII. М.—Л., 1962, с. 249—251) и в сборнике ГБЛ, Волокол., № 572, XVI в., л. 231—234 об.; третья (зависящая уже от текста Ермолинской летописи) — во Владимирском летописце (ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, с. 125—127).

[8] ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, с. 35—41. — Эта редакция содержится, кроме того, в сборниках ГБЛ, Погод., № 1404-а, XVI в., л. 702—708; БАН, 34.2.32, XVII в., л. 654—660; ГПБ, СПб. ДА, № 432, XVII в., л. 93 об.—123 об.

Часть первая

«РОЗМИРИЕ»

Глава 1

ИСИХАСТСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

В истории Митяя не разобраться без ее предыстории, потому что другие участники событий вышли на арену раньше него.

Киприана, соперником которого будет Митяй, поставил в митрополиты всея Руси византийский патриарх Филофей. Воля патриарха столкнется с волей великого князя московского Дмитрия Ивановича, и начнется на Руси «смута», которая продлится 15 лет (1375—1390).

Разумеется, никакой смуты не было бы, если бы воля князя не пришла в столкновение также с волей влиятельных русских церковных деятелей, таких как Сергий Радонежский, Феодор Симоновский, Дионисий Суздальский. И борьба эта представляла бы для нас меньший интерес, если бы за ее участниками не стояли едва ли не самые значительные в то время общественные силы Восточной Европы, а на ее ход не оказывало прямого влияния развитие событий политических.

Конечно, и личности нам интересны ничуть не меньше, чем общественные силы, но нам просто не понять людей, если мы не видим, что в них общественное, а что — индивидуальное. И, безусловно, личность тем исторически значительней и ярче, чем большую общественную духовную силу она в себе аккумулирует. Общественным же в себе люди отличаются друг от друга глубже, контрастнее, чем индивидуальным.

Познакомимся сначала с византийской стороной занимающей нас истории.

Византию завоевывали турки. В 1354 г. они сделали твердый шаг — из уже захваченной ими Малой Азии через Дарданеллы в Европу. Страна недавно пережила гражданскую войну (1341—1347), в которой турки участвовали в качестве наемных и союзных войск. Теперь они становились хозяевами положения. Проблема спасения от турок была для греков одной из самых важных.

Гражданской войне предшествовало идеологическое размежевание. Еще в 30-е гг. правительство Андроника III Палеолога начало прощупывать путь к сближению с католическим Западом.

Задача была не из легких, но за дело взялся поощряемый правительством незаурядный энергичный человек, знавший и греческий Восток и латинской Запад, — Варлаам из Калабрии. Грек, уроженец южной Италии, воспитанник гуманистических кружков, он прибыл около 1330 г. в Византию в поисках истинного отеческого благочестия, а также источников философской премудрости, желая читать Аристотеля в оригинале. Он был замечен и быстро выдвинулся. Скоро он уже выступал от имени византийской церкви в переговорах с папскими представителями (1333—1334), доказывая, что к догматическим различиям надо подходить «диалектически», разработал затем проект воссоединения церквей и, получив одобрение светского и духовного правительства Византии, ездил с миссией в Авиньон к папе Бенедикту XII (1339).[1]

Агностик и рационалист, Варлаам как богослов столкнулся, конечно, в Византии с представителями местной богословской традиции, с типичными для Византии аскетами-созерцателями, убежденными, что человек способен вступать в непосредственное личное общение с божеством и что богословие должно основываться не на допущениях, как философия, а на опыте богообщения, церковном и личном. Монахам этого типа была свойственна постоянная внутренняя собранность, самоуглубленность. У них были разработаны и передавались от учителя к ученику свои технические приемы сосредоточения и направления внимания. Их звали «исихастами» (от греческого глагола ἡσυχάζω — «покоиться», «безмолвствовать», «молчать»).

Варлаам назвал их «пуподушниками» и обвинил перед патриархом в еретическом посягательстве на общение с несообщимым.

Так начались окрасившие всю эту эпоху долгие «исихастские» споры — конфликт двух индивидуалистических направлений в духовной и культурной жизни: внецерковно в конечном итоге направленного гуманизма, ярким представителем которого и был Варлаам, и церковно-персоналистского исихазма, рупором которого явился афонский монах Григорий Палама́.

Палама утверждал, что нужно различать — подобно тому, как мы различаем Солнце и его лучи, — недоступную и несообщимую сущность бога и его сообщимую людям «деятельность», или «энергию», одним из проявлений каковой и являются озарения созерцателей.[2]

Споры привлекли к себе общественное внимание: было ясно, что от их исхода зависит многое во внутренней жизни и внешней политике Византии. На созванный патриархом собор в столичный храм Святой Софии 10 июня 1341 г. собрался почти весь город.

---

[1] См.: Meyendorff J. Un mauvais théologien de l'unité au XIVe siècle: Barlaam le Calabrais. — In: 1054—1954: L'Eglise et les eglises, II. Chévetogne, 1954, p. 47—64.

[2] Подробнее см.: Meyendorff J. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959.

Григорий Палама взял верх в публичных диспутах сначала над самим Варлаамом Калабрийским (и тот счел за лучшее бежать обратно в Италию), а затем над его последователем Григорием Акиндином (август 1341 г.). Но тут разразилась гражданская война. Захвативший в Константинополе власть триумвират — патриарх Иоанн Калека, вдова только что умершего Андроника III Анна Савойская и великий дука Алексей Апокавк — начал борьбу с виднейшим членом правительства покойного императора, великим доместиком Иоанном Кантакузином. Из осужденного еретика Акиндин сделался правительственным идеологом, а Палама по обвинению в «кантакузинизме» был арестован и отлучен от церкви. В эти годы Филофей Коккин впервые выступил на поприще общественно-идеологической борьбы: находясь на Афоне, он написал трактаты в поддержку взглядов Григория Паламы, присланные затем в столицу как выражение мнения афонских «старцев».

Победил в гражданской войне Иоанн Кантакузин (февраль 1347 г.). Патриарх Иоанн Калека был смещен; Григорий Акиндин бежал; Апокавк погиб еще раньше; императрице Анне удалось войти в доверие к победителю; за ее юношу-сына (Иоанна V) Кантакузин выдал свою дочь, сам короновался как император (Иоанн VI), а зятя сделал своим соправителем.

Споры на этом не прекратились, после этого они по-настоящему и продолжились. Но к власти в византийской церкви, заняв в ней ключевые посты, пришли теперь монахи-исихасты.

Недавние отшельники с началом споров сделались теоретиками, война вовлекла их в политическую жизнь, а теперь они стали во главе мощной жизнеспособной международной организации, в то время более общественно эффективной, чем окончательно подорвавшее свои силы государство.

Конечно, под влиянием монахов усилилась настороженность ко всякому возможному проникновению в церковь «светского гуманизма». Но говорить, что с момента торжества исихастов «входит в моду сожжение сочинений, физическая расправа с идеологическими противниками»,[3] нет никаких оснований: мы просто не знаем в XIV в. таких случаев, а мы довольно хорошо осведомлены об этом времени. Да и сочинения противников исихазма дошли до нас едва ли не в столь же полном виде, как и его апологетов. Опровергая их, писатели-исихасты часто помещали их непосредственно перед опровержениями в тех же рукописях. Получает распространение диалогическая форма полемической литературы. С гуманистами и западниками спорили, но никаких призывов к их уничтожению из источников мы не слышим. Да и противники исихастов не исчезнут до самого последнего дня Византии. Мы знаем, что сами исихасты во время гражданской

---

[3] Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976, с. 30—31.

войны 1341—1347 гг. подвергались репрессиям по обвинению или подозрению в «кантакузинизме». Но они, придя к власти, не уподобились своим противникам. Споры оказалось возможным продолжить. Казней не было. Для средних веков, надо заметить, это удивительное явление.

Исихастское движение оставило по себе другого рода яркие следы — в теоретической мысли, в литературе, в искусстве, в дипломатии, которые чем дальше, тем больше интересуют ученых.[4] Особенно важно правильно понять это движение для историков Руси: если византийские гуманисты, обратившись к Западу, стимулировали итальянское Возрождение, то византийские исихасты, обратившись к Северо-востоку, стимулировали возрождение русское.

Когда победил Кантакузин, Филофей стал митрополитом Гераклеи (или Ираклии) Фракийской, вторым лицом после патриарха. Очередным противником «паламизма» в эти годы выступил видный ученый и историк Никифор Григора. Кантакузин созвал собор, на котором Григора, как некогда Варлаам, а затем Акиндин, был за свои взгляды осужден (1351). Но Григора не сдался и стал подвергать критике соборные постановления. Тогда Филофей — а он принимал участие в формулировке соборных решений — написал свое главное теоретическое сочинение: двенадцать обширных «слов» против Никифора Григоры, которые Кантакузин уподобил «содомскому огню, испепеляющему кощунственные и нечестивые языки».[5] Там Филофей высказал очень важную для понимания его деятельности и исихастского движения в целом мысль, что возможность личного — через божественную «энергию» — общения человека с богом «не замалчивать, как некоторые полагают, следует, но проповедовать и побуждать всех становиться причастниками этого божественного света».[6] Показателен в этом отношении и эпизод из Жития Григория Паламы (ум. 1359), написанного Филофеем позже, перед его канонизацией (1368): своему другу-иноку Григорий как-то сказал, что непрерывно внутренне молиться надлежит всем — не одним монахам, но и мирянам, — а долг монахов побуждать к такой молитве и обучать ей всех: и мудрых, и простых людей, и женщин, и даже детей. Тот возразил, что для мирян, у которых много требующих их внимания дел и забот, такая молитва невозможна. Григорий умолк, не стал спорить. Ангел, явившись вскоре его собеседнику, укорил его за то, что он, споря с Григорием, противился «явному делу, от которого зависит спасение христиан».[7]

---

[4] Обзор обширной западной литературы по исихазму см.: Stiernon D. Bulletin sur le palamisme. — REB, 1972, t. 30, p. 231—341.

[5] См.: Прохоров Г. М. Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371 гг. — ВВ, М., 1968, т. 29, с. 336.

[6] См.: Бенешевич В. Н. Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае, т. 1. СПб., 1911, с. 252, № 457 (1646).

[7] PG, t. 151, col. 573—574 (русский перевод: Житие и подвиги св. Григория Паламы, архиепископа фессалоникского. Сочинение патриарха константинопольского Филофея. Изд. иеромонаха Антония. Одесса, 1889).

Подвижники тех лет, «спасавшиеся от мира», получали, согласно их житиям, мистические повеления учить людей тому, чего они достигли сами, и поворачивали обратно к миру с целью его «спасения». Это относится и к Григорию Паламе,[8] и к Максиму Кавсокаливиту,[9] которому велел выступать «пред человеки, а не пред пустынными скалами» такой видный исихаст, как Григорий Синаит.[10]

В литературе уже давно было отмечено своего рода движение к миру, заметное у исихастов-писателей XIV в.: Григорий Синаит стоит на строго монашеских позициях, несколько более молодой Григорий Палама «не чуждался совершенно мира и признает за монашеством только более удобств» для молитвенного «безмолвия». Николай Кавасила же, человек следующего поколения, «совсем не говорит о монашестве и его преимуществах...».[11] Действительно, Синаит в своих писаниях обращается исключительно к монахам.[12] Палама более широк; под его пером персонифицированная Благодать говорит: «Ты не хочешь монахом беззаботно довериться мне... Не хочешь этого? И с целомудренной супругой, любимой тобой, я приветствую тебя и принимаю нисколько не хуже... Ты, пожалуй, боишься бедности и простоты (монашеской, — *Г. П.*) жизни, тяжести поста, суровости иного лишения, стесненности во всем жития, необычности уклада, не можешь жить вне города, без домашнего очага, нестяжательным? Живи в своем городе, считая своим какой хочешь; имей жилище, соответствующее характеру климата, имей пропитание и одежду и будь этим доволен. Я не принуждаю тебя сурово отрешиться от всего против воли: стремись к одному только необходимому и не придавайся стяжательству».[13] Еще резче эта тенденция выражена у Николая Кавасилы: «...и искусствами можно пользоваться без вреда, и к занятию какому-либо нет никакого препятствия, и полководец может начальствовать войсками, и земледелец возделывать землю, и правитель управлять делами...».[14]

Когда Филофей, в бытность его гераклейским митрополитом, утомился безнадежной борьбой с людьми, «находящими удовольствие в неслыханных притеснениях и ограблениях бедных и неотступно преследующими тех, кто становится на защиту разоряе-

---

[8] Ibid., col. 580.

[9] Афонский патерик, или Жизнеописания святых, на Афонской горе просиявших. Изд. 6-е, т. 1. М., 1897, с. 38.

[10] См.: там же, с. 46.

[11] Алексей (Добрыницын), еп. Византийские церковные мистики 14-го века (преподобный Григорий Палама, Николай Кавасила и преподобный Григорий Синаит). — Православный собеседник, Казань, 1906, июль—август, с. 478.

[12] См.: PG, t. 150; рус. пер. см.: Добротолюбие, т. 5 (изданий много).

[13] Св. Григория Паламы, митрополита Солунского, три творения, доселе не бывшие изданными. Изд. еп. Арсения. Новгород, 1895, с. 16.

[14] Николай Кавасила. Семь слов о жизни во Христе. М., 1874, с. 136.

мых», и решил, оставив беспокойное общественное поприще, удалиться на желанный и тихий Афон, этому дружески, но решительно воспротивился сам апологет созерцателей Григорий Палама: «Да не возжелает этого занимающийся общественными делами!».[15]

На Балканах в середине XIV в. распространяется своеобразный тип культурного и общественного деятеля — выходца из какой-нибудь поднебесной скальной пещеры. Это, как правило, отпрыск более или менее почтенного городского семейства, рано постригшийся в монахи, прошедший суровую выучку у опытных «старцев», скитавшийся и терпевший невзгоды; теперь он уже сформировавшийся созерцатель-практик, но одновременно теоретик, «философ», знающий цену культуре и часто неплохо образованный; он пишет богословско-полемические сочинения, принимает участие в диспутах о «божественной энергии»; на общественные бедствия (голод, эпидемии, землетрясения, нашествия турок и латинян) откликается сочинением гимнов и молитв, собранными пожертвованиями и словом утешения помогает пострадавшим; с церковной кафедры обличает богачей-стяжателей; в небольших назидательных «главах» фиксирует свой духовный опыт; может писать иконы, переводить с греческого на славянский. Эти люди становятся во главе монашеских общежитий, церковных общин городов, «вселенской» константинопольской патриархии. Разные по происхождению, они распространяются с Балкан по всей Восточной Европе, образуя, так сказать, «наднациональное» сообщество. Свойственную им в «келейный» период подвижность (поиски квалифицированного наставника, желание научить «сердечной молитве» других, стремление избежать мирской славы) они сохраняют и на «общественно-политическом» уровне деятельности. Часто пересекая национальные границы, они продолжают поддерживать тесные личные связи — как друзья, как ученики одного учителя, как ученики с учителем; общение же друг с другом позволяет им остаться в живом контакте с жизнью Афона, константинопольской «вселенской» патриархии, с культурной жизнью византийских городов.[16]

Не переставая спасаться от «мира», эти люди почувствовали себя в силах начать «встречное» движение — в мир, к миру. В исихастском движении можно, проецируя его на план жизни общества, наметить ряд фаз или стадий: «келейную», «теоретического выражения» и «общественно-политическую».[17]

---

[15] См.: Συλλογὴ Ἑλληνικῶν ἀνεκδότων. Ἐπιστασίᾳ Κ. Τριανταφύλλη καὶ Ἀ. Γραππούτου, τ. Α′, τεῦχος Α′. Ἐν Βενετίᾳ, 1874, σ. 9.

[16] См.: Obolensky D. Late byzantine Culture and the Slavs. A Study in Acoulturation. — XVe Congrès International d'études byzantines. Athenes, 1976. Athenes, 1976.

[17] См.: Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, с. 86—108.

Дж. Мейендорф отмечает четыре значения, в каких термин «исихазм» используется сейчас в науке. В исходном своем значении он отражает образ подвижничества первых христианских анахоретов. Под влиянием господствовавшей в то время в греческой культуре философии неоплатонизма цель этих аскетов понималась — иногда ими самими — как борьба с плотью, своего рода дематериализация, развоплощение ума для его приобщения к единому-идеальному — надысторической божественной сущности. Догмат «Слово стало плотью» не дал, однако же, восторжествовать в христианстве этой спиритуалистической тенденции. Цель «умного делания» была определена как приобщение к воплощенному Слову, а бренное человеческое тело было призвано наряду с умом участвовать в этой встрече. Соответствующий такому пониманию дела метод «душевно-телесной» молитвы (это второй смысл термина) восходит по крайней мере к Макарию Египетскому (IV в.), широкое же, заметное для историков общества распространение получает в интересующем нас XIV веке. В-третьих, исихазм — это «паламизм», развитая Григорием Паламой теория «божественной энергии». И, наконец, в-четвертых, — использованное мною выражение «политический исихазм». Дж. Мейендорф готов принять его как определение общественной и культурной деятельности императора (а затем монаха) Иоанна VI Кантакузина, патриарха Филофея и митрополита Киприана.[18]

«Четыре способа использования слова „исихазм“, — пишет Дж. Мейендорф, — ни в коей мере не противоречат, но и не идентичны друг другу. Иоанн Кантакузин, к примеру, — по общим оценкам, центральная фигура в истории Восточной Европы четырнадцатого века — может прямо ассоциироваться только с третьим и четвертым значениями, тогда как Григорий Синаит является законным представителем первых двух смыслов, несмотря на то что его византийские и болгарские ученики весьма преуспели в движении, описанном как „политический исихазм“».[19]

Общим для исихастов во всех четырех смыслах Дж. Мейендорф считает понимание конечного назначения человека как «обожения», — понимание, но не саму созерцательскую практику, имевшую личное обожение целью. Не только Иоанна Кантакузина, но даже Григория Паламу он не считает мистиком-созерцателем типа Симеона Нового Богослова, а видит в нем исключительно теоретика.[20]

---

[18] Meyendorff J. L'hésychasme: problèmes de sémantique. — Mélanges d'histoire des religions offerts à H.-Ch. Puech. Paris, 1973, p. 543—547; Мейендорф И. Ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и политическом развитии Восточной Европы в XIV в. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 291—305.

[19] Meyendorff J. Byzantine Hesychasm: Historical, theological and social Problems. London, 1974, Introduction.

[20] См.: Meyendorff J. Les débuts de la controverse hésychaste. — Byzantion, 1953, 23, p. 119.

Так это или не так, но наряду с терминологическим описанием, дающим несколько статическое и разорванное представление о явлении, феномен исихазма нуждается, конечно, как всякий сколько-нибудь значительный исторический феномен, и в историческом подходе и описании. Иначе невозможно увидеть его как нечто целое в динамике общественной жизни. Не будь у исихазма в XIV в. своего процесса «воплощения» в общественной истории, проблема исихазма представляла бы интерес только для богословов и не привлекала бы к себе столь большого внимания разных специалистов, как это происходит сейчас. Ведь «политического исихазма», а также и «паламизма», и отмечаемого искусствоведами влияния исихазма на искусство просто не было бы, если бы «собственно исихазм» (второй из отмеченных смыслов термина) был задавлен, уничтожен в кельях (что при несколько ином повороте событий могло случиться в 40-х годах XIV в.). Но он вышел из келий в общество и сначала его заинтересовал, а затем и завоевал.

Не все келейное перерастает в социальное. Но всякое, наверное, общественное движение вначале имеет свой «камерный» и «теоретический» периоды. От одного из них оно и получает обычно название. Мне кажется, было бы лучше, если бы вместо «политического исихазма» в качестве четвертого значения слова выступал исихазм как международное общественное движение XIV в.

Верность исихастов — созерцателей-теоретиков-общественных деятелей — православным традициям сделалась в ходе споров очевидна. Светских людей увлекала напряженность их духовной жизни, тонкость теорий, проницательность их учительной литературы, глубокий психологизм их искусства. В обществе появились исихасты «по духу», по «внутреннему человеку». То, что прежде было идеалом избранных аскетов-отшельников, теперь делалось целью открытой и рекомендуемой любому православноверующему. Между этими «прежде» и «теперь» — эволюция исихазма не в существе своем, но как явления общественного.

Глава 2

ПАТРИАРХ ФИЛОФЕЙ

Патриарх Филофей — личность сильная и яркая (благодарный предмет будущих исследований!). Он являл собой характернейшую, если не самую выдающуюся, фигуру исихаста — общественного деятеля. Исторически же значительной фигурой он стал не только благодаря своим личным качествам, но и потому, что

в том же, что и он, направлении действовали многие, в том числе не сильные и не яркие личности. Его несло на своем гребне мощное общественное движение. Но он и сам его направлял. Может быть, он сделал больше других для того, чтобы движение индивидуалистов-созерцателей не пошло вразрез со средневековыми общественными институтами, а возродило их. В итоге и оказалось возможным парадоксальное сочетание слов «монашеское общественное движение» и «политический исихазм».

Филофей родился на рубеже XIII и XIV вв. в Фессалониках в бедной семье. Матерью его была еврейка. За кухонную работу в доме придворного ритора Фомы Магистра он учился у своего хозяина. Рано постригся в монахи. Жил на Синае и на Афоне. Предавшись монашеской жизни с ранней молодости, пишет о нем Иоанн Кантакузин, рвением и длительной аскезой он приобрел в ней хороший опыт. Выдающийся ум и разностороннее образование — «внешнее» и «нашего типа» — позволили ему достичь вершин как духовной, так и светской премудрости.[1]

Участие Филофея в новом творческом синтезе православной культуры было не менее деятельным, чем Григория Паламы, но более широким. Тот сконцентрировал свое внимание на теоретических проблемах; Филофей же, помимо теоретических трактатов, много писал и в других жанрах — агиографическом, эвхо- и гимнографическом, гомилетическом и прочих. Он и богослов, и поэт, и историк, и автор ряда важных дипломатических документов. Я приведу здесь в своем переводе часть его молитвы «Против врагов», ибо, думаю, это самый простой способ дать читателю верное представление и о тогдашнем положении греков, и о возможностях Филофея как автора — выразителя общественных чувств.

. . . Сделались мы срамом для соседей наших,
Предметом издевательств и насмешек для окружающих нас.
Городами нашими чужестранцы владеют
Прямо на наших глазах.

Все, что перед ними, — рай пищи,
Все, что позади них, — поле погибели.
Рассеяны мы во все народы и дальние земли,
Отвергнуты, как дети, позорящие,
Род лукавый и огорчающий.
Железо пронзило душу нашу.
Положили трупы рабов твоих
В пищу птицам и зверям земным.
Кровь их пролили, словно воду.
Причислены мы к жертвенным овцам,
И нет избавляющего.

Но ты — отец наш,
И к тебе прибегаем,
Имя твое призываем:
Господи, возврати наших пленных,
Спаси сыновей погибших,

[1] См.: Ioannis Cantacuzeni Historiarum Libri IV, vol. 2. Bonnae, 1831, p. 107, 217.

Воздай семикратно соседям нашим
В утробу их хулу их,
Которой, на тебя злословя,
Бранятся они, владыко.
Защити этот город твой
И всех вообще носящих имя Христово,
Ради себя и чтимой крови
Единородного сына твоего,
Что за нас, недостойных,
Он человеколюбиво излил.

Верных же наших царей облеки
Для врагов непобедимой силой,
Прореки им в сердце хранить мир взаимный
Ради них самих,
Ради церкви твоей,
Ради твоих всех людей,
Сокрушенных, как видишь, напастями,
Удрученных отовсюду несчастьями,
Да оставшееся нам для житья
Время краткое
Поживем мирно и немятежно,
Как если бы мы
От смертоносной этой и гнусной скверны
И раздора неподобающего
Очистили души сосуды. . .[2]

В 1351 г. Гераклею Фракийскую, митрополию Филофея, захватил и разгромил отряд генуэзцев. Филофей, бывший в то время в Константинополе, принял действенные меры для выкупа и возвращения на родину проданных в рабство гераклеотов, описал эту трагедию в «Историческом слове о совершенном латинянами разорении и пленении Гераклеи в царствование благочестивых императоров Кантакузина и Палеолога» и сочинил экспромтом молитву «О избавлении пленных», которая неоднократно переводилась на славянский и надолго пережила и ее автора, и его страну.[3]

В этой молитве Филофей просил Богородицу отогнать от душ благочестивых императоров «злобный облак». Но этого не случилось. Подросший и чувствовавший себя ущемленным Иоанн V

---

[2] По-гречески эта молитва напечатана: Goar. Εὐχολόγιον, sive rituale Graecorum. . . Paris, 1647, p. 651—652; Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. 2. Εὐχολόγια. Киев, 1901, с. 290; содержится в греческой рукописи XIV в. ГИМ, Синод. гр., № 431 (349), л. 32 об.—33 об. Она была переведена на славянский и в русских рукописях встречается начиная уже с конца XIV в., например в рукописи из библиотеки Троице-Сергиевой лавры: ГБЛ, ф. 304, № 253, л. 242 об. — 243 об. См.: Прохоров Г. М. К истории литургической поэзии. Гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 133, 147 (№ 3).

[3] См.: Прохоров Г. М. Филофей Коккин о пленении и освобождении гераклеотов. — ТОДРЛ, т. XXXIII (в печати).

Палеолог начал с Иоанном VI Кантакузином, своим тестем, открытую борьбу. Тогда Кантакузин решил сделать вместо Палеолога младшим соправителем своего сына Матфея. Этому плану, однако же, воспротивился патриарх Каллист; отказавшись короновать Матфея, он бежал из столицы к Иоанну V на о-в Тенедос. Вместо него на трон «вселенского» патриарха в Константинополе был возведен Филофей (1353).

Если Григорий Палама был самым ярким мыслителем эпохи, а патриарх Филофей Коккин — самым энергичным защитником и популяризатором его мыслей, то Иоанна Кантакузина можно назвать самым дальновидным политиком того времени. Правильно оценив размеры турецкой угрозы, он первый пытался организовать антитурецкий союз православных государств и первым из деятелей международного уровня обратил серьезное внимание на Московскую Русь. Он и определил ту политическую линию по отношению к Руси, которой последуют патриарх Филофей и митрополит Киприан. Суть этой политики состояла в ориентации не на тогдашнее дробное политическое состояние Руси, когда страна была поделена между мусульманами-татарами, языческой Литвой и католической Польшей, а на некое идеальное прошлое, когда Русь была едина. Разумеется, это была ориентация и на желанное будущее. Проявлялась она в церковной политике.

Противники Кантакузина во время гражданской войны выделили из анахронической митрополии «всея Руси» Галицкую митрополию, подчинив ей ряд епископий Малой Руси. В 1347 г., вскоре после воцарения в Константинополе, Кантакузин уничтожил эту митрополию, воссоединив ее с церковью Великой Руси, о чем и написал в ряде грамот на Русь князьям и митрополиту Феогносту.[4] В соответствии с установившимися со времен крещения Руси обычаем и законом, утверждал он, во всей Руси, Великой и Малой, должен быть один митрополит — «киевский, который рукополагал бы епископов на все святейшие епископии».

Заметим, что Киев, номинальный центр митрополии, находился под властью Литвы, контролировавшей наиболее значительную часть русской территории. «Киевские» же митрополиты с начала XIV в. проживали в Москве, а западную часть своей огромной епархии лишь посещали, если имели к тому возможность. Литовские князья стремились либо к возвращению митрополита в Киев, либо к разделу митрополии по политическому принципу. Кантакузин же повел политику на сохранение церковного единства Руси и звания «киевского» за московским митрополитом.

Патриарх Филофей решительно последовал этой промосковской политике Иоанна Кантакузина. В 1354 г. умер русский митрополит Феогност. И Филофей поставил присланного из Москвы кандидата в митрополиты Алексея («после надлежащего самого

---

[4] См.: РИБ, т. 6. СПб., 1880, Прил., № 3—6.

тщательного испытания в продолжение почти целого года») главой церкви всея Руси, обязав его не оставлять своим попечением западную часть митрополии и поддерживать постоянную связь с Константинополем.[5] Кроме того, он официально утвердил перенос кафедры «киевского» митрополита из Киева во Владимир.[6] Литовские князья тем самым теряли основание требовать возвращения митрополита из Москвы в Киев.

Перед исследователем этой эпохи, естественно, встает вопрос, «почему Византия держала сторону Москвы, а не Литовского великого княжества, в пределах которого находился не только сам Киев — традиционная кафедра митрополита, — но и наибольшая территория, а также, вероятно, и бо́льшая часть населения бывшей Киевской Руси. Возглавляемая литовской династией территория современной Белоруссии и Украины была в языковом и культурном отношениях „русским“ государством, независимым от Золотой Орды и претендующим с большими, казалось бы, основаниями, чем Москва, на возглавление всей Руси. Для достижения этой цели оно обладало и экономическими, и военными возможностями». Грекам же было «известно о готовности Ольгерда в случае получения поддержки из Константинополя принять византийское православие... Потому причины предпочтения, оказываемого Византией Москве, нелегко установить... Во всяком случае последовательно промосковской византийская политика была тогда, когда в Константинополе главенствовала партия исихастов и Кантакузина; нарушалась эта политика партией Палеологов. Таким образом, Кантакузину и его окружению Москва отчасти обязана тем, что она, а не Вильна, стала „Третьим Римом“».[7]

Предпочтение, отданное Кантакузином и Филофеем Москве, может объясняться, во-первых, тем, что Литва надолго была связана борьбой с немецкими рыцарями; во-вторых, хорошей осведомленностью византийских политиков о реальном потенциале Великой Руси и зреющем в этой стране возмущении татарским владычеством; и, в-третьих, самим географо-политическим положением Великой Руси: будучи восточным форпостом православия, Великая Русь значительно больше соприкасалась с мусульманским миром, чем Малая. Важнее было вдохновить на борьбу с иноверцами именно эту страну. Будь ставка сделана на Литву, Москва прочно вошла бы в орбиту татарской политики — и тогда всякая западнорусско-литовская попытка антимусульманской борьбы была бы немедленно парализована великорусскими силами.

Перу патриарха Филофея принадлежит большое число литургико-поэтических произведений, получивших распространение

[5] См.: там же, № 9.
[6] См.: там же, № 12.
[7] Мейендорф И. Ф. О византийском исихазме. ., с. 303—304.

в славянских странах, особенно на Руси. Едва ли не главная тема этих гимнов и молитв — объединение православноверующих, прекращение среди них «усобных браней», «усобиц злых», «убийств усобных», победа «верных князей» в «иноплеменных бранех» над «погаными», «безбожными», «лютыми» и «злыми» варварами, избавление людей от «брани и страха и работы тяжкыя».[8] Здесь ясно выражено то, о чем Филофей грезил, видя, как его страну захватывают турки.

В конце 1354 г. сложил корону и уступил всю полноту призрачной власти сопернику Иоанн Кантакузин. Следом за ним в начале 1355 г. вынужден был освободить свой престол и уйти на Афон Филофей. Вернувшиеся в Константинополь Иоанн V Палеолог и патриарх Каллист отступили было от линии своих предшественников в отношении к Москве и поставили в русские митрополиты кандидата Литвы Романа.[9] Но убедившись затем, что невозможно удовлетворить Ольгерда, не порывая с Москвой, они предпочли возвратиться фактически ко взглядам Кантакузина.[10]

Каллист умер от чумы летом 1363 г., во время путешествия в Сербию. Почти полтора года в Константинополе не было патриарха. Наконец Иоанн V согласился на возвращение Филофея, взяв с него обещание не преследовать антипаламитов. В октябре 1364 г. Филофей вновь стал патриархом. С помощью бывшего императора Иоанна VI, а теперь историка и богослова-публициста монаха Иоасафа ему удалось одержать важную внутриполитическую победу над окружением императора Иоанна V Палеолога, готового сделать уступку папе римскому в религиозном вопросе. Итог победы — отлучение от церкви «западника» Прохора Кидониса (брата Димитрия) и канонизация как святого Григория Паламы (1368). Другим важным результатом этой победы было то, что, когда Иоанн V подписывал в Риме символ унии (18 октября 1369 г.), с ним не было ни одного священника. Подданные императора остались на стороне экс-императора и патриарха.

Как отметил Дж. Мейендорф, свою власть византийские патриархи того времени — и Филофей в особенности — описывали, следуя теории «всеобщего руководства». «Если ее понимать буквально, — пишет исследователь, — эта теория предполагала, что константинопольский патриарх стал настоящим восточным папой, управляющим миром через своих наместников-епископов». И это свое влияние патриарх старался распространить не только на

---

8 См.: Прохоров Г. М. К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина, с. 120—149.

9 См.: Лихачев Н. П. Два митрополита. — В кн.: Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко. СПб., 1913; Meyendorff J. Alexis and Roman. A Study in Byzantino-Russian Relations (1352—1354). — Byzantinoslavica, 1967, t. 28.

10 См.: Meyendorff J. Alexis and Roman, p. 286.

греков, под чьей бы политической властью они ни находились, не только на балканских православных славян и румын, но, конечно, и на русских, причем не на один лишь клир русской церкви, но также и на князей.[11]

Во всяком случае Филофей и как личность, и как «вселенский» патриарх имел гораздо больше возможности успешно вести международную политику, чем император Иоанн V Палеолог.

В 1370 г., стараясь создать заслон католической пропаганде в Валахии, а также теснее связать ее церковь с Константинополем, Филофей учредил в западной части страны вторую валашскую митрополию во главе с преданным ему человеком (Даниилом Критопулосом, ставшим митрополитом Анфимом), ибо глава основанной ранее (1359) первой валашской митрополии (Иакинф) подчинялся больше своему князю, нежели патриарху.[12]

В 1375 г. усилия Филофея воссоединить православные народы вокруг своей кафедры увенчались крупным успехом: были восстановлены отношения с церквями Болгарии и Сербии, нарушенные при патриархе Каллисте «национальными» партиями этих стран. Связь вселенской патриархии с Сербией была прервана еще в 1352 г. — в период государственного и национального подъема Сербии при Стефане Душане, сопровождавшегося антигреческой деятельностью на присоединенных к Сербии византийских территориях (изгнание греческого духовенства и т. п.). Снятие отлучения, примирение и утверждение главы сербской церкви в звании патриарха состоялось в 1375 г. при посредничестве старца Исайи, игумена русского монастыря на Афоне.[13]

Нормальные отношения с болгарской церковью были восстановлены в том же 1375 г. при восшествии на тырновский патриарший престол исихаста Евфимия, знаменитого своей позднейшей литературно-реформаторской деятельностью. «Личность и деятельность последнего патриарха независимой Болгарии Евфимия Тырновского (1330—1400), — замечает И. Н. Голенищев-Кутузов, — во многом сходствует с личностью и деятельностью его русского современника Сергия Радонежского. Выходцы из боярских родов, оба в ранней юности покинули дом, чтобы предаться монашеским подвигам и „божественную сладость безмолвия вкусить“. Однако, несмотря на созерцательную сущность своей исихастской идеологии отрешенности от мира и его сует, эти деятели проявили себя прекрасными организаторами, энергичными и умными политиками. Всеми имевшимися в их распоряжении средствами они боролись за преодоление разобщенности своих

[11] Мейендорф И. Ф. О византийском исихазме. . ., с. 302—303.

[12] См.: Stanescu E. Byzance et les Pays Roumains aux IXe—XVe siècles. — XIVe Congrès International des études byzantines. Bucarest, 6—12 septembre 1971. Rapports, IV. Bucarest, 1971, p. 29—32.

[13] О нем см.: Мошин В. Житие старца Исайи, игумена Русского монастыря на Афоне. — В кн.: Сборник Русского археологического общества в королевстве Югославии. Белград, 1940, с. 125—167.

народов и их единство перед лицом турецкой и татаро-монгольской опасности».[14] Как человек, способный помешать пролатинской политике императора Иоанна V Палеолога, Евфимий подвергся заточению на о-ве Лемносе.

Многолетний раскол между болгарской и византийской церквами, предшествовавший патриаршеству Евфимия, был вызван временным торжеством в Болгарии антигреческой, «национальной» партии. П. Сырку, которому удалось «установить факт существования в Болгарии партий в XIV в. и по возможности указать на их отношения и влияния на социальную и политическую жизнь Болгарии, на ее внутреннюю и внешнюю политику»,[15] дал этим партиям характеристики, которые я здесь приведу, поскольку расстановка болгарских сил была типична и для других православных стран.

Главной целью национальной партии было «совершенное освобождение болгар от влияния византийцев на внутренние и внешние дела Болгарии и установление полной независимости последней от Византии. Ввиду этого приверженцы этой партии старались уничтожить все, что напоминало хотя бы о тени зависимости болгар от византийцев в каком бы то ни было отношении»;[16] «эта партия была очень сильна, влиятельна и многочисленна»,[17] «она составлялась из лиц духовных и светских», «между приверженцами этой партии были и люди сильные, быть может, по преимуществу терновцы с высоким положением в государстве и с сильным влиянием при дворе и вообще на общественные дела Болгарии».[18]

Противную национальной партию П. Сырку называет ортодоксальной, или греческой, но оговаривается, что «оба эти названия не вполне точно передают сущность предмета». К этой партии «принадлежали несомненно если не все, то значительная часть представителей созерцательной школы в Болгарии и вместе с тем некоторые боярские роды... Наконец, к этой партии следует... причислить истинно образованных людей или, выражаясь современными словами, все интеллигентное и передовое общество того времени».[19] Эти люди «одни ясно понимали, в каком опасном положении находятся не только византийцы, но и болгары, сербы и другие народы балканского полуострова ввиду неудержимого нашествия восточных варваров и что для отражения последних право-

---

[14] Голенищев-Кутузов И. Предренессансные процессы в культуре южных славян до турецкого завоевания и византийская традиция. — В кн.: Голенищев-Кутузов И. Славянские литературы. Статьи и исследования. М., 1973, с. 24.

[15] Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке, т. I, вып. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1898, с. 322.

[16] Там же, с. 332.

[17] Там же, с. 362.

[18] Там же, с. 332.

[19] Там же, с. 324.

славным народам нужно и даже необходимо жить в мире и дружбе и сплотиться воедино».[20] Однако главные сторонники этой политики вынуждены были своими противниками оставить в 50-х гг. Болгарию и укрыться в Византии. «Это были своего рода эмигранты, выражаясь нашим современным языком».[21] В их числе наряду с Феодосием и Евфимием Тырновскими мы находим и Киприана из столичного боярского рода Цамвлаков, будущего митрополита всея Руси и одного из авторов и героев Повести о Митяе.

В Византии Киприан был замечен и оценен Филофеем, возможно, еще в промежуток между двумя периодами патриаршества, когда он руководил афонской лаврой св. Афанасия. Став «ближним его монахом», Киприан сделался одним из доверенных помощников патриарха. «Желание иметь посредника в примирении с соседними славянскими самостоятельными церквами и пособника в продлении своего влияния на зависимую, но отдаленную митрополию русскую достаточно объясняет нам причину, по которой просвещенный и дальновидный Филофей приблизил к себе ученого инока, которого, как полагаем, наверное узнал и оценил еще на Афоне. Выбор Филофея удался вполне: в его вторичное управление константинопольскою церковью (1364—1376) он примирился с церквами сербскою и болгарскою и укрепил свое влияние на церковь русскую и достиг всего этого при содействии Киприяна».[22]

Ход развития церковных и политических дел на Руси не мог не вызывать беспокойства патриарха Филофея. Номинально митрополит всея Руси, Алексей практически оказался митрополитом только Великой Руси, да и то не всей, — митрополитом московским; Малая литовская Русь оставалась для него недоступной.[23] Попытка его проникнуть в юго-западные русские земли и в Киев,

---

[20] Там же, с. 325.

[21] Там же, с. 406.

[22] Леонид архим. Киприян до восшествия на московскую митрополию. — ЧОИДР, 1867, кн. 2. М., 1867, с. 26.

[23] Название частей Руси Великой и Малой впервые появляется около середины XIV в. в византийских документах. Вот что об этом пишет В. О. Ключевский: «Появление этих двух терминов было следствием переворотов, какие совершаются в XII—XIII вв. в размещении русского населения. Как известно, в то время русское население, сосредоточившееся в речной полосе Днепра—Волхова, отлило из области среднего Днепра в двух противоположных направлениях: на запад, в нынешние губернии Волынскую, Люблинскую, Седлецкую и Галицию, и на северо-восток — в область верхней Волги. Когда впоследствии Поднепровье стало вновь заселяться русью, возвращавшейся из названных областей, оно получило название Малой Руси. Русь верхневолжская стала тогда называться Великой Русью (к которой причислялась также старая область на левом берегу Днепра — Смоленская). Эти термины мы впервые встречаем в иноземных памятниках, именно в хрисовуле императора Иоанна Кантакузина и в его послании к русскому митрополиту Феогносту — оба акта 1347 года. . .» (Ключевский В. О. Соч., т. 6. Специальные курсы. М., 1959, с. 135—136: Терминология русской истории). О несколько более ранних случаях появления названия «Малая Русь» (в 30 гг. XIV в.) см.: Соловьев А. Великая, Малая и Белая Русь. — ВИ, 1947, № 7, с. 24—38.

предпринятая им в 1358 г.,[24] окончилась тем, что великий князь литовский Ольгерд «заключил его под стражу, отнял у него многоценную утварь, полонил его спутников, может быть и убил бы его, если бы он при содействии некоторых не ушел тайно и таким образом не избежал опасности».[25] В Москву он вернулся только в 1360 г.[26] Ольгерд решительно добивался церковной независимости своих православных подданных от Москвы и требовал от патриарха учреждения особой литовско-русской митрополии.[27] Он легко мог последовать примеру польского короля Казимира, который достиг в 1371 г. образования отдельной Галицкой митрополии, пригрозив патриарху Филофею перекрестить население недавно им приобретенной Галиции «в латинскую веру».[28] В письме к патриарху Филофею Ольгерд обвинял митрополита Алексея, а отчасти и самого патриарха в слишком тесной связи их деятельности с московской политикой: «По твоему благословению митрополит и доныне благословляет их на пролитие крови. И при отцах наших не бывало таких митрополитов, каков сей митрополит! — благословляет москвитян на пролитие крови, — и ни к нам не приходит, ни в Киев не наезжает. И кто поцелует крест ко мне и убежит к ним, митрополит снимает с него крестное целование. Бывает ли такое дело на свете, чтобы снимать крестное целование?!».[29]

Но не только западная Русь готова была отпасть от митрополии всея Руси: Ольгерд требовал «другого митрополита на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород»;[30] тверской великой князь Михаил Александрович, в политическую борьбу которого с московским великим князем Дмитрием Ивановичем также оказалась вовлеченной церковь, настаивал через своего посланника у патриарха на суде с митрополитом Алексеем.[31] Положение дел на Руси требовало особого внимания патриарха Филофея. К более активному вмешательству в русские дела должны были побуждать Филофея и его широкие объединительские, антимусульманские планы.

В 1372 г.[32] патриархом посланы были грамоты митрополиту Алексею, тверскому князю Михаилу и Ольгерду, полные убеждений покончить с конфликтом и примириться.[33] Кроме того, Филофей отправил на Русь «близкого своего человека» Иоанна Докиана с особым неофициальным не дошедшим до нас письмом.

[24] ПСРЛ, т. XVIII, с. 100.
[25] РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 167—168.
[26] ПСРЛ, т. XVIII, с. 100.
[27] См.: РИБ, т. 6, Прил., № 24.
[28] Там же, № 22, 23, 25.
[29] Там же, № 24, стб. 137—138.
[30] См.: там же, стб. 139—140.
[31] См.: там же, № 26, 27.
[32] Принимаю датировку Пл. Соколова. — Соколов Пл. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, с. 412, примеч. 1. Согласно РИБ (см. следующую сноску), — 1371 г.
[33] См.: РИБ, т. 6, Прил., № 28, 29.

Свою грамоту митрополиту Алексею патриарх завершил словами, которые и дают нам знать об этом письме: «О прочем наша мерность пространнее написала тебе со своим человеком Иоанном, и ты узнаешь об этом в точности».[34] Каких вопросов касалась эта «секретная инструкция», как назвал ее Пл. Соколов? По его мнению, речь могла идти только «о пособии патриархии со стороны русской митрополии».[35] Конечно, не исключено, что патриарх Филофей, если у него была нужда в деньгах, мог попросить помощи у Алексея. Однако примерно в это время в Византии была проведена секуляризация ряда монастырских имуществ,[36] и Филофей, старавшийся «контролировать от имени церкви имперскую политику»,[37] этому не воспротивился. Маловероятно, чтобы этот человек, политик европейского масштаба, мечтавший о крестовом походе православных народов против надвигавшихся на них мусульман,[38] за материальными интересами хотя бы на минуту упустил в международных отношениях свои главные цели.

Русским князьям Филофей, убеждая их повиноваться митрополиту, обещал наряду с загробным воздаянием «награду в нынешнем веке»: «усиление власти, долготу жизни, успех в делах, благоденствие, исполненное всяких благ...».[39] Главным препятствием как для возможности участия русских князей в освобождении Балкан от турок, так и на пути к их собственному княжескому «благоденствию, исполненному всяких благ», была зависимость их от татар и непрерывная междоусобная борьба, которую татары искусно подогревали. Объединенные церковью русские князья могли бы составить грозную для Орды силу, особенно теперь, когда татары сами не были едины.

Глава 3

«РОЗМИРИЕ С ТОТАРЫ И С МАМАЕМ»

На громадной территории Золотой Орды проживало множество разнородных этнических групп, самоназвания которых исчезли в общем имени татар. Настоящие монголы составляли среди них незначительное меньшинство. С распадом Монгольской империи

---

[34] Там же, № 28, стб. 159—160.

[35] Соколов Пл. Русский архиерей. . ., с. 415.

[36] Ostrogorsky G. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 161 (Corpus Brux. Hist. Byz., Subsidia 1).

[37] Meyendorff J. Introduction à l'étude. . ., p. 39.

[38] Ср.: Meyendorff J. Projets de concile oecuménique en 1367. Un dialogue inédite entre Jean Cantacuzène et le légat Paul. — DOP, 1960, № 14, p. 151.

[39] РИБ, т. 6, Прил., № 18, стб. 113—114.

на ряд самостоятельных государств (1262 г.) и с дальнейшим течением времени старые, домонгольские этнические образования проступали все сильней и сильней. Одной из таких склонных к обособлению земель была Половецкая степь. Немногочисленные монголы усвоили здесь язык завоеванного ими населения — половцев, «смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кипчаки».[1] Первую попытку обрести самостоятельность кипчаки-половцы сделали еще в конце XIII в. под главенством Ногая. Но с этим кризисом Золотая Орда справилась и в течение первой половины XIV в. существовала как единое и процветающее, уже мусульманское, государство. Однако в конце 50-х гг., после убийства хана Джанибека (1357 г.), там началась новая «замятня», междоусобица, в которой пресеклась линия правителей — потомков Чингисхана. В усобице принимало участие множество татарских князей, но наибольшую из всех силу постепенно приобрел в Половецкой степи темник Мамай.

Зависимость Руси от татар ослабела, однако попыток освободиться от нее совершенно русские князья не делали. Еще в 1370 и 1371 г. тверской князь Михаил, борясь с московским князем Дмитрием за великое княжение Владимирское, дважды ходил к татарам сам, а затем послал в Орду своего сына Ивана.[2] В том же 1371 г. посещал Мамая великий князь Дмитрий Иванович и «многы дары и великы посулы подавал Мамаю и царицам и князем, чтобы княжениа не отняли; они же, — пишет летописец, — диавольским научением за умножение грех ради наших безбожною своею лестию ввергли мечь и огнь в Русскую землю на крестьянскую погибель. И тако створили мятежь в Русской земли и велику погибель христианом. . .».[3] В следующем, 1372 г. московский князь «послал в Орду киличеев со многым сребром, выпосулил князя Ивашка, сына князя великаго Михаила Александровича (тверского, — *Г. П.*), и приведоша и на Москву его. . . и нача его держати в ыстоме».[4] Патриаршии призывы к русским князьям о мире и единении желанного эффекта пока не имели.

Полагаю уместным отметить здесь, что основными источниками для нижеследующего аналитического изложения событий послужат, во-первых, два соборных определения Константинопольской патриархии: одно, июня 1380 г.,[5] резко враждебное Киприану, другое, февраля 1389 г.,[6] столь же резко прокиприановское; ниже на этих документах и обстоятельствах их возникно-

---

[1] См.: Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1. СПб., 1884, с. 235.
[2] См.: ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 95—96.
[3] Там же, стб. 96.
[4] Там же, стб. 104.
[5] РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 165—184.
[6] Там же, № 33, стб. 193—228.

вения мы остановимся специально. Во-вторых, мы будем черпать сведения преимущественно из Рогожского летописца,[7] где содержится первая, самая ранняя редакция Повести о Митяе, — источника для истории центральной Руси XIV в. (особенно в части до 1375 г.) едва ли не самого авторитетного.[8] Итак, продолжаю.

«Когда патриарх увидел, что грамоты ничуть не помогают», он отправил на Русь второго «своего монаха», уже знакомого нам болгарского эмигранта Киприана, «человека, отличающегося добродетелью и благочестием, способного хорошо воспользоваться обстоятельствами и разумно устроить дела (или: и направлять дела в нужное русло — κατὰ λόγον οἰκονομεῖν ὑποθέσεις)». Официальной задачей Киприана было «примирить князей между собою и с митрополитом».[9]

Я цитирую здесь документ, написанный после этого спустя более чем пятнадцать лет, в 1389 г. В официальных грамотах 70-х гг. патриарха к митрополиту Алексею о Киприане не сказано ни слова. Можно думать, что именно о Киприане и его задачах говорила «секретная инструкция», переданная митрополиту Иоанном Докианом.

Точно время, когда был послан Киприан, нам не известно, но приблизительно его можно рассчитать. С митрополитом Алексеем Киприан покинул Тверь весной 1374 г.[10] Перед этим он какое-то время был на Руси и какое-то время до этого жил в Литве — достаточно долго, чтобы склонить к миру с митрополитом настроенных резко против него тамошних князей. Для успеха в этом деле мало было одного его появления в Литве, нужен был какой-то более или менее продолжительный срок, чтобы даже обладающий сильным характером и «способный хорошо воспользоваться обстоятельствами» человек смог «разумно устроить дела», направив их в нужное русло. Возможно, что в Литву Киприан прибыл в первой половине 1373 или во второй 1372 г., если не раньше.

В языческой Литве — в соответствии с ее положением между католическим и православным мирами и борьбой на оба фронта — действовали противоречивые по отношению к Руси тенденции. Политическое соперничество с Москвой отталкивало от нее Литву. Но многочисленное подвластное Литве русское православное население роднило ее с Русью, как и династические связи литовских князей с князьями Великой Руси. В сравнении с инородным, иноверным и иноцерковным окружением малорусско-литовское и великорусские княжества мало чем отличались друг от друга и совокупно являли единую, хотя и политически рас-

---

7 Кроме издания, указанного в сноске 3 на с. 4, существует фототипическое воспроизведение: М., 1965.

8 См.: Прохоров Г. М. Избыточные материалы Рогожского летописца. — Вспомогательные исторические дисциплины, 1976, т. 8, с. 185—203.

9 РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 199.

10 ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 105.

члененную страну.[11] Не удивительно, что защиту от натиска крестоносцев великий князь Ольгерд понимал как свое общее с москвитянами дело: «...мы за них воюем с немцами».[12]

В миссии Киприана был какой-то оттенок секретности: «прежде всего удалил он от себя посланного с ним отсюда (из Константинополя, — *Г. П.*) сотрудника... потом сближается с литовским князем и со всеми его [советниками], вступает с ними в столь тесный союз, что они стали смотреть на него, как на второго Романа» [13] — последнего митрополита литовского (1355—1362 гг.), противника и конкурента митрополита Алексея. Как понимать слово «союз», процитированное во враждебном Киприану акте 1380 г.? Сам Киприан в 1378 г. напишет Сергию Радонежскому и его племяннику Феодору Симоновскому: «Ни доканчивал есмь (т. е. не заключал договора, союза, — *Г. П.*) с ким, иному добра хотети боле его (т. е. больше, чем московскому князю Дмитрию, — *Г. П.*) ни делом, ни словом, ни помыслом».[14]

Киприану можно поверить в том смысле, что он не заключал с литовцами антимосковского «союза», ибо в литовско-русских отношениях тех лет заметна тенденция к нормализации. В 1371 г. Ольгерд после нескольких месяцев перемирия заключил с великим князем Дмитрием Ивановичем «вечный мир» и выдал свою дочь замуж за его двоюродного брата, серпуховского князя Владимира Андреевича.[15] Правда, уже на следующий год «вечный мир» был нарушен: Ольгерд пришел с ратью на помощь тверскому князю против московского; но до боя дело не дошло — войска разделил овраг, и здесь же, у Любутска, мир был восстановлен.[16] Взаимоотношения Московского и Литовского княжеств продолжали находиться в зависимости от отношений Москвы и Твери. Чтобы укрепить мир между Москвой и Литвой, следовало утишить вражду московского и тверского великих князей, боровшихся за Владимирское великое княжение, которое давало достигшему его князю положение главного на Руси.

Литовские князья, согласно прокиприановскому соборному определению 1389 г., на этот раз удивительно легко «оказали полное повиновение патриарху, охотно приняли его советы и немедленно отправили его послов к митрополиту, обещая прекратить прежние соблазны и все происходившие между ними распри и раздоры, держаться его как своего митрополита и воздавать ему

---

[11] Ср.: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975, с. 24—25.

[12] РИБ, т. 6, Прил., № 24, стб. 139—140.

[13] Там же, № 30, стб. 163—170.

[14] Послание Киприана II см. наст. изд., с. 199.

[15] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 95—99. — Текст договора 1371 г. о ненападении Ольгерда, Кейстута и смоленского князя Святослава с великим князем Дмитрием Ивановичем и князем Владимиром Андреевичем см.: Пещак М. М. Грамоты XIV ст. Київ, 1974, с. 46—49.

[16] См.: ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 103; т. XV. СПб., 1863, стб. 433.

всяческое расположение, послушание и любовь; с тем вместе они изрекают на себя страшные клятвы, если сделают что-либо другое, оскорбительное для его чести, и не будут во всем исполнять его воли».[17] Так это или не так, но именно этого Киприан, очевидно, добивался. Из Литвы он действительно отправился на Русь. Когда и куда именно, мы не знаем. Летописец впервые упоминает о Киприане в связи с пребыванием митрополита Алексея в Твери, но это, разумеется, не уверяет нас в том, что Киприан приехал из Литвы прямо в Тверь, хотя это и возможно.

К лету 1373 г. относятся первые признаки готовности Москвы пойти на военный конфликт с Мамаем. В это лето «приидоша татарове ратию от Мамая на Рязань на Олга князя, грады пожгоша, а людии многое множество плениша и побиша, и сътворше много зла христианом и поидоша въсвояси. Князь великии Дмитрии Московьскый, собрав всю силу княжениа великаго, о то время стоял у Оки»,[18] у южной границы своих владений.

Зимою 1373/74 г. совершилось почти невероятное: «створишеться мир князю великому Михаилу Александровичю (тверскому, — *Г. П.*) с князем с великим с Дмитрием с Ывановичем, и сына его князя Ивана с любовию князь великии Дмитрии отъпустил с Москвы в Тферь. А князь великии Михаило Александрович со княжениа с великаго (Владимирского, спорного, — *Г. П.*) наместникы свои свел».[19] По требованию патриарха митрополит Алексей снял с великого князя Михаила Александровича наложенное им прежде отлучение, и тверской князь, как и литовские, с Алексеем примирился.

Нормализация отношений Москвы с Тверью устраняла причину неоднократных конфликтов Литвы с Москвой. Одновременно достигалось нечто еще более значительное: образовывалась система княжеств, связанных миром, союзом и единым митрополитом. Основу конфедерации, к которой присоединились Литва и Тверь, составляли Московское княжество (глава которого, владея великим княжением Владимирским, был ведущим) и Нижегородское. С 1365 г. «Нижегородское великое княжество не стоит рядом с великим княжеством Владимирским и всея Руси, а входит в состав политической системы, во главе которой великий князь Дмитрий Иванович. К сожалению, среди наших источников нет его договоров с нижегородским великим князем, но фактические их отношения, насколько они нам известны, дают картину политического единения и подчиненного одиначества великого князя нижегородского с великим князем всея Руси».[20] Кажется, к образующейся политической системе примкнул и Новгород Великий: догадываться об этом позволяет длительный визит вес-

---

[17] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 199—200.
[18] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 104.
[19] Там же, стб. 105.
[20] Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XIV столетий. Пг., 1920, с. 270—271.

ной 1373 г. в Новгород князя Владимира Андреевича,[21] двоюродного брата Дмитрия Ивановича и Ольгердова зятя. Урегулирование внутрирусских отношений летописец прокомментировал следующим образом: «и бышеть тишина и от уз разрешение христианом, и радостию възрадовалися, а врази их облекошася в студ».[22]

Что же известно о первом визите Киприана в северо-восточную Русь? В конце зимы 1374 г., в великий пост, митрополит Алексей, поставив «епископом Суждалю и Новугороду Нижнему и Городцю» (т. е. во владения нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича) «архимандрита Печерьскаго монастыря именем Дионисиа» (одного из энергичнейших героев Повести о Митяе), поехал из Москвы в Тверь. 9 марта он и «граду Тфери» поставил нового епископа, Евфимия, а совершив это дело, «поехал с послом с патриаршим в Переяславль с Киприаном».[23]

Что было важно сообщить летописцу: что митрополит поехал с Киприаном (тогда мы можем думать, что они встретились в Твери) или же что митрополит с патриаршим послом (с которым он виделся и раньше) теперь поехал в Переяславль? Известно, что в этот свой приезд Киприан познакомился с игуменами Сергием Радонежским и его племянником Феодором Симоновским, так как потом между ними возникает переписка как между знакомыми. Где произошло это знакомство: в Москве, в Троице-Сергиевом монастыре или в Переяславле? Ни где, ни когда, ни о самом этом факте летописец ничего нам не говорит; он вообще не пишет специально о Киприане, как вообще не пишет, если исключить вставные произведения в летописи, об отдельных людях: он пишет о событиях — и далеко не обо всех, а лишь о тех, которые ему показались важными «с точки зрения вечности». Киприан мог ездить и в Москву, и в Нижний Новгород, и по монастырям, и в Тверь, и куда угодно, — летописца это не касалось: он записывал лишь то, что было для него значительным. Поездка митрополита с Киприаном в Переяславль почему-то обрела в его глазах значительность. Переяславль Залесский — город великого князя Дмитрия Ивановича, где он жил с семьей, если не жил в Москве. Прибытие туда митрополита всея Руси с представителем патриархии могло стать важным событием в силу важности его последствий.

Хронологически следующая запись в летописи: «А князю великому Дмитрию Московьскому бышеть розмирие с тотары и с Мамаем».[24]

В «розмирие» с татарами вступила не только Москва (центр), но и Нижний Новгород, и Литва (крайние на восток и запад

---

21 ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 104; т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, с. 300

22 ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 105.

23 Там же.

24 Там же, стб. 106.

фланги княжеской коалиции). Осенью этого года («въсенине») Литва предприняла поход на татар: «ходили Литва на татарове, на Темеря, и бышеть межи их бой»; и «того же лета новгородци Нижьняго Новагорода побиша послов Мамаевых, а с ними татар с тысящу, а стареишину их именем Сарайку рукама яша и приведоша их в Новъгород Нижнии и с его дружиною».[25]

Сплотить родственные по населению и культуре, но разъединяемые политической борьбой княжества не могли бы, конечно, никакая дипломатия, никакие напоминания князьям о благочестии и обещания вечных благ, ни даже добрая воля отдельных — пусть могущественных или влиятельных — лиц. Это могла сделать только общая, всенародная борьба с общим врагом. «И въскипе земля Руская в дне княжениа его, яко преже обетованная Израилю», — сказано в Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича.[26] Это — ценное свидетельство об общенародном подъеме и движении, без которого безрезультатны были бы усилия политиков. Население едва ли не опережало антитатарские решения местного начальства: татарскую тысячу побили и частью захватили в плен не княжеские ратники, а «новгородци Нижьняго Новагорода», горожане. Возглавляемая Сарайкой воинская часть, — по-видимому, «тысяча» — шла на Русь не воевать, но сопровождала посольство Мамая. Татары шли в вассальную Мамаю страну, и их задачи должны были быть дипломатическими и полицейско-надзирательскими. Как мы знаем, «в продолжение татарского владычества над Россиею баскаки, или татарские губернаторы, или воеводы держали при себе по нескольку сот человек татар, конных и вооруженных, для собственного сохранения и называли их козаками; понеже все они были бездомовые и содержалися на жалованьи».[27] Любопытно, что перебиты были в первую очередь «послы Мамаевы», потенциальные баскаки, «а с ними» погибла часть их охраны. Видимо, русским людям страшно было и подумать о возвращении татарских «губернаторов». Номинальное «розмирие» великорусских князей с Мамаем развязывало руки. Практически антитатарская освободительная борьба начиналась «снизу» и, как всегда в таких случаях, не вполне «рыцарственно». В случае ее успеха (а обстановка в Орде могла дать основания на него надеяться) Москва, глава этого движения, сразу стала бы непререкаемым центром всея Руси и в политическом, и в церковном отношениях, будучи местом обитания всероссийского митрополита и главой конфедерации русских и русско-литовских княжеств; и эти русско-литовские православные силы, объединенные в борьбе с мусульманами-татарами, могли бы

---

[25] Там же, непосредственно за сообщением о походе Литвы на татар.
[26] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 353.
[27] Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 4. СПб., 1799, с. 199.

быть обращены затем на Балканы против мусульман-турок для защиты единоверных болгар, греков и сербов.

Несомненно, что в момент «розмирия» отношение князей к русским монахам-исихастам было прекрасным: все «великодержавнии» в это время к Сергию Радонежскому «велию веру от всеа душа стяжавше, понеже велику пользу и утешение духовно от него приемлюще».[28] Летом этого года по просьбе серпуховского князя Владимира Андреевича Сергий основывает в его стольном граде монашеское общежитие «на Высоком», куда игуменом ставит своего ученика Афанасия, — «бяше бо князь любяй монастыри и честь велику въздая мнишьскому чину».[29] Поздней осенью того же 1374 г. Сергий Радонежский крестит у князя Дмитрия Ивановича сына Юрия, родившегося 26 ноября в Переславле Залесском.

Эти события — рождение и крестины Юрия Дмитриевича — послужили поводом для съезда в Переяславле русских князей. «И ту бяше князь великии Дмитрий Костянтинович Суждальскыи, тесть князя великаго, и с своею братиею и со княгинею и с детми, и с бояры, и с слугами; и беаше съезд велик в Переяславли; отъвсюду съехашася князи и бояре; и бысть радость велика в граде в Переяславле, и радовахуся о рожении отрочати».[30] «Съезд» длился по меньшей мере четыре месяца, — после известия, датированного 31 марта 1375 г., в летописи сказано: «А в то время быша князи на съезде» [31] (если, конечно, они не съехались вновь).

31-го же марта 1375 г. произошло следующее. Князь Василий Дмитриевич, один из сыновей великого князя нижегородского Дмитрия Константиновича, послал в Нижний Новгород «воины своя и повеле Сарайку и его дружину розно развести».[32] В другой — правда, более поздней — летописи о том же сказано откровеннней: князь послал воинов «у б и т и Сарайку и дружину его».[33] По этому событию мы можем судить о содержании застольных разговоров князей и бояр.[34]

---

[28] Житие преп. Сергия Чудотворца. Сообщил архим. Леонид. СПб., 1885, с. 129 (далее: Житие Сергия).

[29] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 107.

[30] Там же, стб. 108.

[31] Там же, стб. 109.

[32] Там же, стб. 108.

[33] Типографская летопись. — ПСРЛ, т. XXIV, с. 130. (Все шрифтовые выделения в древних текстах здесь и далее принадлежат мне, — *Г. П.*).

[34] Пл. Соколов, основываясь на поздних летописях, ошибочно относит рождение Юрия Дмитриевича к 1373 г. и потому считает, что съезд в Переяславле состоялся п е р е д поставлением Дионисия и был занят вопросом «о восстановлении Нижегородской или Суздальской епархии» (Русский архиерей. . ., с. 420—421). Эта ошибка позволяет ему предположить, что в ответ на такую уступку со стороны Москвы Дмитрий Константинович Нижегородский дал согласие на назначение Митяя в митрополичьи наместники. Другое его необоснованное предположение — что Киприан, прибыв в Переяславль, будто бы «тут составляет против Митяя небольшую, но сильную партию из

Пленный Сарайка, «окаянный» и «поганый», вел себя геройски. «Уразумев», что с ним хотят сделать, он «не въсхоте того, по възбеже на владычень двор и с своею дружиною, и зажже двор и нача стреляти люди, и многи язви люди стрелами, а иных смерти преда, и въсхоте еще и владыку застрелити и пусти на нь стрелу. И пришед стрела и коснуся епископа перием токмо въскраи подола монатии его. Се же въсхоте окаанный и поганый того ради, дабы не один умерл; но бог заступи епископа... Сами же татарове ту вси избиени быша, и ни един от них не избысть».[35]

Случайно ли Сарайка выстрелил в духовное лицо, «въсхоте еще и владыку застрелити»? Конечно, на этот вопрос не смог бы уверенно ответить даже очевидец событий. Но за месяцы, проведенные под арестом на Руси, татарский военачальник имел, я думаю, возможность понять, кто, какие люди «благословляют» князей на роковое для него, Сарайки, «розмирие». О Дионисии Суздальском, в которого стрелял Сарайка, мы еще будем говорить.

Обращает на себя внимание тот факт, что в течение нескольких месяцев плененные нижегородцами татары не были разоружены. Ясно, что князья, в чье ведение поступили пленники, далеко не сразу решили их судьбу. С княжеской стороны в отличие от народной «розмирие» разворачивалось медленно. Что же могло повлиять на принятое 31 марта 1375 г. решение?

Глава 4

ПОБЕДА ТАТАРСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

На захват и избиение своего посольства Мамай ответил набегом на восточные русские земли: «приидоша татарове из Мамаевы Орды и взяша Кишь и огнем пожгоша... и Запиание все пограбиша и пусто сотвориша и людеи посекоша, а иных в полон поведоша».[1] Это был летучий набег, рейд, а не поход. Идти в бой против более или менее объединенной Руси и Литвы для Мамая, наверное, было бы гибельно. И еще прежде, чем даже послать отряд свой в набег, Мамай пустил в ход против княжеской коалиции издавна и с успехом применявшееся татарами

влиятельных при великом князе лиц, как-то: митрополита Алексея, Сергия Радонежского и Феодора Симоновского» (с. 438). Между тем в это время источники еще не знают Митяя. Но зато в это время начинается «розмирие», ускользнувшее от внимания исследователя.

[35] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 108—109.

[1] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 109.

средство — дипломатию — с целью внести рознь в ряды противника.

Ранней весной 1375 г. («о великом заговении», в 1375 г. это — 5 марта), пока князья совещались в Переяславле, из Москвы в Тверь к великому князю Михаилу Александровичу перебежали два человека: молодой аристократ норманского рода Иван Васильевич Вельяминов, сын умершего в минувшем году последнего московского тысяцкого,[2] и Некомат Сурожанин. Перебежали они «со многою лжею и льстивыми словесы», — пишет один летописец;[3] «на християньскую напасть», — комментирует другой и добавляет: «Се же писах того ради, понеже отътоле възгореся огнь».[4]

Вельяминовы принадлежали к высшей знати Москвы. Один брат Ивана Васильевича — Тимофей — был окольничим московского князя, другой — Николай — приходился Дмитрию Ивановичу свояком, будучи женат на дочери Дмитрия Константиновича Суздальского; оба они будут воеводами во время Куликовской битвы; их мать, вдова Василия Вельяминова, крестит последнего сына Дмитрия Донского.[5] Из-за ликвидации должности тысяцкого Иван Васильевич мог считать себя ущемленным.[6]

Некомат — личность несколько загадочная. Известно, что в центральнорусских землях он, как и Вельяминов, владел селами.[7] Из его прозвища следует, что он был связан с городом Сурожем (Сугдеей, Судаком) — итальянской торговой колонией в Крыму.

В 1365 г. Сурож перешел от венецианцев к генуэзцам. Над греко-православным и татарско-мусульманским населением города главенствовали католики-итальянцы. Генуэзцы к интересующему нас времени стали монополистами в черноморской торговле с Литвой, Ордой и Русью. На север из Аккермана (Белгород), Сурожа, Кафы (Феодосия) и Таны (Азов) везли византийские одежды, ткани, итальянское оружие, восточные драгоценности и пряности. На кораблях вывозили хлеб, рыбу, мед, воск, меха и рабов, главным образом рабов: «никакая другая торговля на Черном море в XIV—XV вв. не могла сравниться по важности с поставкой рабов в Египет».[8] Основным рынком сбыта вывозимых

---

[2] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 108.

[3] Московский свод конца XV в. — ПСРЛ, т. XXV, с. 190.

[4] Софийская 1 летопись. — ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 233.

[5] См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Изд. 2-е, кн. I, т. 3. СПб., [б. г.], стб. 978, 987.

[6] См.: там же, стб. 967; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XVI вв. М., 1960, с. 576—577.

[7] См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, с. 27.

[8] Verlinden Ch. La commerce en mer Noire des debuts de l'epoque byzantine au lendemain de la conquête de l'Egypte par les Ottomans (1517). — XIII Congrès International des sciences historique. Moscou, 16—23 août 1970. Moscou, 1970, p. 2.

с северных берегов Черного моря невольников — татар, черкесов, русских, греков — была Александрия, но продавались они и по всему средиземноморскому миру, как мусульманскому, так и христианскому.[9]

Генуэзцы проникали не только в Москву, но и значительно дальше на северо-восток, откуда вывозились меха. Так, из грамоты московского великого князя Дмитрия мы знаем, что он пожаловал (на западный феодальный манер) сбором податей и подводной повинностью на Печоре и в Перми некоего «фрязина» Ондрея.[10]

«Сурожанами» же на Руси называли «гостей», торговавших от Сурожа и через Сурож. По мнению специалиста, «московские сурожане определились еще в XIV в. как высшая группа городского купечества».[11] «В XIV в. чаще, чем прежде, — отмечает В. Г. Васильевский, — встречаются в русских летописях указания на пребывание купцов сурожских в русских пределах, преимущественно в Москве, но в то же время обнаруживается и тот факт, что название сурожан было усвоено и за русскими людьми, которые вели торговлю сурожскими, или, как после стали говорить, *суровскими* товарами, хотя бы они и ездили за ними в Крым сами. В 1356 г. прибыл в Москву из Орды татарин Ирынчей, а с ним гости сурожане. В 1375 г. удалился в Тверь сын тысяцкого Вельяминова, а вместе с ним сурожанин Некомат, судя по прозванию, грек, и во всяком случае ловкий интриган, хорошо знакомый с отношениями в Орде. . .».[12]

Отправляясь в 1380 г. в поход на Мамая, великий князь Дмитрий Иванович взял с собой, как известно, московских гостей-сурожан, «быть может, — думает А. А. Шахматов, — для возможных дипломатических поручений».[13] «Догадка А. А. Шахматова, — пишет В. Е. Сыроечковский, — представляется нам правдоподобной. Те или другие дипломатические переговоры или выступления могли понадобиться Москве в случае как победы, так и поражения. Расчет на помощь и посредничество в этом деле гостей-сурожан был вполне возможен. Мы знаем, что в аналогичной роли дипломата тверского князя выступал Некомат-сурожанин... столетием позже как московские, так и местные крымские купцы действительно выполнили роль посредников в уста-

---

[9] Ibid., p. 8—11; см. также: Ковалевский М. О русских и других православных рабах в Испании. — Юрид. вестн., 1886, № 2, с. 238—254.

[10] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук, т. 1. 1294—1598 гг. СПб., 1835, с. 3 (№ 6).

[11] Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.—Л., 1935, с. 35.

[12] Васильевский В. Г. Введение в Житие св. Стефана Сурожского. — В кн.: Труды В. Г. Васильевского, т. 3. Пг., 1915, с. CCII.

[13] Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». Отчет о 12-м присуждении премий митр. Макария. СПб., 1910, с. 175.

новлении сношений Москвы как с итальянскою Кафою, так и с Крымскою ордою. Но эта роль и в XIV в. могла быть выполнена тем легче, если бы среди москвичей-сурожан были выходцы из итальянских колоний Черноморья... У этих выходцев из Италии и итальянского Крыма мы находим знакомую нам черту близости купца и патриция-феодала, характерную для итальянских торговых городов позднего средневековья. Не будучи купцами в собственном смысле этого слова, городские патриции ссужали торговцев деньгами или товарами, предоставляли им корабли... Патриций нередко перерастал в купца, и купец переходил в ряды знати». В случае Некомата «гость перерастал в феодала».[14]

Кем же был по происхождению и вероисповеданию этот Некомат Сурожанин? Мы видели, что В. Г. Васильевский считал его, «судя по прозванию», греком. Но такого имени среди греческих православных имен нет.[15] Мусульманская его первооснова (ближайшее по звучанию имя — Нигмат), по мнению специалистов-тюркологов, исключается. Правдоподобней всего, что Некомат — искажение христианского имени Никомид или (в латинском варианте) Никомед, но искажение едва ли греческое, итальянское или русское. Более вероятно, на взгляд консультировавших меня тюркологов, влияние тюркско-татарской фонетики. Возможно, мы здесь имеем дело с христианином-несторианином. Степные азиатские несториане еще не были тогда истреблены Тимуром, и появление из пронизанной торговыми путями Золотой Орды предприимчивого богатого «гостя»-несторианина вполне возможно. Сами «торговые связи Москвы с итальянскими колониями, по всей вероятности, создались в XIV в. и были следствием ее золотоордынских связей».[16]

Даже если Некомат был не генуэзцем, а азиатом, корпоративно, как «Сурожанин», он был связан с крымскими итальянцами и должен был терпеть большие убытки при всяком обострении отношений Орды с Русью. «Розмирью», тем более сопровождавшемуся неконтролируемыми действиями населения, он, конечно, предпочел бы единую твердую власть хана-«царя» над всеми землями от Крыма до Новгорода.

Едва ли не в день прибытия перебежчиков в Тверь, 5 марта,[17]

---

[14] Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане, с. 26—28.

[15] См.: Сергий архиеп. Полный месяцеслов Востока, т. 2. Святой Восток. Владимир, 1901.

[16] Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане, с. 18.

[17] «. . . на Федорове неделе», — сказано в летописи (см. след. сноску). Федоров день — день Федора Тирона и перенесения мощей князя Федора, — который может иметься здесь в виду, 5 марта, был в 1375 г. не «неделей», воскресеньем, а понедельником (воскресеньем этот день был в следующем, 1376 г.). Если учесть, что и 6 марта празднуется Федор (один из 42 св. мучеников аморейских), то должно допустить, что «Федоровой неделей» названо в летописи не воскресенье (4 марта), а седмица 4—10 марта (1375 г.), на которой праздновали трех Федоров.

князь Михаил послал их в Орду к Мамаю, а сам «после их о средокрестии (т. е. в середине великого поста, 25 марта, — *Г. П.*) поехал в Литву».[18] Какие-то новости, принесенные Иваном Вельяминовым и Некоматом Сурожанином великому князю Михаилу Александровичу, подействовали на него так, что он тут же связался с татарами и обратился к Литве. Дальнейшие события показывают, что новостью этой было обещание Мамая дать ярлык на великое княжение Владимирское, которым владел тогда Дмитрий Иванович Московский, ему, тверскому князю Михаилу.

«Видя в Некомате-сурожанине одного из представителей... купечества, М. А. Дьяконов предполагал, что помощь Некомата тверскому князю в деле добычи ярлыка в Орде заключалась в финансировании этого дела.[19] Текст летописи, — пишет В. Е. Сыроечковский, — не дает повода к такому предположению. С одинаковым правом мы можем допустить, что Некомат мог оказать помощь тверскому князю в силу того знания Орды и ее отношений, какое могло быть присуще купцам-сурожанам в силу их постоянных связей с Ордой».[20] Но ясно, что без боя московский князь Владимирского княжения не уступил бы. Стало быть, Некомат, прибыв в Тверь, должен был от имени Мамая обещать тверскому князю наряду с ярлыком и военную поддержку татар. Для того именно Михаил и поспешил в Литву, чтобы заручиться также помощью своего затя Ольгерда. Некомат, конечно, выполнял дипломатические функции, только русского ли князя?

Мамай, как видим, рассчитал верно: ярлык на Владимирское княжение, уже в течение шестидесяти лет спорный между Москвой и Тверью, мог заставить тверского князя не только нарушить все союзнические договоры с московским князем, но и пойти на восстановление собственной зависимости от татар.

31 марта, когда был отдан приказ «розно развести» пленников-татар, князья-союзники, возможно, уже знали об образующихся между Ордой, Тверью и Литвой связях. Какой же выбор вставал в таком случае перед московским князем? Тоже поскорей признать свою зависимость от татар и попытаться «перекупить» у Мамая ярлык на Владимир? Или идти в начавшемся «розмирии» последовательно до конца? Но теперь дело осложнялось изменой Твери: за спиной оказывался союзник татар. Отражал ли приказ молодого нижегородско-суздальского княжича решение старших князей или же он распорядился относительно татар на собственный страх и риск, мы не знаем. Возможно ведь и то, что действия перебежчиков и тверского князя сохранялись

---

[18] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 109.

[19] Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 3-е. СПб., 1910, с. 309.

[20] Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане, с. 35—36.

до поры до времени в тайне. Во всяком случае избиение пленных могло привести лишь к одному — к углублению разрыва с Ордой. Не исключено, что судьбу Сарайки решили просто те же настроения нижегородцев, что побудили их прежде к нападению на послов Мамая. Но здесь мог проявиться и расчет ускорить события, спровоцировать настоящую войну, не дожидаясь, пока союз князей развалится от бездеятельной медлительности.

Но война с татарами тут же не вспыхнула. Князья по-прежнему медлили. А Мамай ограничился летучим набегом на Кишь и Запьянье. Инициатива все равно была уже в его руках. Ему разумней было дождаться результатов деятельности Ивана Васильевича Вельяминова и Некомата Сурожанина — окончательного распада русской княжеской конфедерации.

13 июля вернулся из Орды в Тверь Некомат Сурожанин, но не с Иваном Васильевичем, как ушел (Вельяминов остался, судя по дальнейшим событиям, в Орде), а с татарином Ачихожею, послом Мамая, «ко князю к великому к Михаилу с ярлыки на великое княжение и, — добавляет летописец, — на великую погыбель христианьскую граду Тфери».[21] Князь Михаил чуть раньше Некомата возвратился из Литвы. Дальше события развивались очень быстро. Великий князь Михаил Александрович «има веру льсти бесерменьской»: «ни мало не пождав, того дни (13 июля, — *Г. П.*) послал на Москву ко князю к великому Дмитрию Ивановичю, целование крестное сложил, а наместники послал в Торжек и на Углече поле ратию»,[22] т. е. начал против Москвы войну за номинально переданное ему Мамаем великое княжение Владимирское.

Войну начала Тверь, но лучше подготовленной к войне, как и следовало ожидать, оказалась Москва. Уже 29 июля[23] князь Дмитрий Иванович во главе объединенных русских сил («собрав всю силу русских городов и с всеми князми русскими совокупяси») миновал Волок Ламский, направляясь к Твери. Под его знаменами шли нижегородско-суздальские, ростовские, ярославские, серпуховский, смоленский, белозерский, кашинский, можайский, стародубский, брянский, новосильский, оболенский, тарусский князья «и вси князи Русстии, кийждо с своими ратьми».[24] «Собравшаяся против Твери коалиция была весьма внушительна по своей численности и силе. Но еще внушительнее, — считает И. У. Будовниц, — был самый факт совместного выступления всех русских князей под руководством Москвы. Современникам был вполне ясен исторический смысл этого союза, всем острием направленного против самого опасного и смертельного врага

---

21 ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 109—110.
22 Там же, стб. 110.
23 См.: ПСРЛ, т. XXV, с. 190.
24 ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 110—111.

Руси — Золотой Орды».[25] Поразительная скорость (меньше двух недель) сбора и совместного выступления около двух десятков князей с войсками из всех концов Великой Руси вряд ли была бы возможна, если бы перед этим — скажем, на съезде в Переяславле — князья не были предупреждены о необходимости быть готовыми к выступлению в любой момент. Только выступить этим князьям пришлось не на юг, а на север. Удар объединенной мощью всей Русской земли по Половецкой степи, о котором мечтал некогда автор Слова о полку Игореве, антимусульманский крестовый поход, о котором мечтали теперь на Балканах, не состоялся. Татарская дипломатия победила. Вместо «иноплеменной рати» с «погаными» началась очередная «усобная брань».

На помощь московской коалиции против Твери пришли и новгородцы. Тверское княжество было разорено. Тверичи держались в осаде в течение августа: «а надеялися помочи от Литвы и от татар; жда тоя помощи, много доспелося погыбели». И Ольгерд, и Мамай сделали каждый попытку помочь Михаилу Александровичу: татары «повоевали» восточно-русские волости, «а заставу Нижняго Новагорода побили»; «Ольгерд с литовьскою ратию повоевал Смоленскую волость, городки поимал и пожегл и люди посекл...».[26] Смоленский и нижегородские князья осаждали в то время Тверь. Но серьезной помощи Твери ни от Литвы, ни от татар не было; а враждебной «силы болши почало прибывати». И великий князь тверской Михаил Александрович, не выдержав, капитулировал; «и посылаше послы своя с покорением и с поклонениемь, и высла изнутри города тферьского владыку Еуфима и бояр своих нарочитых, теми съсылаяся с князем с великим Димитриемь Ивановичем, прося мира»;[27] «и умири их владыка Еуфимий».[28] 3 сентября 1375 г. войска разошлись от Твери.

Сдавшемуся тверскому князю московский предписывал теперь то, что от того требовалось и раньше: «А поидут на нас татарове или на тебе, битися нам и тобе с одиного всем противу их. Или мы поидем на них, и тобе с нами с одиного поити на них».[29]

Договор оговаривал неприкосновенность недвижимого имущества всех «бояр и слуг», перебежавших во время конфликта из Москвы в Тверь или обратно, за исключением двух человек — тех, от которых «огнь загореся» и началась «христианьская напасть»: Ивана Васильевича Вельяминова и Некомата Сурожа-

---

[25] Будовниц И. У. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV в. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, с. 79.
[26] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 112—113.
[27] Там же, стб. 112.
[28] Тверская летопись. — ПСРЛ, т. XV, стб. 435.
[29] Духовные и договорные грамоты..., с. 26 (№ 9).

нина. Их имущества были конфискованы московским великим князем: «А что Ивановы села Васильевича и Некоматовы, а в ты села тобе ся не въступати, — предписывал Дмитрий Иванович Михаилу Александровичу, — а им не надобе, те села мне».[30] «Им не надобе» — Иван Васильевич, как мы говорили, очевидно, остался в Орде, а Некомат Сурожанин успел, значит, уйти из Твери. С этими людьми мы еще встретимся в связи с историей Митяя и Пимена.

Измена тверского князя Михаила, не принеся ему, таким образом, никаких выгод, имела тот результат, что, во-первых, спасла Мамая, а во-вторых, опять оттолкнула друг от друга Москву и Литву, т. е. Великую Русь и Малую. В том же московско-тверском договоре 1375 г. зафиксировано отношение московского князя к Литве, чрезвычайно похожее на отношение к татарам: «А поидут на нас Литва, или на смолненского князя на великого, или на кого на нашю братью на князей, нам ся их боронити, а тобе с нами, всим с одиного. Или поидут на тобе, и нам тако же по тебе помогати, и боронитися всим с одиного».[31] Этот договор справедливо был охарактеризован А. Е. Пресняковым как «крупный шаг в деле территориально-политического самоопределения Великороссии, постепенно определявшей свой национально-политический состав»: «Накануне Куликовской битвы великому князю Дмитрию удалось порвать связи Твери с Литвою и Ордой, привести ее как часть великорусского политического целого к признанию своей великокняжеской власти».[32] «Отныне военные ресурсы Тверского княжества была повернуты против Золотой Орды и Литвы. . .».[33]

Тверской князь Михаил принужден был также этим же договором признать великое княжение Владимирское наследственным достоянием московского князя, а «это означало, что оно перестает быть объектом пожалования золотоордынских ханов, что последние лишаются верного средства вносить сумятицу и путаницу в политические отношения Руси, в кровавых раздорах за великое княжение сталкивать лбами русских князей, вымогать у них дополнительные дани, искусственно дробить и ослаблять русские земли».[34]

Летописание тоже было зеркалом и средством интеграции Великороссии. Благодаря выписке Н. М. Карамзина из статьи 6900 (1392) г. сгоревшей затем Троицкой летописи мы знаем о существовании в те времена московского летописца под назва-

---

[30] Там же, с. 27.

[31] Там же.

[32] Пресняков А. Е. Образование великорусского государства, с. 306, 323.

[33] Будовниц И. У. Отражение политической борьбы Москвы и Твери. . ., с. 102.

[34] Там же, с. 103.

нием «Летописец Великий Русский».[35] Проанализировав все, что можно извлечь из отсылки к нему Троицкой летописи, я пришел к выводу, что наиболее прочно название «Летописец Великий Русский» связывается именно с Рогожским летописцем, — что в Рогожском летописце сохраняется узнаваемое его отражение.[36] Любопытно, что на 6883 (1375) г. в Рогожском летописце, а также в родственной ему Симеоновской летописи надолго обрывается цепь тверских известий. В этом факте резонно видят свидетельство перерыва в тверском летописании, вызванного разгромом Твери в 1375 г. Дмитрием Московским.[37] Включение же тверской доведенной до 1375 г. летописи в состав московского летописца говорит, на мой взгляд, о том, что после капитуляции предательницы-Твери ее «память», ее историю, ее летописный свод в качестве трофея увезли в Москву. И как сама Тверь насильно была включена в состав Великороссии, так ее летопись была влита в «Летописец Великий Русский», созданный несомненно под прямым влиянием московского князя, главы новой политической системы. Необычное название летописца (обычно — просто «Русский» или «Летописец Русския земли») понимать надо, я думаю, как «Летописец Великорусский».

«Прото-национальное» великорусское самосознание (объем и различные аспекты которого еще надлежит исследовать), явившись на свет, сразу заявило о себе и в политических акциях, и в деловой письменности, и в летописании. Политическое бытие полно превратностей, договоры нарушаются и теряют силу, литературные же средства — едва ли не самые надежные для континуации, сохранения и поддержания самосознания.

Для всея Руси, для России в целом, начавшееся самоопределение и самоопределение Великороссии было дифференциацией, дроблением на части. «Внешний», политический раздел Руси состоялся прежде. Но в плане общественного сознания, особенно церковно-вероисповедного, Русь была еще — отчасти по инерции, отчасти вследствие сознательных усилий ряда лиц — в какой-то мере единой. В 1375 г. между Великой Русью и Малой углубилась «внутренняя», «умопостигаемая» трещина. Из нарождающихся тенденций великорусского этнического самосознания (и самоотграничения) и составится та политическая и отчасти церковная сила, столкновение которой с «православно-возрожденческим», идущим с Балкан общественным движением создаст основу для конфликта Повести о Митяе.

---

[35] См.: Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 5, Примечания, с. 57: примеч. 148.

[36] Прохоров Г. М. «Лѣтописец Великий Русьский». Анализ его упоминания в Троицкой летописи. — В кн.: Летописи и хроники. 1976. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976, с. 67—77.

[37] См.: Будовниц И. У. Отражение политической борьбы Москвы и Твери. . ., с. 79.

Глава 5

ДВА НАСЛЕДНИКА МИТРОПОЛИТА АЛЕКСЕЯ

Киприан, судя по всему, находился опять в Литве, когда туда приезжал князь Михаил, когда вспыхнула тверская война и когда литовское войско совершило нападение на Смоленское княжество. Конфедерация князей «всея Руси», а вместе с ней и митрополия, рушились у него на глазах. Предотвратить этот распад он был не в силах. Что оставалось ему делать? Побудить патриарха отлучить от церкви литовско-русских князей-христиан? Но это поставило бы под угрозу само православие в Литве. «Человек, отличающийся добродетелью и благочестием, способный хорошо воспользоваться обстоятельствами и разумно устроить дела», Киприан постарался сохранить доверие к себе литовских князей. Он преуспел в этом настолько, что именно его они пожелали видеть своим духовным главой. От их имени он написал и доставил в Константинополь грамоту с требованием раздела митрополии: «И вот шлется от них грамота с просьбою поставить его в митрополиты и с угрозою, что если он не будет поставлен, то они возьмут другого от латинской церкви, — грамота, которой он сам был не только составителем, но и подателем».[1] «Это, говорили они, мы делаем последний опыт, и если не достигнем цели, то готовы перейти к другой церкви, которая давно отступила от правых догматов и сделалась чуждою православной христианской церкви».[2] Так писать о римском католичестве мог, конечно, только Киприан, а не люди, которые действительно готовы были в него перейти.

Легко представить себе, что литовцы возобновили против митрополита Алексея старые обвинения, а именно, что он пренебрегает западной половиной своей епархии, не посещает Малую Русь и слишком тесно связан с московским правящим домом.

Нет никаких сведений о том, чтобы литовские князья требовали прибытия к ним митрополита Алексея в период мира между Москвой и Литвой. Они как будто обещали «прекратить прежние соблазны и все происходившие между ними распри и раздоры, держаться его как своего митрополита и воздавать ему всяческое расположение, послушание и любовь» и клялись «во всем исполнять его волю» без всяких условий.[3] Документ, из которого мы это узнаем, повествуя о другом случае, имевшем место ранее, до 1373 г., говорит, что литовские князья, вняв патриаршим «увещаниям и наставлениям, изъявили готовность принять митрополита, *если он пожелает прийти к ним*».[4]

---

[1] РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 171—172.
[2] Там же, № 33, стб. 201—204.
[3] Там же, стб. 199—202.
[4] Там же, стб. 197—198.

Та́к что, если бы такое же условие было поставлено литовцами в 1373—1374 гг., автор документа, вообще склонный обвинять митрополита в пренебрежении к Литве и подчеркивать хорошее к нему отношение литовских князей, не преминул бы сказать о их просьбе-условии и здесь. Но он ничего об этом не говорит. Потому невозможно согласиться с категоричным утверждением Пл. Соколова, что «митрополиту же Алексею Киприан привез строгий приказ патриарха Филофея отправиться в Литву...».[5]

Правда, оставались в силе старые увещевания патриарха Филофея Алексею не оставлять Литву «без пастырского руководства, без отеческого надзора и наставления».[6] Но я полагаю, что во время «розмирья» с татарами ни патриарх Филофей не требовал, ни литовцы не ожидали прибытия Алексея в Малую Русь. Напротив того, у нас есть свидетельство, что Киприан уговаривал митрополита Алексея в этот период спокойно «оставаться дома и не ожидать себе никакой неприятности, так как он (Киприан, — *Г. П.*) взял на себя всю заботу о нем».[7] Тот же Пл. Соколов оказался вынужденным признать, что «во всяком случае можно сказать наверное, что если Киприан действительно убеждал митрополита посетить Киев, как то предписывал в своих грамотах патриарх, то митрополит Алексей, наверное, не отказал сделать это. Ибо Киприан вошел в полнейшее доверие к митрополиту Алексею, который считал его своим лучшим другом, вполне подчинялся его указаниям...».[8] Мне представляется, Киприан в 1374 г. ставил перед митрополитом Алексеем другую задачу — оставаясь в Великой Руси, контролировать отношения ее князей, в то время как сам Киприан должен был умиротворить князей западнорусских, у которых он пользовался большим авторитетом, чем митрополит. Но оба они оказались бессильны перед татарской дипломатией.

Мамаю легко удалось найти щель в общерусской политической мозаике. Ни митрополит Алексей, ни новопоставленный в Тверь епископ Евфимий не смогли предотвратить измену тверского князя; и тщетны были бы в тот момент попытки остановить дальнейший распад конфедерации — удерживать Литву в митрополии всея Руси. Единственное, что имело тогда смысл, это стараться сохранить Литву для православия.

А как московский князь Дмитрий Иванович, преданный Тверью и Литвой, должен был смотреть теперь на Киприана, этого патриаршего посредника между княжествами, оказавшегося теперь автором «ябеды (на митрополита Алексея, — *Г. П.*), наполненной множеством обвинительных пунктов»,[9] и сверх

---

5 Соколов Пл. Русский архиерей..., с. 436.
6 РИБ, т. 6, Прил., № 28, стб. 159—160.
7 Там же, № 30, стб. 171—172.
8 Соколов Пл. Русский архиерей..., с. 437.
9 РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 171—172.

того — литовским кандидатом в митрополиты? Князю естественно было заподозрить Киприана, — а может быть и самого патриарха — в двуличности.

Рогожский летописец, который, как я думаю, отражает московский «Летописец великий русский»,[10] содержит записи, выставляющие патриарха Филофея в поразительно невыгодном для него свете. Так, о возведении его в патриархи говорится в статье 6860 (1352—1353) г. как о возмутившем и людей, и природу беззаконии: «Того же лета бысть в Царегороде замятня: царя Ивана (Палеолога, — *Г. П.*) изгнаша из царства, а на царство седе тесть его, тысяцьскый отца его (Иоанн Кантакузин, — *Г. П.*), а царь Иван бежа в Селунь. И рече патриарх Калист к царю новому: „Не достоит ти быти царю и царствовати, — согнал еси царя". Он же не послуша его. Патриарх же Калист, помянув слово Спасово, иже рече к апостолом: „Иде же слово ваше приимут, ту пребывайте, а идеже не приимут, исходяще оттуду и прах от ног ваших оттрясете", — и въстав, препоясав чресла своя, и обув нозе свои в сандалиа, и взем жезл свой, и изыде из Царяграда пешь, оставив патриаршьство. И приидe в Солунь. Царь же новый иного постави на патриаршьство именем Филофиа, бывшаго епископа Ираклийскаго. И бысть трус велий в Цареграде: 100 и 50 полат пало и иных множьство двиглося, а по странам града из основаниа извергошася».[11] Ниже, в статье 6862 (1354—1355) г., без объяснения обстоятельств дела, без сообщения о возвращении на патриарший престол Каллиста сказано о поставлении в русские митрополиты Алексея и Романа как о неслыханном патриаршем правонарушении: «Того же лета мятежь сотворишется, чего то не бывало преже сего: в Царегороде от патриарха поставлени быша два митрополита на всю Русскую землю — Алексей да Роман. И бышет межи их нелюбие велико и к Тферьскому епископу послы к владыце Феодору от обою их из Царягорода, а священьскому чину тягость бяшет везде».[12] Еще ниже, в статье 6864 (1354—1355) г., в общий с Симеоновской летописью текст сделана вставка, свидетельствующая о подкупности патриархии (выделяю ее разрядкой): «Тое же осени Алекси митрополит всея Руси ходил в другие в Царьгород, да Роман преже его пришел... и тамо межи их бысть спор велик и грьцемь от них дары великы. И милостью Божиею и молитвами святыя Богородица тое же осени и море перешел и на Русь прииде».[13] И наконец, в начале статьи следующего года помещена запись, из которой явствует, что митрополия всея Руси была в Константинополе поделена между Алексеем и Романом: «В лето 6865 приде Алекси митрополит из Ца-

---

[10] См. выше, с. 38—39.
[11] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 61.
[12] Там же, стб. 63.
[13] Там же, стб. 64—65.

рягорода на Русьскую землю, а Роман на Литовскую и на Волыньскую».[14]

Относительно второго из приведенных сообщений, где говорится о посольствах в Тверь, Н. П. Лихачев замечает: «Связь митрополита Романа с Тверью дает объяснение всему известию, которое, как естественно предполагать, и записано в Твери». Тверское происхождение этих записей вполне вероятно, тем более что Роман был выходцем из Твери и его тамошние сторонники должны были быть очень недовольны патриархом Филофеем. Но, с другой стороны, уверенности, что эти записи непременно тверские, нет. Сам же Н. П. Лихачев пишет: «Что посланники Алексея побывали в Твери, это легко объясняется необходимостью противодействовать Роману там, где он имел сторонников. А для Романа во всей северной Руси только Тверь и могла быть оплотом».[15] Если посольство в Тверь было единственным посольством митрополитов из Царьграда на Русь, то запись о нем могла быть сделана и в Москве. Заметим, в той же записи говорится, что тягость тогда «священьскому чину... бяшет везде». Как мы увидим, именно князь Дмитрий Иванович начиная с 1375 г. был в высшей степени заинтересован и в компрометации патриарха Филофея, и в обоснованиях раздела митрополии. Пусть даже все эти записи или часть их — тверского происхождения, в таком случае сам факт включения их в московскую летопись отражает потребности московского великого князя.

Неприязнь князя Дмитрия к патриарху Филофею и Киприану имела глубинной причиной расхождение во взгляде на Литву, усугубившееся после тверской войны 1375 г. Патриархия и теперь, как и прежде, не могла отказаться от этой громадной страны с подавляющим православным населением и предоставить ее для обращения схизматикам-католикам — полякам и немцам. Сохранился крест-мощевик, который традиция Троице-Сергиева монастыря считала тем самым, что, согласно Житию Сергия Радонежского, был послан (в 1354 г.) патриархом Филофеем Сергию вместе с грамотой о необходимости реорганизовать его монастырь как общежитие.[16] В этом наперсном кресте наряду с византийскими святынями находились мощи «новых мучеников литовских» Евдокии, Елферия и Феодосии-девицы, о чем свидетельствует надпись на кресте.[17] Такое именно византийско-литовское соче-

---

[14] Там же, стб. 65.

[15] Лихачев Н. П. Два митрополита, с. 5.

[16] См.: Житие Сергия, с. 106—107.

[17] См.: Белоброва О. А. Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому. — Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Загорск, 1958, с. 12—18; Николаева Т. В. 1) Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, с. 275—276, № 126; 2) Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. М., 1971, с. 32—33, № 2; с. 102, табл. 2.

тание мощей и должен был послать патриарх Филофей в Великую Русь, стремясь к тому, чтобы великороссам не было безразлично происходящее в Малой Руси и в Византии. Так, он же канонизировал в качестве великомучеников Антония, Ивана и Евстафия (языческие имена их — Круглец, Нежило и Кумец — выдают их славянское происхождение) — другие жертвы преследований, которым подверглись в 1347 г. православные от Ольгерда.[18] Все это должно было напоминать великороссам о судьбе, грозящей православным западной Руси, если трещина между нею и восточной Русью углубится. Крест, таким образом, являлся как бы наглядной программой единства русской и вообще «вселенской» православной церкви, которую проводил патриарх Филофей и к которой он призывал самих русских. И теперь, спустя двадцать лет, хотя к этому времени трещипа между Великой Русью и Малой углубилась, патриарх по-прежнему старался удержать Малую Русь в церковном единстве с Великой. Филофей, конечно, шел против течения, пробовал «повернуть вспять колесо истории», пытаясь остановить начинавшийся процесс распада единой «древнерусской народности» на великорусов, украинцев и белорусов. Но не закладывал ли он тем самым основы их будущего воссоединения?

После тверской войны и сопутствовавшего ей политического разрыва Литвы и Великой Руси, как прежде, не могло быть серьезной речи о поездке митрополита Алексея на запад. Даже если бы он, уже старый человек, и решился на этот шаг, его не пустил бы, я думаю, князь Дмитрий, для которого теперь Литва и Орда были одинаковыми врагами, и его теперь не приняли бы, наверное, литовские князья.

Как Киприан, радея о литовском православии, трактовал там свои отношения и переговоры с митрополитом и как реагировали на это литовские князья, мы узнаем из документа константинопольской патриархии, писанного хотя и позднее (1389 г.), но едва ли в этой части не под диктовку самого Киприана, рассчитывавшего, очевидно, что этот официальный документ могут прочесть и литовцы, мнением которых о себе он никогда не переставал дорожить. Там говорится, что митрополит Алексей «патриаршии грамоты и увещания и поименованного посла признал враждебными себе и совершенно отказался отправиться к ним (литовцам, — *Г. П.*), постыдно отрекаясь от любви к своим чадам,

---

Отнесение Т. В. Николаевой этого креста на основании палеографических данных к первому десятилетию XV в. я не могу признать убедительным, потому что хоть сколько-нибудь четкого рубежа между второй половиной XIV и началом XV в. палеография — тем более палеография надписей на мелкой пластике — не знает. Притом известно, что балканское письмо начиная с середины XIV в. влияет на русское.

[18] См.: Воскресенская летопись. — ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, с. 214—215; Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, с. 68—70; Сперанский М. Н. Сербское житие литовских мучеников. М., 1909.

коих с добрым упованием усыновила ему великая Христова церковь через Евангелие. Это еще больше восстановило против него князей и возбудило их гнев, так как они признали его поступок личным для себя оскорблением».[19]

Если это действительно было так, — а судя по всему это так и было, — здесь следует видеть большой дипломатический успех Киприана: ему удалось свести к личным счетам с престарелым человеком то, что имело корни в гораздо более сложной стихии. Дальнейшие события покажут, что в самом деле литовские православные князья ничего не имели против того, чтобы подчиняться московскому митрополиту всея Руси, лишь бы им не был ненавистный Алексей.

*

Итак, в качестве лица, которому литовские князья вверяли спасение собственных душ и церковную политику, Киприан вернулся в Константинополь к патриарху Филофею. С помощью Киприана патриарх мог уяснить себе, что́ произошло на Руси, и понять, что в стремлении объединить православных «всея Руси» он потерпел неудачу. Мусульманин Мамай сумел их разъединить. «При таких обстоятельствах что оставалось делать великому оному человеку божию и поистине патриарху? — писал четырнадцать лет спустя патриарх Антоний. — Нельзя было ни Русь разделить на две митрополии, ни, с другой стороны, оставить без внимания столь великий народ»,[20] т. е. население западной части Руси.

Но почему все-таки «нельзя было Русь разделить на две митрополии»? Почему Филофею обязательно нужен был один митрополит на всю Русь? Разве нельзя было создать и постараться

---

[19] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 201—202. — По рассказу этого соборного определения, «великому посольству» Киприана с грамотой от литовских князей в Константинополь предшествовало письмо этих князей к патриарху, в котором те просили «себе другого архиерея. Но патриарх и теперь не нашел возможным принять их просьбу, не написав предварительно митрополиту еще раз и не посоветовав ему исполнить свой долг, то есть примириться с князьями, отправиться к ним и духовно призреть своих чад». На это митрополит якобы даже не ответил патриарху. В соборном определении 1380 г. говорится только о грамоте, которую повез Киприан. Судя по тому, что̀ сказано об этом письме, его содержание совпадает с содержанием известных нам грамот. Никаких других упоминаний о письмах литовцев к патриарху и патриарха к митрополиту, предшествовавших прибытию Киприана из Литвы в Константинополь, нет ни в документах патриархии, ни в наших летописях. А.-Э. Тахиаос полагает, что здесь речь идет о переписке, предшествовавшей поездке Киприана в Литву и на Русь (см.: Ταχιάου Ἀ.-Ἀ. Ἐπιδράσεις τοῦ ἡσυχασμοῦ εἰς τὴν ἐκκλησιαστικὴν πολιτικὴν ἐν Ῥωσίᾳ. 1328—1406. Ἐν Θεσσαλονίκῃ, 1962, σ. 94, ὑπ. 46). Мне же кажется, что в документе 1389 г. одно событие (письмо и посольство литовцев к патриарху) намеренно поразному изложено дважды, чтобы перед русскими снять с Киприана обвинение в инициативе и авторстве «ябеды» на митрополита Алексея. Патриарх же действительно посылал своих людей и, значит, писал к митрополиту Алексею, но — позднее.

[20] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 203—204.

сделать крепкой отдельную малорусско-литовскую митрополию? Не брал ли патриарх за образец положение дел в самой Византии, фактически раздробленной в политическом отношении на более или менее самостоятельные области и города, но единой в церковном отношении? Отчасти это так и было. Именно из-за политической многоликости Руси, «за невозможностью привести к единству власть мирскую» константинопольский патриарх стремился, по его словам, сохранить единство русской церкви: «...большой русский приход разделен на многочисленные и различные светские владения и такое количество государств, что имеет многих правителей и еще больше начальников, не менее различных по своим взглядам, чем по делам и областям; так что многие восстают и нападают друг на друга и дело доходит до войн, битв и убийства единоплеменников»; «не на добро и не на пользу им будет, если и церковная власть распадется на многие части; единый же митрополит является как бы некой скрепой, соединяющей их с собою и друг с другом».[21]

Нетрудно представить себе эту модель общественного устройства, которой руководствовалась церковь: духовный глава занимает как бы «надкняжеский», надгосударственный уровень, соединяя каждого из светских правителей «с собою» и одновременно всех их «друг с другом». Некоторое подобие римско-католической системы. Сам Филофей при этом постоянно обосновывал свою русскую политику и консервативными установками — желанием сохранить древнее, канонически узаконенное единство «Киевской и всея Руси» митрополии. Он как бы не хотел новшеств. Но сам же он, как мы помним, разделил единую валашскую митрополию на две. Больше, нежели дробления митрополий и нарушения традиций, он боялся, очевидно, совпадения церковно-административных границ с государственными. Страшился подчинения поместных церквей князьями, государями. Боялся национальных церквей, зная, что «кесарево» там всегда становится выше «богова». Это означало бы и утрату надежды на спасение от турок.

Парадоксально, но именно турки, подтачивая силу «империи Ромеев», освобождали тем самым на какое-то время церковь от давления светской власти и невольно способствовали «православному возрождению». Происходило нечто подобное развитию папской власти при разрушении германскими варварами западной половины Римской империи.[22] Эту историческую параллель осознавал, может быть, и Григорий Палама, мечтая в плену у турок об обращении этих «самых варварских из всех варваров» в христианство.[23]

---

[21] Там же, стб. 193—195.

[22] Ср.: Мейендорф И. Ф. О византийском исихазме. . ., с. 302.

[23] Δυοβουνιώτου Κ. Γρηγορίου Παλαμᾶ 'Επιστολὴ πρὸς Θεσσαλονικεῖς. — Νέος 'Ελληνομνήμων, 1922, XVI, σ. 8.

Объединить Русь под единой и сильной духовной властью с помощью митрополита Алексея патриарху Филофею не удалось. Каллист тогда испортил дело поставлением в митрополиты Романа. У Алексея же не достало сил после смерти Романа (1361 г.) стать выше интересов отдельных княжеств; в Литве ему не доверяли, справедливо видя в нем проводника московской политики. Исправить положение посольством Киприана тоже не удалось. Нужен был нейтральный митрополит — не великорус, не малорус, — человек, способный мыслить на уровне интересов всей православной Восточной Европы. Достаточно «интернациональный», достаточно теперь компетентный в русских делах, достаточно энергичный и вполне преданный Филофею Киприан отвечал этой потребности.

Так же понимает смысл русской политики Филофея А. Е. Пресняков. «Патриаршая власть, — пишет он, — подлинно дорожит единством русской митрополии; в этом единстве нужная для интересов патриархии гарантия против решительной национализации русской церкви и ее подчинения светским властям великорусского и литовского великих княжений. Митрополит всея Руси, равно относящийся к политическим интересам Москвы и Литвы, а потому более независимый в своей церковно-политической деятельности от местных светских властей, представлялся патриаршей власти лучшей опорой ее „вселенского" авторитета. И Константинополь сумел провести на русскую митрополию людей, которые пойдут не по стопам митрополита Алексея, а по тому пути компромисса между московско-владимирской митрополией и ее значением как „Киевской и всея Руси", какой был предуказан еще в последних грамотах патриарха Филофея».[24]

Поставление в русско-литовские митрополиты Киприана — третья и последняя, казалось бы безнадежная, попытка Филофея добиться церковного единства Руси.

«Сосредоточившись и собравшись с духом, созвав избранных архиереев и воспользовавшись их советами и убедительными соображениями, он избирает в деле средний путь, а именно: по вниманию к тому, чтобы столь великий народ (православное население западной части Руси, — *Г. П.*) не оставался без архипастырского наблюдения и не подвергся конечной беде и душевной погибели через присоединение к чуждой церкви, патриарх прибегает к крайней мере снисходительности по отношению к просителям, — рукополагает упомянутого кир Киприана в митрополита киевского, русского и литовского, т. е. тех мест, которые в продолжение многих лет митрополит кир Алексий оставлял без внимания. А чтобы древнее устройство Руси сохранилось и на будущее время, т. е. чтобы она опять состояла под властью одного митрополита, соборным деянием законополагает, дабы

---

[24] Пресняков А. Е. Образование великорусского государства, с. 316.

после смерти кир Алексея кир Киприан получил всю Русь и был одним митрополитом всея Руси. И теперь, — заметил он, — эта митрополия не разделяется на две, ибо поставление кир Киприана есть дело уважительной причины и неотложной нужды, вызванное стремлением не предать весь народ на погибель; а что опять должен быть один митрополит Руси, этого требуют и право, и польза, и обычай».[25]

Киприан был рукоположен 2 декабря 1375 г.[26]

Митрополиту Алексею было тогда восемьдесят три года. Постановление патриаршего собора 1354 г. (в первый период патриаршества Филофея) о переносе кафедры русской митрополии из Киева во Владимир оставалось в силе. Значит, после смерти Алексея Киприан должен был переехать в Великую Русь, фактически в Москву, вновь сосредоточив там духовную власть как над Великой Русью, так и над Малой. Уступка Филофея Литве, — я согласен в этом с Дж. Мейендорфом, — была «только тактической, она приведет к большому дипломатическому успеху. Киприан, болгарин исключительных личных и интеллектуальных качеств, сумеет совершить едва ли не чудо: он добьется признания как Литвой, так, после смерти Алексея, и Москвой».[27] Однако между смертью митрополита Алексея и признанием в Москве Киприана пройдет довольно большое и очень насыщенное событиями время. И, как увидим, признание это, а затем вновь непризнание, будет зависеть не от одних только личных качеств Киприана и личных чувств к нему Дмитрия Донского, но и от поворота в ту или иную сторону международных отношений московского княжества. Ведь и само поставление Киприана в митрополиты было одним из следствий политических событий 1375 г.

Из Константинополя Киприан отправился в Киев. 9 июня 1376 г. он туда прибыл и возглавил временно отделенную литовскую митрополию. Сразу же он стал добиваться, чтобы в Москве признали его право наследования. Для помощи Киприану в этом деле с ним вместе были посланы на Русь два церковных сановника,[28] протодиаконы Георгий и Иоанн,[29] — очевидно, знакомые нам «специалисты по делам русской церкви» Георгий Пердика[30]

---

[25] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 203—204.

[26] Обоснование датировки см.: Соколов Пл. Русский архиерей. . ., с. 451, сноска 1.

[27] Meyendorff J. Alexis and Roman. ., p. 287.

[28] «. . . с ним посылаются церковные сановники» (РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 171—172).

[29] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 116.

[30] Георгий Пердика — «боголюбивейший канстрисий святейшей нашей великой божией церкви и скевофилакс священного царского клира», как характеризовал его патриарх Филофей (РИБ, т. 6, Прил., № 10, стб. 59—60), — тогда еще дьякон, сопровождал в 1355 г. на Русь новопоставленного митрополита Алексея. Очевидно, с ним Филофей посылал Сергию Радонежскому, о котором должен был узнать от Алексея, свою грамоту и дары. «Георгий Пердика не был случайным лицом, — пишет А.-Э. Тахиаос. — Из того, что мы о нем знаем, следует, что он был как бы специалистом по

и Иоанн Докиан. Враждебное Киприану соборное определение 1380 г. говорит, что сановники эти были уполномочены «произвести дознание о жизни Алексея, выслушать, что будут говорить против него обвинители и свидетели, и донести священному собору письменно обо всем, что откроется».[31] Однако такое дознание могло быть уместно до принятия решения патриархом Филофеем о поставлении Киприана и совершенно неуместно, так как потребовало бы начать все дело сначала, после этого. Нелегкому и длительному дознанию и делу о смещении митрополита гораздо проще было предпочесть недолгое терпение. Кроме того, при поставлении Киприана уже было принято решение относительно митрополита Алексея: он был пожизненно оставлен митрополитом Великой Руси. Утверждение, что послы должны были «произвести дознание о жизни Алексея», объясняется, я думаю, тенденцией документа 1380 г. — стремлением опорочить Киприана, приписать ему домогательства «даже совершенного низложения престарелого того митрополита». Вероятнее, что византийские послы имели задачей объяснить на Руси избранный патриархом Филофеем «средний путь».

Явившись в Москву в конце зимы 1376 г., по-видимому в марте,[32] послы принесли с собой весть о принятом в Константинополе решении. Новость вызвала «сильное негодование, немалое волнение и народное смятение», как сообщает тот же враждебный Киприану документ. Во всяком случае послы могли убедиться в полном нежелании московского князя видеть Киприана в митрополитах и что-либо слышать о единстве русского народа, которое выходило бы за рамки фактически существующей великорусской политической системы. Двадцатишестилетний князь решил покончить с навязываемой ему из Константинополя политикой. Один организованный церковью союз едва не обернулся ударом ему в спину. Князь не хотел заботиться о спасении душ подданных великого князя Ольгерда. И не хотел иметь с ним ничего общего — даже митрополита. Патриарха, вселенский собор и императора, которые поставили и навязывали ему теперь Киприана, князь во гневе назвал «литвинами»: «Что же ли створиша патриаршим послом, хуляще на патриарха и на царя и на сбор

делам русской церкви и был использован вселенской патриархией в деле весьма успешно» (Ταχιάου 'Α.-'Α. 'Επιδράσεις..., σ. 50). О карьере Георгия Пердики с 1348 по 1374 г. см.: Failler A. La déposition du patriarche Callist 1er (1353). — REB, 1973, t. 31, p. 112.

[31] РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 171—172.

[32] «Тое же зимы приехаша из Царягорода от патриарха Филофеа некотораа два протодиакона, сановника суща, един ею именем Георгий, а другыи Иван, к Алексею митрополиту всея Руси» (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 116). Это сообщение летописной статьи 6884 г. открывает ряд московских известий и предшествует сообщению о прибытии Киприана в Киев. Следовательно, покинув Константинополь одновременно с Киприаном, послы сразу отправились в Москву и прибыли туда еще «зимой» и уже в 6884 г., очевидно, в марте 1376 г.; Киприан же по пути в Киев где-то задержался, — может быть, у себя на родине в Болгарии, где на патриарший престол недавно взошел Евфимий.

великий! Патриарха литвином назвали, царя тако же и всечестный сбор вселеньский!» — писал об этом полутора годами позже Киприан.[33] Политически возглавлявшему Великую Русь великому князю Дмитрию Ивановичу и митрополит нужен был не «всея Руси», а только Великой. У князя был наготове свой кандидат на эту церковную должность — поп Митяй.

Происходя из коломенского духовенства,[34] Митяй уже много лет был духовным отцом всего московского правительства — великого князя и всех старейших бояр. Эту роль Митяй совмещал с высокой государственной должностью печатника, хранителя великокняжеской печати, «канцлера» Московского княжества, так что с обеих сторон — духовной и светской — князь Дмитрий Иванович опирался на Митяя. Мирный договор 1375 г. с тверским великим князем Михаилом — первое юридическое отражение формирующейся Великороссии — не мог быть составлен без какого-то участия печатника-Митяя.

Князь Дмитрий начал продвигать своего помощника к митрополичьему престолу как раз в то время, когда в Москву прибыли византийцы Георгий и Иоанн. По приказу князя Митяй «акы нужею» приведен был в храм и пострижен в монахи, что формально открывало перед ним путь к высшим церковным должностям; одну из таких должностей он и получил, будучи назначен архимандритом московского Спасского монастыря.

«Митяй» — прозвище, образованное как будто от имени Дмитрий. В монашестве он стал Михаилом. Но обычно монашеское имя подбирали так, чтобы оно начиналось на ту же букву, что и светское. Может быть, Митяя искаженно звали «Митрий» (подобно искажению имени Георгия — Гюргий—Юрий); но, может быть, монашеское имя ему дали в пару к слишком привычному прозвищу. Обычно также постригаемого называли по празднуемому в этот день святому. «Михаил» в интересующих нас пределах времени[35] празднуется 14 февраля, 10 марта и 16 апреля.

---

[33] См.: наст. изд., с. 201.

[34] Сообщение Повести, что Митяй был «един коломенскых поп», подтверждается тем, что, как пишет Е. Голубинский, «одна из слобод, примыкающих к городу Коломне, называется Митяевской (Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. 2. СПб., 1865, с. 692); весьма вероятно думать, что слобода была подарена вел. кн. Дмитрием Ивановичем Михаилу и что она носит имя своего бывшего владельца» (Голубинский Е. История русской церкви, т. II, 1-я половина. М., 1900, с. 243—244, сноска 2). «Димитрий Иванович в молодости был в Коломне в весьма знаменательный момент своей жизни: 18 января 1366 года он вступил в брак с дочерью нижегородского князя Дмитрия Константиновича, «а свадьба бысть в Коломне». Это происходило за восемь лет до нашего рассказа. Вероятно, в это-то время и познакомился Димитрий с Митяем и взял его к себе в духовники» (Соколов Пл. Русский архиерей. . ., с. 430).

[35] Это время рассчитывается так: в архимандритах Митяй пробыл до смерти митрополита Алексея «яко две лете», т. е. около двух лет. Алексей умер 12 февраля 1378 г. Значит, Митяй был пострижен в конце зимы или в начале весны 1376 г., а не 1375, как полагал Пл. Соколов (Русский архиерей. . ., с. 440).

В один из этих дней 1376 г. и был, очевидно, пострижен Митяй.

Судя по всему, это пострижение было прямым ответом князя Дмитрия на известие о поставлении в митрополиты Киприана. Так появился второй претендент на русский митрополичий престол, конкурент Киприана, второй наследник митрополита Алексея.

Сам митрополит Алексей в отличие от князя Дмитрия воспринял поставление Киприана и право наследования, данное ему патриархом Филофеем, спокойно. Он даже старался помочь патриаршим послам в их задаче. «Сильное негодование и немалое волнение и смятение народное, возбужденное (этим делом, — *Г. П.*) по всей русской епархии, утишено было непрестанными внушениями и советами митрополита Алексея, обращенными и ко всем вообще, и к каждому порознь».[36] Это говорит тот же враждебный Киприану документ — и говорит, разумеется, не для того, чтобы показать, что позиция митрополита Алексея не совпадала с позицией великого князя, а лишь стараясь подчеркнуть, сколь сильным и всеобщим было возмущение на Руси Киприаном. Но позиция митрополита Алексея в вопросе о наследнике действительно не совпадала с позицией великого князя Дмитрия Ивановича.

Начав выдвигать по церковной линии Митяя, князь одновременно начал «нудить» митрополита Алексея, «овогда бояр старейших посылая, овогда сам приходя», чтобы тот благословил Митяя в свои преемники. Митрополит отказывался это сделать, мотивируя свой отказ тем, что Митяй — новичок, «новоук» в монашестве. Алексею при этом легко могло стать ясным, что Киприана князь в Москву не пустит, а самому Алексею не был, я думаю, безразличен вопрос, кто займет его место. И митрополит предложил свое компромиссное решение конфликта — сделать наследником не «новоука» Митяя, а опытного в духовной жизни игумена Сергия Радонежского, на что князь согласился. Князю важнее всего было разделить митрополию, а Алексей в этом вопросе остался самим собой. Однако он не заручился еще согласием самого своего кандидата в наследники. По эпизоду уговоров митрополитом Алексеем Сергия Радонежского, описанному в Житии Сергия, мы и судим об этих его планах.

Призвав к себе Сергия и не сказав ему, в чем дело, престарелый митрополит надел на него, «яко некое обручение», драгоценный крест с мощехранительницей. После этого он объяснил ему, что, чувствуя приближение смерти, хочет найти достойного продолжателя своего дела, «но от всех недоумевся». Лишь Сергий кажется ему подходящим человеком. Он точно знает, что с его кандидатурой согласятся все — «и до последних». Для начала Сергию надлежит принять епископский сан.

---

[36] РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 173—174.

Крест Сергий отклонил, объяснив, что от юности не был «златоносцем», а на предложение «зело оскорбися». И хотя митрополит «многа изрек старцу словеса от божественных писаний, сими хотя его к своей воли привести», тот «никако же преклонися» и попросил не продолжать, пригрозив в противном случае уйти из этих пределов (в Литву?). Угроза подействовала. Алексей, ничего не добившись, отпустил его «в свой ему монастырь».[37]

Наследниками-конкурентами по-прежнему остались Киприан и Митяй.

Глава 6

КИПРИАН АТАКУЕТ МОСКВУ

Из Киева от Киприана в Новгород пришли послы с грамотой сообщить о решении патриарха Филофея. Но там подчинились князю, а не патриарху: «Той же зимы, — читаем под 6884 (1376) г. в Новгородской 1 летописи, — присла митрополит Киприян из Литвы свои послове, и патриарши грамоты привезоша ко владыце в Новъград; а повествует тако: „Благословил мя патриарх Филофей митрополитом на всю Рускую землю". И Новгород, слышав грамоту, и дасть им ответ: „Шли князю великому: аще приметь тя князь великый митрополитом всей Руской земли, и нам еси митрополит". И слышав ответ новгородчкый митрополит Киприан, и не сла на Москву к князю великому»,[1] т. е. «не сла» во второй раз.

По Никоновской летописи XVI в. можно понять, что сам Киприан приходил в 1376 г. в Москву и был отвергнут: «Дмитрей Ивановичь не прия его, рек ему сице: „Есть у нас митрополит Алексей. А ты почто ставишися на живаго митрополита?". Он же поиде с Москвы на Киев и тамо живяше».[2] Однако, вероятней всего, это домысел редактора XVI в.: современные источники не говорят о приходе Киприана в Москву прежде смерти митрополита Алексея.[3] Но что причиной отказа признать права Киприана великий князь выставил неканоничность его поставления («на живаго митрополита»), — правда: в соборном документе

[37] См.: Житие Сергия, с. 130—132.

[1] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 374.

[2] ПСРЛ, т. XI, с. 25.

[3] В Супрасльском XVI в. списке Западнорусской летописи под 6884 (1376) г. читается сходная с известием Никоновской летописи запись, из которой, однако же, не следует, что Киприан в этом году приходил в Москву сам: «Той же зимы выиде из Царяград[а] митрополить Киприянь. И не прия его князь великый Дмитрей Ивановичь. Он же шед на Киев» (ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стб. 40).

1380 г., написанном под давлением московского посольства, находим то же утверждение, что Киприан был «поставлен неканонически, еще при жизни законного митрополита, оного кир Алексея».[4]

Пока был жив Алексей, Киприан пребывал в Киеве, не стараясь проникнуть в Москву. «Аще был есмь в Литве, — писал он позже о своей тамошней деятельности, — много христиан горькаго пленениа освободил есмь; мнозе от невидящих бога познали нами истиннаго бога и к православной вере святым крещением пришли. Церкви святыа ставил есмь. Христианьство утвердил есмь. Места церковная, запустошена[я] давными леты, оправил есмь приложити к митрополии всея Руси». Он подчеркивал свою верность великому князю московскому: «Не вышло из моих уст слово на князя на великого на Димитрия ни до ставления, ни по поставлении...», «ненавидел» тех, кто замышлял на князя «лихо», во время соборных служб велел ему первому «„многа лета" пети, а да потом иным».[5]

Е. Голубинский скептически замечает: «Очень может быть, что, похваляясь, Киприан не хвастается; но во всяком случае хвалебные речи человека самому себе не могут быть приняты за настоящее историческое свидетельство».[6] Однако по крайней мере одно из утверждений Киприана заслуживает внимания. Имею в виду очередность церковного «многолетия».

Киприан писал из Литвы, желая водвориться в Москве. Допустим, можно сомневаться, в самом ли деле в Литве он всегда поминал в молитвах первым московского князя. Но ясно, что он намерен был, утвердившись в Москве, поступать именно так. А для священника поминать князя в церкви первым значит не признавать над этим князем никакой власти. В тех конкретных условиях это означало не признавать власть татарского хана. Насколько мы можем судить, Киприан никогда, до самой смерти, не молился об этих мусульманских «царях». Спустя много лет в Москве он постарается поставить в поминовениях перед великим князем византийского императора. Русская же церковь во времена татарского ига молилась за татар. С началом «розмирия» этот порядок, очевидно, был нарушен. Но Митяй, — мы это увидим, — даст Мамаю обязательство, став митрополитом, молиться за него, как церковь молилась за прежних ханов-«царей».

Митрополит Алексей умер утром 12 февраля 1378 г.[7] Митяя он так и не благословил в свои преемники. Под давлением князя и бояр, «умолен быв и принужен», он перестал, однако, против него возражать. «Аз не доволен благословити его, но оже дасть ему бог и святая Богородица и пресвященный патриарх и все-

---

[4] РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 179—180.

[5] Послания Киприана, II, с. 200, 199.

[6] Голубинский Е. История русской церкви, т. II, 1-я половина, с. 322.

[7] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 125.

леньский збор», — говорит умирающий патриарх в Повести о Митяе.[8] Для общественного мнения благословение старого митрополита значило, видимо, много. Были распущены слухи, что Алексей в конце концов благословил Митяя; Киприан им не верил: «А что клеплють митрополита, брата нашего, что он благословил есть его на та вся дела, то есть лжа». И добавляет несколько загадочно: «Или утаилося есть нам, како учинилося есть на смерти митрополичи! Виде грамоту — записал митрополит, умирая. А та грамота будеть с нами на великом сборе».[9] Мы об этой грамоте ничего не знаем. Киприан же говорит о ней так, будто она была в его пользу.

Князь теперь сам уговаривал Сергия Радонежского «въсприяти архиерейства сан. Но той, яко же твердый адамант, никако же на се уклонися».[10] Тогда князь решился: «по великого князя слову» Михаил-Митяй «на двор митрополичь взыде и ту живяше».

Общественное возмущение этим актом, ощутимое для Митяя («бысть на нем зазор от всех человек, и мнози негодоваху о сем, и священници неключимоваху о нем»), озлобило его. В непризнававшем его прав Сергии Радонежском он видел опасного соперника: «начат же и на святаго въоружатись, мнев, яко присецает дръзновение его преподобный, хотя архиерейский престол въсприяти».[11] Киприан, напротив, был доволен Сергием и его племянником Феодором: «Слышу о вас и о вашей добродетели, како мирьская вся мудрования преобидите и о единой воли божией печетеся», — писал он им в эти дни.[12]

Киприан, как сообщает враждебный ему документ 1380 г., «не оставался без дела, но употреблял все усилия, чтобы войти в Великую Русь и овладеть ею, в особенности когда митрополит Алексей в глубокой старости преставился к богу».[13] Не в характере Киприана было отступиться от того, что он считал должным. И он решился на рискованный шаг — без княжеского приглашения самому явиться в Москву. Он рассчитывал, конечно, на силу общественного мнения, на поддержку монахов, духовенства. 3 июня 1378 г., уже с дороги, он писал игуменам Сергию и Феодору: «...еду к сыну своему ко князю к великому на Москву... Вы же будите готови видетися с нами, где сами погадаете».[14] Связь осуществлялась, видимо, через доверенных иноков-странников. Представим себе, какой торжественной и эффектной могла бы быть встреча в Москве митрополита игуменами

---

[8] Здесь и в дальнейшем цитирую Повесть о Митяе первой редакции по Рогожскому летописцу без сносок.
[9] Послания Киприана, II, с. 199.
[10] Житие Сергия, с. 132.
[11] Там же.
[12] Послания Киприана, I, с. 195.
[13] РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 173—174.
[14] Послания Киприана, I, с. 195.

Сергием Радонежским, Феодором Симоновским, духовенством, анахоретами-молчальниками, братией монашеских общежитий, старцами, их послушниками, учениками, почитателями, обывателями... Князю трудно было бы тогда что-либо предпринять против Киприана. Митяй, наверное не удержался бы на митрополичьем дворе.

Но князь начал действовать первым. Вряд ли сам Киприан уведомил его о своем приближении, и вряд ли это сделали его адресаты.

Князь перехватил людей, посланных от Сергия и Феодора к Киприану («послы ваша разослал»),[15] а дороги к Москве закрыл — «заставил заставы, рати сбив и воеводы пред ними поставив». Киприана тоже кто-то сумел предупредить, но он не повернул назад, а постарался обойти заставы и «иным путем проидох». Его все-таки поймали. Некий воевода Никифор ночью у городских стен или уже в городе захватил митрополичью процессию из сорока пяти всадников. Обращался воевода с Киприаном бесцеремонно: «И которое зло остави, еже не сдея надо мною! Хулы и надругания и насмехания, граблениа, голод! Мене в ночи заточил нагаго и голоднаго». Митрополита заперли «в единою клети за сторожьми», его монашескую свиту «на другом месте». Слуг его князь «нагих отслати велел с бещестными словеси»; у них отобрали коней, самих их ограбили и раздели «и до сорочки, и до ножев, и до ногавиць, и сапогов и киверев не оставили на них», переодели в «обороты лычные» и, выведя за город, «на клячах хлябивых без седел» отпустили.

Ночь и следующий день Киприан провел под арестом («и ни же до церкви имел есмь выхода»). А вечером («смеръкшуся другому дневи»), примерно через сутки заточения, за ним пришли в одежде его слуг воевода Никифор и стражники, вывели его из «клети», сели на коней его свиты и куда-то его повезли. Он думал — «на убиение ли, или на потопление?». Но его просто выдворили из Москвы.

Народ о происшедшем, по-видимому, ничего не узнал. Летописцы об этом событии молчат.[16] Только соборное определение 1380 г. глухо говорит, что Киприан, «много претерпев, ничего не достиг».[17]

Из «хулы», слышанной Киприаном в Москве, он мог еще раз убедиться, что великий князь видит в нем приверженца Литвы («кладет на мне вины, что был есмь в Литве первое»). Могущественный литовский князь Ольгерд был уже год как мертв

---

[15] Весь этот эпизод мы знаем из цитируемого здесь второго послания Киприана игуменам Сергию и Феодору (с. 196, 201).

[16] Только, может быть, упоминавшееся сообщение Никоновской — «Он же поиде с Москвы на Киев и тамо живяше» (ПСРЛ, т. XI, с. 25) — имеет в виду именно это событие 1378 г. и под 1376 г. вставлено редактором XVI в. по ошибке.

[17] РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 173.

(ум. 1377). Но на отношении Дмитрия Ивановича к Киприану это не отразилось. Князь был против митрополии всея Руси и против митрополита, вторгающегося в его политику. Киприан еще в первом послании Сергию и Феодору обнаружил свое знакомство с такого рода представлениями о себе: «Аще неции о мне инако свещают, аз же святитель есмь, а не ратный человек».[18]

Не сумев взять Москву «приступом», Киприан взялся за перо. Первым в истории Московской Руси этот «бродячий интеллигент» XIV в. начал борьбу с ее правителями тем единственным, очень слабым и одновременно очень сильным оружием, которым такие люди владеют, — словом.

Под свежим впечатлением происшедшего, еще больной из-за полученной в Москве под арестом простуды («и от тоя ночи студени и нынеча стражу»), 23 июня 1378 г. Киприан, волнуясь, горячо, сбивчиво, пишет свое первое публицистическое произведение, предназначенное русским читателям. Это — второе послание Сергию Радонежскому и Феодору Симоновскому.[19] Но адресовано оно не им одним, а также всем их единомышленникам — «аще кто ин единомудрен с вами». Исследователь творчества Киприана Л. А. Дмитриев пришел к выводу, что «это уже не частное письмо и рассчитано на широкий круг читателей».[20]

В этом литературном произведении история Митяя отразилась впервые.

Цель своей деятельности, в том числе прихода в Москву, Киприан рисует так: «добра хотел есмь ему (московскому князю, — *Г. П.*) и всей отчине его», «ехал есмь благословити его и княгиню его, и дети его, и бояр его, и всю отчину его»; «яз, колика сила, хотел есмь, чтобы злоба (между Литвой и Москвой, — *Г. П.*) утишилася»; «Яз потружаюся отпадшая места приложити к митрополии, и хочю укрепити, чтобы до века так стояло на честь и на величьство митрополии».

Большое место в Послании занимает доказательство незаконности назначения Митяя — все равно, самим ли митрополитом или князем — преемником митрополиту и наместником. Это снабженный многочисленными ссылками, свидетельствующими о хорошей подготовленности автора в церковно-правовой области, ответ обвинением на обвинение. Собственные права для Киприана вне сомнений: «Яз божиим изволением и избранием великаго и святаго сбора и благословением и ставлением вселеньскаго патриарха поставлен есмь митрополит на всю Рускую землю, а вся вселенная ведаеть». Он нападает на князя и бояр: «Сице ли почли суть князь и бояре митрополии и гробы святых митропо-

---

[18] Наст. изд., с. 195.

[19] См.: Послания Киприана, II.

[20] Дмитриев Л. А. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы. (К русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.). — ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1963, с. 230. — Анализ стиля и литературных особенностей этого послания см.: там же, с. 230—232.

литов? Тако ли несть кого прочитающаго божественая правила? Не весте ли, что пишеть?». И заключает: нарушающие «священная и божественная правила блаженных отець наших» подлежат анафеме — «анафема да будеть».

Киприан не считает себя виновным перед великим князем московским: «не найдеть в мне вины ни единыя». Но если бы вина и «дошла которая», нельзя, во-первых, дважды и трижды мстить «о едином», а во-вторых, «ни годится князем казнити святителев: есть у мене патриарх, болший над нами, есть великий сбор, и он бы тамо послал вины моя...». Зная, что князь обвиняет его в авторстве «ябеды» на митрополита Алексея, Киприан старается подтвердить обоснованность принятого по этой «ябеде» решения патриарха Филофея: «брату нашему, Олексееви митрополиту, не волно было сласти ни в Велыньскую землю, ни в Литовьскую владыку которого, или звати, или дозрети которое дело церковное, или поучити, или посварити на кого, или казнити виноватаго — или владыку, или архимандрита, или игумена, — или князя поучити, или боярина».

Как понять это «не волно»? Не хотел митрополит Алексей, по мнению Киприана, заботиться о Литве или не мог? Мне кажется, что Киприан умышленно написал таким образом, чтобы его можно было понять и так, и так: для литовцев — не хотел, для москвичей — не мог. Для самого же Киприана важно то, что «святительским недозиранием которыйждо владыка, не блюдася, по своей воле ходил как хотел. А попове и черньци и вси християне — как животина бес пастуха. Ныне же, божиею помощью, нашим потружанием оправилося церковное дело...». За одно это, он считает, «годилося князю великому нас с радостию прияти, занеже в том бóлша ему честь».

Киприан, как видим, навязывал московскому князю роль, от которой тот уже отказался: он продолжал рассматривать его как верховного светского правителя всей православной Руси, как какое-то подобие идеального византийского императора, стража православной веры, и считал потому успехи православия на западе честью для него. «Князь же великий гадает двоити митрополию. Которое величьство прибудеть ему от гадкы? (т. е. от намерения, — *Г. П.*). Хто же ли се пригадываеть (т. е. советует, — *Г. П.*) ему?».

Касательно Митяя Киприаном выдвинуты следующие обвинения: «...кáк у вас стоить на митрополице месте черпець в манатии святительской и в клобуце, и перемонатка святительская на нем, и посох в руках? И где се бещиние и злое дело слышалося?.. Коли слышалося преже поставления възлагати на кого святительскыя одежи, их же нелзе никому же носити, но токмо святителем единем? Како же ли смееть стояти на месте святительском? Не блюдеть ли ся казни божиа? А еще страшно и трепетно и всякиа грозы исполнено, еже створить: садится в святом олтари на наместном месте. Веруйте, братия, яко лучше бы

ему не родитися!». Отсюда мы узнаем, что Митяй уже носил митрополичье облачение, присвоил другие знаки митрополичьего достоинства и восседал в церкви на митрополичьем месте. Мы вспомним эти обвинения («манатия», клобук, перемонатка, посох и место) при анализе Повести о Митяе.

В своих великорусских сторонниках-монахах, не сумевших прийти ему на помощь, Киприан разочаровался: «Вси ли уклонишася вкупе и непотребне быша?». Пусть миряне боятся князя, потому что у них — жены и дети, имущество и богатство, им, «богатым», страшно это потерять, — ведь «и сам Спас глаголеть: „Удобь есть вельблуду сквозе иглинеи уши проити, неже(ли) богату в царьство небесное внити“. Вы же, иже мира отреклися есте и иже в мире, и живете единому богу, како, толику злобу видив, умолчали есте? Аще хощете добра души князя великаго и всей отчине его, почто умолчали есте? Растерзали бы есте одежи своя, глаголали бы есть пред цари не стыдяся! Аще быша вас послушали, добро бы. Аще быша вас убили, и вы святи. Не весте ли, яко грех людьский на князи и княжьский грех на люди нападаеть!». (Замечательное выражение взаимной ответственности по общественной «вертикали»). Последнее восклицание показывет, какое оправдание могло быть у самих монахов в их неприятии княжеской воли.

За то, что с Киприаном сделали в Москве, все, кто как-либо причастен его «иманию и запиранию, бещестию, и хулению», да будут отлучены от церкви и неблагословенны от него, «Киприана, митрополита всея Руси, и прокляти по правилом святых отець! И хто покусится сию грамоту сжещи или затаити, и тот таков».

Итак, великий князь Дмитрий Иванович, его бояре, временщик Митяй — все отлучены Киприаном от церкви, преданы анафеме и прокляты.

На Руси ходило — по крайней мере позже, в XV в., — сказание о страшных последствиях, какие имело для одного литовского хозяина «неблагословение» митрополита Киприана, заехавшего к нему на пути: у этого человека пропало все — и дом, и хозяйство.[21] Существовало ли это сказание, хотя бы в устном виде, уже в то время, трудно сказать, но нет сомнений, что «неблагословение», проклятие и отлучение от церкви со стороны пусть непризнанного, но митрополита — и тем более такого лично сильного монаха-мистика, митрополита-исихаста, как Киприан, — не было пустым звуком для тогдашнего общественного сознания, а стало быть, и для сознания великого князя Дмитрия Ивановича.

Грамота, как мы говорили, адресована игуменам Сергию и

---

[21] Варлаам, архим. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря. — Учен. зап. 2-го отделения имп. Академии наук, 1859, кн. 5, с. 17.

Феодору и «аще кто ин единомудрен» с ними; однако сжечь ее, прочтя, или спрятать они не имеют права: чтобы не навлечь на себя силу митрополичьего проклятия, они должны давать ее читать, распространять.

Мы знаем, что Сергий Радонежский неоднократно посещал Пешношский Никольский монастырь своего ученика Макария и тот бывал ему «собеседником и сопостником».[22] Часто навещал он и другого своего ученика, Дмитрия (будущего Прилуцкого), в Никольской обители на берегу Переяславского озера.[23] Вероятно, он поддерживал какую-то связь со всеми своими многочисленными учениками, а также и с другими «единомудренными» с ним монахами и светскими людьми. После получения второго Киприанова послания монашеские киновии стали, очевидно, центрами чтения, хранения и переписывания этого публицистического произведения, проклинающего московских светских и духовных правителей, а связи, о которых мы говорим, — путями его распространения.

Л. А. Дмитриев, изучив это послание, пришел к выводу, что построение «рассчитано на то, чтобы произвести большое впечатление на читателя, кем бы он ни был: на простого человека оно могло воздействовать красочным описанием невзгод, перенесенных митрополитом; на духовенство большое впечатление должна была произвести эрудированность митрополита в вопросах церковно-канонических установлений; наконец, на великого князя, а Киприан явно рассчитывал на то, что его послание может быть прочитано и им, оно должно было повлиять подчеркиванием заслуг митрополита перед Русским государством, доброжелательности митрополита к великому князю Московскому».[24]

Сергий и Феодор ответили Киприану на его второе послание. К сожалению, их ответ до нас не дошел. О нем мы можем судить лишь по краткому третьему посланию к ним Киприана,[25] писанному осенью (18 октября) того же 1378 г. из Киева. Здесь Киприан еще раз разъясняет цель своей деятельности: «Яз бо славы не ищу, ни богатьства, но митрополию свою, ю же ми есть предала святая божиа великая церковь. А смирения и съединения церковнаго желаю и христианьскаго». В своем конечном торжестве он уверен: «А хто нас не въсхотели — потом познають истину». Своими корреспондентами Киприан доволен, все его

---

[22] См.: Историческое и топографическое описание мужского общежительного монастыря св. чудотворца Николая, что на Пешноше, с присовокуплением устава его и чиноположения. Сост. из записок покойного К. Ф. Калайдовича. М., 1837, с. 7—9.

[23] См.: Пономарев А. И. Славяно-русский Пролог, ч. 2. Январь—апрель. СПб., 1898, с. 38—39. (Памятники древнерусской церковноучительной литературы, вып. 4).

[24] Дмитриев Л. А. Роль и значение. . ., с. 232.

[25] См.: Послания Киприана, III, с. 202.

сомнения на их счет исчезли: «Елико смирение и повиновение и любовь имеете к святей божией церкви и к нашему смирению, все познал есмь от слов ваших. А како повинуитеся к нашему смирению, тако крепитися», т. е. продолжайте дальше.

В ответ на эту-то деятельность киновитов — чтение, хранение и распространение присылаемых из-за границы митрополичьих посланий — правительство, по-видимому, и «нача воружатися на мнихи и на игумены». Об отношении Михаила-Митяя к Троицкому общежитию мы можем судить по словам, вложенным в уста Сергию Радонежскому его агиографом: «Михаил, хваляйся на святую обитель сию, не имат получити желаемого».[26] Очевидно, Митяй грозил самому существованию Троице-Сергиева монастыря.[27]

Нет сомнений, что именно ответным мерам правительства мы обязаны тем, что от XIV в. не сохранилось ни одного списка посланий Киприана. Любопытно, что во всех дошедших до нас его списках (XV в.) некоторые места зашифрованы «тарабарской грамотой»; например, слова «всея Руси» митрополичьего титула в некоторых списках имеют такой вид: «шлея мули».[28] Очевидно, даже сами слова «всея Руси» была тогда для Дмитрия Ивановича и Митяя одиозны.

Заканчивал Киприан свое второе послание обещанием ехать в Константинополь «оборонитися богом и святым патриархом и великим сбором». За этим следует чрезвычайно интересное сообщение: «И тии на куны надеются и на фрязы, яз же на бога и на свою правду». Куны — деньги, фрязы — генуэзцы. Это означает, что Киприан уже в июне 1378 г. знал о какой-то роли в деле Митяя подкупа и генуэзцев.

В третьем послании, т. е. в октябре 1378 г., Киприан подтвердил свое обещание идти искать правду в Константинополь: «А яз без измены еду ко Царюгороду, а перед собою вести послал же есмь». Но отправился Киприан в Византию только в середине зимы 1378/79 г. и прибыл туда весной 1379 г. «И третиему лету (по поставлении в митрополиты, — *Г. П.*) наставшу, паки к Царюграду устремихся. И тамо ми достигшу по многых трудех и искушених, надеющу ми ся некое утешение обрести, обретох всяко неустроение в царехь же и в патриаршьстве».[29]

Обратимся теперь к событиям в Константинополе, к «неустроению», которое застал там Киприан. Для нашей темы это необходимо.

---

[26] Житие Сергия, с. 132.

[27] Так же понял и расшифровал это редактор Никоновской: «. . . Сергий рече: Молю господа бога сокрушенным сердцем, да не попустит Митяю хвалящуся разорити место сие святое и изгнати нас без вины» (ПСРЛ, т. XI, с. 38).

[28] См.: Послания Киприана, II, с. 195, примеч. 2—3.

[29] Житие митрополита Петра. — См. наст. изд., с. 214.

Глава 7

«НЕУСТРОЕНИЯ В ЦАРЕХ»

Шестью годами ранее, в 1373 г., Киприан мог быть свидетелем первого «неустроения в царех» — конфликта между Иоанном V Палеологом и его старшим сыном Андроником. Андроник, которому было тогда немногим более двадцати лет, и Сауджи, сын турецкого султана Мурада I, во время похода своих отцов в Азию составили заговор с целью овладения властью. Они «выступили, — как пишет Макарий Мелиссен (XVI в.), — против своих отцов, подчиняя себе области и города, а (места), не покорявшиеся их воле, но сохранявшие должную верность отцам, они захватывали, грабя и порабощая».[1] Мурад, узнав об этом, быстро переправил войска в Европу. Одна из кратких греческих хроник XV в. сообщает, что сражался император Андроник весьма славно, что союзники его, люди Сауджи, воевали тоже замечательно, что было убито ими более пятисот турок, а ромеев пало и было взято в плен тысяча семьсот, но что военные действия длились всего шесть дней, с 25 по 30 мая.[2] Никакой новой политической программы молодые люди, насколько мы знаем, не выдвинули, желая просто сесть на престолы своих отцов.

Конец кампании был плачевным для молодых претендентов. «29 сентября схватил Мурад сына своего Сауджи-бея в городе Ди[ди]мотихе и ослепил его. Бывших же с ним почти всех убил».[3]

В восстании наследников оказались «замешаны и некоторые их сверстники, дети известных и благородных христиан и турок; и они, будучи изловлены, отданы были эмиру. И плачущим их отцам было приказано, чтобы каждый из них собственноручно убил своего сына; а тех, кто не согласился поступить согласно приказу, топили в реке, связав вместе отца и сына. Таковую совершил жестокость и бесчеловечность Мурад, всегда во всем управлявший хорошо».[4]

Схвачен был и Андроник с женой и ребенком. От Иоанна V Мурад I потребовал, чтобы тот со своим сыном поступил точно так же, как он со своим. Он угрожал, как сообщает историк XV в. Дука, в противном случае начать войну. Император Иоанн,

---

[1] Georgius Phranzes. Annales. Bonnae, 1838, p. 50. (Lib. I, cap. 12); новейшее изд.: Georgios Sphrantzes. Memorii 1401—1477. În anexă Pseudo-Phrantzes: Macarie Melissenos Cronica 1258—1481. Ed. critică de Vasile Grecu. Bucureşti, 1966, p. 192.

[2] Λάμπρου Σπ. Βραχέα χρονικά. Ἐκδ. ἐπιμελείᾳ Κ. Ἰ. Ἀμάντου. Ἐν Ἀθηναῖς, 1932, σ. 81 (№ 47). (Далее — Краткие хроники).

[3] Там же. — Согласно же Макарию Мелиссену (Псевдо-Сфрандзи), эмир своему сыну отрубил голову. — См.: Georgius Phranzes. Annales, p. 51 (в изд. В. Греку — с. 192).

[4] Там же.

«либо не решаясь на вражду с Мурадом по причине бессилия, либо из-за недостатка понимания, ибо он был весьма легкомысленным человеком и не глубоко интересовался иными делами, кроме хорошеньких и красивых женщин и (вопроса) которую (из них) и как поймать в свою сеть»,[5] приказал ослепить Андроника, а также своего внука, младенца Иоанна.[6] Но Мурад у своего сына вырвал глаза; у Андроника же, согласно тому же Дуке, один глаз остался зрячим, а у его сына оба глаза продолжали видеть, хотя и начали моргать и косить.[7] Кроме того, Андроник лишен был права наследования престола; 25 сентября 1373 г. Иоанн V провозгласил наследником своего второго сына, Мануила.

Андроник с семьей был заточен в тюремную башню «Анема» и мог просидеть там довольно долго, если бы не борьба между венецианцами и генуэзцами за византийский остров Тенедос, стратегически важный благодаря своему расположению у входа в Дарданеллы. Иоанн V обещал уступить его венецианцам, и потому их соперники генуэзцы решили сменить императора. Тут им и понадобился Андроник.

Летом того года, когда Киприан, став митрополитом, приехал в Киев, генуэнцы помогли Андронику бежать из тюрьмы в Галату и под видом его защиты[8] начали 11 июля[9] (1376 г.) осаду Константинополя.

С просьбой о военной помощи Андроник явился к Мураду. «Эмир же, видя их (греков, — *Г. П.*) разногласия и ссоры, радовался, по поговорке: волк, увидав, что дует сильный ветер с пылью, скакал от радости. Он сказал: „Хороший момент для меня“, — и с радостью выполнил просьбу и дал им войско в шесть тысяч всадников и четыре (тысячи) пехотинцев. И они пошли на город».[10] В этой осаде Константинополя участвовала также дружина сербского Марка Кралевича.[11]

Через 32 дня осады, 12 августа 1376 г., нападающие, сломив сопротивление защитников, ворвались в город и после трех дней уличных боев, в которых генуэзцы потеряли 160 человек убитыми,[12] утвердили в нем Андроника. Отца своего, Иоанна V Палеолога, и двух своих братьев, Мануила и Феодора, Андроник за-

---

[5] Характеристика справедлива: как известно, Иоанн V не постыдился отнять невесту даже у своего любимого сына Мануила.

[6] Ducas. Historia Byzantina. Bonnae, 1834, p. 44.

[7] Ibid., p. 46.

[8] Ibid., p. 45.

[9] Краткие хроники, с. 88 (№ 52).

[10] Georgius Phrantzes. Annales, p. 54—55 (в изд. В. Греку — с. 196); см. также: Краткие хроники, с. 31 (№ 15); Charanis P. An Important Short Chronicle of the Fourteenth Century. — Byzantion, 1938, 13, p. 352.

[11] Успенский Ф. И. История Византийской империи, т. 3. М.—Л., 1948, с. 753; История Византии, т. 3. М., 1967, с. 165.

[12] Краткие хроники, с. 81 (№ 47).

точил в ту же тюремную башню Анема,[13] где сам провел два года.

Через самое малое время по взятии города, по-видимому в сентябре 1376 г.,[14] свергли с патриаршего престола и заточили в монастырь Филофея Коккина. Как напишет спустя пять лет Киприан, Филофея «тогдашний царь (Андроник IV, — *Г. П.*) не въсхоте. Но того лъжными и оболгателными словесы престола сводит и вь монастыри затворят. По своему же нраву избирает Макариа некоего безумна...». Возвышение Макария схоже с возвышением Митяя: в прошлом митрополит Севастии, он был сделан патриархом волей светского правителя, без избрания церковным собором; дерзнул «наскочити на высокый патриаршьский престол царьскым точию хотениемь», «кроме избраниа сборнаго, паче же назнаменаниа Святаго духа».[15] Как и новый царь, новый патриарх, очевидно, был избранником прежде всего генуэзцев.

К новому патриарху из Москвы в Константинополь пришли грамоты «с жалобою на облако печали, покрывшее их очи вследствие поставления митрополита Киприана, с просьбою к божественному собору о сочувствии, сострадании и справедливой помощи против постигшего их незаслуженного оскорбления».[16]

Вероятней всего, авторами этих грамот были князья великорусской политической системы: Дмитрий Иванович, Владимир Андреевич и Дмитрий Константинович. Я разделяю мнение Пл. Соколова, что «сам митр. Алексей в этих хлопотах не участвовал, на что у него было много причин... он был ставленник незаконно низложенного патр. Филофея, и для него едва ли удобны были переговоры с новым патриархом Макарием, направленные к нарушению воли Филофея, выраженной в настольной грамоте митрополиту Алексею же. Митр. Алексей не только не принимал никакого активного участия в деле Митяя, но подобно Сергию Радонежскому все время был против него».[17]

Известно, что, узнав о смерти митрополита Алексея, патриарх Макарий «тотчас пишет в Великую Русь ни в коем случае не принимать кир Киприана и своими грамотами передает ту церковь архимандриту оному Михаилу, о котором знал, что он находится в чести у благороднейшего князя кир Димитрия, вручает ему, кроме рукоположения, всю власть над тою церковью и снабжает его грамотами, чтобы он прибыл сюда (т. е. в Констан-

---

[13] Там же, с. 31—32 (№ 15).

[14] «В 6885 году прекратили поминание патриарха Филофея», — сообщает одна из кратких греческих хроник (№ 47 — Краткие хроники, с. 81). В предыдущей ее фразе речь идет об августе 6884 г. Слова следующей фразы «того же месяца» (ταὐτοῦ μηνός) позволяют думать, что здесь имеется в виду начало 6885 г., т. е. сентябрь 1376 г.

[15] Житие митрополита Петра. — См.: наст. изд., с. 214.

[16] РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 173—174.

[17] С о к о л о в Пл. Русский архиерей..., с. 462.

тинополь, — *Г. П.*) для поставления в митрополиты Великой Руси...».[18]

Полагаю, что о смерти митрополита Алексея патриарх Макарий узнал (а значит, и написал на Русь, утверждая Митяя митрополичьим наместником) своевременно, весной или летом 1378 г., так как прежде Киприана в Константинополе было «много других, пришедших оттуда (из Москвы, — *Г. П.*) людей».[19] Об этом должен был позаботиться заинтересованный князь. Кроме того, не только Макарий для московского князя и Митяя, но и они для Макария могли быть полезны; будучи возведен на патриарший престол «кроме избрания соборного», Макарий, как и Митяй, должен был встретить сильную оппозицию в своей церкви. Поддержка великорусской церкви укрепила бы его положение. Думается, что в срок оповестить патриарха Макария о смерти митрополита Алексея и доставить на Русь его ответные грамоты могли не только заинтересованные москвичи, но и генуэзцы: они стояли за спиной нового византийского правительства и поддерживали наиболее регулярную связь между Босфором и Москвой через Крым и устье Дона. О греческих послах на Руси после протодьяконов Георгия и Иоанна за эти годы нет известий. Генуэзцы, надо думать, обещали князю Дмитрию Ивановичу и Михаилу-Митяю свою помощь в Константинополе и кредит: таким путем итальянцы с выгодою для себя поддержали бы материально «своего» патриарха на вселенской кафедре за русский счет. Именно об этом, видимо, узнал Киприан, и отсюда «куны и фрязы» в его послании 23 июня 1378 г.

Только допуская, что с самого начала своего правления патриарх Макарий применительно к Руси стал действовать в направлении обратном направлению русской политики патриарха Филофея и что его поддержка ободрила московского князя и наместника Митяя, можно понять, почему соборное определение 1389 г., восстанавливающее Киприана в его правах, называет Макария «самым виновным во всей этой истории с русской митрополией» (ὁ τούτων ἁπάντων αἰτιώτατος).[20]

Естественно, что, прибыв весной 1379 г. в Константинополь, Киприан «и здесь нашел обстоятельства неблагоприятными для достижения своей цели» и вынужден был оставаться «в ожидании, питаясь тщетными надеждами».[21] Однако пребывание в столице принесло ему не только разочарования, но, думаю, и некоторое удовлетворение.

При содействии враждебных генуэзцам венецианцев весной или летом 1379 г. коронованные узники башни Анема, «обманув

---

[18] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 205.
[19] Там же, № 30, стб. 173—174.
[20] Там же, № 33, стб. 207—208.
[21] Там же, № 30, стб. 173—174.

караульных болгар»,[22] «чудесным образом вышли из тюрьмы и, переправившись на Восток, вернулись затем с помощью названного эмира (Мурада I, — *Г. П.*) и вошли в Город 1 июля 6887 (1379) года».[23] За полученную от турок поддержку Иоанн V и его сын Мануил обещали платить им ежегодную дань и каждую весну предоставлять двенадцатитысячное вспомогательное войско.[24] Ворвавшись в Константинополь, Иоанн и Мануил не сразу смогли победить Андроника. Бои продолжались в городе: 28 июля нападающие подвергли первому штурму Влахернский дворец, через семь дней — второму и лишь тогда, 4 августа 1379 г., добились капитуляции своих противников. Но сам Андроник IV с семьей бежал к генуэзцам в Галату, захватив с собой в плен, чтобы посадить в галатскую тюрьму, старика Иоанна-Иоасафа Кантакузина, своего деда, императрицу Елену, свою мать, и ее сестер, дочерей Кантакузина. Они были схвачены по подозрению в содействии освобождению Иоанна V и Мануила. Вернется Кантакузин в Константинополь только после заключения мира в 1381 г.[25]

Восстановление власти Иоанна V означало укрепление влияния на Босфоре Венеции, с чем генуэзцы примириться не могли. В греческих водах назревало столкновение флотов двух итальянских республик.

Ситуация в Константинополе и вокруг него еще долго продолжала оставаться напряженной, но падение Андроника означало падение и патриарха Макария. Киприан стал свидетелем того, как Макарий «судомь божиим сборне изметается и извержению яко злославен, и заточению предан бываеть. На томь же убо сборе, — добавляет Киприан, — и аз с иными святители бых, в томь же свитце изверьжениа его подписах».[26]

Ничего не зная о переменах, происшедших в Царьграде, летом 1379 г. из северо-восточной Руси в Константинополь почти одновременно отправились два видных человека, два героя Повести о Митяе. Один из них, Дионисий Суздальский, с которым

---

[22] Georgios Phrantzes. Annales, p. 55 (в изд. В. Греку — с. 196).

[23] Краткие хроники, с. 31—32 (№ 15); см. также с. 88—89 (№ 52).

[24] Laonici Chalcocondylae Atheniensis Historiarum Libri Decem. Bonnae, 1843, p. 63.

[25] См.: Loenertz R.-J. Chronicon breve de Graecorum imperatoribus, ab anno 1341 ad annum 1453 e codice Vaticano graeco 162. — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, 1958, 28, σ. 209; см. также Надгробное слово имп. Мануила его брату Феодору. — PG, t. 156, col. 205 D; Barker T. W. Manuel II Palaeologus (1391—1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. [New Brunswick, N. J.], 1969, p. XXII, 38—40.

[26] Житие митрополита Петра, с. 215. — М. Гедеон (Γεδεών Μ. Πατριαρχικοὶ πίνακες. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1884, σ. 439—440), полагая, что Андроник Палеолог был свергнут в 1378 г., считал, что первое патриаршество Макария окончилось примерно в конце 1378 г. Об этой ошибке можно было бы не упоминать, если бы она не перекочевала в труд А.-Э. Тахиаоса (Ταχιάου Ἀ.-Ἀ. Ἐπιδράσεις. . ., σ. 114).

нам сейчас предстоит ближе познакомиться, бежит тайно, кружным путем, скрываясь от великого князя. Другой едет открыто и прямо, — это сам Митяй; его провожает великий князь Дмитрий Иванович и сопровождает большая свита.

Глава 8

ДИОНИСИЙ СУЗДАЛЬСКИЙ

Не знаю случая, чтобы летописец писал не в прозе. Но характеристика посвящаемого в 6882 г. в епископы Дионисия, «необычайно возвышенная и проникнутая необычайным почтением»,[1] написана во всяком случае не обычной прозой:[2] «... того же великаго говениа на збор (т. е. 19 февраля 1374 г., — *Г. П.*) на Москве преосвященный архиепископ Алексей митрополит постави архимандрита Печерьскаго монастыря именем Дионисиа епископом Суждалю и Новугороду Нижнему и Городцю, избрав его

		Число слов в строке
	мужа тиха, кротка, смѣрены,[а]	9
	хитра, премудра, разумна,[б]	8 (9)
	промышлена же и расъсудна,	9
4	изящена[в] в божественых писаниих,	12 (11)
	учителна[г] и книгам сказателя,	11 (12)
	монастырем строителя,[д]	8 (9)
	и мнишьскому житию наставника,	12
8	и церковному чину правителя,	11
	и общему житию началника,	11
	и милостыням подателя,	9
	и в постном житии добре просиавша,[е]	12 (13)
12	и любовь къ всѣм преизлише стяжавша,	12

---

[1] Приселков М. Д. Летописание XIV в. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922, с. 38.

[2] Текст цитирую по Рогожскому летописцу (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 105—106). Разночтения — по Симеоновской (ПСРЛ, т. XVIII, с. 113—114) и Троицкой (Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 5, с. 445, примеч. 123; Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., 1950, с. 396; а также примечания на с. 114 Симеоновской).

[а] смирена *Сим.*, смерена *Тр.*

[б] и разумна *Тр.*

[в] изящна *Сим.*

[г] и учительна *Тр.*

[д] състроителя *Сим.*

[е] въсиавша *Сим.*, провозсиявша *Тр.*

и подвигом трудоположника,	10	
и множеству братства председателя,	10	
и пастуха стаду Христову,	9	
16 и, спроста рещи, всяку добродѣтель	11	16 (15)
исправлешаго».[ж]	5 (4)	

Ритмичность этой характеристики хорошо заметна на слух. Число слогов в строках колеблется между 8 (9) и 12 (13). Рифмованность и равносложность соседних 11-й и 12-й строк, равенство 13-й и 14-й и близость к равенству 1-й и 2-й, 7-й и 8-й строк побуждают расчленить текст на двустишия. Впечатление стихотворности усиливается созвучием окончаний ряда строк — неупорядоченной и фрагментарной, но рифмой: «разумна» — «расъсудна» (2-я и 3-я строки), «строителя» — «правителя» (6-я и 8-я строки), «сказателя» — «подателя» «предстателя» (5-я, 10-я и 14-я строки), «просиавша» — «стяжавша» (11-я и 12-я строки). В наибольшей мере стихотворность текста выявляется при членении его на четверостишия. Чувствуя это, я не сразу понял и до сих пор не уверен, что до конца понял, отчего это происходит. Во всяком случае оказывается, что количественное отношение двустиший каждой строфы (при разнице в «абсолютных» цифрах) постоянно; второе двустишие всегда превосходит первое на 4 слога (17 и 21, 19 и 23, 20 и 24), лишь в заключительной строфе разница — 5 (20 и 25), но если принять разночтение Симеоновской летописи — «исправльшаго» вместо «исправлешаго», — то и здесь получатся те же 4 слога. Возможно, однако, что последняя строка растянута для завершающего каданса умышленно. Кадансом отмечено и окончание первого четверостишия (12 слогов после 9, 8 и 9). Рифмованное двустишие в конце третьей строфы разрешает ритмическое напряжение как бы сразу двух четверостиший, второго и третьего. Ощутим также ритм интонационных комплексов четверостиший: в первом четверостишии 4 интонационных удара первой строки, 3 — второй строки, 2 — третьей и 3 — четвертой составляют всего 11; во втором четверостишии — 3+2+3+3=11; в третьем — 3+2+4+4=13 и в четвертом — 2+3+3+4=12.

Не может ли это быть отрывком из похвального слова или службы Дионисию Суздальскому? Может: в печерском каноне содержится молитвенное обращение к святителю Дионисию,[3] в Синодике 1552 г. Нижегородского Печерского монастыря Дионисий именуется «преподобным чудотворцем»,[4] имя Дионисия внесено

[ж] исправльшаго *Сим.*

[3] Филарет (Гумилевский). Русские святые, чтимые всею церковию или местно. Описание жизни их, т. 3. Сентябрь—декабрь. СПб., 1882, с. 238.

[4] Макарий, архиеп. Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. СПб., 1857, с. 361.

во многие рукописные и печатные святцы (XVII в.).[5] Но все-таки мы ничего не знаем ни о житии, ни о молитвах, стихирах или канонах Дионисию. Да и посмертную похвальную вставку в летопись сделали бы, вероятней, следом за сообщением о смерти, как обычно. К тому же эмоционально приподнятое отношение летописца к Дионисию обнаруживается и другими записями, например сообщением о кончине чернеца старца Павла Высокого: «...вся братиа по нем плакаша, яко и самому Дионисию прослезити по нем».[6] Не будь вероятность «нечаянного» стихотворчества ничтожно мала, я бы допустил, что известие о поставлении Дионисия в епископы возбудило в летописце такие сильные чувства, что он незаметно для самого себя начал импровизировать в стихах. Заметим, что выделенный период грамматически неразрывно связан с прозаическим контекстом, представляя собой только длинную цепь определений к начинающему его дополнению («мужа»). Но почему незаметно? Потому, во-первых, что мы не знаем, как я уже говорил, случая, чтобы летописец переходил на стихи. Во-вторых, вообще о существовании в это время на Руси книжного стихотворства как самостоятельного литературного жанра мы тоже не знаем.[7] Переводы литургико-поэтических текстов отражали форму их греческих оригиналов — часто изысканную — весьма приблизительно, как бы размыто.[8] Русские же гимно- и молитвотворцы подражали этим переводам, а не оригиналам. Но, конечно, сами переводчики (как раз в это время идет новая волна переводов) и вообще люди, знакомые с греческим языком и византийской литературой (скажем, жившие достаточное для этого время в Византии), должны были иметь представление о том, что такое стихи. Характеристика Дионисия, к сожалению, слишком невелика по размеру, чтобы судить о нормах, которыми руководствовался ее автор. Если будут введены в научный оборот другие подобные тексты, мы когда-нибудь сможем это сделать. Сейчас же остается лишь указать на эту летописную характеристику как на один из древнейших в оригинальной великорусской литературе образцов если не стихотворства, то тонко отточенной ритмической прозы.

Очень уважительно характеризует Дионисия и патриарх Нил, возводя его в 1382 г. в сан архиепископа. Он пишет, что слышал похвалы ему и сам видел его «пост и милостыни, и бдение, и молитвы, и слезы, и вся благая ина, отпуду же въистину божий и духовный знаменуется человек»; «...он поразил греков тем, —

---

[5] См.: Сергий, архиеп. Полный месяцеслов Востока, т. 2. Святой Восток, с. 168—169 (26 июня).

[6] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 147.

[7] См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, с. 12—22.

[8] См.: Trifunović Dj. Hymne de Nicéphore Calliste Xanthopoulos, consacré à la Vierge, dans la traduction de Makarije de l'année 1382. — In: Cyrillomethodianum, № 1. Thessalonique, 1971, p. 64—66; Прохоров Г. М. К истории литургической поэзии. . ., с. 122—132.

как комментирует В. Л. Комарович, — что сумел „святому сбору приложиться", т. е. вступить с собравшимися в беседу и, беседуя „с теми духовно, иже о божественем писании", обнаружил вдруг неожиданные в русском иерархе познания: „знаем обое (и Ветхий завет, и Новый) показа яве", так что все... в нем превзошло похвалы и ожидания».[9]

Что же нам известно конкретно о Дионисии, этом, по словам М. Д. Приселкова, «неразгаданном, но выдающемся церковном деятеле XIV в.»? [10]

Архиепископ Макарий относит к Дионисию запись в Синодике Нижегородского Печерского монастыря 1595 г.: «На память преподобного отца нашего Давида (26 июня) и на преставление (Дионисия в 15 день окт. 1385 г.) в оба дни понахиды и обедни служити собором и кормы на братию ставити большие».[11] Если это справедливо, то мирским именем Дионисия было Давид. «От основателя монастыря св. Дионисия, — сообщает кроме того Макарий, — осталась Печерская икона Божия матери с предстоящими Антонием и Феодосием Киевопечерскими. Икона сия принесена св. Дионисием из Киева и почитается в Нижнем Новгороде чудотворною».[12] «Это дает основание видеть, — умозаключает архиеп. Филарет, — что блаженный Давид пострижен был в иночество в киевской пещерной обители и отсюда принес на берег Волги любовь свою к пещерной жизни. В пещере своей блаженный Дионисий сперва жил один отшельником. Когда же явились желающие подвизаться вместе с ним иночески, он основал (около 1335 г.) монастырь в честь Вознесения господня».[13]

Откуда следует, что монастырь Дионисий основал около 1335 г.? Филарет объясняет: «В 1343 г. из Печерской Дионисиевой обители отправился пр. Евфимий для основания монастыря в Суздале; а до того времени он жил у Дионисия, конечно, не менее 8 лет».[14]

Евфимий Суздальский родился в 1316 г. в Нижнем Новгороде и еще отроком, «от многих слышав о преподобнем Дионисии Печерьском и о святей обители, и о ученицех его, благопослушных постницех», разжегшись «теплотою духовною», пришел в Дионисьеву обитель и «вда себе на многие труды, и на молитву непрестанную, на алкание, и на жажду, на молчание, и на земли легание...».[15] Отроком Евфимий был в 30-х гг., но отрок — поня-

[9] См.: РИБ, т. 6, № 23, стб. 199; Комарович В. Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью. — ТОДРЛ, т. XXX, с. 52.

[10] Приселков М. Д. Летописание XIV в., с. 38.

[11] Макарий, архиеп. Памятники церковных древностей. . ., с. 363—364.

[12] Там же, с. 363, сноска 1.

[13] Филарет (Гумилевский). Русские святые. . ., т. 3, с. 232.

[14] Там же, сноска 117.

[15] Житие Евфимия Суздальского. — Я пользовался списками ГПБ, ОЛДП, F. 233 (175), Сборник, XVII в., и ГПБ, ОЛДП, Q. 722, Сборник, XVIII в.; в данном случае ссылаюсь на л. 106—110 первого из них и на л. 416—419 второго.

тие довольно емкое. Другой будущий ученик Дионисия, Макарий Желтоводский, или Унженский, сбежал из дома, переоделся нищим и, сказавшись сиротой, просил Дионисия постричь его в монахи, когда ему было всего 12 лет.[16] Если Евфимию в момент пострижения было столько же или немногим больше, то, стало быть, Печерский Вознесенский монастырь Дионисия приобрел известность в Нижнем Новгороде уже в конце 20—начале 30-х гг.

Евфимий прожил у Дионисия «не мало время (а точнее, до 36 лет, — *Г. П.*), никоея же своея воля имый», прежде чем в 1352 г. или около этого года Дионисий избрал из своей братии двенадцать человек, в том числе и Евфимия, и послал «в верхняя грады и страны, — иде же бог кого благословит» — основывать новые монастыри. В 1352 г. по просьбе князя Бориса Константиновича Евфимий основал в Суздале храм и «общий монастырь» во имя Преображения. Еще по дороге туда он «церковь постави» и «общее житие устрои» в красивом месте в пяти «поприщах» от града Гороховца.[17]

Поскольку, как мы видим, ученики Дионисия основывали общежительные монастыри, киновии, несомненно, что и Дионисьева «Печера» была по устройству общежитием. Это важно отметить потому, что Сергий Радонежский свою знаменитую Троицкую обитель преобразует из особножития («идиоритма») в киновию — преобразует, подчиняясь грамоте патриарха Филофея и преодолевая сопротивление своей братии, — лишь в 1355 г. Общежительная же монастырская система служит для этого времени верным признаком византийского исихастского влияния.[18]

Напутствуя Евфимия, Дионисий пророчествовал, что «в последняя времена, по нашему к богу отшествии, будет запустение граду сему (т. е. Нижнему Новгороду, — *Г. П.*) и святым божиим церквам и монастырем разорение от поганых и безбожных агарян».[19]

Похоже, что как увлеченность «молчальническим» подвижничеством и знакомство с организацией монашеских общежитий, так и сознание растущей мусульманской опасности Дионисий вынес с Балкан. Его, как мы увидим, знали и желали видеть в патриархии и прежде известных нам его поездок в Царьград в 70—80-х гг., в конце жизни. Возможно, Дионисий побывал в Византии еще молодым человеком.

В Нижнем Новгороде, не будучи еще епископом, Дионисий оказывал очевидное влияние не только на простых молодых лю-

---

[16] См.: Филарет (Гумилевский). Русские святые. . ., т. 2. Май—август. СПб., 1882, с. 430.

[17] ГПБ, ОЛДП, F, 233 (175), л. 113—116; ГПБ, ОЛДП, Q. 722, л. 421—423.

[18] См.: Ταχιάου Ἀ.-Ἀ. Ἐπιδράσεις. . ., σ.42—55; Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль. . ., с. 97—98, 105—106.

[19] ГПБ, ОЛДП, F. 233 (175), л. 115—115 об.; ГПБ, ОЛДП, Q. 722, л. 422 об.—423.

дей, но и на княжеское семейство. Постриженная им в 1371 г. сорокалетняя вдова князя Андрея Константиновича Василиса-Феодора раздала свое имущество, отпустила на свободу челядь, удалилась в ею же прежде основанный Зачатейский монастырек и жила «в молчании, тружаяся рукоделием», предаваясь строжайшей аскезе. «Таковое же доброе и чистое житие ея видевши, мнози болярыни, жены и вдовицы, и девицы мнози постригошася у нее, яко бысть их числом и до девяноста, и все общее житие живяху».[20]

Епископом Дионисий был сделан перед самым началом «розмирия» Руси с татарами. Великий князь Дмитрий Константинович как раз тогда (6882, т. е. 1374 г.) укреплял Нижний Новгород материально — «повеле делати каменную стену, и зачаты Дмитриевские ворота»,[21] — Дионисий же в качестве епископа должен был, очевидно, обеспечивать духовную крепость этого восточного форпоста Руси.

Это его нижегородские прихожане ознаменовали начало «розмирия» нападением на послов Мамая и пленением Сарайки «с его дружиною».

Именно для него, епископа Дионисия, не пожалел одного из последних своих выстрелов отбивавшийся от преследовавших его воинов Василия Дмитриевича Суздальского обреченный Сарайка. Он чуть промахнулся — стрела лишь задела оперением подол епископской мантии. Это было 31 марта 1375 г.

Два года спустя по благословению епископа Дионисия была создана, написана знаменитая Лаврентьевская летопись — один из самых интересных и содержательных памятников древнерусской культуры. Ее рассказ обрывается известной заключительной припиской писца, «мниха» Лаврентия, на 1305 г. Но благодаря тому, что сохранилась сама написанная в 1377 г. рукопись, оказывается возможным увеличить наши знания и о 1377 г.

Подвергнув манускрипт Лаврентьевской кодикологическому анализу (проще говоря, разглядывая его по листочку и со всех сторон с помощью лупы, ультрафиолетовых лучей и просто так), я пришел к выводу, что Лаврентий что-то торопливо переделывал в своей работе — переделывал при участии какого-то другого писца, гораздо более решительного, чем он, человека, но писца непрофессионала (не имел под руками киновари и не оставлял для нее мест). Внешне переделка выразилась в переброшюровке двух тетрадей (одна стала больше, другая меньше), в замене — иногда неоднократной — некоторых листов и пар листов (нарушение характерного для писца порядка чередования выпуклых и вдавленных линеек разграфки, склейка листов «не-

---

[20] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 132—133.

[21] См.: Древняя российская вивлиофика, издаваемая Н. Новиковым. Изд. 2-е, т. 18. М., 1791, с. 77—79, — своего рода «летопись» Нижнего Новгорода.

естественным» образом) и в появлении в рукописи трех «стыковых» листов, т. е. листов, призванных соединить новый, измененный текст со старым. На этих трех листах — то необычно большое, то необычно малое количество текста, а в конце, на обороте каждого из них, мы видим пробел, не нарушающий, однако, связности рассказа. Как раз перед этими тремя пробелами — и только перед ними! — и появляется в рукописи почерк помощника Лаврентия, «смельчака-непрофессионала» (в котором я готов видеть самого Дионисия). Все эти «следы» (не говорю здесь о мелочах) группируются на довольно тесном пространстве, резко выделяя как раз ту часть книги, где речь идет о татарском завоевании Руси.[22]

В чем же состояла переделка летописного повествования?

О самом факте переделки и об инициативе в этом деле Дионисия Суздальского говорил уже В. Л. Комарович, совершенно не знакомый с особенностями рукописи Лаврентия. Его к этому выводу привело открытие в тексте повести о Батыевой рати необычайно большого числа заимствований из предшествующей части летописи.[23] Изучив по стопам В. Л. Комаровича эту повесть и установив, что ее текст на треть сшит более чем из тридцати лоскутков других рассказов, я тоже пришел к убеждению, что человек, придавший повести ее теперешний вид, не был ни очевидцем, ни современником описываемого и жил в XIV в. Круг его интересов географически ограничивался Москвой, Владимиром, Суздалем (вернее, всей Суздальской землей) и в меньшей степени Рязанью. Вместо рассказа о бесславном поражении разобщенных русских князей (Ипатьевская, Новгородская 1 летописи) он предлагал читателю пример мужественной, вероисповедно-непримиримой, дружной борьбы христиан-русских с иноверцами-татарами. Хотя князья — герои повести (Юрий Всеволодич Владимирский и Василько Ростовский) и гибнут, ясно, что они, не капитулировавшие от страха, внутренне не поддавшиеся татарам, почти святые. Редактор явно мечтал о крестоносной — «за правоверную веру христьянскую» — борьбе сплоченных церковью русских князей против татар и почти призывал их к этой борьбе («Брань славна луче есть мира студна»).[24]

Первым читателем, получателем летописи должен был быть, согласно приписке Лаврентия, нижегородско-суздальский великий князь Дмитрий Константинович.

Написана Лаврентьевская летопись была в промежуток с 14 января по 20 марта 1377 г. А как раз в марте 1377 г. со-

---

[22] См.: Прохоров Г. М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — Вспомогательные исторические дисциплины, 1972, т. 4, с. 77—104.

[23] См.: Комарович В. Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью, с. 41—46.

[24] См.: Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 77—98.

стоялся первый — первый со времен завоевания татарами Руси! — поход русских на татар. Поход этот был направлен на вассальный Мамаю волжский город Булгар.

Семь лет назад, в 1370 г., князь Дмитрий Константинович, «собрав воя многы», послал на Булгар «брата своего князя Бориса и сына своего князя Василия», но в тот раз он действовал как вассал татарского «царя»: с войском шел «посол царев именем Ачихожа».[25] Используя русскую военную силу, Мамай посадил тогда на булгарском престоле угодного ему человека. Теперь действовала коалиция русских князей и действовала независимо и даже против татар : «князь великий Дмитрий Иванович посла князя Дмитрия Михайловича Волыньского ратию на безбожныя Българы, а князь Дмитрий Костянтинович Суждальский посла сына своего князя Василиа и другаго сына своего князя Ивана, а с ними бояр и воевод и воя многы» (далее — собственно рассказ об этом походе).[26] Значит, тот самый князь, которому предназначалась Лаврентьевская летопись, посылал своих сыновей в этот поход.

Порядок работы над Лаврентьевской летописью нам не известен; повествованием о татарском нашествии могли ведь заняться и вне очереди. Ясно только, что редакторы очень спешили: отсюда огрехи в оформлении и содержании рукописи — следы, по которым мы и узнаем о переделке. И торопливость здесь объяснима: 16 марта, когда работа над летописью еще не была завершена, но близилась к концу, русские войска «приидоша к Блъгаром».

Нам, я думаю, трудно сейчас (или нетрудно?) представить себе ту гигантскую общественно-психологическую работу, которая должна была предварить этот сравнительно небольшой поход. Он был успешным (Мамат-Салтан и Асан, правившие в Булгарах, капитулировали и заплатили дань), но ничего существенно во внешних обстоятельствах Руси он не изменил. В том же 1377 г. Мамай объединил под своей властью все расположенные на запад от Волги улусы Золотой Орды (за исключением только Астраханского улуса Хаджи-Черкеса),[27] так что угроза с его стороны не уменьшилась, а выросла. Важность этого похода именно в том, что он — первый антитатарский. Чтобы просто на него решиться, надо было побороть — или хотя бы пожелать побороть — уже почти стопятидесятилетний страх перед татарами. А для этого следовало соответствующим образом пересмотреть и переосмыслить историю завоевания татарами Руси. Повесть о Батыевой рати Лаврентьевской летописи как раз и отвечает этой потребности, учит мужественно бороться с татарами. Направ-

---

[25] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 92.

[26] Там же, стб. 116.

[27] См.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, с. 131.

ленность ее, заметим, точно та же, что в гимнах и молитвах патриарха Филофея, — «на поганыя».

Прибегнув к литературным средствам и, очевидно, выдавая свою переделку за первоначальный летописный рассказ, епископ Дионисий и «мних» Лаврентий прикровенно, как бы устами летописца XIII в., благословляли современных им русских князей на освободительную антитатарскую борьбу. Три года спустя Сергий Радонежский откровенно благословит князя Дмитрия Ивановича на битву с Мамаем.

Глава 9

СТОЛКНОВЕНИЕ ДИОНИСИЯ С МИТЯЕМ

За лето 1378 г. были опустошены — очевидно, в отместку за поход на Булгар — восточная и южная окраины Руси; в июле, в отсутствие князя Дмитрия Константиновича, подвергся нападению Нижний Новгород; жители разбежались, и город был взят и сожжен; на обратном пути татары «идучи повоеваша Березово поле и уезд весь»;[1] а через две недели к великому князю Дмитрию Ивановичу пришла весть, что с юга на Москву идет татарское войско.

Собрав «воя многы», князь выступил татарам навстречу. В Рязанской земле, за Окой, на реке Воже произошла битва. «И поможе бог князю великому Дмитрею Ивановичу: одоле ратным и победи врагы своя и прогна поганых татар, и посрамлении быша окааннии половцы, възвратишася с студом без успеха нечестивии измалтяне...», — записал торжествующий летописец.[2]

Осенью неожиданным набегом татары захватили Переяславль Рязанский. Князь Олег, не будучи готов к обороне, «град свой поверже и перебежа за Оку», на север. Рязанскую землю постигла та же судьба, что незадолго перед этим нижегородскую: столицу татары «огнем пожгоша, и волости и села повоеваша, а люди много посекоша, а иные в полон поведоша и возвратишася во страну свою, много зла сотворивше».[3]

В это лето напомнил о себе Иван Васильевич Вельяминов. Из мамаевой Орды он послал в Московскую Русь своего доверенного человека, некоего попа. Того схватили и обнаружили у него «злых зелеи лютых мешок». Боярин-эмигрант хотел кого-то отравить? Попа, «много истязавше», сослали на Лаче озеро, «иде же бе Данило Заточеник».[4] Неизвестно, что у него выпытали.

---

[1] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 133—134.
[2] Там же, стб. 134—135.
[3] Там же, стб. 135.
[4] Там же, стб. 135—136.

Михаил-Митяй запасался тем временем деньгами для путешествия в Константинополь: «по всей митрополии с попов дань сбираше и рожественное и урокы и оброкы и пошлины митрополичи, — то все взимаше, готовяшеся на митрополию, и тщашеся и наряжашеся ити к Царюграду на поставление».

При в общем благоприятных для него перспективах Митяя должно было беспокоить проникновение на Русь и распространение монахами посланий Киприана, особенно второго его послания. Известно, что и Евфимий Суздальский ходил к Сергию Радонежскому беседовать;[5] через него список послания мог попасть не только в Суздаль, но и в Нижний Новгород к его учителю Дионисию. В Кремль к князю и наместнику поступали, конечно, доносы, и митрополичьи бояре и отроки должны были по долгу службы преследовать монахов.

Я думаю, Митяй не мог не читать написанного о нем Киприаном: «...как у вас стоить на митрополице месте чернець...?». «Не блюдеть ли ся казни божиа?»; «Веруите, братия, яко лучше бы ему не родитися!». Об этом мы можем судить по тому, что Митяй «еще дотоле преже даже не иде к Царюграду, въсхоте поставитися в епископы на Руси», захотел сидеть на митрополичьем месте не чернецом, а епископом. Не в Константинополе, конечно, должен был помочь Митяю епископский сан, а дома, на Руси, — в общественном мнении. После грамот патриарха Макария Митяй мог не сомневаться в благополучном для него исходе дела в патриархии. Но еще до отправления в Константинополь ему нужно было спасти свой авторитет, стать епископом, чтобы было что «ответить» Киприану и монахам.

«В один от дний беседует Митяи к князю великому, глаголя: Почтох книгы Намаканон, яже суть правила апостолскаа и отечьскаа, и обретох главизну сицю, яко достоить епископов 5 или 6, сшедшеся, да поставят епископа. И ныне да повелит дръжава твоя с скоростию: елико по всей Русстей епархие, дя ся снидут епископи да мя поставят епископа». По мнению Пл. Соколова, «Михаил руководился не только правилами св. отец, но и, главным образом, летописным рассказом о поставлении Климента при Изяславе и знал его и по Лаврентьевской летописи, где говорится об участии шести епископов, и по Ипатиевской летописи, где говорится об участии пяти епископов».[6]

«По повелению же княжю собрашася епископи». Это произошло не раньше осени 1378 г. — после писем на Русь Киприана — и прежде лета 1379 г. (какое-то время должно было пройти перед отправлением Митяя в Царьград). Вероятнее всего, епископы были собраны в Москву весной 1379 г.[7]

«Ни един же от них дерзну рещи супротив Митяю, но тъкмо Дионисий, епископ Суждальскыи». Дионисий показал свою по-

[5] ГПБ, ОЛДП, F. 233 (175), л. 134, 146.
[6] Соколов Пл. Русский архиерей. . ., с. 482—483.
[7] Ср.: там же, с. 487.

зицию еще прежде — как только прибыл в Москву, — не явившись в отличие от других епископов поклониться Митяю и попросить у него благословения. Он оказался «единомудрен» с игуменами Сергием и Феодором, адресатами Киприана! На собрании епископов Дионисий «по многу възбрани князю великому, рек: „Не подобает тому тако быти!“». Чем Дионисий подкрепил свой протест, мы не знаем. Но факт — что князь его послушал. Дмитрий Иванович не отказался, разумеется, от желания разделить митрополию и от своего ставленника в митрополиты, но отказался от давления на епископов с целью приобретения Митяем епископского сана.

Князь, как и Митяй, читал, наверное, послание Киприана и знал, что тот его проклял и отлучил от церкви. Однако он не осмелился, кажется, сделать зла адресатам этого послания, Сергию Радонежскому и его племяннику, поддерживавшим связь с Киприаном. Насколько мы можем судить, реакция правителей ограничилась смутными угрозами в адрес старца и его монастыря со стороны Митяя. От гнева временщика спасти Сергия должна была чрезвычайная его популярность, высокий его авторитет в народе. Князь мог себе представить, что если бы он не уступил Дионисию и сделал свой конфликт с церковью открытым, монахи, повинуясь Киприану, ответили бы ему тем же. Он, наверное, побоялся. «Митяй же виде себе осрамлена и умышление его безделно бысть».

Гнев Митяев обратился на Дионисия. Почему тот, явившись в Москву, не пришел прежде всех к нему — поклониться и принять благословение? «Не веси ли кто есмь аз: власть имам во всей митрополии!». Ответ Дионисия должен был углубить рану, нанесенную Митяю Киприаном: «Не имаши на мне власти никоея же! Тобе бо подобает паче приити ко мне и благословитися и предо мною поклонитися, — аз бо есмь епископ, ты же поп! Кто убо боле есть, епископ ли, или поп?». В бессильной злобе Митяй мог лишь пообещать: «Ты мя попом нарече, а аз в тобе ни попа не доспею, а скрижали твои своима рукама спорю! Но не ныне мъщу себе, но пожди, егда прииду от Царяграда!». «И мнозе распре бывше междю има».

Митяй, как видим, был уверен в успехе своего дела в Цареграде. Однако Сергий, согласно его Житию, предсказал, что Митяй ни митрополитом не станет, «ни Царьскаго града не имат видети». Когда это сбылось, все «имеяху святого Сергия яко единого от пророк».[8]

Оказавшись не в состоянии получить епископский сан на Руси и тем нейтрализовать одно из главных обвинений своих противников, Митяй сам взялся за перо.

В начале 60-х гг. XIX в. академик И. Срезневский видел в библиотеке св. Синода рукописный сборник «Цветец духовный»

---

[8] Житие Сергия, с. 132.

в списке XVII—XVIII в., где читал выписки из сочинений отцов церкви, «еже написа право во истинну митрополит Михаил от Пчелы правоверья, укоризны наводяче на Дионисия, еже о иноцех властолюбцех», как гласила предшествующая выпискам надпись.[9] К сожалению, ученый не указал более точно места хранения этой рукописи. В Синодальном собрании Государственного исторического музея в Москве ее не удалось обнаружить. Каталог коллекции рукописей Синода в Петербурге был составлен значительно позже — в начале XX в.; там не зарегистрирована рукопись под названием «Цветец духовный».[10] Допустив, что она могла скрыться под безличным названием «сборник», я искал Митяевы выписки в сборниках Центрального исторического архива в Ленинграде, но не нашел. Не теряю надежды, что рукопись эта еще найдется. Но пока приходится довольствоваться тем немногим, что списал из нее И. Срезневский.

Итак, Митяй делал выписки из книги «Пчела правоверия», наводя укоризны на Дионисия. Набор выписок был, очевидно, Митяем прокомментирован, так что из комментария можно было понять, кем, против кого и в каком смысле он направлен, ибо переписанное И. Срезневским заглавие, где Михаил называется в третьем лице и величается митрополитом, сочинено, я думаю, не им самим. И. Срезневский считал, что заглавие написано кем-то из сторонников Михаила-Митяя, вполне уверенных, что митрополитом он будет.

Перевод «Пчелы» — сборника изречений античных мудрецов, отцов церкви и извлечений из священного писания — в это время на Руси уже существовал. Сохранилось четыре его списка конца XIV в. Все они представляют одну редакцию, стоящую «во главе целой фаланги редакций, с которыми старая „Пчела" дожила до XVIII века».[11]

В этой редакции семьдесят глав, но среди них нет главы под названием «О иноцех властолюбцех» (нет такой главы и в остальных редакциях); есть — «О власти и княжении», «О смирении», «О самолюбьи», «О зависти» и др., но об иноках и о властолюбии специально ничего нет.[12] Ясно, что «о иноцех властолюбцех» — не название того источника, откуда черпал Митяй свои укоризны, а тема, которой он их объединил, т. е. суть его обвинения в адрес Дионисия.

---

[9] Срезневский И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). Общее повременное обозрение. СПб., 1863, с. 110.

[10] См.: Никольский А. Описание рукописей, хранящихся в архиве св. правительствующего Синода, т. 1—3. СПб., 1904, 1906, 1910.

[11] См.: Семенов В. Древняя русская «Пчела» по пергаменному списку. СПб., 1893. — Относительно возможного времени перевода «Пчелы» с греческого языка на русский см.: Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904, с. 329.

[12] Оглавление см.: Семенов В. Древняя русская «Пчела». . ., с. XV—XVI.

Чем же в «Пчеле» мог воспользоваться Митяй, остается только гадать (может быть, следующим высказыванием апостола: «Покоритеся всякой твари человечьстей Господа ради: цареви — яко владущу, агемоном — яко послании суть на месть злодеем, а на похвалу добродеем»?).[13] Но мы знаем, в чем он обвинял Дионисия, — в властолюбии. К сожалению, мало известно о деятельности Дионисия за время после смерти митрополита Алексея и до бегства в Царьград, — только то, что он «по многу възбрани князю великому» принуждать собор русских епископов возводить в епископы Митяя. Конечно, Митяй мог уже и этот эпизод истолковать в том смысле, что Дионисий из властолюбия дерзнул противиться воле князя и возражать ему. Несомненно даже, что именно эта акция, сорвавшая попытку Митяя укрепить свои позиции, вынудила его взяться за перо. Но Митяй отвечал своими выписками, наверное, не только Дионисию на его бунт, но и Киприану на его второе послание. Вспомним, что там написано: «Не весте ли, яко грех людский на князи, и княжьский грех на люди нападаеть?». Разве отсюда нельзя сделать тот вывод, что Киприан призывает монахов указывать князю, как не грешить, — т. е. вмешиваться в деятельность светских властей? Разве, наконец, вся борьба Киприана за митрополичий престол не была одновременно борьбой за церковное единство Великой и Малой Руси, а стало быть, и за мир между ними и союз? Упрек во властолюбии относился, я думаю, не к одному Дионисию, и не к Киприану только с Дионисием, а и к Дионисию, и к Киприану, и к Сергию Радонежскому, и к Феодору Симоновскому, и ко всем «единомудренным» с ними — ко всей иноческой «партии».

Мы не знаем, на каких читателей были рассчитаны публицистические выписки Митяя, — списков их практически не сохранилось. Но у великого князя, по желанию которого это произведение и создано-то, наверное, было, оно явно имело какой-то успех, — раз Дионисий начал «помышляти ити к Царюграду». Это значит, что в Москве Дионисий ничего уже не мог сделать, не мог больше повлиять на князя, и как на последнее средство он решился на поездку в Константинополь, несмотря на то что обстановка там благоприятствовала не ему, а его противнику Митяю.

С патриархией у Дионисия, как мы говорили, существовали какие-то собственные связи. Патриарх Нил в 1382 г. написал, что Дионисия хотел видеть кто-то из его предшественников: «сего иже прежде нас патриарх видети въсхоте... прийти повеле ему».[14] Непосредственным предшественником Нила был заместивший Филофея Макарий, опора Митяя. Он мог повелеть Дионисию явиться в Константинополь для того разве, чтобы избавить от него Митяя. В таком случае, однако, он нашел бы способ из-

---

[13] ГПБ, F. р. I. 44, л. 31—31 об.
[14] РИБ, т. 6, № 23, стб. 199.

вестить об этом и Митяя, но тот, как мы увидим, препятствовал отъезду Дионисия. Сопротивление князя и Митяя поездке Дионисия в Константинополь исключает вызов Дионисия патриархом Макарием. Другое дело патриарх Филофей: он в свое время побуждал митрополита Алексея поддерживать как можно более тесную связь с патриархией, лично являясь туда раз в два года или через своих людей.[15] Вообще он стремился укрепить славяно-греческие церковные связи. Дионисий мог быть знаком с Филофеем: выше мы приводили соображения в пользу того, что увлекся молодой Дионисий исихазмом непосредственно на Балканах. Личное знакомство Филофея с Дионисием (допустим, на Афоне) вполне удовлетворительно объяснило бы желание Филофея, вселенского патриарха, видеть суздальского епископа в тот момент, когда Киприану нужно было найти сторонников на Руси. Кроме того, в условиях «розмирия» интерес к Дионисию могло питать крайнее восточное, пограничное положение его епархии. Ведь именно с Нижним Новгородом связаны все первые антитатарские действия — как народные, так и княжеские. Передать Дионисию приглашение могли патриаршьи послы 1376 г., протодиаконы Георгий и Иоанн. Но Дионисий, даже если бы он сразу отправился в Царьград, уже не застал бы Филофея в патриархах; он же, видимо, помедлил, занятый психо-идеологическими проблемами, связанными с «розмирием», в том числе Лаврентьевской летописью, а затем пришла весть о перевороте в Константинополе и приглашение потеряло силу.

Теперь, в 1379 г., борьба с Митяем вынудила Дионисия к путешествию на Босфор. Однако его намерение стало известно Митяю, и тот «поведа князю великому, дабы запретил Дионисию; князь же великий отъинудь възбрани Дионисию: Не ити к Царюграду, да не сотвориши пакости, никакоя споны Митяю, дондеже приидет в митрополитех. И повеле Дионисия нужею удръжати». Епископ суздальский оказался под арестом.

Увидев себя «нужею крепко дръжима», Дионисий прибег к хитрости, «преухитри князя великого». Он обратился к Дмитрию Ивановичу с просьбой: «Ослаби ми и отъпусти мя, да живу по воле. А уже к Царюграду не иду без твоего слова. А на том на всем поручаю тебе по себе поручника старца игумена Сергия».

Дионисий, как видим, счел, что сло́ва его самого недостаточно, но что поручительство Сергея Радонежского должно обеспечить ему княжеское доверие. Не знаем, — но это и не важно, — существовала или нет предварительная договоренность Дионисия с Сергием о том, как поступать в случае ареста кого-нибудь из них, и удалось ли Дионисию из места его заключения снестись с Троицким игуменом. Дионисий мог ссылаться на Сергия, просто будучи уверен, что тот, когда к нему придут спросить, согла-

---

[15] Там же, Прил., № 9, стб. 49—50; № 17, стб. 103—106.

сен ли он поручиться за него, не откажется. И дело тут не обязательно в личных отношениях этих двух выдающихся русских общественных деятелей-монахов (эти отношения, по всей вероятности, существовали с 1365 г. — времени посещения Сергием Нижнего Новгорода, но мы о них ничего не знаем), скорее дело тут в общих целях, определявших поведение того и другого. Редактор Никоновской написал очень правдоподобно, что «мняше Митяй, яко съединилися единомыслено преподобный игумен Сергей Радонежский с Дионисием епископом Суждальским и не хотят поставлениа его в митрополиты».[16]

Расчет Дионисия оказался верен: князь — не в пример Митяю — чувствовал еще какое-то уважение к Троицкому старцу и поручительство того решило дело. Князь внял мольбе Дионисия, поверил его обещанию, «устыдевся поручника его» и, поставив такие условия: «Ти не ити к Царюграду без моего слова, но ждати до году Митяевы митрополии», — выпустил его на свободу.

Дионисий же, добравшись до Волги, «с неделю не помедли и въскоре бежанием побежа к Царюграду»: «не пождав ни единаго дни»,[17] сел в корабль, который и понес его вниз по Волге к Сараю.

Спустя несколько лет, когда вся расстановка сил изменится и митрополитом окажется человек, которого никто не ожидал увидеть во главе русской церкви, Дионисий будет добиваться его свержения и сам на какой-то миг станет митрополитом. Но полагать, что уже в эти годы Дионисий был «претендентом на руководство русской церковью», соперником Митяя и Киприана, «претендентом, выдвинутым суздальско-нижегородскими князьями», в одновременно «ставленником ордынской дипломатии»,[18] оснований, на мой взгляд, нет. И. Б. Греков полагает, что «примерно с 1378 г. суздальско-нижегородские князья отошли от московского князя и открыто заняли позицию нейтралитета в происходившей тогда борьбе Москвы с Ордой», а также захотели «иметь в лице Дионисия „своего“ общерусского митрополита».[19] Доказать это невозможно. Будь это так, Сергий Радонежский, конечно, не оказал бы Дионисию никакой поддержки. О проордынской ориентации Дионисия свидетельствует, в глазах И. Б. Грекова, «сам путь следования Дионисия в Царьград — через Суздаль, Нижний Новгород, далее на судах по Волге к Сараю, потом, видимо, Крым, Черное море, Константинополь». В Царьград, по И. Б. Грекову, Дионисий стремился именно «за получением титула общерусского митрополита». «Поскольку Орда обеспечивала безопасность следования через ее территории именно Дионисию, — пи-

---

16 ПСРЛ, т. XI, с. 38.

17 ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 137.

18 Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды, с. 117, 119.

19 Там же, с. 117.

шет И. Б. Греков, — и не обеспечила ее для других претендентов на руководство русской церковью (например, для Митяя или Киприана), следует думать, что ордынская дипломатия была заинтересована как в поездке Дионисия в Царьград, так и в создании с его помощью на нижегородской почве именно общерусского церковного центра».[20] Оснований для такой трактовки политики нижегородских князей и поведения Дионисия в 1378—1379 гг., повторяю, ни источники, ни сами события, конечно, не дают никаких. И возможно ли, чтобы ордынская дипломатия тех лет была заинтересована в создании общерусского церковного центра?

Что же касается выбранного Дионисием пути бегства, то он понятен. Если бы он бежал из Москвы на запад, к Литве или на юг, через рязанские земли, то он рисковал бы быть пойманным в русских пределах. До Нижнего же Новгорода он мог добраться, не вызывая ничьих подозрений, а там, ступив на палубу плывущего вниз по Волге купеческого, скажем, корабля, сразу оказаться вне пределов досягаемости возможных преследователей. На южном пути бегства он мог оказаться в еще, наверное, более для него страшных руках — мамаевых татар. А на левобережье низовий Волги с Сараем-Берке и другими расположенными здесь городами власть Мамая не распространялась. Может быть, Дионисий бежал, изменив внешность. В Сарае-Берке беглец мог найти отдых и ободрение у епископа Матфея — ставленника митрополита Алексея, как и сам Дионисий.[21] Возможно, Дионисий обошел Черное море с юга, через Трапезунд. Во всяком случае путь его в Царьград был очень долгим. Когда он там появился, решение относительно русской митрополии в патриархии уже было принято.

Повесть о Митяе в Никоновской летописи, произведение XVI в., сообщает о реакции в Москве на бегство Дионисия: «И печаль бысть о сем великому князю, и смутися Митяй и негодоваше на Дионисия, еще же и на преподобного игумена Сергия...».[22] Первая же редакция Повести сохранила отражение несколько иных чувств, вызванных у Митяя бегством Дионисия: «Митяй же болшее оправдание себе и дрьзновение стяжа, а на Дионисиа поношение и негодование». Выходит, бегство противника доставило Митяю прежде всего удовлетворение. И это понятно: если у князя до сих пор оставались какие-то сомнения относительно избранного им направления и способа действий, если князь, может быть, помимо воли прислушивался еще к словам монахов, — ведь поверил же он поручительству Сергия! — то теперь, с точки зрения Митяя, всему этому должен был быть положен конец. Это был апогей того обратного влияния на князя Дмитрия Ивановича, какого Митяю, его креа-

---

[20] Там же, с. 118—119.
[21] См.: ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 123.
[22] ПСРЛ, т. XI, с. 38.

туре и его орудию, удалось достичь. Князь всегда благоволил своему духовному отцу и бывшему печатнику, но именно в этом месте рассказа — случайно ли? — автор Повести заметил: «Князь же великий зело любяше Митяя и чтяше и́, и в сласть послушаше его». Кажется, эта фраза должна объяснить что-то недоговоренное, известное современникам автора, что ему по каким-то причинам не захотелось назвать своим именем и часть ответственности за что он как бы перекладывает тем самым с князя на Митяя. В самом деле, следующую фразу он начинает со слов: «Надо всеми же сими дръзну Митяи. . .». Было в характере Митяя, мне кажется, воспользоваться моментом особенной чести и любви у князя, чтобы заставить того принять более крутые меры по отношению к оставшимся на Руси столь явным сторонникам беглеца, как Сергий Радонежский. Очевидно, именно в этот момент «послушания всласть» князя Дмитрия Ивановича Михаилу-Митяю угроза существованию Сергиевой лавры и других подобных исихастских общежитий была наибольшей.

Но долго наслаждаться своей победой Митяй не мог: ему следовало торопиться в Царьград. Все как будто благоприятствовало его делу — и решительность великого князя, и расположение патриарха, и готовность генуэзцев предоставить займы; однако не стоило давать возможность такому энергичному врагу, как Дионисий, опередить его в Константинополе.

Глава 10

СМЕРТЬ МИТЯЯ

Митяй отправился в путь вскоре после бегства Дионисия. В Повести о Митяе сказано, что это произошло «по времени», но время это, очевидно, было так мало, что позже, когда стал известен путь бегства Дионисия и когда вносили соответствующую запись в статью 6887 (1379) г., казалось, что они пошли «в едино время, токмо не в един путь».[1] Москву Митяй покинул в двадцатых числах июля 1379 г.: во вторник 26 июля он переправлялся через Оку, пограничную реку московского и рязанского княжеств.

Провожали Митяя торжественно: «И проводиша его честно сам князь великий с бояры старейшими, тако же и епископи, и архимандриты, и игумени, попове, диакони, черньци и множьство народа, и увернушася от него назад». Многочисленной была и его

[1] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 137.

свита: шесть митрополичьих бояр, три архимандрита, два переводчика, один печатник, множество игуменов, попов, дьяконов, монахов, «и крилошане володимерьскыи, и люди дворные, и слугы пошлые митрополичи». Кроме того, с Митяем шел посол московского князя «болший боярин» Кочевин-Олешинский.

Митяй вез с собой казну и ризницу митрополичью, а также (это, видимо, было главное его богатство) несколько чистых листов пергамена, «хоратий», снабженных княжеской печатью.

Как сообщает Повесть, перед отъездом «дръзну Митяй просити паче силы прошениа» у «послушающего его всласть» князя: «Да ми даси хоратию не написану, а запечатану твоею печатию князя великаго, да ю возму с собою в Царьград и имам ю приготовану, таковую хоратию, на запас: да коли что ми надобе и что хощу, да то напишу на ней».

Митяй выставлен здесь дерзким и своевольным человеком («паче силы прошение», «что ми надобе и что хощу, да то напишу»), рядом с ним его духовный сын князь Дмитрий выглядит кротким и послушным: «И дал князь великий таковую харатию не едину и печать свою си приложи, рек: Аще будеть оскудение или какова нужа, и надобе заняти или тысуща сребра, или колико, то се вы буди кабала моя и с печатию». Хотя Митяй в Повести и не говорит определенно, для чего ему нужны чистые «бланки», князь, как видим, сразу догадывается о их будущем содержании и даже называет приблизительно сумму займа — «тысуща сребра» или около того. А Киприан, как мы помним, еще за год до того писал о «фрязях» и «кунах», на которые надеются его противники.

Митяева процессия двигалась прямо на юг. «И проидоша всю землю Рязаньскую и приидоша в Орду, в места половечьская и в пределы татарьскыя», т. е. посольство шло через владения Мамая, с которым Русь находилась в состоянии «розмирия». Пройти Орду незамеченными послы вряд ли рассчитывали.

«И проходящим им Орду, и ту ят бысть Митяй Мамаем...».

Как Мамай был только фактическим, но не узаконенным правителем Орды, так и Михаил-Митяй был только фактическим, но не узаконенным главой великорусской церкви. Позволить себе не знать о внутриполитической борьбе на Руси Мамай, я думаю, не мог. Разведка у татар всегда была поставлена хорошо, и, вдобавок, Мамай имел такого знающего консультанта, как Иван Васильевич Вельяминов. Разумеется, он должен был желать дробления, а не воссоединения Руси, т. е. желать победы Митяю, а не Киприану. Кроме того, и мир на севере, и вспомогательные войска могли скоро оказаться очень нужны Мамаю: с востока, из Белой Орды, в Поволжье начал в это время появляться энергичный и честолюбивый Тохтамыш, за спиной которого стоял могущественный Тимур.

Сохранился текст ярлыка,[2] выданного номинальным ханом Тюляком «Мамаевою дяденою мыслью» «митрополиту Михаилу» (то же величание Митяя митрополитом, что в заглавии Митяевых антимонашеских выписок!). За образец для этого ярлыка были взяты ярлыки сарайских ханов прежним русским митрополитам, заменены только имена.[3] Прибегая к старой обычной форме подобного документа. Мамай явно старался выступить в роли продолжателя традиций золотоордынских правителей, потомков Чингисхана. Хан Тюляк, следуя «Мамаевой дяденой мысли», как бы игнорирует и предлагает забыть все, что произошло в Орде и на Руси со времен пресечения в Орде Чингисова потомства: «замятню», раскол Орды, розмирье с Русью, гибель Сарайки и его дружины, сожженные Нижний Новгород и Рязань, взятие Булгара, погибших на реках Пьяне и на Воже...

Вначале был Чингис царь, затем его потомки, «и за тех молилися молебники и весь чин поповский». За это они были освобождены от всех даней и податей, «чтобы во упокои бога молили и молитву воздавали». Теперь пришло время Тюляка и Мамая, и вот они, «первых ярлыков не изыначивая», жалуют «сего Михаила» полной хозяйственной независимостью — «как в Володимери богу молятца за нас и за племя наше в род и род и молитву воздает». «Как» может означать условие: поскольку Митяй молится за нас богу, постольку мы жалуем его...

Для человека, занимающего русский митрополичий престол, молиться за царя-хана значит поминать его имя в придворных богослужениях прежде имени своего великого князя. А сам факт такого поминания означает покорность этого князя тому, кто поминается в церкви прежде него. Вспомним, что Киприан, по его словам, сначала великому князю московскому «велел есмь „многа лета“ пети, а да и потом иным».

Конечно, в «как» может быть скрыто и пожелание: пусть Митяй, вернувшись в Москву митрополитом, молится за нас (татар-мусульман), а мы за это, в согласии с законами первых ханов, освободим русских клириков от дани.

Но о какой дани, о каком освобождении могла идти речь, когда Русь, находясь в состоянии розмирия с Мамаем, никакой дани ему, конечно, не платила? Что же означает ярлык? Он означает, что Мамай попробовал дипломатическим путем восстановить подчинение себе Руси. Более важно то, что не написано в ярлыке, что подразумевается им: всю Русь, за исключением церкви, которая во главе с митрополитом Михаилом обязуется молиться за нас, мы, Тюляк и Мамай, в соответствии с прежними высокочтимыми законами, облагаем податями «татарским улусным и

---

[2] См.: Львовская летопись. — ПСРЛ, т. XX, 1-я половина, ч. 1. СПб., 1910, с. 198—199.

[3] См.: Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

ратным княжем, и волостным самым дорогам,[4] и князем, и писцем, и таможеником, и мимохожим послом, и сакольником, и пардусником, и бураложником,[5] и заставщиком, и лодейщиком, или кто на каково дело не поидет...» (всем им этот ярлык предписывал не делать поборов лишь с церкви).[6]

Митяй, за спиной которого были многие годы службы «канцлером» великого князя, был «новоуком» в монашестве, но не в политике. Рассчитывал ли он кого-нибудь обмануть, вступая в соглашение с Мамаем? И кого: Мамая или своего князя? Я думаю, никого. В скорейшей «нормализации» отношений Руси и Орды был заинтересован не только Мамай — ввиду угрозы с востока, но и московский великий князь Дмитрий — ввиду обострения отношений с Литвой. Не исключено, что Мамай лишь согласился с мирными предложениями москвичей, оговорив условия: прежняя дань и церковные моления.

«...и немного удръжан быв (Митяй Мамаем, — *Г. П.*) и пакы отпущен бысть», — с ярлыком.

Посольство двинулось дальше. «И проидоша всю землю Татарьскую и приидоша к морю Кафиньскому...».

Море Кафиньское — Черное море. Значит, русские послы пришли не к устью Дона в Тану (Азов), а на крымское черноморское побережье. Вероятней всего, посольство явилось именно в Кафу (Феодосию), раз уж Кафинским названо море, — и, кроме того, пересекая Крым, послы не могли минуть Солхата, Старого Крыма, татарской столицы полуострова, а оттуда прямой путь ведет именно в Кафу, тогда как, чтобы попасть в Сурож (Судак), надо обходить горы. Не исключено, что и Великий Черный луг, где происходила встреча Митяя с Мамаем («На Великом лугу на Черном Орда кочевала»), лежит где-то в крымских степях.

«...и внидоша в корабль».

Еще в середине XIV в. генуэзцы, «захватив сначала из-за извлекаемых там выгод Евксинский понт, уже не только византийцам начальственнно, выказывая много дерзости, приказывали держаться подальше от Меотиды и Танаиса (Азовского моря и Дона, — *Г. П.*) и запрещали вести морскую торговлю с Херсонесом и местами скифского побережья за Истором (Дунаем, — *Г. П.*), за исключением тех мест, с которыми позволят они, но и самих венецианцев не допускали торговать там...».[7] В это са-

---

[4] Дорога — татарский чиновник.

[5] Бураложник — лицо, ведающее ханской охотой на волков.

[6] Пл. Соколов (Русский архиерей. . ., с. 498, примеч. 1) считает, что ярлык «не представляет ничего особенного. Он только доказывает подлинность прежних ярлыков и объясняет, зачем был остановлен Михаил и какими средствами он получил свободу».

[7] Nicephori Gregorae Byzantina Historia, vol. 2. Bonnae, 1830, p. 877 (XVIII, 2); см. также: Скржинская Е. Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте. — ВВ, М., 1949, 2 (27), с. 258.

мое время (1379 г.) генуэзцы, как мы помним, находились в состоянии войны с греками и венецианцами; так что все говорит за то, что корабль, принявший в Крыму на свой борт Михаила-Митяя и его свиту, был генуэзским. Не исключена, впрочем, возможность того, что судно принадлежало родосским иоаннитам, папской курии или какому-нибудь франко-греческому князьку. Корабль, взявший на борт столь большое число пассажиров, не был, наверное, военным.

Итак, посольство покинуло крымские берега. Безопасности ради обычно из Крыма плыли поперек моря на Синоп, а оттуда шли к Босфору вдоль гористых пафлагонских и вифинских берегов. «Бяху же ту горы высокы и впол тех гор закрывахусь облаци, преходящие по воздуху».[8] Эти земли уже более ста лет были владением турок-османов. В этих горах летом они пасли свой скот.

Корабль с русским посольством шел уже по Босфору и близок был к выходу в Мраморное море; пророчество Сергия Радонежского, что Митяй «Царьскаго града не имат видети», как будто не сбылось — Константинополь уже виднелся: «Пловущим им по морю и пучину морьскую преплывающим и уже близ Царяграда бывшим, яко видети Царьград. . .». «Но тут внезапу Митяй разболеся в корабли. . .», — сообщает Повесть; «в телесный недуг впаде», — говорит Житие Сергия.[9] И очень скоро Митяй умер: «. . . и умре на мори»; «не вступив еще в царствующий град, еще плывя Пропонтидою и намереваясь назавтра пристать (к столице), он окончил жизнь», — говорит патриарший документ.[10]

Мы не знаем, — как, кажется, не знали и спутники Митяя, — причины его внезапной болезни и смерти.[11]

Десять лет спустя в документе константинопольской патриархии появится такое объяснение смерти Митяя: «суд божий следовал за ним по пятам (κατὰ πόδας αὐτὸν ἡ θεία δίκη μετῆλθεν)». За-

---

[8] Хождение Игнатия Смольнянина, 1389—1405 гг. Под ред. С. В. Арсеньева. — Православный палестинский сборник, СПб., 1887, т. IV, вып. 3, с. 5.

[9] Житие Сергия, с. 132.

[10] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 207—208.

[11] Пл. Соколов полагает, что смерть Митяя «была слишком несвоевременною для того, чтобы быть желательною» кому-нибудь из его спутников. «Смерть Митяя естественнее всего объяснить теми трудностями пути, которых он не принял во внимание при отправлении из Москвы. По-видимому, уже и тогда здоровье его было не из тех, какого требовало подобное путешествие. По крайней мере Сергий Радонежский прямо предсказывал, что он не доедет до Константинополя; предсказание, которое могло быть естественным результатом соображений о силах и здоровье Митяя» (Соколов Пл. Русский архиерей. . ., с. 502). И. Б. Греков, напротив, пишет о смерти «молодого и полного сил. . . Митяя»; он утверждает, что «у нас есть основания подозревать причастность ордынской дипломатии к смерти Митяя. . .»; основания же эти И. Б. Греков видит в «традиционной для Орды практике устранения неугодных ей политических деятелей. . .» (Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды, с. 119). Мне это основание кажется недостаточным. Ярлык Тюляка Митяю И. Б. Греков в расчет не принимает.

тем подобное объяснение, не претендующее на медицинскую или криминалистическую точность, появится в московской летописи: «Вси же епископи и прозвитери и священницы того просиша и бога о том молиша, дабы не попустил Митяю в митрополитех быти, еже и бысть, и услыша бог скорбь людеи своих, не изволи быти ему пастуху и митрополиту на Руси».[12] Редактор XV в. перенесет это объяснение, несколько сократив, в текст Повести (2-я редакция), а редактор XVI в. (Никоновской летописи) использует его, чтобы в уста своих персонажей, сообщающих князю о смерти его любимца, вставить более конкретное предположение: «яко задушиша его» или «яко морьскою водою умориша его» — «понеже и епископи вси, и архимандриты, и игумены, и священницы, и иноци, и вси бояре и людие не хотяху Митяа видети в митрополитех, но един князь велики хотяше».[13]

После смерти Митяя, сообщает Повесть, корабль остановился и стоял, «не поступая с места ни тамо, ни семо, а инии мнози корабли плаваху мимо его, минующе семо и овамо».

Почему же судно с мертвым Михаилом-Митяем не вошло в константинопольскую или галатскую гавань, а остановилось в море, видимо, недалеко от устья Золотого Рога? Чтобы понять почему, надо рассчитать, когда это происходило.

Десять лет спустя, в 1389 г., русское духовное посольство проделает примерно тот же путь из Москвы в Константинополь (с той разницей, что оно пройдет реками и через Керченский пролив) за два с половиной месяца, из которых около полумесяца отнимет непогода на море. У купцов, останавливавшихся в Кафе и в Судаке, обычно, по мнению М. Н. Тихомирова, «путь от Москвы до Константинополя занимал два-три месяца».[14] Наши послы переправились за Оку 26 июля, значит на несколько дней раньше они вышли из Москвы. Единственная известная нам задержка их в пути — то время «немного», на которое «ят бысть Митяй Мамаем». Причины останавливаться в Кафе или в Судаке у них не было. Послы спешили. По-видимому, между тем моментом, когда они потеряли из виду Москву, и тем, как они увидели впереди Константинополь, минуло месяца два или чуть больше. Если так, то они оказались в виду Константинополя во второй половине или в конце сентября 1379 г.

В каком положении застали они византийскую столицу?

Как мы помним, летом 1379 г. Иоанн V Палеолог и его коронованный сын Мануил II бежали из тюрьмы Анема. 1 июля с венецианской и турецкой помощью они ворвались в город и с уличными боями принудили защитников Андроника IV сдаться, а его самого скрыться у генуэзцев в Галате, по другую сторону Золо-

---

[12] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 137.
[13] ПСРЛ, т. XI, с. 40.
[14] Тихомиров М. Н. Средневековая Россия на международных путях. М., 1966, с. 84.

того Рога. Это произошло 4 августа. Таким образом, уличных боев в момент прибытия корабля уже не было. Но столицу продолжало лихорадить. Назревало столкновение венецианцев, союзников Иоанна V, с генуэзцами, союзниками Андроника IV. Киприан, бывший свидетелем этих событий в Константинополе, писал чуть позже: «Ни бо ми мощно бяше изыти, велику неустроению и нужи належащи тогда на Царьствующий град. Море убо латиною дръжимо, земля же и суша обладаема безбожными туркы».[15] 29 сентября, когда, по нашим расчетам, корабль с русским посольством на борту приблизился или приближался к Царьграду, в константинопольских водах произошло сражение флотилий двух итальянских республик.[16] Но бой этот ничего не изменил; положение оставалось напряженным — генуэзцы старались блокировать воды, а Иоанн V и венецианцы время от времени предпринимали атаки Галаты вплоть до весны 1381 г., когда, наконец, был заключен мирный договор.[17] Так что прибыли ли послы до, во время или после сражения — не так уже важно: к городу их должен был не подпустить блокирующий морские подступы к нему генуэзский военный флот. Может быть, судно направлялось куда-то дальше, например в Малую Азию или в Италию, и вынуждено было некоторое время ждать на морском константинопольском рейде разрешения напряженной ситуации. «Инии мнози корабли», которые «плаваху мимо его, минующе семо и овамо», я полагаю, были военными, принимавшими или готовящимися принять участие в боевых действиях.

Тело Митяя свезли на берег в лодке: «И вложиша Митяя в варку, еже есть в меншее судно...». Варка (ἡ βάρκας) — новогреческий «извод» международного морского термина *барка, баркас*. Автор Повести услышал его, вероятно, от одного из спутников Митяя и, зная, что оно незнакомо русским читателям, снабдил его переводом. Стоило во второй редакции Повести убрать этот перевод, как «варка» стала превращаться в более «ситуативно» подходящую для покойника «раку».

Погрузив Митяя в барку, «привезоша его мертваго в Галату, и ту погребен бысть». Отметим, что тело наместника отвезли не в Константинополь, на греческий левый берег Золотого Рога, а в Галату, на латинский правый, и там похоронили. Возможно, причиной тому — генуэзская морская блокада города, но возможно также, что послы и намеревались обратиться прежде всего к генуэзцам.

Вот и вся история самого Митяя. Первый в русской истории кандидат в митрополиты Великой Руси, духовный отец и духовный слуга московского князя неожиданно нашел себе могилу в колониальных владениях итальянских купцов.

---

[15] Житие митрополита Петра, с. 215.

[16] См.: Loenertz R. J. Les recueils des lettres de Démétrius Cydonès. Citta del Vaticano, 1947, p. 114 (Studi e testi, 131).

[17] См.: Barker T. W. Manuel II Paleologus. p. XXII, 35—36.

Глава 11

ЗАГОВОР ПОСЛОВ

Со смертью Митяя его свите как будто ничего не оставалось делать, кроме как вернуться или с ближайшим судном отправить гонца обратно в Москву, а самим ждать указаний оттуда, из столицы, тем более что патриарха Макария, с которым велась переписка о великорусской митрополии и о Митяе, на патриаршем престоле они не застали: тот уже был лишен сана и заключен в тюрьму. Новый патриарх еще не был избран; «церковь еще вдовствовала».[1]

На какой-то миг послы растерялись: «Умръшу же Митяю, бысть в них замятня и недоумение».

Скоро, однако, послы договорились о главном: в Москву гонца не слать, назад без митрополита Великой Руси не возвращаться. Но кем заменить Митяя? «И бысть промежи ими распря и разгласие: ови хотеша Ивана в митрополиты, а друзии Пимина».

Повесть о Митяе трактует всю историю с великорусской митрополией так, будто она случилась исключительно из-за «дерзости» Митяя и привязанности к нему великого князя Дмитрия. Но если бы дело было так, как послы сочли бы возможным самостоятельно искать замену княжескому любимцу? Ясно, что они были уверены, что выделить великорусскую митрополию для великого князя гораздо более важно, чем именно Митяя видеть митрополитом. Они как будто не сомневались, что после смерти Митяя личность митрополита князю будет более или менее безразлична.

Один из кандидатов в кандидаты, архимандрит Иван Петровский, «бысть пръвый общему житию началник на Москве», т. е. был главой первой в Москве киновии, одним из зачинателей — наряду с Дионисием Суздальским и Сергием Радонежским — монашеско-исихастского движения в северо-восточной Руси. Как же он мог оказаться в свите Митяя? Очевидно, он был «молчальником» не только в монашеском подвижничестве, но также в вопросе о митрополии и митрополите и не скомпрометировал себя чтением, хранением и распространением Киприанова послания.

Другим кандидатом был Пимен, «архимандрит Переяславский», т. е. из Переяславля Залесского, города московского князя, где в 1375 г. состоялся «съезд» по поводу рождения князя Юрия Дмитриевича.

«И много думавше промежи собою, и яшася бояре за Пимина...».

В составе посольства было пять митрополичьих бояр (Федор Шелохов, Иван Артемиевич Коробьин, брат его Андрей, Не-

[1] «χηρευούσης ἔτι τῆς ἐκκλησίας»: РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 173.

вер Бармин, Степан Ильин Кловыня) и один — великого князя (посол Юрий Васильевич Кочевин-Олешинский, которому было и «старейшинство приказано»). За исключением двух переводчиков, «крилошан володимерьских», дворных людей и «слуг пошлых», все остальные в посольстве были клириками — игуменами, попами, дьяконами, чернецами и т. п. Следовательно, если за Пимена «яшася» бояре, то за Ивана — клирики.

Показательно, что духовная сторона выдвинула кандидатом в митрополиты человека, для характеристики которого достаточно было сказать, что он «пръвый общему житию началник на Москве». Даже в этом маленьком русском мирке произошло размежевание на светскую и духовную «партии».

Конечно, верх взяли бояре, «... а Ивана оставиша поругана и отъринуша и». Не просто отдали предпочтение Пимену, а именно «Ивана оставиша поругана», — похоже, что оскорбили. За что?

Киновиарх Иван, вероятно, уже своей принадлежностью к одиозным кругам был подозрителен для высокопоставленных московских бояр. Просто они могли высказать то, что думали вообще о тогдашних киновиархах, начиная с Сергия Радонежского и Дионисия Суздальского. Иван оскорбился и вдруг стал поборником правды: «Иван же виде себе тако небрегома от них и отъриновена и рече к ним: Аз, не обинуяся, възглаголю на вы, единаче есте не истиньствуете, ходяще!». В своеобразном языке Ивана (похоже, что запомнил или записал это высказывание очевидец) чувствуется книжное влияние как греческой лексики (ἀληθεύω = «истинствовать»),[2] так и стилистики (ἐστὲ. . ., ἔρχοντες = «есте. . ., ходяще»), что может быть следом его обучения в каком-нибудь греко-славянском балканском общежитии. Не исключено и то, что Иван был греком.

Не ясно, «истинствовали» бы бояре или нет, избери они Ивана, а не Пимена. Так или иначе, будучи отвергнут и оскорблен, Иван пообещал «возглаголить» о подготавливаемом обмане. Тогда бояре решили лишить Ивана свободы: «Они же отътоле искаху подобна времени и съвет сотвориша на Ивана, яко да имут его». Как видим, после ссоры прошло какое-то время, которым Иван не смог воспользоваться, чтобы исполнить свою угрозу, а бояре — чтобы его схватить. Первое может быть объяснено тем, что дело происходило еще в Галате, вдали от патриархии, а второе, по-видимому, тем, что Ивана Петровского окружала многочисленная монашеская свита.

Однако удобный момент наступил: «И, пришедше, возложиша руце на Ивана и яша его, и посадиша его в железа». После этого Пимен приступил к освоению Митяева наследства. И, «съзирая ризницю и казну Митяеву, обрете ту прежереченую харатию, имущу печать князя великаго, а писанна не имущу...». Находка

---

[2] Ср.: «. . . εἰ ἀληθεύετε ἢ οὔ» — «. . .аще истинствуете или ни» (Бытие, 42, 16).

не могла быть неожиданностью: без нее замысел послов вряд ли был бы осуществим.

«...и, подумав с думцами своими, написа грамоту на тои харатие, сице глаголющу:

От великого князя Русского к царю и к патриарху.

Послал есмь к вам Пимина. Поставите ми его в митрополиты. Того бы единаго избрах на Руси, и паче того иного не обретох».

Оставалось лишь, «обязав друг друга клятвами в том, что никто из них не скажет и не объявит истины»,[3] переправиться в Константинополь и начать действовать в патриархии.

Глава 12

ПАТРИАРШИЙ СУД

Новый вселенский патриарх Нил был избран в июне 1380 г.[1] Он принадлежал к почитателям св. Григория Паламы,[2] но с покойным патриархом Филофеем и с митрополитом Киприаном никакие узы сотрудничества или дружбы его, кажется, не связывали. В курсе русских церковных дел, судя по всему, он не был.

К моменту избрания Нила русские послы прожили уже около восьми месяцев в Галате и в самом Константинополе и могли сделать для достижения своей цели немало. Они могли, например, заранее озаботиться приобретением голосов в императорском и патриаршем совете. А. Тахиаос прямо предполагает, что еще в период междупатриаршества члены русской колонии в Константинополе подкупили чиновников императорского двора, чтобы те в свою очередь повлияли в нужном направлении на патриарший собор и на того, кто станет патриархом.[3] Возможно. Но документы об этом не говорят. Когда наконец вселенскую кафедру занял Нил, послы поспешили к нему со своей поддельной грамотой.

Как они того и добивались, новому патриарху все представилось вполне благопристойным: «... пришли из Великой Руси послы с грамотами, прося поставить им в митрополиты прибывшего вместе с ними благоговейнейшего иеромонаха и архимандрита Пимена и жалуясь на неканоническое поставление Киприана.

---

[3] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 207—208.

[1] См.: Γεδεών Μ. Πατριαρχικοὶ πίνακες, σ. 440. — Правда, в конце статьи о Ниле М. Гедеон устанавливает «продолжительность патриаршества Нила от июня 1379 до конца 1388 г.», но я убежден, что это описка или опечатка: весь ход мысли и аргументы М. Гедеона говорят за 1380 г., да и в заголовке статьи стоит именно 1380 г. К сожалению, и эта погрешность труда М. Гедеона перекочевала в работы других ученых.

[2] См. его Ἐγκώμιον Григорию Паламе: PG, t. 151, col. 655—678.

[3] Ταχιάου Ἀ.-Ἀ. Ἐπιδράσεις..., σ. 114.

Послы эти, лишь только мерность наша божественными судьбами взошла на высокий патриарший престол, обратились и к нам и вручили грамоты, излагающие мысль и желание пославшего их великого князя всея Руси (μεγάλου ῥηγὸς πάσης Ῥωσίας) Димитрия, настаивая, чтобы их просьба была исполнена».[4]

Позже, когда обман и все подробности дела станут известны в патриархии, то же самое будет там изложено несколько иначе: внезапная смерть Митяя «не устрашила тех негодяев-послов; напротив, согласившись на зло своей церкви, составив коварный план действий, сочинив подложные грамоты, поставив сами себе пастырем некоего иеромонаха, носившего имя пастыря (ποιμένα — Пимена), и обязав друг друга клятвами в том, что никто из них не скажет и не объявит истины, они представляют (те) грамоты и себя святейшему и приснопамятному патриарху кир Нилу, тогда только что принявшему церковное кормило».[5]

Дионисий, если он был уже к этому времени в Константинополе, — а ничто об этом не свидетельствует, — мог, как писал Пл. Соколов, совершенно добросовестно считать Пимена новым кандидатом великого князя.[6]

О ходе дела в патриархии Повесть о Митяе рассказывает следующее: «Явлена же бысть си грамота всему збору, ю же прочетше царь и патриарх, отвещаста Руси и рекоста: Въскую сице пишеть русскый князь о Пимене? А есть на Руси готов митрополит — Киприан, его же прежде давно поставил есть пресвященный Филофей патриарх. Того и мы отъпущаем на Русскую митрополию. Кроме же того иного не требуем поставити». Так что первая реакция нового патриарха на просьбу русских послов была отрицательной. Обмана он не заподозрил, — «ибо как могла подозревать такое зло добрая и божественная душа, непричастная ничему злому и исполненная всякой добродетели!» — написали в патриархии позже.[7]

Киприан тоже, разумеется, явился к новому патриарху, «прося (помочь ему) получить помимо Киева и Великую Русь».[8] Он, наверное, растерялся, увидев в качестве своего соперника не Митяя, которого он ждал и против которого, как показывают его послания, имел что сказать, а Пимена: Пимена нельзя было обвинить, как Митяя, в преждевременном усвоении знаков митрополичьего достоинства. В распоряжении Киприана оставалось только то оружие, которым владели и русские послы: обвинение в незаконности, неканоничности претензий противника.

Оружием этим и та и другая сторона, конечно, воспользовалась. Патриарх Нил вынужден был назначить расследование дела. Сам он, согласно его же соборному определению, склонялся на

---

4 РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 173—176.
5 Там же, № 33, стб. 207—208.
6 Соколов Пл. Русский архиерей. . ., с. 520.
7 РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 207—208.
8 Там же, стб. 175.

сторону великого князя московского, признавая «просьбу великорусских послов справедливою, а поставление Киприана, как совершенное еще при жизни митрополита Алексея, считая неканоническим». И он решил «подвергнуть все дело о нем (Киприане, — *Г. П.*) тщательному каноническому суду и расследованию, и если окажется, что оно состоялось канонически и законно, то все оставить в прежнем положении и не делать ничего более (стало быть, не распространять власть Киприана на Великую Русь, — *Г. П.*), в противном же случае лишить Киприана и того, что он имел».[9]

Началось расследование. Оно длилось недолго, поскольку решение было принято в том же месяце июне, когда Нил стал патриархом, но было для всех нелегким. Не решившись доверить основанное на подлоге дело его собственному течению, послы прибегали к давно продусмотренному средству — подкупу: «россулиша посулы и раздаваша и сюду и сюду, тем едва утолиша всех», — пишет автор Повести.

Вспомним, что еще за два года до того Киприан писал: «И тии на куны надеются и на фрязы...» — и что, давая Митяю чистые харатьи, князь Дмитрий в Повести говорит: «Аще будет оскудение или какова нужа и надобе заняти или тысуща сребра или колико, то се вы буди кабала моя и с печатию».

Кабала пригодилась: «Русини же позаимоваша оною кабалою сребро в долг на имя князя великого у фряз (и) у бесермен в росты...».

Тверская летопись к заимствованным из первой редакции Повести сведениям об этих событиях добавляет: «взято было боле 70 и 6 долгу».[10] Что означает эта цифра: рубли, десятки рублей, сотни или тысячи? Никоновская летопись сообщает, что долг вырос до 20 тысяч рублей серебром. Мне кажется, не стоит задаваться вопросом, к какому времени, потому что цифра эта — несомненно плод фантазии редактора XVI в. Первая редакция Повести, не называя суммы, все же показывает ее масштаб (тысяча или около того).[11] Так что, если принимать к сведению цифру

[9] Там же. — Вырванные из этого контекста слова «все оставить в прежнем положении и не делать ничего более» И. Б. Греков приводит как вынесенную в 1380 г. в Константинополе рекомендацию, решение патриархии, вследствие которого, в частности, «претендент нижегородского княжества на руководство русской церковью — Дионисий — оставался пока суздальским епископом» (Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды, с. 124—125).

[10] ПСРЛ, т. XV, стб. 440.

[11] Правильность этого сообщения Повести о Митяе подтверждается тем, что девять лет спустя, в 1389 г., Киприан и Феодор Симоновский, который к тому времени станет ростовским архиепископом, в аналогичной ситуации (при поставлении Киприана) займут у грека, императорского чиновника Николава Нотары Диорминефта, именно тысячу «новгородских старых рублей»; см. соответствующую «заемную кабалу»: Акты исторические, собр. и изд. Археографическою комиссиею, т. 1. 1334—1598. СПб., 1841, с. 473—474 (№ 252). — В масштабе цен того времени «белки добрыя тысячу» оценивали

Тверской летописи, то понимать ее следует, по-видимому, как число десятков рублей, — как семьсот шестьдесят рублей серебром.

Я полагаю, что такое важное дело, как церковное самоопределение Великороссии, князь не рискнул бы поставить в зависимость от случая и свободной воли итальянских и турецких ростовщиков. Хотя в то время всякому, интересующемуся этим вопросом, было, конечно, известно, что на византийской земле богатых турок и ростовщиков-итальянцев отыскать нетрудно, все же, собираясь в нужное время сделать крупный заем, разумно было бы — хотя бы из желания избежать лишних процентов — иметь предварительную договоренность с потенциальными заимодавцами. Возможности для этого, благодаря гостям-сурожанам, были.

Следует обратить внимание и на то, что заем этот — не совсем обычная, но международная, правительственная с русской стороны финансовая операция и что целью своей, прекрасно видимой Киприаном еще за два года, она имела давление на вселенскую патриархию.

Заем — и у генуэзцев, и у турок — удобнее всего для русских послов было сделать еще в Галате. Однако ничего невозможного нет и в том, что митрополичьей казны хватило до июня 1380 г. по начало патриаршего суда; так можно думать, судя по порядку изложения событий в Повести о Митяе.

Известно, когда и как генуэзцы получили у русских назад свои деньги и проценты. Это произошло десять лет спустя, в мае 1389 г. Корабль с направляющейся в Царьград русской духовной миссией во главе с занимающим сейчас наше внимание Пименом вышел из устья Дона и стал на ночь на якорь в Азовском море. Тут он был среди ночи взят на абордаж генуэзцами-кредиторами, проведавшими о прибытии должников-русских. Разбуженный «топотом великим по мосту корабля» автор записок об этом путешествии вышел на палубу и узнал, что «фрязи, от града пришедше, нашего святителя митрополита (Пимена, — *Г. П.*) имше и сковаша», «должен бо им есть». «И съпросиша старейшину их, что им хотят створити; он же отвеща: „Не боитесь: что же вашего есть, и вы своя возмете“. Помало же, утолени быша митрополитом и доволну мзду вземше, вся ны отпустиша».[12] Великий князь Дмитрий Иванович, значит, долг, взятый на его имя с его ведома, не заплатит. Проценты будут расти в течение десяти лет; расплачиваться же, попав в безвыходное положение, будет тот, для поставления кого в митрополиты эти деньги были заняты и использованы, — Пимен. Теперь вернемся ко времени займа этих денег.

«по пяти рублей» (там же, с. 473), а город Галич польский король Ягайло в 1388 г. заложил молдавскому воеводе Петру за 4000 рублей «фряжского серебра»: Акты, относящиеся к истории Западной России, собр. и из. Археографическою комиссиею, т. 1. 1340—1506. СПб., 1846, с. 22—23 (№ 6, I).

[12] Хождение Игнатия Смолнянина, с. 4—5.

И «россулиша посулы, и раздаваша и сюду и сюду, тем едва утолиша всех», — пишет автор Повести.

Кажется, это было обычаем в то время — при поставлении русских митрополитов и в случае прибытия русских послов в Константинополь вручать грекам деньги. Следует вспомнить тогдашние обстоятельства: турок, перевороты, осады, уличные бои и морскую блокаду Констанинополя. Прибавим к этому землетрясения, неурожаи, эпидемии и категорию людей, умеющих нажиться на чужом несчастье. Киприан в тех обстоятельствах заболел: «И в таковемь убо затворе сущу ми, болезни неудобьстерпими нападоша на мя, яко еле ми живу быти».[13] Болел также (не мог по этой причине явиться на собор) находившийся в столице Никейский митрополит Феофан, с которым мы скоро должны будем познакомиться.

Русские избрали достаточно эффективный способ действия, ибо дело с самого начала приобрело обвинительный по отношению к Киприану характер. Киприан «просил в свое оправдание рассмотреть при этом... некоторых (или: каких-то) немногих» — Ἐζήτησεν οὖν ἐπὶ τούτῳ... ...ῶν τινῶν ὀλίγων διάσκεψιν εἰς ἀπολογίαν.[14] К нашему глубокому сожалению, в этом месте документа лакуна, и мы не можем узнать с точностью, что именно просил принять во внимание Киприан. Возможно, он просил выслушать немногочисленных ближайших советников патриарха Филофея, хорошо посвященных в дело поставления его, Киприана, в митрополиты всея Руси. Действительно, к одному из таких людей члены собора несколько позже обратятся. Сразу просьба Киприана, кажется, удовлетворена не была, так как ход разбирательства внушил Киприану мало надежд и побудил его к бегству из Константинополя, чтобы сохранить за собой хотя бы литовскую митрополию: «...и через несколько дней, придя в священный собор, он заявил, что пришел не для суда, а для того только, чтобы искать и получить, что назначил ему собор своим письменным деянием, если это окажется правильным; в противном случае он готов довольствоваться тою только частью (русской митрополии), в которую поставлен, а от прочего уже отказался. Так он сказал и, по-видимому, не ожидая для себя никакой пользы, если в его присутствии будет разбираться вопрос „что должен сделать по просьбе послов из Великой Руси?“, — тайно убежал, ни с кем не простившись».[15] Это говорит враждебный Киприану документ.

«После этого происходило расследование сперва о том, правильно ли было бы поставить Пимена в митрополиты Великой Руси, не назвав его вместе и Киевским, то есть по имени города, который искони был митрополиею всея Руси?». Иначе говоря, после этого решался самый существенный во всем этом деле вопрос о юридическом существовании митрополии Великой Руси, отдель-

---

[13] Житие митрополита Петра, с. 215.
[14] РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 175.
[15] Там же, стб. 175—176.

ной от митрополии Малой Руси. К положительному решению этого вопроса московское правительство шло напролом, не стесняясь в средствах, вот уже четыре с половиной года. И теперь эта цель была рядом.

«После многих прений об этом на соборе признано было необходимым и справедливым не презирать справедливой просьбы толикого народа (αἴτησιν δικαίαν ἔθνους τοσούτου)...». Послы выступали от имени народа! Какого? Ясно: народа Великой Руси. «... но, совершив наречение, дать им в архиереи, кого они желают».

Но разве это решение основного вопроса? Нет, это решение другого, более простого вопроса: поставлять ли вообще Пимена в русские митрополиты без уточнения его титулатуры. Этот пример показывает нам, что соборное деяние, которое мы читаем, следует не столько логической, сколько хронологической последовательности. Самый исторически существенный и самый трудный вопрос — это-то члены собора должны были понимать — не был решен сразу; он был поставлен русскими послами с самого начала, но сначала был решен более легкий вопрос — выбор между Киприаном и Пименом для фактического управления великорусской церковью. После бегства Киприана этот вопрос решался легко.

Повесть говорит об этом так: «Царь же и патриарх много истязавше [16] Пимина и яже бяху около его сущии с ним, и бывшу збору и зопрошанию и истязанию и распытованию, изволиша сице, яко: поставити Руси Пимина митрополитом».

Но дальше в соборном деянии июня 1380 г. вместо рассказа о решении, как можно ожидать, самого существенного вопроса — о юридическом бытии великорусской митрополии — мы видим возвращение к вопросу о каноничности поставления Киприана и сообщение о консультациях на эту тему с отсутствовавшим на соборе больным митрополитом Никейским. Для разрешения возникающего недоумения обратимся к другому соборному определению — 1389 г., описывающему те же события с иной, благоприятной Киприану точки зрения. Вот что находим там:

«Дело о Пимене еще не пришло к концу, как стала раскрываться о нем истина. Некоторые из его спутников, проведав обман и злоумышление, в которых он был соучастником, или лучше, как обнаружилось впоследствии, главным виновником, донесли об этом патриарху».[17] Может быть, Ивану Петровскому удалось добраться до патриарха и «возглаголить» истину? Или еще кто-то из членов посольства не сдержал данную другим клятву? Если до-

---

[16] Это ни в коем случае не надо понимать так, что русских истязали, мучили; их выпытывали, выспрашивали: «истязати» значит «узнавать», «исследовать» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1. СПб., 1893, стб. 1160); «истязание — допрос, соединенный с угрозами» (Словарь церковно-славянского языка, т. 2. СПб., 1847, с. 147).

[17] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 207—208.

верять слову «проведать», то проведать обман и злоумышление мог только тот из спутников Пимена, кто не был с самого начала посвящен в дело, — наверное, кто-то из «слуг пошлых митрополичих» или же «людей дворных» (они могли сначала не знать, что Митяй не имел заместителя).

Патриарх, «призвав послов и поставив их пред собором, грозит произнести на них самое тяжкое и страшное отлучение. Они же, треклятые, не убоясь бога (мстителя) за содеянные ими обманы и не страшась отлучения, утверждали, что и слова и дела их правдивы, и в доказательство принимали отлучение на свои головы». Вновь послы сделали выбор между этническим благом — как князь и они сами его понимали — и спасением своих душ, между «самым тяжким и страшным отлучением» от церкви и неудачей в церковном вопросе великокняжеской политики.

Но разоблачение такого рода не могло не смутить членов патриаршего собора. Они обещали русским решить дело во вред Киприану и в пользу Пимена. Но того, что сам Пимен — подставная фигура, что московский князь вовсе не его посылал как кандидата в митрополиты, они до сих пор не знали. И теперь они не хотели и не могли окончательно в это поверить, да и «треклятые» русские послы согласно «утверждали, что и слова и дела их правдивы».

Этим обстоятельством — доносом — и объясняется, я полагаю, задержка в ходе дела, возвращение к вопросу о каноничности поставления Филофеем Киприана и обращение с просьбой «дать свой отзыв по этому делу» к больному митрополиту Никейскому. Может быть также, вопрос о юридическом бытии русской церкви требовал пересмотра последнего касающегося ее решения, а заподозрив обман, греки решили быть особо пунктуальными в следовании протоколу.

Митрополит Никейский Феофан, русских денег и посулов не получавший, предстает перед нами как один из тех немногочисленных людей, считавших поставление Киприана в русские митрополиты оправданным и целесообразным, свидетельства которых Киприан тщетно просил собор рассмотреть с самого начала. Есть основания считать, что Феофан Никейский выступал за Киприана не просто из дружеских к тому чувств. Дело в том, что Феофан писал, и в том, что̀ он писал. Сохранились его сочинения, относящиеся к заключительному периоду исихастских споров. Это ответ легату Павлу от имени Иоанна-Иоасафа Кантакузина и пять трактатов о Фаворском свете в защиту взглядов патриарха Филофея.[18] В марте 1368 г. Феофан Никейский служил патриарху Филофею как посол ко двору сербского деспота Иоанна Углеши для прекращения греко-сербского церковного раскола.[19] В 1375 г. он сам принимал участие в поставлении Киприана. Так что это

---

[18] См.: Meyendorff J. Introduction à l'étude. . ., p. 415.
[19] Ταχιάου 'Α.-'Α. 'Επιδράσεις. . ., σ. 100, 115.

был человек, действительно хорошо посвященный в церковную политику императора-монаха Кантакузина и патриарха Филофея и хорошо знакомый с разбиравшимся теперь делом.

Сначала Феофан Никейский на запрос ответил коротко, «говоря, что держится соборного деяния (патриарха Филофея, — *Г. П.*) о митрополите Киприане и находит оное правильным. Тогда, — пишет патриарх Нил, — он услышал от нашей мерности не однажды, а два раза мнение, которое разделяли и все находившиеся при нас преосвященные архиереи и пречестные. . . именно: что упомянутое деяние — не одобрительно как незаконное и противное канонам; потому он (митрополит Никейский) должен или прийти на собор и доказать, что оно согласно с канонами, и таким образом убедить и нас соблюдать оное и не предпринимать ничего более, или согласиться с прочими архиереями». Патриарх как будто допускал возможность того, что митрополит Никейский их переубедит. Последний на это отвечал: «Я думаю, что мнение не должно быть вынужденным, и потому (а также) по некоторым причинам, которые кажутся мне уважительными, я не желаю подать мнения о настоящем лице. Но это не значит, что я отдаляюсь от собора; напротив, если каноны говорят: побеждает мнение большинства, то пусть будет по канонам. Что же касается до соборного деяния (патриарха Филофея), то я считал и считаю его каноническим. Если же архиереи, которые вместе со мною участвовали в его составлении, признают его незаконным и неканоническим, то я им не противоречу».[20]

Видно, что Феофан Никейский — по причинам, казавшимся ему уважительными, — рискнул сказать при большой аудитории далеко не все, что знал о мотивировках поставления Киприана в русские митрополиты. Решимости и напористости многочисленных и располагавших деньгами русских послов не могла, конечно, противостоять такая скромная защита больным человеком своей и Киприановой правоты. К тому же русские пустили в ход еще одно средство давления на собор: они пригрозили «латинами».

В соборном определении 1389 г. в описании этих событий есть такая фраза: «Опираясь на его (патриарха Макария, — *Г. П.*) грамоты и грозя латинами (οὗ τοῖς γράμμασι καὶ τοῖς διὰ Λατίνων μηνύμασιν ὁπλισθέντες), русские и послов отправили и ложь выдумали: Что бы там ни было, говорили они, мы не примем кир Киприана, человека, взысканного литовским князем, злейшим нашим неприятелем».[21] Поскольку речь разом идет о патриархе Макарии, русских и о латинянах, приходится думать, что под «латинами» подразумеваются генуэзцы, «фрязи». Легко представить себе, что во время задержки в ходе дела, вызванной доносом, послы заявили, что не ждали ничего подобного, отправляясь сюда, что не сами они все это затеяли, а лишь повиновались приходив-

---

[20] РИБ, т. 6, Прил., № 30, стб. 177.
[21] Там же, № 33, стб. 207.

шим от патриарха из Константинополя грамотам и что теперь они начинают чувствовать себя обманутыми, и при этом прозрачно намекали, что, обманывая их надежды, греки рискуют восстановить против себя могущественного московского князя «всея Руси» и еще более обострить свои отношения с соседями-генуэзцами. В константинопольской атмосфере тех лет подобного рода угрозы должны были сильно действовать на нервы.

Что оставалось собору делать при таких обстоятельствах! — «τί δὲ ἐπὶ τούτοις».[22]

Решение собора и патриарха звучало так:

«Во-первых: рукоположить Пимена в митрополиты Великой Руси. . .». Церковь Великой Руси получила, таким образом, юридическое бытие! «. . . наименовав его и Киевским по древнему обычаю этой митрополии, так как невозможно быть архиереем Великой Руси, не получив сначала наименования по Киеву, который есть соборная церковь и главный город всей Руси. . .». Значит, получая самостоятельность, великорусская церковь сохраняла тень связи (в названии) с церковью малорусской. Была ли это дань прошлому или будущему? Быть может, поступившись конкретным лицом, Киприаном, греки под давлением обстоятельств решили в том же, что и патриарх Филофей, направлении пойти иным путем: не от Малой Руси и с нею к Великой, а от Великой Руси к окраине — к Малой Руси, Литве? Первый вариант имел то преимущество, что, действуя внутри Литвы, а не извне ее, митрополит обладал гораздо большими возможностями распространить православие среди язычников-литовцев и укрепить естественное тяготение подвластных литовцам русских к своим единокровным и единоверным восточным соседям. А у второго варианта был тот недостаток, что митрополия оказывалась для литовцев и для западнорусов вполне внешним явлением, связанным с политикой враждебного московского князя; при таком положении дел для литвина креститься по православному обряду или для русского выказать повиновение московскому митрополиту должно было в глазах литовских властей означать не что иное, как государственную измену. С этого варианта начинал свою русскую политику, ставя Алексея в митрополиты, патриарх Филофей. Именно из-за того, что таким путем цель не была достигнута, Филофей и перешел к «литовскому» варианту: человека, предназначенного для митрополии всея Руси, сначала сделал литовским митрополитом. Теперь патриарху Нилу и его собору приходилось под влиянием великорусов отказаться от «литовского» пути.

«. . .во-вторых: митрополит Киприан должен быть изгнан не только из Киева, но и вообще из пределов Руси, поелику он получил эту церковь обманом и, как сказано, поставлен неканонически, еще при жизни законного митрополита, который (тем са-

[22] Там же, стб. 209.

мым) заочно и без суда лишен был своей церкви, что, конечно, противно точному смыслу священных церковных законоположений...».

Под обманом, в котором обвинялся Киприан, понималось здесь, как видно из другого места этого документа, то, что он, убедив митрополита Алексея «не ожидать себе никакой неприятности», затем от имени литовских князей написал на него «ябеду, наполненную множеством обвинительных пунктов».

«...Но по снисхождению, имея в виду, что он [Киприан] ушел тайно и не находится налицо, дабы мог быть совершенно осужден по канонам (византийские церковные каноны требовали личного присутствия на суде обвиняемого, — *Г. П.*), постановляем, чтобы он оставался митрополитом только Малой Руси и Литвы...». У Киприана отнималось, значит, лишь право наследования владимирской митрополии.

«...честнейший иеромонах Пимен... должен быть и именоваться по древнему обычаю митрополитом Киевским и по примеру бывшего перед ним митрополита оного Алексея взять в свое ведение Владимир и всю Великую Русь...».

Значит, постановление патриарха Филофея 1354 г. о переносе из Киева «Киевской» кафедры во Владимир оставалось в силе и продолжало служить опорой для политики патриархии по отношению к Руси.

Пимен «имеет власть непредосудительно священнодействовать в своей митрополии... и даже поставлять епископов в епископиях, изначала подчиненных Киеву и Великой Руси (за исключением только малорусских)...».

Ограничением сферы действия Пимена патриарший собор подтверждал юридическое признание Великорусской митрополии.

«... Если же митрополит Малой Руси и Литвы Киприан скончается прежде него, то он примет в свое управление и Малую Русь с Литвою и, подкрепляемый благодатию всемогущего бога, будет пасти тамошний христоименный народ и один именоваться до конца своей жизни [митрополитом] Киевским и всея Руси».

Не решаясь вовсе отбросить цель, к которой стремился патриарх Филофей, патриарх Нил, как видим, постарался создать условия для объединения русской церкви в будущем. Любопытно, что он прибег при этом к только что им самим осужденному юридическому средству, из-за которого, собственно, и было признано неканоническим поставление Киприана, — к праву наследования митрополии. Пимен (может быть, против его воли) был сделан законным наследником митрополии Малой Руси и Литвы при живом Киприане.

«...А после него на все времена архиереи всея Руси будут поставляемы не иначе как только по просьбе из Великой Руси».[23]

Послы добились очень многого: не только создания великорус-

---

[23] Там же, № 30, стб. 179—184.

ской «национальной» церкви, но и права выбора князьями ее главы и возможности вмешательства через этого главу во внутренние дела Литвы.

Оценивая деятельность послов, И. Б. Греков убедительно возражает Е. Голубинскому, говоря, что те «выступали не пассивными исполнителями воли греков, не авантюристами и заговорщиками, а проводниками определенной политической линии Москвы». Он даже предполагает, что «они действовали в рамках заранее данной инструкции, в силу которой они должны были при любых обстоятельствах, даже в случае гибели Митяя, добиваться осуществления своей главной цели...». Они, предполагает он также, «могли установить связь с Москвой и получить оттуда дополнительные указания...». Маловероятно. И уж никак невозможно согласиться с И. Б. Грековым, что послы добивались как главной своей цели просто «выдвижения Царьградом такого кандидата в русские митрополиты, который был бы приемлем для московского князя».[24] Это уж слишком упрощенное понимание «политической линии Москвы». И. Б. Греков словно не замечает того факта, что послы достигли юридического бытия митрополии Великой Руси.

В Повести о Митяе решение византийцев отражено кратко: «Рекоша бо грекы: „Аще русини или право глаголють, или не право, но мы истиньствуемь, но мы правду деем и творим и глаголем". И тако поставил есть Нил патриарх Пимина митрополитом на Русь». Суть дела здесь не отражена. Отразилось лишь сомнение патриарха в правоте русских послов, вызванное, очевидно, доносом.

Глава 13

ПОВОРОТ В МОСКОВСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Дальше в Повести о Митяе говорится, что к великому князю Дмитрию Ивановичу пришло известие о происшедшем в Константинополе. Когда и как пришло в Москву это известие, мы не знаем, знаем лишь, что это было «преже даже не поиде Пимин изо Царяграда на Русь, но единаче еще сущу ему в Цареграде в то время и медляшу ему». Но время последовавших и, согласно Повести, связанных с этим известием действий князя Дмитрия нам известно с точностью: великое заговение, т. е. 25 февраля 1381 г. Налицо, таким образом, восьмимесячный хронологический разрыв в повествовании: от июня 1380 г. (времени поставления в митрополиты Пимена) до февраля 1381 г.

---

[24] Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды, с. 121.

Центром, с которым в Повести связаны люди и события, является русский митрополичий престол. Стало быть, разрыв имеет то оправдание, что за это время новых претендентов на него не появилось, а со старыми ничего не случилось: Киприан в качестве митрополита Малой Руси и Литвы пребывал в Киеве, а Пимен в качестве митрополита Киевского и Великой Руси жил пока в Константинополе. Но тематическая узость Повести восполняется широтой окружающих ее в летописи погодных статей. Как раз за опущенное в Повести время произошла Куликовская битва, решившая судьбу и России, и Мамая. Как же случилось, что отношения Руси с Ордой, почти, казалось бы, урегулированные Митяем (Тюляков ярлык, подразумевающий восстановление прежнего подчинения Руси татарам), приняли столь острый и критический для обеих сторон оборот?

30 августа 1379 г., т. е. спустя около полутора месяцев после отъезда из Москвы Митяя, был казнен Иван Васильевич Вельяминов: «Того же лета месяца августа в 30 день, на память святого мученика Филикса, в вторник, до обеда в 4 час дни, убиен бысть Иван Василиев сын тысяцьского: мечем потят бысть на Кучкове поле у града у Москвы повелением князя великаго Дмитриа Ивановича», — записал летописец.[1]

Благодаря этому сообщению не вызывает сомнений и известие Никоновской летописи о том, как Иван Васильевич попал в руки князя Дмитрия Ивановича: «Того же лета поиде из Орды Иван Васильевичь тысяцкий, и оболстивше его в преухитривъше, изымаша его в Серпухове и приведоша его на Москву».[2]

Мы не знаем, сколько прошло времени между поимкой Вельяминова и его казнью. И, значит, не знаем точно, как во времени соотносятся его действия с действиями Михаила-Митяя. В момент казни Вельяминова шел примерно сороковой день Митяева путешествия. Сорок пять дней понадобится в 1389 г. Пимену, чтобы несколько более длинным речным путем — по Москве-реке, Оке и Дону — достичь Азова. К 30 августа, дню смерти Ивана Васильевича, Митяй со своей свитой должен был уже проходить половецкие степи. Вспомним: «И проходящим им Орду, и ту ят бысть Митяй Мамаем...». Так что, когда хан Тюляк вручал «митрополиту Михаилу» ярлык, в Орде еще не могло быть известно о гибели Вельяминова. Если действия Вельяминова и на этот раз, как четыре года назад, отвечали политическим задачам Мамая, то Вельяминов, очевидно, должен был как-то способствовать достижению той самой цели, что отражена в Тюляковом ярлыке, — восстановлению подчинения Руси Орде.

В те времена следствие не тянулось слишком долго. И всадник движется гораздо быстрей многочисленной процессии. Вельяминов и Митяй могли встретиться где-то в степях. Но могли и

[1] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 137.
[2] ПСРЛ, т. XI, с. 45.

разминуться: Иван Васильевич был схвачен не у Коломны, где Митяй переправлялся через Оку, а западнее по границе московских владений, в Серпухове. К Серпухову подводила Ордынская дорога, по которой, можно думать, и проехал Иван Васильевич.

Казнь Вельяминова, сына первого в московском княжестве сановника, была, насколько известно, первой «официальной» смертной казнью в истории Москвы.

Некомат Сурожанин, давний сообщник Вельяминова, «некий брех» (т. е. врун, клеветник), будет казнен «за некую крамолу бывшую и измену» спустя четыре года.[3] «Крамола и измена» — это, конечно, деятельность перебежчиков из Москвы в Тверь весной 1375 г. Возможно, к этому прибавилось что-то новое. Но с 1375 по 1383 год, год его казни, о Некомате Сурожанине мы не имеем известий. Иван Васильевич же в 1378 г. посылал из Орды на Русь, как мы помним, некоего попа со «злых зелей лютых мешком».

Каковы конкретно были действия или намерения Вельяминова в 1379 г., мы не знаем. Но очень скоро вслед за его казнью произошел, судя по всему, крутой поворот в политике великого князя Дмитрия Ивановича.

Первым свидетельством этого поворота служит летописное известие об организаторской деятельности Сергия Радонежского, относящееся к осени 1379 г.: «Того же лета игумен Сергий, преподобный старець, постави церковь в имя святыя Богородиця — честнаго ея Успениа — и украси ю иконами и книгами, и монастырь устрои, и келии возгради на реце на Дубенке на Стромыне, и мнихы совокупи, и единаго прозвитера изведе от болшаго монастыря, от Великыя лавры, именем Леонтиа. Сего и нарече и постави и быти игуменом в том монастыри. А священа бысть та церкви тое же осени месяца декабря в 1 день, на память святаго пророка Наума. Сий же монастырь въздвиже Сергий повелением князя великаго Дмитриа Ивановича».[4] В Московском своде конца XV в. добавлено: «И бысть сей монастырь присный великого князя».[5] (Монастырь этот находился в 50 километрах к северо-востоку от Москвы).[6]

Это — первое после 1374 г. известие о церковном и монастырском строительстве на Руси. За ним близко следуют другие подобные сообщения. Значительность этого известия не только в том, что устроителем нового монастыря выступает корреспондент и сторонник одиозного Киприана, поручник бежавшего в Константинополь Дионисия, объект Митяева гнева, киновиарх Сергий Радонежский, но еще больше в том, что инициатором этих действий Сергия оказывается сам великий князь Дмитрий

---

[3] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 149.
[4] Там же, стб. 137—138.
[5] ПСРЛ, т. XXV, с. 200.
[6] См.: Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян. М., 1966, с. 99.

Иванович. Ведь совсем недавно он «зело любяше Митяя, и чтише и, и в сласть послушаше его».

На строительство и заселение монастыря и возведение и оборудование церкви, освященной 1 декабря, никак не могло — даже при очень бодром темпе работ — уйти меньше двух-трех месяцев.[7] Занимающее нас известие отделено в летописи от сообщения о казни Вельяминова (30 августа) лишь записью о смерти одного из сыновей князя Дмитрия Ивановича, Семена («сентября в 11 день»). Так что повеление от великого князя об основании монастыря Сергий Радонежский получил, по-видимому, в сентябре или в крайнем случае в октябре. О смерти Митяя князь еще не мог знать; да и Митяй тогда мог быть еще жив.

Можно допустить, что вдруг отступить от прежнего политического курса, обратившись к его противникам, князя Дмитрия заставило сильное горе — смерть сына. Можно также допустить, что схваченный Иван Васильевич Вельяминов скомпрометировал сторонников церковного обособления и протатарской ориентации Великой Руси. Наряду с этим возможно, что после отъезда Митяя князь подвергся какому-то новому сильному влиянию.

В Повести о Митяе ниже, где речь идет о событиях февраля 1381 г., сказано о Феодоре Симоновском как о духовном отце князя Дмитрия, причем сказано мимоходом, как о факте не новом: «посла ... игумена Феодора Симоновьскаго, отца своего духовнаго...». Так что преемником Митяя в роли княжеского духовника, оказывается, стал его враг. Точного времени, когда это произошло, мы не знаем. Феодор назван духовным отцом великого князя там, где Повесть говорит о реакции князя на известие о происшедшем в Константинополе (смерть Митяя, поставление Пимена). Неудивительно было бы, если бы еще осенью 1379 г., благосклонно обратившись к одному из корреспондентов Киприана, Сергию Радонежскому, князь одновременно сделал своим духовником второго корреспондента Киприана, Сергиева племянника. Резкий или постепенный, но поворот церковной политики в пользу монахов-молчальников после отъезда Митяя произошел.

Итак, осенью 1379 г. московский князь становится на тот путь, который приведет его к решению пригласить из Киева в Москву столь нежеланного до сих пор Киприана. Митрополия Великой Руси, получившая наконец юридическое бытие, по иронии судьбы окажется князю ненужной. Нынешний титул Киприана — митрополит Малой Руси и Литвы — не смутит великого князя: Киприан прибудет в Москву именно как митрополит всея Руси. Постановление патриарха Нила как бы потеряет

---

[7] Известны случаи, главным образом во время эпидемий, когда церкви ставили за один день, даже за одно утро (см., например, Новгородскую 4 летопись под 1390 г.: ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 368). Но обычно на это уходило два-три месяца (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 36, 42 и 253).

в глазах князя силу, и он признает наконец, хотя бы на время, давнишнее (1375 г.) решение о Киприане и его правах патриарха Филофея.

*

Этой же зимой, в декабре 1379 г., предвидя, может быть, неизбежное столкновение с Мамаем и желая обеспечить свой правый фланг, великий князь Дмитрий Иванович посылал свою рать на Литву. Андрей Ольгердович Полоцкий, перешедший два года назад, во время литовских смут, на службу к Дмитрию Ивановичу, шел теперь в рядах московских войск против своего родного брата, Дмитрия Ольгердовича Трубчевского. Но «Дмитрий Ольгердович не стал на бой, ни поднял рукы противу князя великаго (Дмитрия Ивановича) и не биася, но выиде из града с княгинею своею и з детми и с бояры своими и приеха на Москву в ряд к князю великому Дмитрею Ивановичу, бив челом, и рядися у него».[8]

Можно дать три взаимодополняющих объяснения тому, что малорусско-литовский князь, вместо того чтобы с оружием в руках защищаться от московского войска или хотя бы бежать от него, сам пошел на службу Москве. Во-первых, это рознь с другими литовскими князьями; во-вторых — плод прежней общерусской пропаганды в Литве Киприана; в-третьих — результат нового, антитатарского поворота московской политики. Москва вновь оказалась центром притяжения для тех, кто хотел сражаться с татарами.

С наступлением весны 1380 г. князь Дмитрий Иванович продолжил возобновленное на Руси церковное строительство. Кажется, работы велись торопливо: «церковь камена на Коломне, уже свершениа дошедши, ю же создал князь великии Дмитрий Иванович», «падеся». Верный переменам политического курса «христолюбивый князь Володимер Андреевич» теперь, как и в 1374 г., тоже, конечно, выступил в качестве благочестивого ктитора, последовав примеру своего двоюродного брата-сюзерена, — и с бо́льшим успехом: через несколько дней после падения коломенской церкви, «июня в 15 день, в неделю, священа бысть зборнаа церковь во имя святыя Троица», которой он украсил свой град Серпухов.[9] Сколько еще князей, бояр и купцов последовало примеру великого князя московского и как использовали неожиданное облегчение для своей организационно-строительной деятельности сами монахи, летописец не счел нужным записать: он фиксировал не просто факты, но факты значительные, да и то, кажется, с отбором.

Как известно, Мамай сумел заручиться союзом литовского

---

[8] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 138.

[9] Там же.

князя Ягайла и рязанского князя Олега. Весной 1380 г. огромное татарское войско собралось у Воронежа и туда же прибыли послы упомянутых князей. Встреча армий для похода на Москву была назначена на «Семень день», 1 сентября, на берегу Оки.[10] В августе 1380 г. «приидоша от Орды вести к князю к великому Дмитрию Ивановичю, аже въздвизаеться рать татарскаа на христианы. . .».[11]

Согласно летописной повести «О Доньском побоищи», незадолго до Куликовской битвы «присла же Мамай к великому князю Дмитрею Ивановичю просити выхода, как было при цесари Чжанибеке, а не по своему докончанию». На это Дмитрий Иванович ответил, что готов платить ему «по христианьской силе и по своему докончанью, как с ним докончал», но не иначе.[12]

Ясно, на чем формально базировались претензии Мамая и отказ Дмитрия Ивановича. «Свое докончание» — это последний личный договор Дмитрия Ивановича с Мамаем о русской дани, т. е. договор 1371 г., когда московский князь получил в Орде ярлык на великое княжение Владимирское на льготных, умеренных условиях.[13] По этому договору «Москва хотя и обязывалась давать татарский „выход", но в гораздо меньшем размере, чем при ханах Узбеке и Джанибеке».[14] Мамаеву же требованию выхода, «как было при цесари Чжанибеке», оправданием мог служить лишь полученный Митяем ярлык. Ведь этот документ, составленный «первых ярлыков не изыначивая», по образцу Джанибекова ярлыка, означал восстановление таких отношений Руси с Ордой, какие существовали не только до «розмирия», но и до начала «замятни» в Орде — в 50-х гг., при хане Джанибеке. И Мамай считал великого князя Дмитрия ответственным за этот новый договор. Заявление же князя Мамаеву послу можно понять в том смысле, что князь готов, чтобы избежать войны, возобновить выплату татарам дани в количестве, обусловленном «докончанием» 1371 г., но от ответственности за обязательства наместника Михаила он отказывается.

Князь, мы знаем, откажется также платить долги, сделанные послами с помощью его грамот в Константинополе. Таким образом, с благоприятным для монахов-исихастов поворотом политики князь счел себя свободным от всех долгов и обязательств их попавших в немилость противников, хотя бы те действовали с его, княжеского, ведома и от его имени.

---

10 ПСРЛ, т. XXV, с. 201; см. также: Греков И. Б. Очерки из истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 61.

11 ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 139.

12 ПСРЛ, т. XXV, с. 202.

13 См.: Пресняков А. Е. Образование великорусского государства, с. 320.

14 Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды, с. 131.

*

Как известно, роль Сергия Радонежского в моральном ободрении великого князя Дмитрия Ивановича перед Куликовской битвой громадна. Получив от Сергия в его монастыре благословение (согласно Житию Сергия: «Подобает ти, господине, пещись о врученном от бога христоименитому стаду. Пойди противу безбожныхъ и, богу помагающу, ти победиши и здрав в свое отчьство с великыми похвалами възъвратишися»), князь (по тому же источнику) пообещал: «Аще ми бог поможет, отче, поставлю монастырь в имя пречистые Богоматере».[15]

Дмитрий Донской свое обещание выполнил. «Старець же Сергие, шед, поискав, обрете место угодно на реце зовомой Дубенке. И възлюбленіемь великого князя на том месте святый Сергие церковь постави в имя пречистыя Богоматере ... състави общежитие в лепоту зело, яко подобает...».[16] (Монастырь этот в 40 верстах к северо-западу от Троице-Сергиевой лавры на р. Дубенке, впадающей в р. Дубну).[17]

Но что было бы, если бы Дмитрий Иванович был побежден Мамаем? (Здесь сослагательное наклонение не угрожает нам домыслами). Во-первых, князь (сам ли Дмитрий, или его преемник), конечно, не «поставил» бы монастырь. А во-вторых, он, конечно, отвернулся бы — вынужден был бы отвернуться — от толкавших его на войну с «безбожными» и «погаными» татарами монахов-«всероссиян». Мамай позаботился бы о том, чтобы новый Митяй, а вслед за ним и все русские священники возносили в церквах за татар-мусульман молитвы.

Любопытно, что открытие мощей Александра Невского во Владимире произошло как раз перед Куликовской битвой, когда «бяху вси людие в страсе велице утесняеми». Инок-пономарь, спавший на паперти церкви, «виде в церкви свещи о собе возгоревшася, и два старца честна изыдоста от святаго олтаря и приидоста ко гробу блаженнаго Александра и глаголаста: „О господине Александре, востани и ускори на помощь правнуку своему, великому князю Дьмитрию, одолеваему сущу от иноплеменник“. И в той час святый великий князь Александр воста из гроба и абие со обема старцема вскоре невидимы быста». Наутро был выкопан Александров гроб и были обретены «честныя его мощи целы и тлению непричастны».[18] Думаю, можно не сомневаться, что князь узнал о видении инока-пономаря и об обретении мощей еще до битвы.

Летописец-современник отметит три мотива, побудивших великого князя Дмитрия выступить навстречу татарам: он «поиде

---

[15] Житие Сергия, с. 125—126.
[16] Там же, с. 127—128.
[17] Будовниц И. У. Монастыри на Руси. . ., с. 99.
[18] ПСРЛ, т. XXI, 1-я половина. СПб., 1908, с. 293—294.

противу их, хотя боронити своея отчины, и за святыя церкви и за правоверную веру христианьскую, и за всю Русьскую землю».[19] В понятие «отчины» московского князя входило уже, как мы знаем, и великое княжение Владимирское. Мотив «за правоверную веру христианьскую» заставляет вспомнить (дословно ту же) мотивацию действий князей в Повести о Батыевом нашествии Лаврентьевской летописи. «За всю Русьскую землю» — это программа патриарха Филофея, митрополита Киприана, Сергия Радонежского и иже с ними.

Войну после Куликовской битвы еще нельзя было считать выигранной, ибо бежавший с Куликова поля Мамай «пакы гневашеся и ярящеся зело и, собрав остаточную свою силу, еще восхоте ити изгоном на Русь».[20] У слияния Непрядвы с Доном против русских дрались не только татаро-половцы, насельники подвластных Мамаю степей, но и наемники-генуэзцы, черкесы и осетины («ясы»), и потому легко представить, к каким неисчерпаемым источникам людских резервов мог обратиться Мамай, чтобы пополнить «остаточную свою силу». Деньги у Мамая были,[21] кроме того, с генуэзцами он мог расплачиваться землями своих крымских владений. 28 ноября 1380 г. татарским правителем Солхата и генуэзским консулом Кафы был составлен договор, согласно которому генуэзцы за верность татарам получали от них земли южного берега Крыма от Судака до Балаклавы и селения крымской Готии.[22]

Но, как известно, еще раз повести войска на Русь Мамай не успел: «И сице ему умыслившу, и се весть прииде к нему, что идеть на него некый царь со востока именем Тохтамышь ис Синие орды».[23] Эта весть достигла, очевидно, и Москвы, поскольку «на ту же осень князь великий отъпустил в Орду своих киличеев Толбугу да Мокшея к новому царю с дары и с поминкы».[24] Наследник владимирских князей и наследник монгольских ханов оказались в союзе против наследника половецких ханов.

С ратью, готовой для похода на Русь, Мамай выступил навстречу Тохтамышу, потерпел поражение, бежал к генуэзцам в Кафу и был там ими предан и убит. И генуэзцы сумели добиться милости татар-победителей: 23 февраля 1381 г. новый правитель крымского Солхата подписал с прежним консулом Кафы договор, который подтверждал сделанные Мамаем территориальные уступки итальянцам.[25]

---

[19] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 139.

[20] ПСРЛ, т. XXV, с. 205.

[21] Гонимый Тохтамышем, он бежал в Кафу «со множеством имениа, злата и сребра» (там же, с. 205—206).

[22] См.: Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 521.

[23] ПСРЛ, т. XXV, с. 205.

[24] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 142.

[25] См.: Бегунов Ю. К. Об исторической основе. . ., с. 521—522.

Захватив всю Орду Мамая, Тохтамыш «отпусти послы своя на Русь к великому князю Дмитрию Ивановичю и ко всем князем русскым, поведая им свои приход, како сел на цесарстве и победил спорника своего, а их врага Мамая». Дальше в летописи идет очень важное хронологическое указание: приняв с честью Тохтамышевых послов, русские «на весну ту послаша в Орду к царю кыйждо своих киличеев со многыми дары».[26] Рогожская и Симеоновская летописи указывают время более точно: князья «на зиму ту и на ту весну за ними отъпустиша коиждо своихь киличеев...».[27] Время отправления ответных русских послов непреложно показывает, что Мамай был побежден Тохтамышем зимой 1380—1381 г. Свидетельства весьма лаконичных в рассказе об этих событиях персидских историков о том, что Тохтамыш, «когда наступила весна, привел в порядок войско и завоевал государство и область Мамака»,[28] — «когда прибыла весна и повела свои войска злаков и цветов в сады и цветники, Тохтамыш-хан, снарядив бесчисленное войско, двинулся в поход и покорил царство Сарайское и иль-Мамака»,[29] — не могут быть приняты без критики и уточнения. «Находясь во враждебном дворе, не имея возможности лично побывать в Улусе Джучи, они (персидские историки, — *Г. П.*) черпали свои сведения из вторых рук, писали со слов перебежчиков, далеко отстоявших от двора. Поэтому у персидских историков мы встречаем множество неточностей в датах, именах, в изложении сведений по истории Золотой Орды».[30] Русская летопись гораздо более точна в рассказе о победе Тохтамыша над Мамаем. Персидские данные позволяют лишь допустить, что весной какого-то года он поход завершил. А. Ю. Якубовский эти сведения понял так, что в Поволжье Тохтамыш вступил весной 779 года хиджры, т. е. весной 1378 г.[31] Но возможно также, что, окончив с разгромом Мамая покорение Золотой Орды и отпустив на Русь послов, Тохтамыш вернулся из западного похода на Волгу, в Сарай-Берке, как раз весной (1381 г.) — «шед, седе на царстве Волжьском»,[32] как пишет русский летописец, — и что персидские историки XV в. отмечают именно этот момент, — момент, когда Джучиев улус после более чем двадцатилетних смут и раскола вновь обрел единство и столицу.

Непосредственно за известием об ответном русском посольстве

---

[26] ПСРЛ, т. XXV, с. 206.

[27] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 141; т. XVIII, с. 130.

[28] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 2. Извлечения из персидских источников, собр. В. Г. Тизенгаузеном и обраб. А. В. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.—Л., 1941, с. 109 (Низам-ад-дин Шами).

[29] Там же, с. 150 (Шереф-ад-дин Йезди).

[30] Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды, с. 13—14.

[31] Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 321.

[32] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 141.

к новому сарайскому царю идет в летописи сообщение, которое возвращает нас к событиям Повести о Митяе: «Тое же зимы князь великий Дмитрие Ивановичь посла отца своего духовного в Киев по митрополита по Киприана, зовучи его на Москву к собе на митрополию. А отпустил его о велицем заговение».[33] Великое заговение в 1381 г. было 25 февраля. Вновь обратимся к тексту Повести.

«И прииде весть князю великому, яко „Митяй твой умре, а Пимин стал в митрополиты". Князь великии не въсхоте Пимина приати, рек: „Несмь послал Пимина в митрополиты, но послах его яко единаго от служащих Митяю. Что же се сътворено есть, о них же аз слышу таковаа?!" И преже даже не поиде Пимин изо Царяграда на Русь, но единаче еще сущу ему в Цареграде в то время и медляшу ему, тогда князь же великий въсхоте приати Киприана митрополита, сущу ему в Киеве в ты дни, и посла по него игумена Феодора Симоновьскаго, отца своего духовнаго, в Киев, зовучи его к себе на Москву. А отпустил по него о великом заговение...».

Здесь не сказано, когда к Дмитрию Ивановичу пришли вести из Константинополя, указано лишь время посольства за Киприаном, и потому создается впечатление, что о смерти Митяя и поставлении Пимена князь узнал лишь в феврале 1381 г. И, значит, тот удивительный факт, что Дмитрий Донской после пяти лет борьбы со ставленником патриарха Филофея, после с трудом одержанной в патриархии победы отказался от всего достигнутого и вдруг «въсхоте приати Киприана митрополита», объяснен в Повести вестью о гибели Митяя, возмущением великого князя, вызванным самовольством послов, тем, что они без его ведома избрали Митяю преемника.

Однако крайне мало вероятно, что князь полтора года не знал о смерти своего любимца. Повесть, впрочем, прямо этого и не утверждает. Невероятно также, чтобы личность митрополита (Митяй) значила все, а его титул (В е л и к о й, а не в с е я Руси) — ничто: княжеские послы в Константинополе были уверены как раз в обратном. Да и личность (не говоря уже о нынешнем титуле) Киприана должна была быть (и будет!) Дмитрию Ивановичу гораздо более неприятна, чем личность Пимена. Помимо умозаключений такого рода, кое-что в самой Повести заставляет отнестись к предлагаемой ею мотивировке княжеского решения с настороженностью: посланный в Киев за Киприаном человек, игумен Феодор Симоновский, оказался к этому времени духовным отцом великого князя. Великокняжеским духовником был прежде, как мы помним, Митяй.

Настораживает не то, что преемником Митяя в этой роли оказался один из главных его врагов: после того как осенью 1379 г. князь благосклонно обратился к одному из корреспон-

[33] Там же, стб. 141—142.

дентов Киприана, Сергию Радонежскому, нет ничего удивительного в том, что своим духовником он сделал второго корреспондента Киприана, Сергиева племянника. Обращает внимание то, как об этом сказано. Сказано просто: «посла... отца своего духовного», — как о факте не новом. И потому кажется, что Дмитрий Донской сделал Феодора Симоновского своим новым духовным отцом прежде великого заговения 1381 г. Это могло произойти вслед за известием о смерти Митяя, а могло состояться и раньше этого известия, как я уже говорил, — еще осенью 1379 г., одновременно с общим поворотом политики в пользу монахов-молчальников.

Но почему же тогда князь сразу не вызвал в Москву Киприана и не пресек деятельность посольства, коль скоро он принял сторону монашеской партии? И если вести из Константинополя пришли в Москву раньше февраля 1381 г., почему же Дмитрий Иванович ждал этого времени, чтобы послать митрополиту в Киев приглашение?

Все это легко объяснимо. Переменив осенью 1379 г. внутреннюю и внешнюю политику, но не будучи, конечно, уверен в исходе конфликта с татарами, князь решил не препятствовать послам действовать в Византии в заданном им раньше направлении. Но с этого момента известия о происшедшем в Константинополе никак не могли уже отразиться на церковной политике князя. Повлиять на нее в ту или иную сторону способен был теперь тот или иной поворот отношений с татарами. И князь ждал, чем обернется дело. После же Куликовской битвы и до конца зимы 1381 г. Дмитрий Донской не мог еще быть уверен в благополучном для него исходе всей русско-половецкой кампании. Только весть о гибели Мамая, принесенная послами Тохтамыша, и союзническое дружелюбие этих послов давали основание считать войну выигранной. Убедившись, таким образом, что политическая линия монашеской партии не оказалась гибельной и даже принесла добрые плоды, в феврале 1381 г. князь Дмитрий Иванович решается, наконец, сделать последний шаг на том пути, на который он встал осенью 1379 г., после отъезда Митяя, — решается послать за митрополитом Киприаном.

Мотивируя отказ принять митрополита Великой Руси Пимена своеволием своих на редкость старательных и инициативных послов, а не принципиальными соображениями (что тоже было бы ложью), князь оставлял себе руки свободными на будущее время.

Этой, как я думаю, официальной версии и придерживается автор Повести, и лишь то, что он сказал о новой должности Феодора Симоновского (духовный отец великого князя) как о факте не новом, наводит на мысль об иной, реальной связи событий. Этой же версии тактично будут держаться в 1389 г. в патриархии: «великий князь московский, увидав его (Пимена, — *Г. П.*) сверх всякого ожидания митрополитом, или, точнее, узнав

о нем все прежде, нежели он явился, призывает кир Киприана, вполне раскаявшись и испросив у него прощение в том, в чем погрешил перед ним, обманутый грамотами бывшего патриарха (Макария, — *Г. П.*)...».[34]

Глава 14

ПЕРИОД МИРА МЕЖДУ КНЯЗЕМ И МИТРОПОЛИТОМ

Весной 1381 г. Киприан в третий раз ехал в Великую Русь. В первый раз, семь лет назад, он был послом патриарха Филофея. В степи среди мусульман шла «замятня», и двадцатичетырехлетний московский князь решился тогда на союз с Тверью и Литвой и на «розмирие» с татарами. Спустя четыре года Киприан, как вор, окольными путями пробирался к Москве, чтобы стать всероссийским митрополитом фактически, будучи им номинально. Татары легко перехватили инициативу в конфликте и делали опустошительные набеги на русские окраины. В Москве на митрополичьем месте сидел Митяй. Киприан был схвачен, ограблен и через сутки выдворен из Москвы.

Теперь, когда из его титула исчезли слова «всея Руси», тот самый князь, из-за которого это случилось, князь, велевший недавно «смерти предати его немилостивно»,[1] звал его к себе в Москву. Князю уже не нужна была великорусская митрополия, и от Киприана его не отвращало то, что тот был «взыскан злейшим нашим неприятелем», литвином Ольгердом. Ольгерд, правда, был теперь мертв, но он был мертв уже четыре года, и до сих пор это ничего не меняло. Важно было другое: погиб Мамай, рухнуло страшное татаро-половецкое государство. Именно это позволило Дмитрию Донскому признать, пренебрегая постановлением патриарха Нила, права Киприана, данные ему некогда патриархом Филофеем. Политика Кантакузина и Филофея наконец восторжествовала. Кантакузин к этому времени был глубоким стариком (он умрет через два года); Филофея уже не было в живых. И сама Византия находилась при смерти. А Русь теперь, только что, сделала великий шаг, который открыл перед ней — и перед всем православным миром — великие перспективы. Киприан был проводником именно по этой дороге.

В свое время Киприан писал присланному за ним с приглашением Феодору Симоновскому и его дяде Сергию, чтобы они, монахи, не боялись князя: «аще быша вас убили, и вы святи». Их не убили. Более того — они победили: Феодор стал духовни-

[34] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 209—210.
[1] Послания Киприана, II, с. 196.

ком великого князя; Сергий основывает монастыри по княжескому повеленью.

«. . . и прииде преосвященный Киприан митрополит ис Киева на Москву в свою митрополию в четверток 6 недели по пасхе, в самый праздник възнесениа господня». Вознесение в 1381 г. было 23 мая. «И многу звонению бывшу во вся колоколы и многу народу сшедшуся на сретение его, яко весь град подвижеся». Весна, праздник, колокольный звон, торжественная многолюдная встреча.

«Князь же великий Дмитрей Иванович прия его с великою честию и со многою верою и любовию». Летописец добавляет: «И бысть в тъй день у князя у великаго пир велик на митрополита, и радовахуся светло. Тое же весны князю Володимеру Андреевичу родися сын князь Иван, и крести его Киприан митрополит да игумен Сергий, преподобный старець».[2]

В Повести о Митяе вслед за сообщением о прибытии в Москву Киприана идет рассказ о возвращении Пимена. События эти разделены семью месяцами. Рассмотрим теперь литературное произведение Киприана этого периода — периода мира с великим князем. В нем вновь отражается история Митяя, но трактуется несколько иначе, чем прежде — в послании игуменам Сергию и Феодору.

Более пятидесяти лет существовало публицистическое в момент своего рождения (промосковское и антитверское) Житие митрополита Петра, или «Сказание о смерти митрополита Петра»,[3] первого московского святого. Жизнь Киприана в самых общих чертах была похожа на жизнь митрополита Петра. Оба они пришли в Москву из юго-западной Руси и были ставленниками ее князей. Оба имели конкурентов с северо-востока: Петр — Геронтия, Киприан — Митяя. Оба строили свою политику в расчете на главенство среди всех русских князей московских. Оба, наконец, победили.

Киприан пересказал историю Петра, обогатив ее некоторыми деталями и суждениями, расставив по-своему логические акценты и завершив похвальным словом митрополиту Петру. Исследователь этого произведения Л. А. Дмитриев пришел к выводу, что «житие Петра в не меньшей степени посвящено Киприаном самому себе, чем Петру. Как это ни парадоксально звучит, но житие Петра, написанное Киприаном, в какой-то степени автобиографично. Если в самом тексте жития эта автобиографичность присутствует незримо, между строк, то в похвальном слове Киприан сказал об этом совершенно открыто. В этой автобиографичности заключается публицистическая направленность киприановского жития Петра».[4]

---

[2] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 142.

[3] См.: Кучкин В. А. «Сказание о смерти митрополита Петра». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 59—79.

[4] Дмитриев Л. А. Роль и значение. . ., с. 251.

Л. А. Дмитриев убедительно подтвердил мнение С. Шевырева, что Житие Петра написано Киприаном именно в 1381 г., а не в период с 1397 по 1404 г., как считал В. О. Ключевский. Но недавно вновь в науке было сказано, что Киприан написал Житие в конце своей жизни — в конце 90-х гг. XIV в. или в первые годы XV в.[5] Оставив без внимания рукописную традицию Жития, автор этого высказывания не учел того, о чем недавно напомнила ученым болгарская исследовательница Н. Дончева-Панайотова, а именно — что в 1390 г. некий дьяк Василко в Западной Руси написал сборник житий и слов, в составе которого есть и это житие.[6] Стало быть, Житие появилось не позже 80-х гг. Все фактические данные, сообщаемые Киприаном о себе в заключительной, автобиографической части, как отмечает Л. А. Дмитриев, «не переходят границ 1381 г.»; и, кроме того, написание Жития в 1381 г. «делает понятной его яркую публицистичность».[7]

Недавно мне удалось обнаружить в Харькове пергаменную Служебную минею на декабрь месяц, содержащую Службу митрополиту Петру с Житием, написанную «Киприаномь смереным митрополитомь Кыевьскымь и всея Руси». Петр — единственный русский из святых, празднуемых, согласно этой Минее, в декабре; и Петр — единственный святой, удостоенный в этой Минее службы с житием. Вообще помещение жития в Служебную минею необычно для русской книжной традиции (русский книжник поместил бы житие в другого типа книгу, как это и сделал дьяк Василко в 1390 г.), но обычно для греческой и южнославянской традиции. Изучение всякого рода кодикологических особенностей этой рукописи позволяет утверждать, что она не является копией другой книги, но формировалась ее создателями вновь. Среда происхождения новообретенной харьковской рукописи определяется мною как ближайшее окружение митрополита Киприана, а время — как 80-е гг. XIV в. 21 декабря 1381 г., в день памяти митрополита Петра, в том из кремлевских соборов, где служил митрополит Киприан и присутствовал великий князь Дмитрий Иванович Донской (вероятней всего, в Успенском соборе), служба Петру должна была звучать — а после 6-й песни канона и Житие — по такого именно типа декабрьской Служебной минее, какой нам являет харьковская рукопись, если не по самой этой книге.[8]

---

[5] Борисов Н. С. Социально-политическое содержание литературной деятельности митрополита Киприана. — Вестн. МГУ, 1975, № 6, с. 58—72.

[6] ГИМ, собр. Уварова, № 1045, л. 92—108 об. См.: Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей графа А. С. Уварова, ч. 2. М., 1893, с. 342; Дончева-Панайотова Н. А. Търновската книжовна школа и Русия в края на XIV и началото на XV век. Киприан и Григорий Цамблак. Автореф. Велико Търново, 1974.

[7] Дмитриев Л. А. Роль и значение. . ., с. 251.

[8] Прохоров Г. М. Древнейшая рукопись с произведениями митрополита Киприана. — Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник

Конфликт с Геронтием, конкурентом Петра, выглядит у Киприана следующим образом. По смерти митрополита Максима «Геронтей же некто, игумен сы[й], дерьзну дерзостию, въсхытити хотя сан святительства, не веды[й], яко „всяк дар свершен свыше есть, сходя от бога отца светом",[9] ни бо слыша Писание, глаголющее: „Ни хотящему, ни текущему, по милующему богу",[10] но тако самовластна недугом объят быв, своеумиемь на таковую высоту дръзну. Некако и время благополучно себе творяше, никому же вьзбраняющу ему от таковаго безсловесиа. Под[ъ]емлеть убо подвигы: приемлет же и святительскую одежу и утварь... Поемь же и жезл пастырьскый, и церковныя сановники, и поиде к Константинуграду, яко готово имея чаемое».

Когда читаешь о Геронтии, вспоминается Митяй: и тот был игуменом и тоже «поиде к Константинуграду, яко готово имея чаемое». Но особенно легко в этом Геронтии узнать Митяя второго Киприанова послания: «не блюдясь казни божия», он дерзостно стоит «на митрополице месте» «в манатии святительской и в клобуце, и перемонатка святительская на нем и посох в руках». Отношение Киприана к уже покойному Митяю осталось несомненно прежним. Но трактовка всего события, как мы сейчас увидим, изменилась.

По посланию 1378 г. ясно, что Митяй дерзает покуситься на святительство «силою княжескою»; в произведении 1381 г. он сам «дерьзну дерзостию, въсхытити хотя сан святительства», «самовластиа недугомь объят быв, своеумиемь на таковую высоту дръзну». Своеволие его тут несколько раз подчеркнуто. Князь-покровитель не упомянут вовсе; сказано лишь, что это произошло «никому же вьзбраняющу ему от таковаго безсловесиа». Значит, если кто-нибудь, кроме самого Геронтия (Митяя), и несет вину, то лишь косвенную — вину попустительства, «невозбранения».

Геронтию в отличие от Митяя удалось живым достичь Константинополя, хотя жизнь его подвергалась на море опасности: «буря бо велика вь мори воздвижеся». А Петр, его конкурент, «яко же во сне» прилетел «кь стенам Константинаграда». Но, как и Митяю, Геронтию не дано было стать митрополитом. В Константинополе он выслушал от патриарха наставление, «яко не достоить миряномь избранна святительскаа творити, ни же никому смети самому на таковый сан дръзати, [аще] не преже от святаго собора избран», а затем был лишен всех знаков святительства: патриарх у него «ризы же святительскыа с честною иконою и пастырьскый жезл, тако же и церковныа сановникы приемь, в руки предаеть истинному святителю и божию человеку, Петру».

1978 г. (в печати). — Житие митрополита Петра, печатающееся во втором Приложении, цитируется в тексте книги по этой рукописи.

[9] Послание Иакова 1, 17.

[10] Источник цитации мне не ясен.

Поучение патриарха Геронтию заставляет вспомнить одну из основных тем, а именно церковно-правовую, второго послания Киприана русским игуменам; кроме того, здесь все-таки звучит намек на неподобающий образ действий князя, ибо у какого еще мирянина хватило бы силы «избраниа святительскаа творити»? Однако этот намек тут же сглажен: «никому же смети самому на таковый сан дрьзати. . .».

Дальше Киприан старается показать князю, что он простил ему все и не помнит зла. Когда Петр вернулся из Константинополя на Русь, он попал в положение, аналогичное тому, в каком был Киприан в течение предшествующих 1381 году пяти лет: дьявол «малу спону святому сътвори: некыих подгнети не хотети того пришествия. По времени же себе зазреша и святителя приаша и с смереньем тому покоришася. Он же не токмо [не] злопомни, но и от душа тем отдасть и о них молитву сътвори. И своему делу прилежаше». «Киприан дал этим понять, что он тоже прощает тех, кто совершил над ним насилие в 1378 г.».[11]

Но Киприан хотел, чтобы и князь не имел на него сердца. Былое покровительство Ольгерда он объяснил на примере Петра следующим образом. О дерзости Геронтия «услышано бысть по всей земли Руской даже и до Велыни, еже и мнози негодоваху. Князь же Вельньскыя земли съвещавает съвет неблаг: въсхоте Галичьскыя епископии въ митрополь претворити, изветомь творяся, Геронтиева высокоумиа не хотя». Таким образом, Киприан оправдывает действия князя Волынской земли в той части, в какой они способствовали возвышению истинного святителя и были вынуждены дерзостью и высокоумием человека из Великой Руси. Но постольку поскольку эти действия направлены были к расколу русской церкви, он их осуждает («съвет неблаг»). «Киприан между строк как бы говорит, что эта история точно такая же, как и его собственная, и старается подчеркнуть, что он осуждает волынского князя за его желание дробить русскую митрополию, т. е. этим самым Киприан дает понять, что желание Ольгерда сделать его митрополитом Литвы — это только желание Ольгерда, а сам он к этой идее никакого отношения не имеет».[12] И Киприан показывает, что благодаря настоящему святителю даже неблагое желание волынского князя обратилось во благо всей Русской земли.

Что же касается грамоты от князя, которая якобы была передана с ним патриарху (вспомним обвинение великороссов Киприану, что он отвез из Литвы в патриархию составленную им самим «ябеду, наполненную множеством обвинительных пунктов» против митрополита Алексея, грамоту, «которой он сам был не только составителем, но и подателем»), то она была написана князем втайне от святителя, да и передана патриарху не

[11] Дмитриев Л. А. Роль и значение. . ., с. 248.
[12] Там же, с. 246.

им: «Князь же вътаи Петра написуеть писаниа сь молениемь к святому патриарху и к всему священному сбору, прося молениа своего не погрешити, но того самого Петра на святительскомь престоле видети прошаше. И посла убо сь писанми посылает сь Петром». Дмитрию Донскому теперь следовало бы окончательно оставить свои старые необоснованные подозрения, как оставил все свои обиды митрополит: грамоту в патриархию писал в Литве не Киприан и вручал ее патриарху Филофею тоже не он; это происходило в его присутствии, но помимо его воли.

Кроме того, великий князь может быть уверен, как уверен в этом он сам, что именно ему, Киприану, свыше предопределено быть всероссийским митрополитом и вести «богом порученное ему стадо» — Русь — к спасению. Патриарх Афанасий, рукополагая Петра, говорит: «Се человек повелениемь божиим приде к нам, и того благодатию добре стадо упасеть, порученое ему». По мнению Л. А. Дмитриева, «в центральной и наибольшей по объему части повествования, в рассказе о притязаниях на митрополию Геронтия и о поставлении в митрополиты Петра, Киприан не только излагает историю Петра, но как бы на конкретном примере иллюстрирует свое положение о том, что церковные должности даются не людьми, а назначаются на небесах».[13]

Переходя от одного рода иносказания к другому, Киприан показывает, что занять русский митрополичий престол ему удалось лишь при таинственной, но эффективной помощи самого митрополита Петра. Когда после болезни в Константинополе, пишет Киприан, едва «в себе преидох», тогда «призвах на помощь святаго святителя Петра», и «от оного часа болезни оны нестерпимыя престаша. И в малых днех Царствующего града изыдох и, божиимь поспешениемь и угодника его, приидох и поклонихся гробу его чюдотворивому, внегда убо приат нас радостию и честию великою благоверный великый князь всея Руси Дмитрей, сын великого князя Иоана. . . Такова убо великаго сего святителя и чюдотворца исправлениа».

Итак, автор — Киприан — и Петр, его герой, связаны здесь не только сходством судеб, не только тем, что один оказался наследником престола другого, но и прямыми личными отношениями: молитвенным обращением с одной стороны, покровительством с другой. Однако и этого мало. Петр пророчествует московскому князю: «Аще мене, сыну, послушаеши и храм пресвятое Богородици въздвигнеши вь своем граде, и самь прославишися паче инех князий, и сынове и вънуци твои в роды, и град съ[й] славен будет в всех градех Русскых, и святители поживуть в нем, и възыдут „рукы его на плеща враг его“, и прославится бог в немь. Еще же и мои кости в немь положени будут». Пророчества этого не было в первой редакции Жития Петра. Оно принад-

[13] Там же, с. 247.

лежит Киприану, вложено им в уста Петра и таким способом обращено к великому князю Дмитрию Донскому. Условие воздвигнуть в Москве храм Богородицы имеет в этом плане символическое значение — такое же, как обещание Дмитрия Ивановича Сергию Радонежскому основать в случае победы над Мамаем монастырь: оно означает покровительство и покорность князя всероссийской церкви, и в этом случае Киприан обещает, что «взыдут руки его (града, — *Г. П.*) на плеща враг его».

В кратком варианте Жития или, точнее сказать, пространном варианте Похвального слова (конкретно о Петре здесь говорится лишь небольшими выборками из пространного Жития, бóльшую же часть текста составляют хвалебные риторические вариации) [14] Киприан любопытным образом развил эту тему. Он написал о пророчестве Петра как об уже сбывшемся: «Что убо: не удивим ли ся пророчьствию святого? Не сбыша ли ся вся сия? Не скончяша ли ся реченная о тебе, о преславный граде Москва? Не распространиша ли ся страны земля твоеа? Не взыдоша ли рукы твоя на плещя враг твоих?».[15] Это, конечно, намек на победу над Мамаем (русских князей, даже тверских, равно как и литовских, Киприан, радетель единства, никогда не назвал бы врагами Москвы).

Киприан показал в Житии и образцовые отношения князя и митрополита: «И бяше убо веселие непрестанно посреди обоих духовное: князю убо во всемь послушающу и честь велию подавающу отцю своему, по господнему повелению, еже рече к своим учеником: „Приемляй вас мене приемлет“...». А со смертью митрополита Петра, когда русская земля приобрела в его лице предстателя на небесах, ему «на всякый день православнии и светлии наши князи сь теплою верою поклоняются и благословение приемлють...». В пространном похвальном слове Киприан развил и эту тему: «...аще и в гробе положен бысть святый, но духом с нами есть всегда и видить, аще по заповеди его живем и повеления его храним».[16]

Единственное, что опустил Киприан в своей переработке прежнего Жития митрополита Петра, — это факт «воименования» Петром наследника на митрополию. «Киприан не мог в житии

[14] Знакомством с этим произведением я обязан названной выше Н. Дончевой-Панайотовой. В одном списке (ГПБ, Погодинское собр., № 866. Сборник житий, конец XV—первая четверть XVI в., л. 135 об.—148) оно называется «Житие и жизнь и мало исповедание от чюдес в святых отца нашего Петра архиепископа Киевского и всея Руси. Списано Киприаном смиреным митрополитом Киевским и всея Руси». В другом (ГПБ, Софийское собр., № 1500, Сборник, XVI в., л. 60—72 об.; список неполный) — заглавие более точно: «Слово похвально на память иже во святых отца нашего Петра митрополита Киевского и всея Руси чюдотворца».

[15] Цитирую по списку: ГПБ, Софийск. № 1500, л. 70 об.; то же см.: ГПБ, Погодинск., № 866, л. 143—143 об.

[16] ГПБ, Погодинск. № 866, л. 146 (в Софийск. № 1500 конца Слова, в том числе и этого места, нет).

восхваляемого им святого оставить рассказ о факте, который резко противоречил его собственным убеждениям, потому он и опустил слова о том, что Петр сам „воименова“ на свое место архимандрита Феодора».[17]

Киприан не преминул заметить в Житии, что Петр, совершая в церкви «божественную служьбу», помолился «о православных же царех и князех, и о своемь сыну, его же възлюби — благочьстиваго глаголю князя Иоана — и за все благочьстивое христианьское множество всея Рускыа земля. . .».

В этой связи любопытно отметить находящийся в той же новообретенной харьковской рукописи перевод с комментарием службы, озаглавленной «Последование, творимо часовом на праздникы господскиа пред днемь Рождества Христова». Следом за названием — примечание: «Сицево приахом певаемо в святейшой Великой церкви Божия Премудрости», т. е. в константинопольском храме Святой Софии. После текста многолетий византийским царям и патриарху находится такая заметка: «Сице убо творимо есть в Царьствующем граде в Святей Софии. В нашей же Русии подобаеть инако пременити глаголы, понеже несть царства тамо, ни же царя. Глаголати же сице подобаеть: „Многолетны сътворит бог князей наших на многа лета“. Таж сице: „Многолетны устроит бог благородных князей наших на многа лета. Многолетны устроит бог благородныа богоизбранныа князя наша на многа лета“. По семь же и митрополиту сице: „Многолетна устрои, боже, преосвященнаго господина нашего митрополита Кыевьскаго и всея Русии имярек на многа лета“». Чуть ниже опять: «По семь же певци славят царя гласом по обычаю, такожде и патриарха. В земли Руской славят князя и митрополита, по своему обычаю».

Автор этих заметок пишет о «Русии» как о своей стране, но как бы несколько вчуже («тамо»). Очевидно, что он привык к греческому произношению названия страны — Ῥωσία. В его языке заметны болгаризмы — такие же, как в Житии митрополита Петра («такожде», «тожде», «тогожде»). Титул митрополита, который он называет, — «Кыевьскый и всея Русии» — титул Киприана. Все это заставляет думать о Киприане как о переводчике службы и авторе сопровождающих ее примечаний. Самое же интересное в них — сообщение о свойственном Русской земле обычае славить не царя и патриарха, а князя и митрополита.

Из Послания Киприана псковскому духовенству, написанного во второй половине 90-х гг. XIV в., мы знаем, что к тому времени уже было в обычае «православных царий поминати, такоже и князей великих, и мертвых и живых, яко же, — пишет Киприан из Москвы, — мы зде в митропольи поминаемь».[18] Между тем в 1378 г. Киприан, как он писал старцам Сергию и Феодору,

---

[17] Дмитриев Л. А. Роль и значение. . ., с. 249.
[18] РИБ, т. 6, стб. 239, № 30.

сначала велел петь «многая лета» не византийскому императору, а великому князю московскому Дмитрию Ивановичу, а потом иным князьям, т. е. следовал именно отмеченному в харьковской рукописи «обычаю».

И возможность не славить в церквах татарского царя (Митяй, как мы помним, обещал Мамаю и Тюляку восстановить на Руси этот обычай) Русь получила с началом «розмирия» в 1734 г. и потеряла после нашествия на Москву Тохтамыша в 1382 г. Судя по всему, обычай поминать в церквах только князя и митрополита относится именно к этому промежутку. Митрополиту Петру, жившему в начале XIV в., Киприан приписывал, стало быть, идеальный, с его точки зрения, порядок церковных поминовений.

Заслуживает внимания и то, что, говоря об обычае на Руси славить князя, автор комментария велит славить на Руси князей — «князей наших», «благородных князей наших», «благородныа богоизбранныа князя наша». Перед нами, несомненно, соборная служба митрополита, который имел в своей духовной власти многих князей и резким по крайней мере образом старался не выделять ни одного из них.

Летом 1381 г., в августе («к Госпожину дни»), вернулись из Орды «киличееве князя великаго Толбуга да Мокшей»,[19] которые ушли туда еще осенью 1380 г., до гибели Мамая. «Того же лета царь Тохтамышь, послав своего посла к великому князю Дмитрию Ивановичу и ко всем князем Русским, царевича некоего Акъхозю, а с ним дружину 700 татаринов, и дошед Новагорода Нижнего и возвратися воспять, а на Москву не дръзнул ити, но посла некоих от своих товарищев не во мнозе дружине». Татары, очевидно, заметили, какие чувства у нижегородцев вызывает вид семисотенной мусульманской дружины, и решили не искушать судьбу.

На этот раз послов не перебили, как в 1374 г.; обмен посольствами между Москвой и Сараем-Берке происходил, как между младшим (вел. кн. Дмитрий) и старшим (царь Тохтамыш) союзниками, а не как между господином и рабом; так что Дмитрий Донской должен был быть заинтересован в сохранении достигнутого положения.

В Орде царевич несомненно доложил Тохтамышу о настроениях на Руси. Тохтамыша в отличие от великого князя московского такое положение устроить не могло. Поскольку Русь не платила регулярного выхода, Золотая Орда была восстановлена не полностью. Основные политические интересы Тохтамыша лежали на юго-востоке: его внимание приковал к себе былой покровитель, Тимур. Позволять у себя в тылу, на северо-западе, развиваться антитатарским настроениям — и тем более среди людей, на опыте убедившихся, что татарская армия не всегда

---

[19] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 142. — Дальнейшие известия — там же.

непобедима, — позволять этого не следовало. Однако спешить с разрешением «русского вопроса» Тохтамышу нужды не было: угрозы Великая Русь пока не представляла для него никакой.

Из Константинополя в Москву пришел молодой монах, грек, Малахия Философ.[20] Дионисий Суздальский прислал с ним, «преписав» (т. е. либо сам скопировав, либо заказав), две копии иконы Богородицы Одигитрии. Одну из присланных Дионисием икон «поставиша в церкви в Святом Спасе в Новгороде в Нижнем, а другую поставиша в Суждале в соборной церкви».[21] Сам Дионисий оставался еще в Византии.

Прошло лето, осень, «и минувшу же седмому месяцю (по прибытии Киприана в Москву, — *Г. П.*) и прииде весть: се Пимин грядет из Царяграда на Русь на митрополию».[22] Задержка Пимена в Константинополе на год может быть объяснена тем, что сначала он ожидал исхода войны Руси с Мамаем, а затем медлил, зная, что в Москве уже принят Киприан. Киприан прибыл в Москву 23 мая, стало быть весть о Пимене пришла в конце декабря, т. е. зимой. В летописной же статье 6889 г. сказано, что «тое же осени прииде изо Царяграда на Русь Пимин митрополит».[23] Возможно, декабрь 1381 г. был теплым и дождливым.

Пимен возвращался той же дорогой, которой уходил Митяй. «Бывшу Пимину на Коломне, тогда сняша с него клобук белый с главы его и розведоша около его дружину его — и думци его, и клиросници его, отъяша от него и ризницю его, и приставиша приставника к нему некоего боярина именем Ивана сына Григорьева Чюр(ил)овича, нарицаемого Драницю, и послаша Пимина в изгнание и в заточение, и ведоша его с Коломны на Охну, не заимаа Москвы, а от Охны в Переяславль, а отътуду в Ростов, а отътоле на Кострому, а с Костромы в Галичь, ис Галича на Чюхлому».

Таким вот образом митрополит с небывалым до сих пор титулом «Киевский и Великой Руси», — сам факт появления которого во всех отношениях дорого стоил великому князю московскому и его верным слугам, — сразу по возвращении на Русь попал под стражу, а затем «в изгнание и в заточение». Князь, как говорит нам соборное определение 1389 г., обвинил его в том, что он стал митрополитом «против его желания», а также «в злоумышлении и обмане». Относительно лиц, сопровождавших сначала Митяя, а затем Пимена, столь энергично и целеустремленно действовавших в Константинополе, этот же документ сообщает: «послов же, которые ему (Пимену, — *Г. П.*) содействовали, одних лишает имущества, других наказывает ссылкою, некото-

---

[20] См.: Гранстрем Е. Э. Чернец Малахия Философ. — Археографический ежегодник за 1962 г., М., 1963, с. 70.
[21] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 142.
[22] Это уже фраза Повести о Митяе.
[23] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 142.

рых — темницею и ударами, а иных подвергает тягчайшей казни — предает смерти».[24] Не знаем, какая из этих казней выпала на долю большего боярина Кочевина-Олешинского, но чувства, которые должен был вызвать у него княжеский прием, представить легко.

Небольшой конфуз должен был произойти, когда люди московского князя хватали вернувшихся на Русь послов-победителей и сдирали белый клобук с головы Пимена: в свите митрополита оказались греки, посланцы патриарха Нила,[25] хорошо, конечно, помнившие, сколь торжественно этот клобук возлагался патриархом на голову Пимена. Может быть, им самим удалось вовремя заявить о себе и тем самым избежать рукоприкладства, но во всяком случае они стали очевидцами встречи послов и, конечно же, сообщили патриарху, как великий князь московский обошелся с рукоположенным им митрополитом.

«Узнав об этом и почитая недобрым делом, если человек, получивший рукоположение от церкви, каким бы то ни было образом подвергнется телесному бедствию от мирских властей, патриарх посылает грамоту князю, прося принять Пимена как местного архиерея». Роли, как видим, поменялись: теперь патриарх из соображений престижа убеждал московского князя разделить русскую митрополию, принять Пимена как местного — т. е. великорусского — митрополита. Это могло произойти не раньше весны или даже лета 1382 г., так как греческим послам нужно было время, чтобы вернуться в Константинополь и опять с новой грамотой прибыть на Русь.

В Повести о Митяе от приведенного нами рассказа об аресте Пимена до следующего события опять протекает некоторое время — «лето едино». Пимен в Чухломе «пребысть в оземьствовании (т. е. в ссылке, — *Г. П.*) лето едино...». Здесь под «летом» понимается не год, а именно лето, летние месяцы. Следующее и последнее событие Повести произойдет осенью 1382 г.

Всего за несколько дней до нашествия Тохтамыша великий князь Дмитрий Иванович праздновал рождение и крестины сына Андрея, родившегося 14 августа; «и крести его Феодор, игумен Симоновьскый». А тем временем «царь Токтамышь посла в Болгары и повеле христианскыя гости русскыя грабити, а ссуды их и с товаром отнимати и превади(ти) к себе на перевоз, а сам, собрав воя многы, подвижася к Волзе со всею силою своею и со всеми безбожными плъкы татарьскыми, и перевезеся Волгу, поиде изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича, и на всю землю Русскую».[26]

Дмитрий Донской, «то слышав, что сам царь идет на него съ всею силою своею», даже, кажется, не попытался организовать

---

[24] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 209—210.

[25] Патриарх, «снабдив Пимена соборными грамотами, отсылает его на Русь вместе с послами» (там же).

[26] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 143.

сопротивление татарам или хотя бы оборону своей столицы, но, бросив всех и вся, бежал в Кострому.[27]

«...людие сташа вечем, митрополита и великую княгиню ограбиша и одва вон из града пустиша».[28]

«И прииде (Тохтамыш к) граду Москве месяца августа в 23 день, в понедельник»; [29] «и начаша пианици (московские) ругатися, кажуще им (татарам) срамы своа, мняхуть бо толко силы есть».[30]

Оборону пытался возглавить литвин князь Остей, внук Ольгерда, но был обманут татарами: вызван на переговоры и убит.[31]

И «взяша (татары) град месяца августа 26 день», и «вземше Москву град, товар же и имениа вся пограбиша, и по сем огнем зажгоша град убо и огню предаша, а людии мечю предаша...»; [32] «и бысть въскоре все прах. А в плен поведоша, акы скот».[33]

«Отъшедшим же татаром, и потом не по мнозех днех князь великий Дмитрий Ивановичь и брат его князь Володимер Андреевичь с своими бояры въехаша в свою отчину в град Москву и видеша град взят и огнем пожжен, и церкви разорены, а людий мертвых бещисленое множьство лежащих, и о сем зело сжалишаси, яко расплакатися има, и повелеша телеса их мертвых трупиа хоронити, и даваста от сорока мертвець по плътине, а от седмидесят по рублю, и сочтоша: того всего дано бысть полтораста рублев».[34] Это значит, что только на улицах Москвы было убито больше десяти тысяч человек, которых князь ни сам не защитил, ни оружия им не дал для самозащиты. За городом убитых не считали: «около Москвы не бе погребая, и иерее, священници оружием падоша...».[35]

Князь Олег Рязанский «обведе царя около всее своей земли и указа ему вся броды на Оце», рассчитывая уберечь такой ценой от татар свое княжество, но тщетно: на обратном пути Тохтамыш «взя всю Рязанскую землю и огнем пожже и люди посече, а полона поведе в Орду множество бещисленое». А следом за ним той же осенью пришли москвичи и его «землю всю до остатка взяша и огнем пожгоша и пусту сотвориша. Пуще ему и татарьские рати!».[36]

Порознь потянулись русские князья к царю на поклон, киличеями уже не ограничиваясь. Великий князь нижегородский Дмитрий Константинович упредил всех: его сыновья догоняли (!) Тохтамыша, когда тот еще только шел к Москве. Брат его,

---

27 Там же, стб. 143—144.
28 ПСРЛ, т. XV, стб. 441.
29 ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 144.
30 ПСРЛ, т. XV, стб. 441.
31 См.: ПСРЛ, т. XV, вып. 1, с. 144.
32 Там же, стб. 144—145.
33 ПСРЛ, т. XV, стб. 442.
34 ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 146.
35 Там же, стб. 145.
36 Там же, стб. 143, 146.

городецкий князь Борис Константинович «поиде в Орду с своего Городца» вскоре после разгрома Москвы. 5 сентября «околицею, не прямицами и не путма» (видимо, обходя Москву) пробрался в Орду великий князь тверской Михаил Александрович «с своим сыном со князем с Александром. . .».[37]

Великий князь Дмитрий Иванович лишился не только людей и добра: рухнула под ударом Тохтамыша возводимая им политическая постройка и надолго погребла под собой мечты о единой и свободной от татар Руси.

Таким было положение дел на Руси осенью 1382 г., в то время, к которому относится последнее упоминаемое в Повести о Митяе событие — перевод ссыльного великорусского митрополита Пимена из Чухломы в Тверь.

*

Мы рассмотрели историческую основу Повести о Митяе и предшествующие ей касающиеся тех же событий литературные произведения. Теперь сконцентрируем внимание на самой Повести.

---

[37] Там же, стб. 146—147.

Часть вторая

ПОВЕСТЬ О МИТЯЕ

Глава 1

ИСТОРИЯ ТЕКСТА И ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Как я говорил вначале, Повесть о Митяе дошла до нас в разных видах: в трех редакциях и в трех сокращенных вариантах одной из них (второй). Мы читаем первую, древнейшую. Заслуживают ли нашего внимания остальные? Да, заслуживают: история текста Повести есть по сути дела история ее прочтения, и она, как мы увидим, очень плавно переходит в историю ее изучения.

Редактор, результатом работы которого явилась во второй половине XV в. вторая редакция, внес в Повесть летописную информацию о пути бегства Дионисия и длинный торжествующий комментарий к сообщению о смерти Митяя («Се же преславно явление показа бог неизреченными его судбами... не изволи быти пастырю и митрополиту на Руси»;[1] в первой редакции, как мы помним, говорится о смерти Митяя сдержанно и без комментариев). Редактор старался сделать повествование более точным, четким и лаконичным. К сообщению о княжеских грамотах он добавил, что они были не только снабжены печатью, но и подписаны: «...не написану, а подписану и запечатану», «...имущу подпись и печать великого князя». Однако известно, что ни Дмитрий Донской, ни другие князья его времени, ни их ближайшие потомки своих грамот не подписывали. Начиная с первой четверти XV в. на княжеских документах появляются подписи духовных лиц, митрополитов. Сами князья стали выводить на них свое имя лишь спустя примерно 100 лет.[2]

«Прояснено» во второй редакции и место, где говорится об остановке Митяева корабля. Согласно первой редакции: «...нецин... поведаша»; согласно второй: «Поведаху же тогда тамо бывшеи на корабли том и глаголаху: егда

---

[1] ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922, стб. 136—137.

[2] Древнейшая сохранившаяся подписанная князем грамота датирована 1521 г., см.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, с. 414 (№ 99).

разболелся Митяй, тогда корабль той...». Уточнено, как видим, и время события. В ряде случаев редакторские поправки более серьезно изменили смысл рассказа. Так, в первой редакции Митяй стал «воружатися на мнихы и на игумены», во второй — «на игумены и на священники, и на черноризцы», можно понять, что и на белое духовенство. Из первой редакции следует, что Митяй «въсхоте поставитися в епископы на Руси» еще до того, как задумал идти в Царьград: «но еще дотоле, преже даже не иде к Царюграду»; по второй — он сначала собрался в Царьград, а затем отложил путешествие («но того лета не поиде»), решив прежде «поставитися на Руси в епископы». Из двух условий первой редакции, при которых князь Дмитрий позволял Дионисию идти в Константинополь («без моего слова» не идти и «ждати до году Митяевы митрополии»), вторая редакция оставила только второе. Согласно первой редакции, по смерти Митяя за Пимена «яшася» бояре; по второй — «съгласившеся вси в едину думу и яшася за Пимена». То, что послы-заговорщики «искаху подобна времени», чтобы схватить Ивана Петровского, исчезло из второй редакции. Исчезла и несколько загадочная неторопливая концовка первой редакции: «Господня есть земля и концы ея. До сде скратим слово и скончаем беседу и о всех благодарим бога, яко тому слава в векы. Аминь». Во второй — очень деловитый конец: «Сия же до зде. И пакы глаголем бывшее». Вопреки усилиям этого рассудочного и деловитого редактора Повесть более потеряла под его пером, чем приобрела.

При сокращениях этой редакции Повесть, естественно, еще более потеряла как в информации, так и в своих художественных качествах.

Третья редакция Повести, содержащаяся в Никоновской летописи, была написана человеком другого типа. Этот редактор не спешит: у каждой почти фразы, у каждого образа, перечисления, эпизода он останавливается и расширяет, добавляет, комментирует. Простое перечисление первой редакции — «...и перемонатку митрополичю, и печать, и посох митрополичь» — в Никоновской приобретает такой вид: «...и крест злат с парамандою с златом и бисером усаженою митрополичю, и посох злат митрополичь, и печать митрополичю на себе возложи, и прочее». В первой редакции значителен сам факт прибытия Киприана «в свою митрополию»; кстати, эти важные слова исчезают в третьей редакции; здесь делается самоценным описание торжества, фасад события, а не его смысл: «И начаша звонити во вся колоколы, и снидошася людие, и стечеся народ мног, и отвсюду приидоша архимандриты, и игумены, и священницы, и иноци, и многу звонению бывшу, и подвижеся весь град, с женами и з детми и со младенцы и сосущими млеко изыдоша во сретение далече из града. И князь великый сам срете его далече от града з детми своими и со всеми бояры с великою честию, и со многою любовию, и с верою, и смирением. И возвратишася во град, и внидоша

во церковь, и знаменася Киприан-митрополит по иконам, и певше молебен, и духовной любви насладишася. И бысть торжество в той день великому князю с митрополитом, и возрадовашася и возвеселишася в радости и в веселии мнозе, и милостыню странным и нищим многу сотворшна, и Христа-Бога прославиша, ему же слава во векы веком аминь».

Во вкусе этого редактора конкретизация и усугубление всех упоминаемых в Повести насилий. Если в первой редакции человека «посадиша в железа», то в третьей — «посадиша его в вериги железны и гладом нудяше его, и возхотеша его ввергнути в море». Тех, кто выражал неудовольствие его поведением, Митяй, согласно третьей редакции, «и осуждаше, и продаяше многых, и возъстааше со властию, не обинуяся никого же... многых бо и в веригы железныа сажаше, и наказываше, и смиряше их со властию, и никто же можаше рещи противу его». Слова недовольных Митяем епископов и пресвитеров «воля господня да будет», с которыми в первой и второй редакциях соотносится неожиданность смерти Митяя, в третьей редакции отсутствуют.

Подробней и ярче стала характеристика Митяя (выделяю то, что было к ней добавлено): «Возрастом же велик зело и **широк, высок и напруг**, плечи великы и **толсты**, брада плоска и долга, и **лицом красен**, рожаен, и **саном превзыде всех человек**; речь легка и чиста и **громогласна**, глас же бе его **красен зело, износящ словеса и речи сладостны зело**; грамоте добре горазд, **течение велие имея по книгам**, и силу книжную толкуа, и **чтение сладко и премудро**, и книгами глаголати **премудр зело, и никто же обреташеся таков**; и пети нарочит, и **в делех и в судех и в разсужениах изящен и премудр, и слово и речь чисту и незакосневающу имея, и память велию, и древними повестьми и книгами и притчами, и духовными, и житейскыми, никто же таков обреташеся глаголати**». Сообщение первой редакции «и пребысть в таковем чину и устроении многа лета» здесь расширяется следующим образом: «...славу и честь имея велию паче всех, и по вся дни ризами драгими изменяшася и сияше в одеаниах драгых, яко же некое удивление, никто же бо таковаа одеаниа ношаше и никто же тако изменяшеся по вся дни ризами драгыми и светлыми, яко же той поп Митяй; и вси чествоваху его, яко же некоего царя. И что прочее глаголати? Никто же в таковей чести и славе бысть, яко же он, понеже и отець бысть великому князю и властьвоваше, яко же хотяше, и много лет бысть в таковом житии и устроении, и любляху его вси». В первой редакции сказано: «...и отроци предстояху ему»; в третьей дополнено: «...и егда мало где двигняшеся, сии вси, рищуще, предтицаху ему». Яркая картинка!

Как мы уже говорили выше, в этой редакции к сообщению о смерти Митяя добавлено: «Инии глаголаху о Митяи, яко заду-

шиша его, инии же глаголаху, яко морьскою водою умориша его» (автор о морской воде знал, конечно, лишь понаслышке). Приведено и обоснование такой возможности — это любопытным образом измененная фраза из летописной статьи 6887 г.: «...понеже и епископи вси, и архимандриты, и игумены, и священници, и иноци, и вси бояре и людие не хотяху Митяа видети в митрополитех, но един князь велики хотяше». В соответствующей фразе летописной статьи не говорится о светских людях, иное сказуемое: не «не хотяху Митяа видети», а «моляху о том бога, да бы не попустил», — т. е. воле князя в третьей редакции противостоит не молитва церкви, как в первой, а нежелание подданных, из которого проистекает убийство.

Редактор не заметил возникшего благодаря его добавкам противоречия: то Митяя «любляху... вси», то вдруг «вси» его «не хотяху».

Примечательно, что этот редактор, вообще склонный к сведе́нию источников и распространениям (он пользовался обеими первыми редакциями и Житием Сергия), не счел нужным вставить в свой текст Повести весь комментарий к смерти Митяя целиком (как это сделал автор второй редакции) с цитатой из Псалтири: «Добро есть уповати на господа, нежели уповати на князя»[3] (во второй редакции, кстати, эта цитата подкреплена еще одной: «Не надейтеся на князя, на сыны человечьскиа, в них же несть спасениа»).[4] Этот редактор явно старался убрать из Повести противопоставление князя и церкви.

Так коренным образом изменилась в Повести вся трактовка истории Митяя: конфликт князя и церкви, в котором неправ князь, сменился конфликтом князя и его подданных (в том числе и церкви), на которых падает подозрение в убийстве княжеского любимца. Бог в этой редакции на стороне князя.

В нашем распоряжении, к сожалению, нет иллюстраций Повести, сделанных в XIV или в XV в. Миниатюры, которые воспроизведены в этой книге, выполнены в XVI в. и иллюминируют текст своего времени — Повесть о Митяе в редакции Никоновской летописи. Иллюстрации XIV в., если бы таковые существовали, должны были бы, мне представляется, быть менее «этикетными» и менее безразличными к изображенным на них лицам.

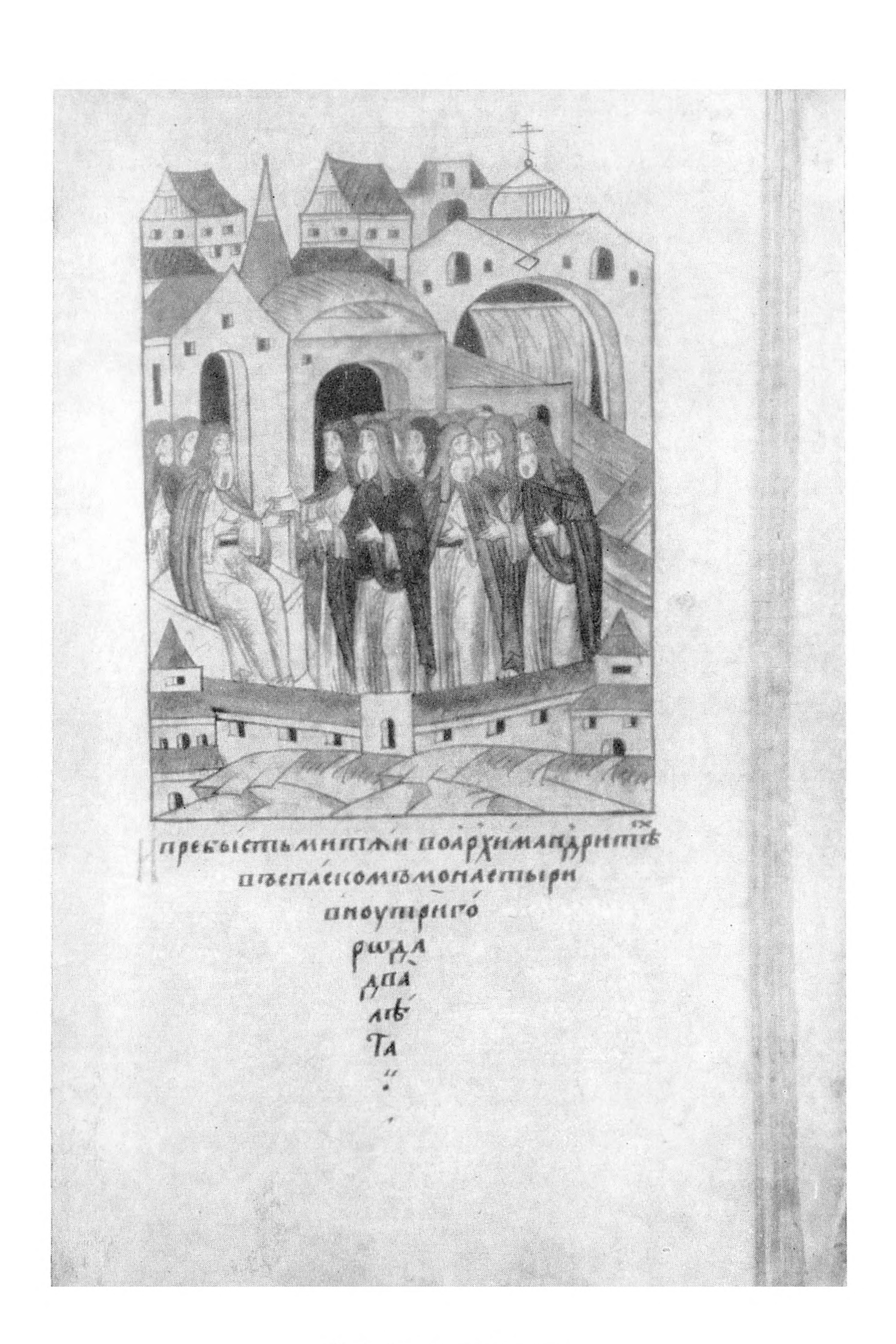
Переход от древнерусской летописной повести к научному исследованию на ту же тему был долгим и неровным. В первой половине XVIII в. В. Н. Татищев сделал осторожный (по сравнению с тем, что сделал редактор Никоновской летописи) шаг к пересказу Повести. «Повесть о смуте в митрополии» в его «Истории Российской»[5] есть сокращение Повести о Митяе Никоновской летописи. От себя добавлено лишь несколько «уточняю-

---

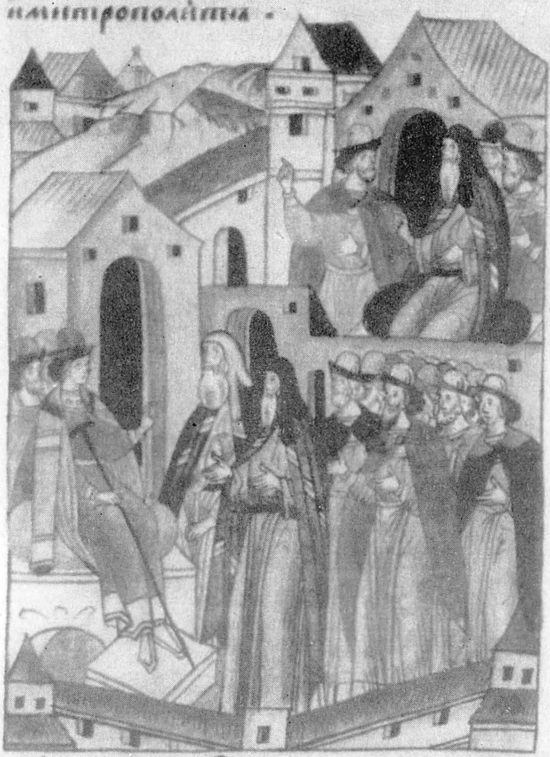
3 Псалом 117, 8—9.
4 Псалом 145, 3.
5 Т. 5. М.—Л., 1965, с. 132—135.

Князь решает сделать Митяя своим духовным отцом и печатником.

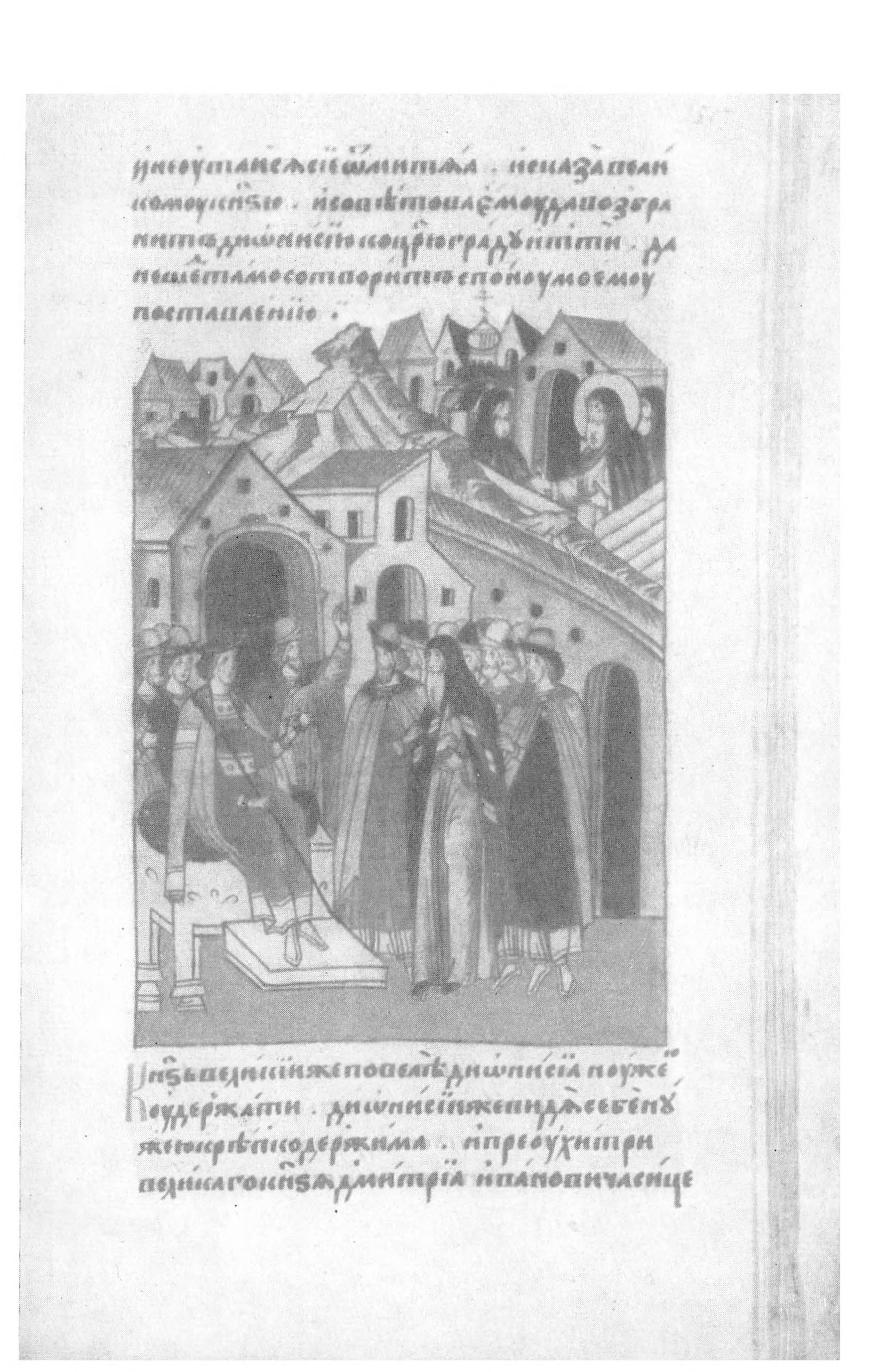
Пострижение Митяя в монахи.



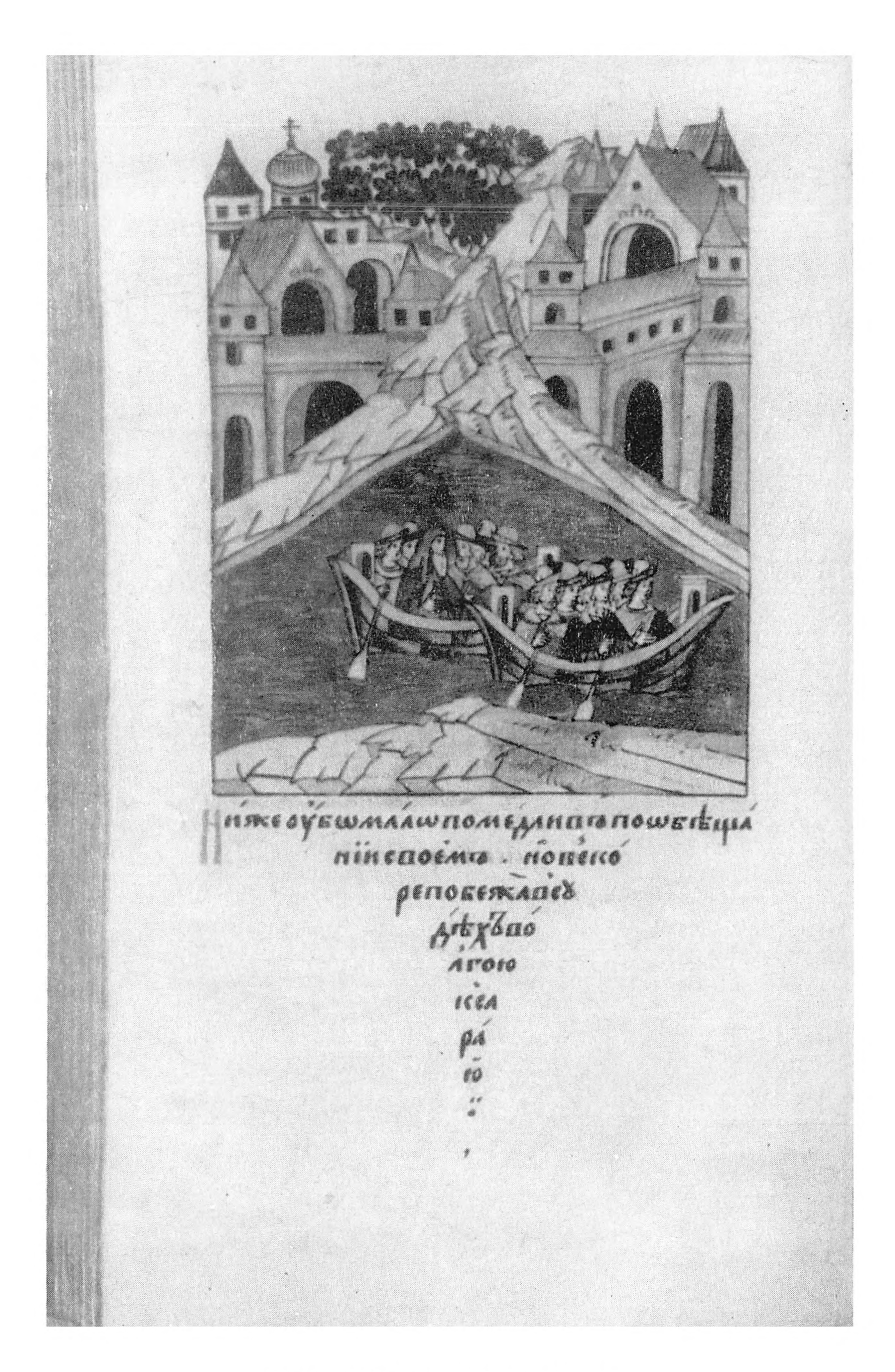
Митяй — архимандрит.



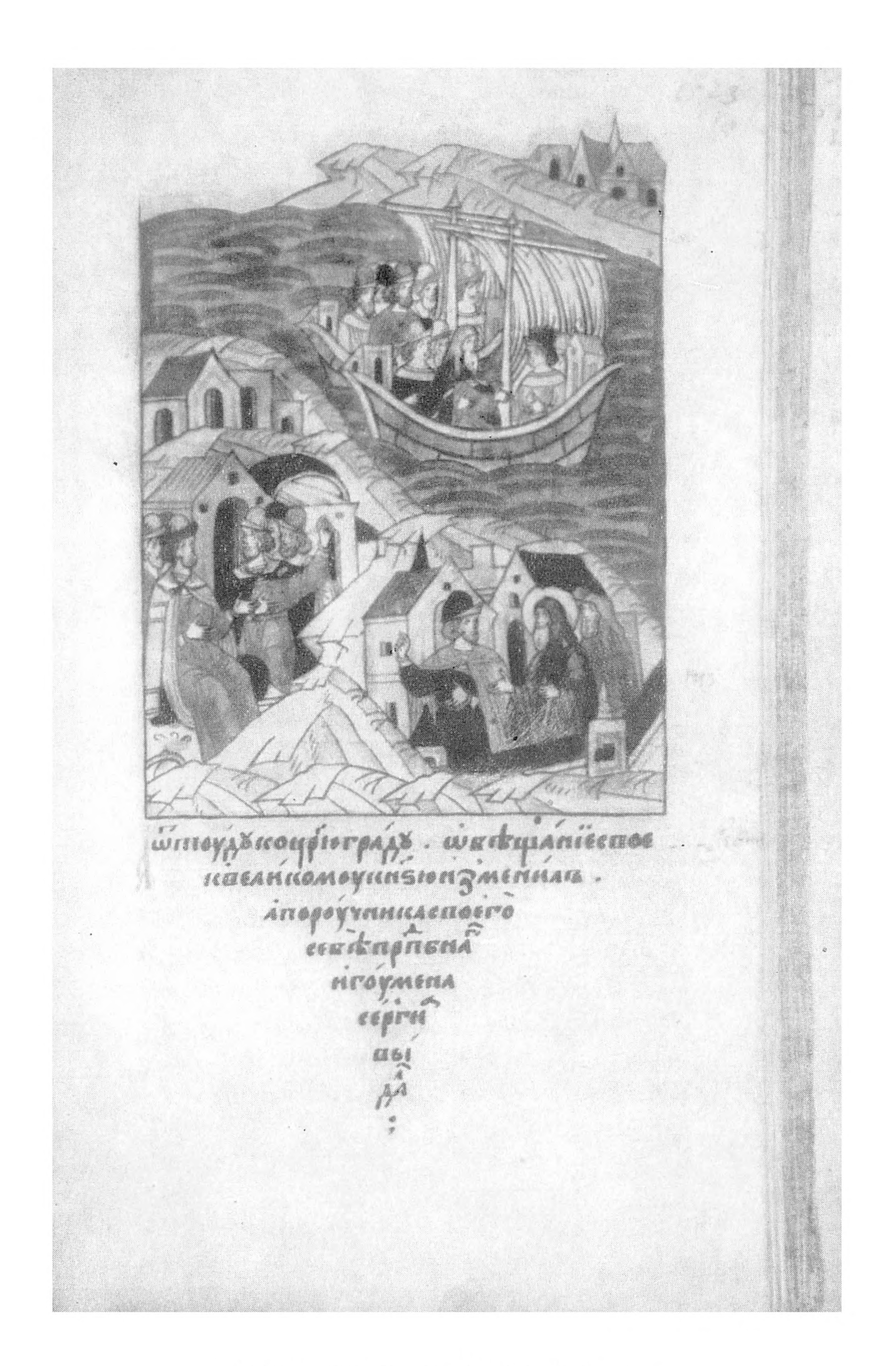
Дионисий Суздальский и Митяй перед князем.



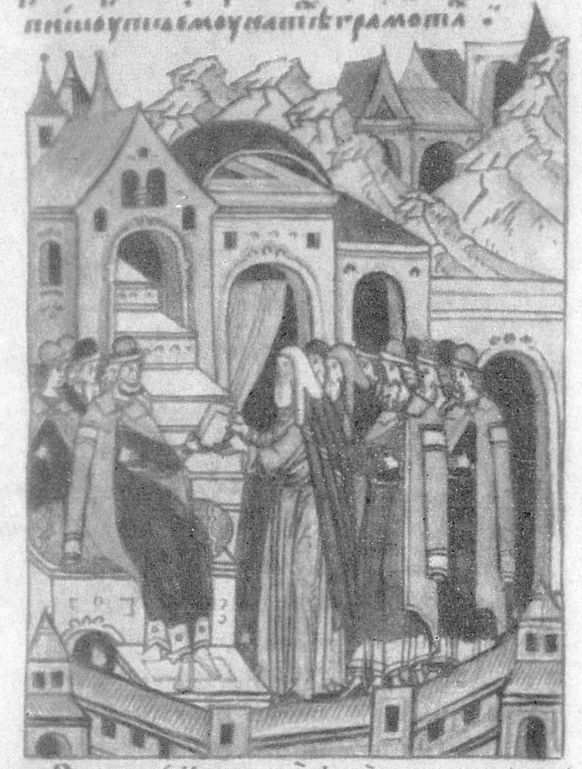
Задержание Дионисия.



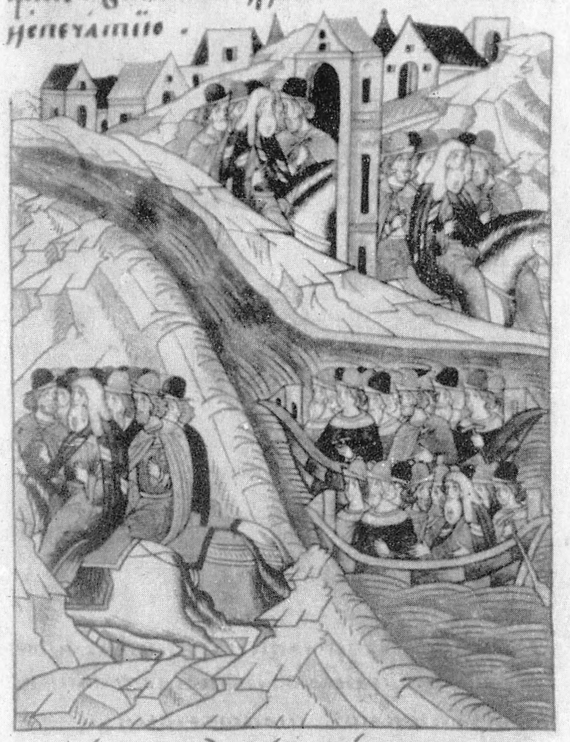
Бегство Дионисия Суздальского.



Сергия укоряют за бегство Дионисия.



Князь дает Митяю чистые «харатии».

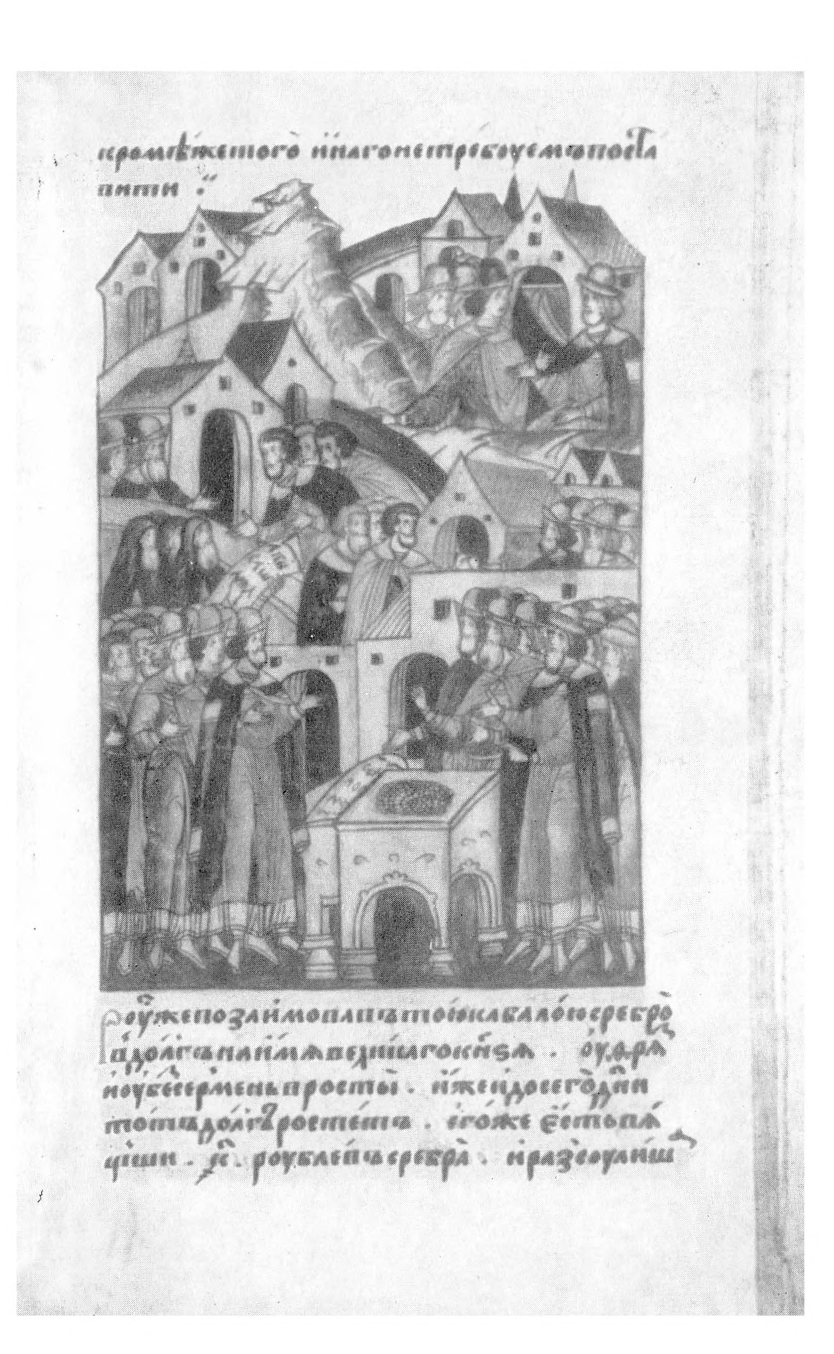


Переправа Митяя через Оку.

чтена же бысть грамота прѣд всѣми
священным собором и царем.

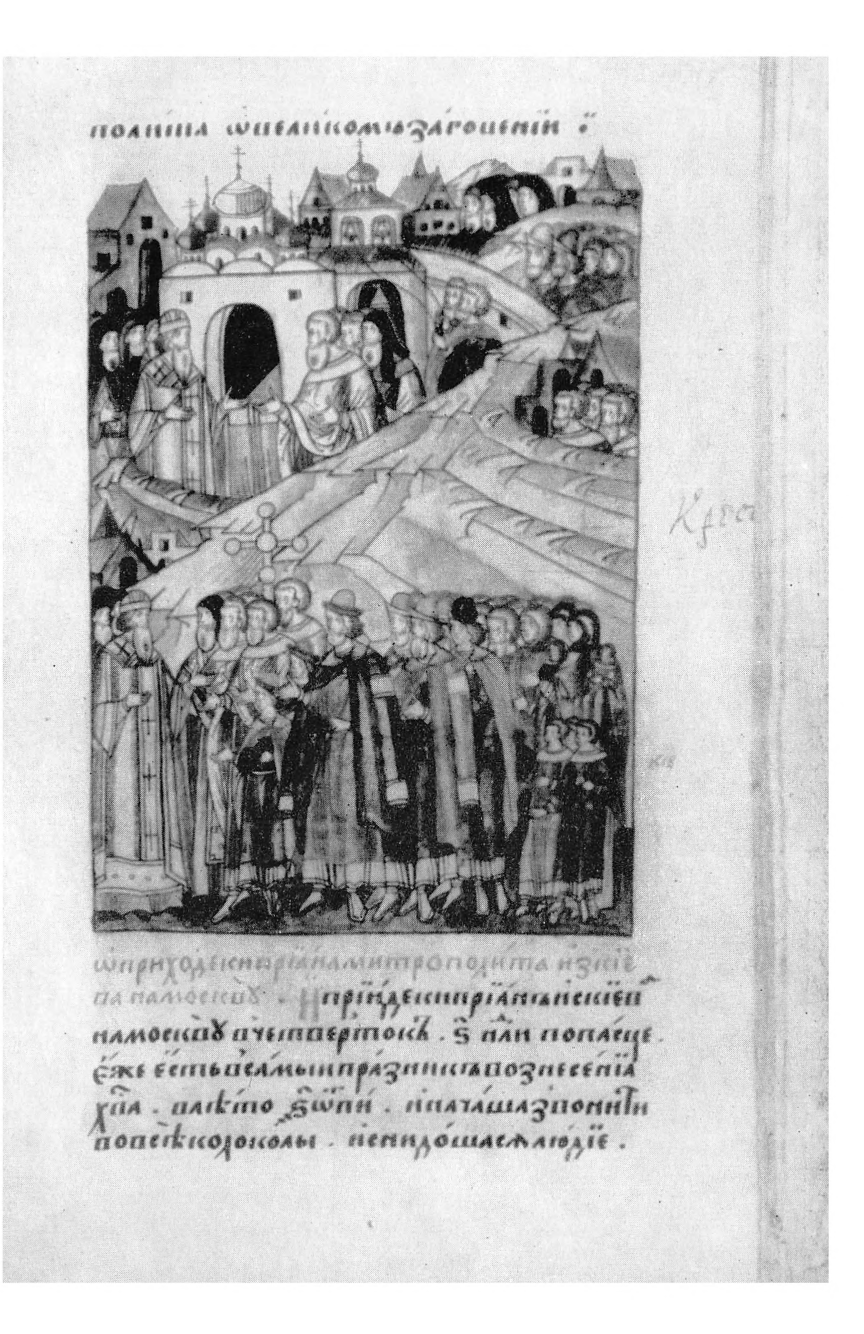
Царь же и патриархъ ѿвѣщаша роусинымъ глаголю
щеи. Се сию такопище творени
и небывшимъ. иже есть на роуси от отець
митрополитъ Кипріанъ. его же пре
же сего давно поставилъ есть преосвященныи
Филоѳеи патріархъ вселенскии. того
и мы приемлемъ на роусьскую митрополію.

Беседа русских послов с византийским императором и патриархом.

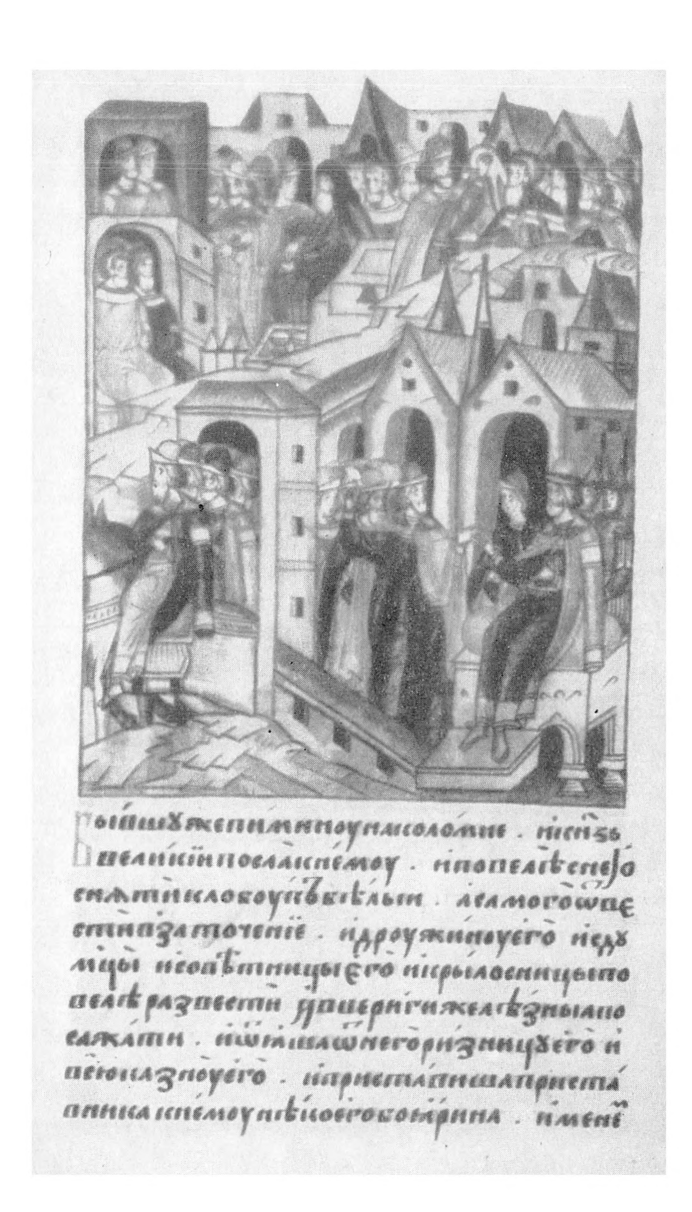


Послы занимают деньги.

Князь посылает за митрополитом Киприаном.



Встреча князем митрополита Киприана.



Князь повелевает (внизу), и с Пимена снимают белый клобук (вверху).

Пимена везут в ссылку.

Заточение Пимена.

щих» фраз. Например, в речь Дионисия Суздальского: «...мы снидохомся повелением твоим и видим, яко хосчеши Митяя зде митрополитом учинити. Но мы не можем законы претворяти...»; в речь Митяя к Дионисию: «...аз же есмь архимандрит и наречен митрополитом»; в сцену подкупа греков: «...а яже поминков и даров, взятых из Москвы от великаго князя и дому митрополия... И тако возмогоша утолити всех и купити митрополию Пимину».

В начале XIX в. Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского»[6] пересказал Повесть современным ему языком, сопроводив свой пересказ примечаниями со столь драгоценными для нас выписками из сгоревшей затем Троицкой летописи 1408 г. Не довольствуясь одной первой редакцией, историк привлек и редакцию Никоновской летописи, и Житие Сергия Радонежского. Из Никоновской он почерпнул, например, материал для своей характеристики Митяя: «...отличался... умом, знаниями, красноречием, острою памятию, приятным голосом, красотою лица, величественною наружностию и благородными поступками»; «Он величался как царь... жил пышно, носил одежды драгоценные, имел множество слуг и отроков»; из Жития Сергия — сообщение о том, что митрополит Алексей «давно мыслил вручить пастырский жезл свой кроткому игумену Сергию, основателю Троицкой лавры», и т. д. Н. М. Карамзин сокращает подробности, но пересказывает весьма близко к тексту, лишь изредка добавляя от себя разъяснительные фразы, картинно-драматические подробности («Митяй затрепетал от гнева») или нравственные оценки («хитрый Митяй», «честолюбивый Пимен»).

Здесь Повесть уже перестала быть повестью в прежнем смысле слова, и окружение ее изменилось; будучи пересказана, она заполнила собой несколько страничек истории, а не летописи.

В «Истории России» С. М. Соловьева Повесть о Митяе и вообще его история не отразилась никак. Равным образом не обратил на нее внимания В. О. Ключевский. Тема Митяя стала достоянием историков церкви.

Спустя несколько десятилетий после Н. М. Карамзина архиепископ Харьковский Макарий, автор «Истории русской церкви»,[7] расширил базу пересказа рядом вспомогательных источников. Основываясь главным образом на Воскресенской летописи (вторая редакция Повести), он привлек также Никоновскую, относящиеся к делу соборные определения константинопольской патриархии и послания Киприана. Если в этих источниках нет объяснений событиям, он их не ищет, если есть —

---

[6] Т. 5. СПб., 1892, с. 33—37.

[7] Макарий, архиеп. История русской церкви, т. 4. СПб., 1886, с. 62—72.

удовлетворяется тем, что есть, не подвергая эти объяснения критической проверке. Собственных домыслов (как и размышлений) в его изложении тоже нет. Взглянуть на Повесть о Митяе как на литературное произведение или выйти за рамки узкоцерковной истории Макарий не пытался.

В самом конце XIX в. в работе Е. Голубинского[8] между источниками и читателем впервые становится критически мыслящий автор. Здесь же — первая слабая попытка взглянуть на Повесть о Митяе как на литературное произведение и охарактеризовать его редакции. Правда, на этот счет у Е. Голубинского сложилось самое фантастическое представление: в редакции Никоновской летописи, третьей, он увидел первоначальную и даже — благодаря ее непоследовательности — не одну повесть, а две, причем первая из них, по его мнению, написана врагом Митяя, а вторая — нейтральным человеком. Вторую редакцию Е. Голубинский счел вторичной по отношению к Никоновской. Из этой исходной ошибки последовал ряд ошибок производных и просто неверных путей мысли. (Так, принимая на веру характеристику Митяя Никоновской летописи, порождение литературы XVI в., историк размышляет, «был ли заражен Михаил суетной наклонностью к пышности и щегольству или это требовалось от него положением и нарочито, как от любимца, было требовано великим князем. . .»). По сравнению с Макарием Е. Голубинский почти не расширяет диапазона исследовательского внимания. Чуть-чуть только он вспоминает об одновременных политических делах — о Куликовской битве и нашествии Тохтамыша — и почти совершенно не интересуется тем, что происходило на Балканах. Однако, чувствуя уже недостаточность содержащейся в его источниках информации, Е. Голубинский пытается восполнить ее рассуждениями с точки зрения своего «здравого смысла». Чем объяснить острый конфликт между Митяем и церковью? «Предполагать, чтобы он (Михаил-Митяй) поднял жестокое гонение на духовенство, начиная с епископов, ни с того ни с сего, без всякого повода, конечно, было бы вовсе не основательно и не состоятельно. Если он поднял это гонение, то необходимо предполагать, что он обрушился с ним на людей недостойных. Следовательно, необходимо предполагать, что он хотел было поставить задачей своего правления реформу нравов духовенства от верху до низу».[9] Почему русские послы после смерти Митяя решили поставить в митрополиты другого человека? Поступку послов «единственно возможное и единственно вероятное объяснение есть то, что они были увлечены и подбиты к нему греками»,[10] чиновниками па-

[8] Голубинский Е. История русской церкви. Период второй, Московский, т. 2, 1-я половина. М., 1900, с. 226—251 (гл. «Двенадцатилетние замешательства на кафедре русской митрополии после кончины св. Алексия (Михаил-Митяй, Киприан, Пимен)»).
[9] Там же, с. 243.
[10] Там же, с. 245.

триархии, умыслившими «великолепный гешефт».[11] (К грекам историк испытывает плохо скрываемое брезгливое чувство). «Но... нельзя, конечно, представлять себе совершенными дураками и наших послов... если они согласились на это, то необходимо думать, что согласились сколько затем, чтобы доставить деньги грекам, столько же и затем, чтобы доставить их самим себе, т. е. чтобы известную сумму денег заплатить грекам и известную сумму под видом платы грекам разделить между самими собой».[12] Во всем, что относится к грекам и соприкасающимся с ними русским, главный стимул действий Е. Голубинский видит в деньгах: «...огромные деньги (кстати говоря, историк принимает на веру фантастическую цифру Никоновской летописи — 20 000 рублей, — *Г. П.*), которые заплатил Пимен за кафедру митрополии в Константинополе, сделали то, что история этим не кончилась...».[13]

Нет в труде Е. Голубинского и попытки определить литературный «контекст» Повести о Митяе.

Спустя тринадцать лет Пл. Соколов в диссертации «Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века» подверг Повесть о Митяе исследованию с историко-юридической точки зрения. Главное внимание он уделил церковно-правовой стороне дела, соответствующим обычаям и прецедентам. Первоначальным видом Повести, заслуживающим «полнейшего доверия по своей прагматичности и обстоятельности»,[14] ученый счел вторичное ее сокращение (текст Ермолинской летописи). Вторая редакция (версия Воскресенской летописи) показалась ему второй по отношению к этому вторичному сокращению. Ошибка Пл. Соколова объясняется тем, что он не знал летописей, содержащих первую редакцию (он мог воспользоваться Симеоновской летописью; Рогожский летописец еще не был издан).[15]

Отмеченная текстологическая ошибка не помешала ученому сделать ряд верных наблюдений и выводов относительно отдельных частей текста Повести и времени ее написания («до второго путешествия Пимена в Константинополь»), но к ним, естественно, примешался ряд неверных выводов. К редакции Повести Никоновской летописи исследователь подошел с благоразумной осторожностью. История текста Повести рисовалась ему, таким

---

[11] Там же, с. 248.
[12] Там же, с. 246.
[13] Там же, с. 250.
[14] Соколов Пл. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, с. 428.
[15] Как я уже говорил, во второй редакции Повесть включила в свой состав некоторые записи на ту же тему из других погодных статей летописи, в частности — комментарий к известию о смерти Митяя. Пл. Соколов верно почувствовал вставной характер этого комментария. При сокращении же второй редакции с некоторой правкой по первой комментарий был исключен из Повести, и потому этот ее вид показался Пл. Соколову первоначальным.

образом, несколько упрощенно — как постоянное со временем наращение в ней интерполяций.

Историю Митяя Пл. Соколов рассматривает на гораздо более широком фоне, чем все его предшественники: он уделяет внимание русским междукняжеским и русско-литовским отношениям, смене правителей в Константинополе, войнам. Так что для измышлений типа тех, которыми заполнял недостаток сведений Е. Голубинский, у него остается меньше места. Однако совершенно не попали в поле зрения историка русско-татарские отношения, общественные движения и культурная жизнь эпохи. И в силу этого сбился масштаб ряда событий, их взаимосвязь предстала порой в искаженном виде, и остался все-таки простор для неоправданных домыслов. Так, правильно определив существо конфликта, вызванного выдвижением в митрополиты Михаила-Митяя (митрополия всея Руси или только Великой), Пл. Соколов не смог верно его оценить и развить и добавил объяснения такого рода: «...налоги на поставление Митяя должны были представляться духовенству непосильными и вызывать ненависть к самому кандидату на посвятку... В результате „Митяя не хотяше никто же в митрополии...“».[16] Видимо, отчасти под влиянием поздних редакций Повести исследователь ставит вопрос о причинах «неудовольствия бояр (разрядка моя, — *Г. П.*) на Митяя» и фантастически его разрешает: «...он оказался слишком добросовестным наместником и принялся прилагать все старания, чтобы вернуть кафедре имущества, захваченные князьями и боярами».[17]

Не рассматривая достаточно широко восточноевропейские проблемы 70-х гг. XIV в. и не принимая во внимание общественные движения эпохи, Пл. Соколов, естественно, склонен был оставлять на долю своих персонажей только индивидуальные импульсы деятельности, такие как честолюбие, корысть и т. п. Впрочем, когда у него речь заходит о греках («греческих проходимцах»),[18] то, как и у Е. Голубинского, эти качества оказываются едва ли не общими для них всех.

Другая причина ошибок Пл. Соколова — хронологическая неточность. Один ряд событий (датированный по поздним летописям) смещен относительно другого.[19] Это ведет, конечно, к искаженному восприятию всей истории.

Повесть о Митяе Пл. Соколов воспринимал только как исто-

---

[16] Соколов Пл. Русский архиерей..., с. 497.

[17] Там же, с. 441—442.

[18] Там же, с. 457.

[19] Так, княжеский съезд в Переяславле Залесском, поводом для которого послужило рождение сына Юрия у великого князя Дмитрия Ивановича (26 ноября 1374 г.), Пл. Соколов датирует почему-то 1373 г. (с. 420), смерть митрополита Алексея (12 февраля 1378 г.) — 1377 г. (с. 440), возвращение Дионисия Суздальского из Константинополя в свою епархию — 1382 (с. 520) вместо 1383 г.

рический источник, не пробуя взглянуть на нее как на литературное произведение. Тем более не ставил он вопроса о ее литературном окружении и соответствующей этой литературе общественной среде. В итоге он почерпнул из источника меньше, чем было возможно.

Первым, кто посмотрел на Повесть о Митяе «историко-филологически», был В. Л. Комарович.[20] Но посмотрел он вскользь, интересуясь не ею самой, а одним из ее героев, Дионисием Суздальским, как человеком, причастным к созданию Лаврентьевской летописи. События Повести В. Л. Комарович, как и Пл. Соколов, видит в перспективе предшествующей и последующей русской истории: продвижение великим князем Дмитрием Ивановичем к митрополичьему престолу Митяя оказывается аналогичным избранию «в митрополиты Клима Смолятича собором русских епископов за двести с лишним лет до Митяя, при Изяславе Киевском в 1147 г., при аналогичной к тому же политической ситуации: и тогда, как и теперь, великий князь остро нуждался в поддержке церковью своих чисто княжеских начинаний; почти одновременно, в том же XII веке, другой великий князь, и уже не киевский, а владимирский — прямой предшественник Дмитрия Ивановича — затевает то же самое на северо-востоке: проект Андрея Боголюбского и его любимца Феодорца о создании отдельной от Киева северо-восточной митрополии с митрополитом из русских предвосхищал Митяеву затею даже в деталях». К этим аналогиям В. Л. Комарович прибавляет «в прошлом имена Ярослава и „русина“ Илариона, а в будущем для юго-западной Руси Виленский собор 1415 г., поставивший по инициативе Витовта в киевские митрополиты Григория Цамвлака, для Московской же — сходное поставление на соборе 1449 года митрополита Ионы...». Сопоставление подобных друг другу разновременных событий позволяет исследователю увидеть в сюжете Повести о Митяе типическую, повторяющуюся в русской истории ситуацию. В. Л. Комарович считает даже, что «событиям в повести придан... несколько более анекдотически-случайный характер, чем это было в действительности».[21]

В. Л. Комарович первым высказался относительно литературных свойств Повести о Митяе (при этом он явно имел в виду первую редакцию, хотя и не доказывал ее первенства): «...написанная очевидцем на основании бесспорных фактов, повесть эта выдержана в стиле реалистического памфлета с некоторыми, однако, чертами литературной пародии».[22]

Вновь истории Митяя коснулся греческий ученый А.-Э. Тахиаос. О литературоведческих проблемах в его работе, посвящен-

---

[20] Комарович В. Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 52.
[21] Там же, с. 53.
[22] Там же, с. 52.

пой влиянию исихазма на церковную жизнь Руси XIV—начала XV в.,[23] конечно, нет речи. Автор пользуется версией Московского свода конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV), т. е. второй редакцией Повести. Нового в историческую разработку вопроса эта книга не добавляет ничего, за исключением точки зрения: если раньше история Митяя и Пимена рассматривалась только в русле истории Руси, то здесь делается попытка подойти к ней от византийской церковной истории. Во многом эта книга — шаг назад по сравнению с тем, что уже было достигнуто Пл. Соколовым. Кстати сказать, его работы А.-Э. Тахиаос, судя по всему, не знает. Он опирается на труд Е. Голубинского и «Очерки по истории русской церкви» А. В. Карташева.[24] А. В. Карташев же в части «Очерков», посвященной Митяю и Пимену, просто пересказывает Никоновскую летопись и «Историю» Е. Голубинского. И вот А.-Э. Тахиаос ставит и решает проблему, для которой нет оснований в ранних источниках, — почему Митяй занимался «отчуждением монастырских имуществ».[25] Совершенно в стороне оставляет ученый политическую историю, весьма искусственно ограничиваясь чисто церковными делами. Однако новый — и оправданный — подход к теме делает труд А.-Э. Тахиаоса интересным и полезным. Жаль, что не все возможности этого подхода использованы автором.

Мало кто писал о Митяе и связанных с ним событиях; потому можно упомянуть (но этим и ограничиться) работу Н. Н. Шабатина,[26] основанную исключительно на старых, чужих исследованиях, а не на источниках. Материалы константинопольской патриархии не дошли до этого автора даже из вторых рук.

Кратко и с некоторыми неточностями пересказал вторую редакцию Повести о Митяе (по Московскому своду конца XV в.) А. М. Сахаров.[27] Из Никоновской летописи он почерпнул мнение, что смерть Митяя была, возможно, насильственной. Свой пересказ он сопроводил морализирующим замечанием: «Нравы церковных деятелей во всей этой истории выглядят настолько колоритно, что не нуждаются ни в каких комментариях».[28] Основная мысль А. М. Сахарова состоит в том, что победа в «церковной смуте» ставленника константинопольской патриархии Киприана

---

[23] Ταχιάου 'Α.-'Α. 'Επδράσεις τοῦ ἡσυχασμοῦ εἰς τὴν ἐκκλησιαστικὴν πολιτικὴν ἐν 'Ρωσίᾳ. 1328—1406. 'Εν Θεσσαλονίκῃ, 1962.

[24] Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви, т. 1. Париж, 1959, с. 323—331.

[25] Ταχιάου 'Α.-'Α. 'Επιδράσεις..., σ. 104—107.

[26] Шабатин И. Н. Из истории русской церкви. От дня кончины св. митрополита Алексея до осуществления русской церковной автокефалии (1378—1448 гг.). — Вестн. рус. западноевропейского патриаршего экзархата, 1965, № 49 (янв.—март), с. 36—45; № 50 (апр.—июнь), с. 102—115; № 51 (июль—сент.), с. 186—194; № 52 (окт.—дек.), с. 237—257.

[27] Сахаров А. М. Церковь и образование русского централизованного государства. — ВИ, 1966, № 1, с. 49—65.

[28] Там же, с. 51.

над ставленниками московской светской власти задержала на целое столетие объединение русских земель вокруг Москвы, централизацию государственной власти и образование единого Русского государства.

Затронул Повесть о Митяе в работе «Русские хождения XII—XV вв.» Н. И. Прокофьев. Подобно Пл. Соколову, он почему-то обошел вниманием летописи, содержащие первую редакцию Повести. Пренебрегая мнением предшественников, Н. И. Прокофьев утверждает, — но бездоказательно, — что Повесть о Митяе была создана в то время, когда события, связанные с назначением митрополита после смерти Алексея, уже утихли и стали поучительной историей. В основу Повести, считает он, положены, во-первых, «записи об избрании московского митрополита после смерти Алексия», правленные Киприаном или кем-то из его сторонников, и, во-вторых, «очерковые записки, в которых рассказывалось о путешествии русской делегации в Царьград». Какой из видов Повести древнейший, Н. И. Прокофьев не указывает. Составитель Никоновской летописи, полагает он, воспользовался непосредственно не дошедшим до нас «хождением» Митяя, потому версии Никоновской летописи Н. И. Прокофьев отдает явное предпочтение. «Современники писали, — утверждает он, например, — что Митяй был отравлен его противниками». О такого рода слухах («инии глаголаху») говорится лишь в Никоновской летописи. Имея в виду несомненно ту же Никоновскую, но не называя ее, Н. И. Прокофьев отмечает, что «личность самого Митяя в одних частях повести освещается прямо-таки восторженно, в других он осуждается за тщеславие и карьеризм». Конечно, имея в виду слова Никоновской «Сей. . . Митяй — сын Тешиловского попа Ивана, иже на реце Оке», Н. И. Прокофьев называет Митяя тезкой князю «по имени и отчеству». Характеристики самого Н. И. Прокофьева («властолюбец» Дионисий Суздальский, «изворотливый» Киприан, «безвольный» Иоанн Петровский) несколько поверхностны, как и текстологические наблюдения. Пимена Н. И. Прокофьев, не обосновывая, называет «сторонником рязанского князя Олега Ивановича».[29]

Истории Митяя коснулся, наконец, И. Б. Греков в труде «Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.)».[30] Главными действующими силами в борьбе вокруг митрополии И. Б. Греков считает Литовско-Русское и Московско-Владимирское политические образования. В этой интересной по своей теме, по привлеченному материалу и по ряду мыслей книге, к сожалению, очень много неточного, расплывчатого, противоречивого, некритически взятого из разновременных источников и не очень осторожно домысленного. Константинополь, по

---

[29] См.: Учен. зап. МГПИ, 1970, № 363. Литература Древней Руси и XVIII в., с. 128—134.

[30] М., 1975, с. 116—126.

И. Б. Грекову, просто «традиционно придерживался той линии поведения в Восточной Европе, которая должна была приносить ему максимальные политические и материальные выгоды. . .».[31] О свойственном И. Б. Грекову понимании поведения Дионисия Суздальского, Митяя, русских послов в Константинополе и принятого патриархом Нилом в 1380 г. решения мы уже говорили.[32]

А вот как И. Б. Греков пишет об изгнании Киприана из Москвы в 1382 г. Ученый как будто не склонен принимать объяснение позднейших летописей, говорящих, что князь разгневался на митрополита за то, что тот «не сиде в осаде», и усматривает причину изгнания в воле татар. Но, следуя тем же поздним летописям, И. Б. Греков все же утверждает, что, убегая из столицы при подходе к ней Тохтамыша, князь Дмитрий оставил в ней митрополита чем-то вроде градоначальника или главнокомандующего. Почему Орда не хотела допустить пребывания в Москве Киприана и способствовала возвращению из заточения Пимена, И. Б. Греков не объясняет.[33]

Историк пользовался всеми тремя редакциями Повести, не стараясь решить, какая из них какого доверия заслуживает.

Обобщая, можно сказать, что наиболее глубоко, хотя и с ошибками в понимании связи событий, трактует историю Митяя Пл. Соколов. Самыми проницательными в литературоведческом отношении остаются заметки В. Л. Комаровича. Но и эти исследователи, как и все прочие, касались Повести о Митяе лишь вскользь, не сосредоточивая на ней специально внимания.

Нам пора теперь это сделать.

Глава 2

ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ

Киприан спасся от татар в Твери («тамо избывшу ему во время ратнаго нахожениа»).[1] При выезде из Москвы он был ограблен покинутыми на избиение горожанами. Он съездил в Новгород Великий и вернулся в Тверь.[2] Киприан легко мог предвидеть, что за ошибки князя, за княжескую неготовность воевать с татарами платить придется ему, митрополиту. И он не спе-

---

[31] Там же, с. 123.

[32] См. выше, с. 80, 86, 93, 101.

[33] Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. . ., с. 160—164.

[1] ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922, стб. 147.

[2] «. . . а Киприан митрополит приехал в Тверь из Новагорода Великого», — записано в Тверской летописи после сообщения о возвращении в Москву князя Дмитрия. — ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 442.

шил вернуться в Москву. Князь сам прислал своих людей за Киприаном в Тверь.

«Тое же осени бысть, сущу Киприану митрополиту на Тфери... князь же великий Дмитрей Ивановичь посла но него два боярина своя: Семена Тимофеевича да Михаила Морозова, — зовучи его на Москву к собе». Примерно в это же время, «тое же осени, князь великий Дмитрий Иванович послал по Пимина по митрополита и приведе его из заточениа...».[3] Конец этой фразы в московской летописи звучит так: «...к себе на Москву и приа его с честию и с любовию на митрополию». Я умышленно разорвал предложение: в Москву Пимен приведен будет уже после изгнания Киприана, и приведен будет не из Чухломы, а из Твери, что известно из летописи тверской: князь Дмитрий «Пимена с честию приведе с Твери на Москву».[4] Значит, несколько раньше из заточения в Чухломе Пимен был переведен в Тверь. Именно это событие и имеет в виду последнее сообщение Повести о Митяе: «И тамо (в Чухломе Пимен, — *Г. П.*) пребысть в оземьствовании лето едино, но и от Чухломы веден бысть на Тферь».

Князь Дмитрий Донской, наверное, разом послал своих бояр за Пименом и за Киприаном. Пимена они перевели из Чухломы в Тверь, а Киприана из Твери в Москву. Заметим, что Тверь не находится на пути из Чухломы в Москву. От Чухломы до Москвы ничуть не дальше, чем до Твери. Вопрос о митрополите князь, видимо, считал решенным, но знал, что «прощание» с таким человеком, как Киприан, потребует какого-то времени, и решил это время подержать Пимена в Твери.

Предлог для изгнания Киприана изыскивать не надо было: вполне было достаточно «многих грамот против кир Киприана и еще большего числа в пользу Пимена»,[5] отправленных патриархом Нилом на Русь. Князь просто мог вдруг показать себя послушным сыном «вселенской» церкви. Позже, в XV в., в летописи появится довольно нелепое объяснение изгнанию Киприана: «...разгнева бо ся на него великый князь Дмитрей того ради, яко не седел в осаде в Москве».[6] Это — посильный (в пределах летописной информации) домысел редактора, знавшего из записи об ограблении митрополита о его отъезде из Москвы. Но митрополит в отличие от князя — не «ратный человек». Сам-то великий князь позорно бежал при приближении к Москве Тохтамыша: «не ста на бой противу его, ни подня рукы противу царя, но поеха в свой град на Кострому».[7] Не Дмитрию Донскому было обвинять Киприана в страхе перед татарами. Бесконтрольное начальство,

---

[3] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 147.

[4] ПСРЛ, т. XV, стб. 442.

[5] РИБ, т. 6. СПб., 1880, Прил., № 33, стб. 209—210.

[6] Московский летописный свод конца XV в. — ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 210.

[7] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 143—144.

впрочем, может не утруждать себя заботой о логике выставляемых мотивировок.

Киприан «поеха со Тфери месяца октября в 3 день, а на Москву приеха того же октября в 7 день».[8]

Сколько времени Пимену пришлось ожидать в Твери отъезда из Москвы Киприана, точно не известно. Во всяком случае, не очень долго, ибо «тое же осени Киприан митрополит съеха с Москвы в Киев» и «тое же осени» Пимен прибыл в Москву.

Именно на этом промежутке, когда Киприан еще не «съеха с Москвы», а Пимен еще в нее не въехал, и обрывается действие в Повести о Митяе. Пимена в ней успевают довезти лишь до Твери. И этот факт заслуживает пристального внимания. В самом деле, почему повесть, посвященная борьбе за русский митрополичий престол, подводя рассказ вплотную к такому значительному для ее темы моменту, когда один из ее героев сменяет на митрополичьей кафедре другого, не упоминает об этом событии, но неожиданно на этом странном, переходном месте умолкает? Лишь фразы, не содержащие информации о событиях, заключают весь рассказ: «Господня есть земля и конци ея. До сде скратим слово и скончаем беседу и о всех благодарим бога, яко тому слава в векы, аминь».

Самым естественным объяснением кажется то, что автор Повести просто не знал еще ни об изгнании Киприана, ни тем более о прибытии в Москву Пимена — по той простой причине, что этого, когда он писал, еще не произошло.

Не упомянуто в Повести и о возвращении на Русь Дионисия Суздальского. А он вернулся зимой 1382/83 г. в сане архиепископа Суздальского, Нижегородского и Городецкого.[9] В Повести Дионисий назван еще епископом. Не указан и путь его бегства.[10] Он бежал в 1379 г. тайно, скрываясь от великого князя; какой дорогой он бежал, в Москве должны были узнать позже, — вероятней всего, лишь когда он вернулся. Так что отсутствие в Повести и этих сведений говорит о том, что она была написана до зимы 1382/83 г. Этот вывод подтверждается и кое-чем из того, что присутствует в повести. Симпатизируя Дионисию за смелость, с какой он решился выступить против княжеского ставленника, автор старается оправдать его в разгоревшемся затем конфликте: «нецими же от младоумных наустиша и навадиша Митяю на Дионисия, а Дионисию на Митяя». Вместе с тем автор считает нужным выказать порицание Дионисию за обман великого князя и «выдачу» поручника Сергия: Дионисий «преухитри великого князя словом худым»,

---

[8] Там же, стб. 147.

[9] Там же, стб. 147—148.

[10] Впервые сообщение о том, что пошел «Дионисі Влъгою в судех к Сараю», появляется в летописной статье 6887 г., куда оно, я полагаю, было вставлено задним числом по возвращении Дионисия. Дальше об этом скажу подробней.

«обет свой измени, а поручника свята выдал». Между тем Дионисий, вернувшись на Русь, тут же был прощен и приближен великим князем (мы это увидим дальше). Ясно, что после этого порицать Дионисия за прощенный ему обман было бы уже неуместно. Тем более этого не стал бы делать его сторонник. Разве только о «выдаче» Дионисием поручника, Сергия Радонежского, могло быть написано и позже.

Тот же факт, что Сергий назван в Повести святым («поручника свята выдал»), не означает, что его, когда это писалось, не было уже в живых: как известно, Сергий «прославился как великий чудотворец еще при своей жизни».[11]

И еще один довод. Повесть — единственный из русских источников, который обнажает методы действия московских послов в Константинополе. Антипименовский ее характер — вне сомнений. По ее тексту, Киприан из Киева прибывает «в свою митрополию». Маловероятно, чтобы это было написано после того, как Киприан был изгнан и митрополитом в Москве стал Пимен. Написать так означало бы разом пойти против всех властей — и против великого князя, и против митрополита, и против патриарха. Вновь можно было назвать митрополию «своей» Киприану лишь после 1389 г., после смерти всех этих трех лиц. Но это, как мы увидим, исключается.

Сообщив о займе, сделанном русскими в Константинополе, автор Повести добавил: «и до сего дни тот долг ростет». А мы, к счастью, точно знаем, что Пимен расплатился с кредиторами. Расплата с генуэзцами («фрязями») произошла незадолго до его смерти, в мае 1389 г., и об этом записал очевидец, Игнатий Смольнянин.[12] Что же касается кредиторов-турок («бесермен»), то и с ними Пимен должен был покончить денежные счеты, ибо он у них находил в 1389 г. убежище от греков — от собора и патриарха.[13] Но даже если допустить, что с кем-либо из заимодавцев он не успел рассчитаться, потерпевшие имели возможность взять свое после его смерти, последовавшей 11 сентября 1389 г.: «преставися Пимин митрополит в Цареграде, тамо положен бысть, и разъяша имение его инии».[14] Значит, замечание о продолжающемся росте долга могло быть написано только до 1389 г., при жизни как митрополита Пимена, так и великого князя Дмитрия Ивановича. Но поскольку наряду с этим замечанием Повесть содержит порочащий Пимена материал и называет митрополию «своей» для Киприана, то и написана она могла быть лишь в тот момент жизни и князя Дмитрия, и Пимена, когда митрополия на

---

[11] Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, с. 72.

[12] См.: Хождение Игнатия Смольнянина. — Православный палестинский сборник, СПб., 1887, т. IV, вып. 3, с. 4—5.

[13] См.: РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 215—220.

[14] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 157.

деле была Киприану «своей». Таким образом, возможное время написания Повести ограничивается, с одной стороны, переводом Пимена из Чухломы в Тверь, с другой — каким-то днем «тое же осени», когда Пимен вступил в Москву. Киприана вызвали из Твери в Москву 3 октября, и думается, что Повесть была написана где-то около этой даты, в сентябре—ноябре 1382 г.

Глава 3

ВСТУПЛЕНИЕ В ПОВЕСТЬ

Повесть о Митяе обладает рядом необычных для древнерусской литературы черт. Одну из них можно заметить еще в ее начале. Собственно изложению в Повести предшествует нечто вроде предисловия, завязки, или вступления. И это начало Повести сбивает всю хронологическую последовательность ее рассказа, разрушает однонаправленность художественного времени (одно из следствий закона цельности изображения, действующего в средневековом искусстве). В древнерусской литературе «повествование никогда не возвращается назад и не забегает вперед».[1] А здесь, в этом начале Повести, оно не только сразу забегает вперед по сравнению с основным изложением, но затем тут же возвращается «назад» — во времена, предшествующие начальному моменту; идя оттуда, вновь проходит точку начала и уходит дальше вперед; начало основного, последовательного изложения опять отбрасывает нас назад. И далее все идет в хронологическом порядке «вперед».

Читая начало Повести, невозможно не вспомнить второе послание Киприана к игуменам Сергию и Феодору с его взволнованностью, хронологической сбивчивостью и возвращениями назад. Эта ассоциация возникает уже с самой первой фразы Повести.

Повесть начинается сообщением о том, что «некоторый архимандрит именем Михаил, нарицаемый Митяй», без всяких на то прав занял после смерти митрополита Алексея его престол. Выражено это таким образом: «По преставлении же его взыде на его место и на его степень некоторый архимандрит именем Михаил, нарицаемый Митяй, да незнаемо здея, странно некако и не знаемо: облечеся в сан митрополичь и возложе на ся белый клобук и монатию со источникы с скрижальми и перемонатку митрополичю и печать и посох митрополичь, и, просто рещи, в весь сан митрополичь сам ся постави».

---

[1] Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 258.

Как известно, для средневековых представлений, в отличие от наших, поступать по-новому, необычно, странно — уже преступно (это нашло отражение в греческом языке: глагол νεωτερίζω одновременно означает «делать нововведения» и «производить смуты»; νεωτεριστής — «нововводитель» и «возмутитель»; ἀλλόκοτος — «странный» и одновременно «чудовищный»). Потому ясно: сообщая нам, что Митяй «незнаемо здея, странно некако», автор этих строк тем самым говорит, что, нарушив установленный порядок (а поскольку речь касается церковной должности — порядок священный, церковные каноны), Митяй совершил преступление. Преступление его состоит в том именно, что он занял митрополичье место, возложил на себя митрополичьи клобук, монатию и перемонатку и присвоил печать и посох. Если исключить печать, то эта расшифровка Митяева преступления полностью совпадает с обвинением Митяя во втором Киприановом послании. Вспомним: «...как у вас стоит на митрополице месте чернець в манатии святительской и в клобуце, и перемонатка святительская на нем, и посох в руках?».

Обратим также внимание на трактовку преступления: архимандрит Митяй, «просто рещи, в весь сан митрополичь сам ся постави». А это уже заставляет вспомнить Киприанову редакцию Жития митрополита Петра, где игумен Геронтий совершает аналогичное преступление, «самовластия недугом объят быв, своеумиемь на таковую высоту дръзнув».

Следующая фраза не только по смыслу, но и по форме подобна одному предложению Жития. В Житии «князь Велыньския земли» понуждал Петра идти в Царьград: «И сие убо творяше на многы дни: овогда сам князь собою глагола Петрови, овогда же боляр и съветник своих посылая к нему». В Повести: «Князь же великий много нуди о сем Алексея митрополита, дабы благословил, овогда бояр стареиших посылая, овогда сам приходя».[2]

Затем текст Повести вновь возвращает наше внимание ко второму посланию Киприана 1378 г.: «...Алексей же митрополит, умолен быв и принужен, не посули быти прошению его, но известуя святительскы и старческы, паки же пророчьскы, рече: Аз не доволен благословити его, но оже дасть ему бог и святая Богородица и пресвященныи патриарх и вселеньскыи збор». Тут есть некоторая странность: митрополит Алексей оказывается «умолен» и «принужден», т. е. как будто он уступает княжескому давлению и благословляет Митяя в свои наследники, но в то же время его ответ (святительский, старческий и пророческий) зву-

---

[2] Пл. Соколов, руководствуясь, видимо, ошибочным мнением В. О. Ключевского, что Житие митрополита Петра написано Киприаном в период с 1397 по 1404 г., счел, что оборот этот попал не из Жития в Повесть, а наоборот — из Повести в Житие (Соколов Пл. Русский архиерей. . ., с. 428).

чит как отказ в благословении. Эта же странность, двойственность есть и во втором Киприановом послании. С одной стороны: «Не умети было ему наследника оставляти при своей смерти. Коли слышалося преже поставления въздагати на кого святительскыя одежи...»; с другой: «А что клеплють митрополита, брата нашего, что он благословил есть его на та вся дела, тъ есть лжа». Да и сам ответ митрополита Алексея князю в Повести строго соответствует тем каноническим нормам, которые так горячо отстаивал Киприан в этом послании. Вспомним хотя бы, как он писал там, что́ ему дало право быть митрополитом: «Яз божиим изволением и избранием великаго и святаго сбора и благословением и ставлением вселеньскаго патриарха...».

Следующая за этим в Повести фраза из прошлого по отношению к моменту смерти митрополита Алексея переносит нас в будущее, когда Митяй — уже наместник. «И бысть на нем зазор от всех человек, и мнози негодоваху о сем, и священници неключимоваху о нем, понеже не поставлен сый вселенскым патриархом, но сам дрьзнул на таковый превысокый степень, и на дворе митрополиче живяше и хожаше в всем сану митрополиче, и казну и ризницу митрополичю взя, и бояре митрополичи служахут ему, и отроци предстояху ему, и вся, елико подобает митрополиту и елико достоить, всем тем обладаше». Причина, вызвавшая зазор и негодование (преступление Митяя), изложена здесь так, что разом напоминает и второе послание Киприана, и Киприанову редакцию Жития св. Петра. «Преже поставления» — в Послании, «не поставлен сый вселенским патриархом» — в Повести; «дерзнув дерзостию» — в Житии, «сам дрьзнул» — в Послании. В Послании, как мы помним, — «место», «манатия», «клобук», «перемонатка» и «посох»; в Житии — «святительская одежа и утварь», «жезл пастырский» и «сановники церковныя»; в этом месте Повести — «двор митрополичь» (т. е. место), «весь сан митрополичь» (т. е. одежда, утварь, жезл), «казна и ризница митрополичи» и «бояре митрополичи» и «отроци» (т. е. сановники церковные)...

Рассмотренный материал убеждает в том, что вступление в Повесть о Митяе и смыслом, и текстом своим непосредственно связано с известной нам публицистикой Киприана 1378 и 1381 гг. Хронологическая же сбивчивость этого вступления заставляет думать о руке самого митрополита. В этом-то вступлении (в переработке Никоновской летописи) и видел Е. Голубинский самостоятельное, враждебное Михаилу-Митяю сказание, автором которого он считал Киприана.[3] Наш вывод совпадает также с мнением Пл. Соколова: «Сравнение с принадлежащими Киприану письмами к Сергию и житием митрополита Петра доказывает, что и эта интерполированная повесть принадлежит Кип-

---

[3] Голубинский Е. История русской церкви, т. 2, с. 229—230.

риану же. Предшествующая изложению повести вставка... хотя и представляет повторение отчасти тех же сообщений, какие находим в повести, но связана с нею чисто искусственно и в значительной степени является воспроизведением мыслей, изложенных в известном послании Киприана к Сергию Радонежскому, и притом воспроизведением их в той же неестественной для историка последовательности: позднейшее поставлено ранее предыдущего».[4] Не исключена, однако, возможность, что не все в этом вступлении принадлежит Киприану, что он лишь придал ему настоящий вид. Можно также не согласиться с процитированным исследователем в оценке связи вступления с основным повествованием как искусственной.

Киприаново начало не только сразу вводит нас в суть дела и направляет восприятие последующего рассказа, но и представляет собой искусную завязку (на манер авантюрной) всего сюжета Повести. С первых же слов нам сообщают: совершено преступление; затем переносят в предшествующие времена и показывают, что во избежание преступления было поставлено пророческое условие; условие это выполнено не было. Так пренебрежением к условию, «дерзостью» героя против церкви и бога (ибо бог упоминается в условии) завязывается сюжет Повести.

Но «дерзость» Митяя на этом не кончается: «И нача вооружатися на мнихы и на игумены. Епископи же и прозвутери въздыхаху от него, глаголюще: Воля господня да будет!». Завязка закончена. Человек посягнул на священный сан, вооружается на монахов. Противостоит ему только «воля господня». Кто он такой? Именно этот вопрос и связывает вступление, завязку, с характеристикой Митяя: «Взыскати же и распытовати, кто есть наместник съй Митяй». Начало, как видим, сделано умело и интригующе.

А теперь вновь вернемся к отмеченной выше странности во вступлении — к тому, что как-то не очень твердо, двойственно сказал Киприан об окончательном ответе умирающего митрополита Алексея «нудящему» его великому князю. А ведь этот ответ, пророческое условие — опорная точка завязывающегося сюжета. Чего-то не хватает для опоры, чтобы преступление вполне выглядело преступлением. Автор что-то не договаривает, это ясно; не договаривает, рассчитывая, что его и так поймут. И что́ он не договаривает, чего здесь не хватает, тоже ясно: не хватает его самого, Киприана, которому к начальному моменту Повести уже дали «бог и святая Богородица и пресвященный патриарх и вселеньскый збор» быть русским митрополитом. Сами эти слова о том, что́ дает право быть митрополитом, кажутся намеком на закулисное присутствие в Повести с самого ее начала Киприана уже в качестве одного из ее героев, о котором все — и автор, и читатели — знают, но которому выходить на сцену еще рано.

---

[4] Соколов Пл. Русский архиерей..., с. 427—428.

Глава 4

ХАРАКТЕРИСТИКА-ПОРТРЕТ МИТЯЯ

«Саном беаше поп, един коломенскых поп; возрастом не мал, телом высок, плечист, рожаист, браду имея плоску и велику и свершену; словесы речист, глас имея доброгласен износящ, грамоте горазд, пети горазд, чести горазд, книгами говорити горазд; всеми делы поповьскими изящен и по всему нарочит бе».

В этой характеристике сказано и больше, и меньше, чем обычно говорится в характеристиках церковных деятелей.

Вот для примера несколько летописных характеристик духовных лиц:

«...бысть же Иоан си (митрополит, — *Г. П.*) мужь хитр книгам и ученью, милостив убогым и вдовицам, ласкав же всякому — к богату и к убогу, смерен же умом и кроток, и молчалив, речист же и книгами святыми утешая печалныя, и сякова не бысть преже в Руси, ни по немь не будеть такий».[1] О ростовском епископе Пахомии: «И сей блаженый епископ, избранник божии, истинный бе пастырь, а не наимник; сий бе агня, а не волк, и не бе бо хитая от чюждаго дому богатство, ни збирая его, ни тем хваляся, но паче обличаше грабителя и мздоимца, поревновав нраву Златоустаго, и, преходя от дел в дело уньшее, сиротами пекыйся, милостив убогым зело и вдовицам, ласкав к всякому убогому, не согбене имея руце на подание их, но отверзене, отинудь смирен и кроток, исполнен книжнаго ученна, всеми делы исполнен, утешаа печялныя, не хваляся ни о чем же суетством пустошнаго сего света...».[2] Симеон, епископ тверской, «бяше учителен и силен книгами, князя не стыдящеся пряся, ни вельмож...».[3] Выдвигавшийся в 1147 г. князем Изяславом Мстиславичем в митрополиты Клим Смолятич охарактеризован в летописи следующим образом: «бе бо черноризецъ скимник, и бысть книжник и философь так, яко же в Рускои земли не бяшеть».[4] Вспомним и ритмическую характеристику одного из противников Митяя, епископа Дионисия Суздальского.[5]

От всех известных древнерусских характеристик духовных лиц характеристику Митяя резко отличает, так сказать, «поверхностность», «внешностность». Современники ничего не написали о росте, плечах, бороде, голосе Дионисия Суздальского, митрополита Алексея, Сергия Радонежского или Стефана Пермского, хотя эти люди приковывали к себе внимание не в меньшей степени, чем наместник Митяй. Вообще в древнерусской литературе XI—

---

[1] Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II. М., 1962, стб. 199—200 (1089 г.).
[2] ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 48 (1217 г.).
[3] Там же, с. 81—82 (1288 г.).
[4] ПСРЛ, т. II, стб. 340 (1147 г.).
[5] С. 66—67 наст. изд.

XIV вв. едва ли возможно найти описание наружности духовного лица.

Легко заметить, что в сравнении с приведенными характеристика Митяя выглядит оценочно бледной. То хорошее, что здесь о нем сказано(красноречив, грамотен, начитан, хорошо служил в церкви «и по всему нарочит бе»), не касается его «внутреннего человека», его моральных качеств. Сходные черты митрополита Иоанна («мужь хитр книгам и ученью»), епископа Пахомия («исполнен книжнаго учения, всеми делы исполнен») или Дионисия Суздальского («изящен в божественных писаниях и учителен, и книгам сказатель») выглядят иначе, «глубже», стоя в ряду их моральных добродетелей и церковных заслуг.

Но и плохого о Митяе в его характеристике ничего не сказано. Нет ничего похожего на то, скажем, как охарактеризован в летописи один из предшественников Митяя, кандидат в митрополиты князя Андрея Боголюбского, Федорец: «злой и пронырьливый и гордый лестьц, лживый владыка», «нечь[с]тивый», «звероядивый Федорец», «безъмилостивы сый мучитель», «уподобився злым еретиком, не кающися погуби душу свою и с телом, и погибе память его с шюмом», «зле испроверже живот свой».[6] Не похоже и на заметки о патриархе Макарии в Киприановом Житии митрополита Петра: «злевъзведеный Макарий безумный», «безумный и всякого разума лишенный», «злославен»; и на характеристику тверского епископа Андрея, которого это же Житие описывает как «легка убо суща умом, легчайша и разумом, изумлена суща и о суетней сей славе зинувша», он «исплетает ложнаа и хулнаа словеса», бывает «помрачен лицем и умом», «акы демон темен» «и зле погыбе».

Внешностные описания, с которыми описание Митяя имеет больше общего, мы находим лишь среди характеристик светских лиц, князей: «Бе бо Мьстислав дебел телом, чермен лицемь, великома очима...»;[7] «Сий же благоверный князь Роман бе возрастом высок, плечима велик, лицем красен...»;[8] князь Всеволод Святославич был «во Олговичех всих удалее, рожаемь и воспита[ни]емь и возрастом...»;[9] «Се же благоверный князь Давид возрастом бе середний, образом леп...»;[10] «Сии же благоверныи князь Володимерь возрастомь бе высок, плечима великь, лицемь красен, волосы имея желты кудрявы, бороду стригый, руки же имея красны и ногы, речь же бяшеть в немь толъста, и уста исподняя добела, глаголаше ясно от книг...»;[11] князь Михаил

---

[6] ПСРЛ, т. II, стб. 551—553 (1172 г.).
[7] Там же, стб. 138 (1034 г.).
[8] Там же, стб. 617 (1180 г.).
[9] Там же, стб. 696 (1196 г.).
[10] Там же, стб. 703 (1197 г.).
[11] Там же, стб. 921 (1289 г.).

Ярославич «беше телом преболий человек и крепле, и сановит велми и смыслен паче множех, взор имый грозен. . .».[12]

Но, разумеется, характеристики князей этим далеко не ограничиваются, они этим только начинаются; далее обычно идет пространное перечисление заслуг и духовных достоинств князя, говорится о его хорошем отношении к монастырям, церквям и т. п. Всего этого в характеристике Митяя нет. Ее сходство с княжескими характеристиками ограничивается описанием наружности героя.

Представление о внутреннем облике Митяя-Михаила мы все же получаем, но другим путем — из всего рассказа о связанных с ним событиях. И — скажу, забегая вперед, — облик этот явно не симпатичен автору повествования. Перед нами удивительное для древнерусской и вообще для средневековой литературы явление — разъединенность, независимость двух планов в образе одного человека: дурной человек оказывается внешне и профессионально (как священник!) «по всему нарочит».[13]

Надо заметить, что характеристика Митяя в Повести не только самоценна, т. е. не только отвечает на вопрос, «кто есть наместник съй Митяй». У нее есть и прямая «деловая», функциональная роль в сюжете: она объясняет возвышение Митяя из провинциальных коломенских попов в кремлевские, придворные. Сразу за перечислением Митяевых качеств говорится: «И того ради избран бысть изволением великого князя во отчьство и в печатникы. . .». У этой характеристики, таким образом, была весьма ответственная задача — мотивировать «изволение» великого князя, князя, который сам мог с ней ознакомиться. Герой Повести, дерзнувший пойти против церковных установлений, просится в злодеи, но его нельзя прямо назвать злодеем, потому что им движет воля великого князя. И для князя была написана нейтральная на первый взгляд «картинка» видного[14] и эффектного в церкви Митяя. Однако при умолчании о нравственных качествах кандидата в митрополиты в таком обособленном описании его роста, плеч, бороды чувствуется насмешка. По всей вероятности, в способ изображения Митяя (по типу светских литературных портретов) вложен автором определенный смысл: этим подчеркивается светский, нецерковный, неподходящий для главы церкви характер наместника.

---

[12] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 40 (1319 г.).

[13] О соответствии внешнего облика человека внутреннему в средневековых славянских литературных портретах см.: Никольская А. Б. К вопросу о «словесном портрете» в древнерусской литературе. — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 191—200; Трифуновиħ Ђ. Портрет у српској средњовековној књижевности. Крушевац, 1971.

[14] «Рожаистый — видный, красивый (?)» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 3. СПб., 1903, стб. 140).

«...и бысть Митяй отець духовный князю великому и всем бояром стареишим, но и печатник, ю же на собе ношаше печать князя великаго». Здесь сразу следом за характеристикой отмечена деталь во внешнем облике Митяя («на собе ношаше печать князя великаго»), характеризующая его именно как государственного чиновника, а не как духовное лицо.

Повесть, мы заключили, создавалась при жизни великого князя Дмитрия Ивановича, и несомненно это именно обстоятельство заставило автора отказаться от общей оценки своего героя, предоставляя сделать это читателям.

Глава 5

ПОДРОБНОСТИ И ЭПИЗОДЫ

Видеть и запомнить внешность Митяя и великокняжескую печать на нем мог, допустим, и Киприан во время первого своего визита в Москву в 1374 г. Нетрудно ему было бы и перечислить поборы, которые дали Митяю средства для путешествия, — «сборное и рожественое, и урокы, и оброкы, и пошлины митрополичи». Но чего ради Киприан стал бы интересоваться не иной какой-либо датой, а именно днем переезда Митяя через Оку и указывать при этом не только месяц и число, но и празднуемого в этот день святого, и предыдущий праздник, и день недели? Чего ради стал бы он разузнавать имена и должности ряда третьестепенных для повествования лиц, каким-то образом участвовавших в событиях тех лет, когда его в Москве не было, а сверх того — и их прозвища («старець Иван, нарицаемый Непейца», «архимандрит именем Елисей, нарицаемый Чечетка», «боярина именем Ивана сына Григорьева Чюр(ил)овича, нарицаемого Драницю»)? Киприан легко мог написать: «един от сановников», «в един от дней», «некоторые из синклита» и т. п.

Читая Повесть, легко заметить, что ее сведения становятся точнее и концентрация подробностей возрастает по мере приближения рассказа к моменту отъезда Митяя — своеобразному центру тяжести всего произведения. Так, например, сказано, что великокняжеским духовником и печатником Митяй «пребысть... многа лета»; дальше — несколько точнее: «И пребысть Митяй в архимандритех яко две лете»; дальше — еще точнее: «Пребысть же Митяй наместник на Москве лето едино и шесть месяць»; и наконец— совсем точная дата перевоза через Оку без указания года. Отличное знакомство с составом посольства, перечисление провожающих, дата расставания их у Оки с Митяем (а не выезда посольства из Москвы) заставляют допу-

стить, что автор записок сам был в числе провожатых. Видимо, вскоре затем, понимая необычность и важность происходящих вокруг русского митрополичьего престола событий, он решился кое-что из них — кое-что из того, что он видел и слышал, — записать. Так должна была быть создана основа первой части Повести.

Судя по самой теме и по характеру информации, а также и по тому факту, что записки попали в руки митрополита Киприана, неизвестный нам автор принадлежал к митрополичьему окружению, скорей всего к митрополичьей канцелярии.

Вторую часть повествования (о посольстве) возможно было написать лишь гораздо позже первой, когда в Москву пришла весть, «яко Митяй... умре, а Пимин стал в митрополиты», а скорее — только по возвращении Пимена на Русь. Видно, что этот рассказ записан со слов самих участников посольства («нецин же поведаша», слово «варка», индивидуализированная речь персонажей). «Лишних» подробностей в этой части повествования нет. Константинопольские события описаны весьма суммарно и без указания, когда что произошло и какие между событиями промежутки времени.

В момент возвращения посольства митрополитом в Москве был уже Киприан. Зная о литературных склонностях Киприана и о внимании, какое он впоследствии уделит русскому летописанию, нельзя представить себе, чтобы этот человек, отлично понимавший силу слова, обошел вниманием литературные труды своей московской канцелярии, особенно в той их части, где они его прямо касались. Вряд ли он сам записывал рассказ послов (из которого, кстати, мог узнать много для себя нового); вероятней, это делал тот же, кто начал записки. Но причастность Киприана сказалась уже в том, что описанными оказались способы деятельности на международной церковно-политической арене русского посольства самого высокого уровня. Что же касается тени, падавшей на чиновников патриархии (взяточничество) и отчасти на патриарха Нила и императора Иоанна V Палеолога (дали себя провести), то у Киприана, вынужденного тогда бежать из Константинополя и пострадавшего от их доверчивости, были основания этих людей не щадить.

Таким образом, весьма и весьма вероятна причастность Киприана уже к созданию второй части Повести. Но это не меняет напрашивающегося вывода: Киприан располагал готовой, сделанной кем-то из русских информационной записью.

Круг внимания автора этих записок имеет очень небольшой радиус: он освещает только то, что непосредственно касается его центра — русского митрополичьего престола. Все прочее остается за его пределами. Единственный намек на внешнеполитические дела — упоминание о встрече Митяя с Мамаем. События Повести, если отвлечься от ее летописного окружения, происходят как бы в пустоте или в замкнутом пространстве. Между ними есть только некоторая внутренняя связь; они размещены в хронологическом

порядке, и иногда говорится, какое между ними протекает время. Повесть не дает ни обстановки, ни перспективы, не привязывает свой материал (хотя бы хронологически) к материалу иного плана (например, к «розмирию», Куликовской битве, нашествию на Москву Тохтамыша).

Повесть состоит как бы из ряда картинок или сцен. 1) Митяй духовный отец князя и старейших бояр, а также печатник, на нем великокняжеская печать. 2) «Акы нужею», Митяя постригают в монахи и в Спасские архимандриты. 3) Умирает митрополит Алексей, Митяй «покинул архимандритью по великаго князя слову и на преболший сан устремися и на превысокый степень старейшиньства, на двор митрополичь взыде и ту живяше, пребываше с всякою областию, елико довлеет и достоить митрополиту владети». 4) Митяй, «тщашеся и наряжашеся ити к Царюгороду», собирает с попов дань. 5) Восхотев «поставитися в епископы на Руси», Митяй беседует с великим князем. 6) Покорный собор русских епископов и «бунтовщик» Дионисий Суздальский; ссора Митяя с Дионисием. 7) Арестованный Дионисий «преухитряет» великого князя, используя поручительство Сергия Радонежского, и бежит в Царьград. 8) Осмелевший Митяй просит и получает у великого князя чистые «хоратии» с печатями. 9) Отъезд Митяя и посольства (ряд персонажей выделен по положению и по именам, другие даны обобщенно, группами: «и клирошане володимерьскыи, и люди дворные, и слуги пошлые митрополичи»). 10) В степях «ят бысть Митяй Мамаем». 11) На море Кафинском послы садятся в корабль. 12) Смерть Митяя вблизи Царьграда (корабль стоит на месте, «а иные мнозе корабли» плавают); похороны в Галате. 13) «Распря и разгласие» среди послов. 14) Бояре возлагают «руце на Ивана». 15) Пимен подделывает грамоту. 16) Явление грамоты «всему збору», недоуменная реакция царя и патриарха. 17) «Русини» берут деньги «у фряз, у бесермен в росты» и подкупают греков. 18) Рукоположение Пимена в митрополиты. 19) Великий князь получает известие о происшедшем и посылает за Киприаном. 20) Торжественное прибытие Киприана в Москву. 21) Сцена встречи вернувшегося посольства. Пимена развенчивают и ссылают. И, наконец, 22) Перевод ссыльного Пимена из Чухломы в Тверь.

Нетрудно заметить, что временные разрывы между сценами сокращаются по мере приближения их ряда к середине и вновь удлиняются к концу. Точно так же от начала к середине возрастает и дальше снижается степень подробности изображения эпизодов. Лишь предпоследняя сцена — арест Пимена, — которой неизвестный автор мог опять быть свидетелем, вне этой зависимости.

Хотя в начале Повести, в ее «вступлении», тоже можно выделить некоторые «клейма» (например, уговоры умирающего митрополита Алексея), но порядок их сбит и кое-что здесь дублирует основное повествование. Так, в начале Митяй (а) стано-

вится «в весь сан митрополичь», (б) живет на митрополичьем дворе и ходит «в всем сану митрополиче»; а в основном повествовании Митяй устремляется «на преболший сан», живет на митрополичьем дворе и владеет всем, чем «достоит митрополиту владети».

Основная часть Повести структурой и способом изложения материала отличается от начальной ее части, по ряду признаков тяготеющей к Киприану. Поскольку мы заключили, что Киприан использовал чужое творение, то и должны в стиле основной части Повести видеть стиль работы неизвестного нам москвича.

Глава 6

ПОВЕСТЬ О МИТЯЕ И РАССКАЗ «О АЛЕКСЕИ МИТРОПОЛИТЕ»

Фактографичность Повести, некоторая ее «дискретность», эпизодичность, выборочность сближает ее стиль со стилем летописных погодных статей. От них она отличается в первую очередь выделением одного ряда событий и более пристальным к нему вниманием. Но этому же ряду событий, касающихся русского митрополичьего престола, посвящен рассказ[1] «О Алексеи митрополите», к которому Повесть непосредственно примыкает.

Повествование «О Алексеи митрополите» в два с половиной раза меньше Повести по объему. Вставленное в летопись вслед за сообщением о кончине митрополита Алексея, оно представляет собой весьма суммарное описание его жизни и не имеет ничего подобного интриге, сюжету (преступление и наказание) Повести о Митяе. В нем нет в отличие от Повести монологов, диалогов, почти нет «лишних» подробностей, развернутых сцен (исключение — сцена похорон митрополита). Тон здесь более спокойный и «отвлеченный». Автора самого по себе не видно, он «растворен» в фактах. Рассказ «О Алексеи митрополите» являет собой как бы посредствующую ступень между погодным летописным повествованием и Повестью.

Так же, как Повести о Митяе, рассказу свойственны летописная эпизодичность, выборочность и размещение эпизодов в хронологическом порядке: 1) рождение будущего митрополита; 2) крещение; 3) пострижение в монахи; 4) избрание его в наследники митрополичьего престола и поставление в епископы; 5) путешествие в Константинополь; 6) поставление там митрополитом на

---

[1] Термин «рассказ» употребляется здесь условно, равно как и термин «повесть». Я хочу лишь показать, что произведение «О Алексеи митрополите» меньше, чем о Митяе.

Русь; 7) возвращение; 8) суммарное перечисление его деяний; 9) смерть и похороны.

Нетрудно заметить, что сходство темы (митрополичий престол) определило сходство многих эпизодов рассказа и Повести: их ряды как бы параллельны.

Некоторые из эпизодов рассказа (3 и 4, 4 и 5, 7 и 8) объединяются в связный процесс с помощью того же приема и даже той же самой формулы, что и в Повести: «и пребысть» с указанием состояния и времени. В рассказе это «и пребысть» употреблено три раза, в Повести — четыре. Заметно сходство даже в ритмике и элементах строя соответствующих фраз:

«О Алексеи митрополите»	Повесть о Митяе
И пребысть в чернечьстве даже и до 40 лет.	И пребысть Митяи в архимандритах яко две лете.
И пребысть в святительстве и в учительстве долгоденьствуя многа лета.	И тамо пребысть в оземьствовании лето едино.
И тако Алексии пребысть епископом 3 лета или четыри, действуя епископьскаа святительскаа, дондеже преставися Фегнаст митрополит.	Пребысть же Митяи наместник на Москве лето едино и шесть месяць.
	И пребысть в таковем чину и в таковем устроении многа лета, дондеже състаресе старець Иван. . .

Кроме того, в сходных эпизодах можно найти сходные, а иногда и просто одинаковые выражения. Так, чтобы сказать о прошлом (по отношению к началу монашеского пути митрополита Алексея), в рассказе используется выражение «Бе же преже»; а в Повести, чтобы сказать о прошлом (по отношению к началу наместничества Митяя), — «Бе бо преже». В эпизоде избрания митрополитом и князем и поставления в епископы Алексея говорится: «нужею возведоша его», «еже и бысть», «того бо ради»; в «симметричном» этому эпизоду эпизоде пострижения и поставления в архимандриты Митяя — «акы нужею приведен бысть», «еже и бысть»; лишь «того ради» мы находим не здесь, а чуть выше. В эпизодах путешествия в Константинополь: в рассказе — «морскую пучину преплывая», в Повести — «пучину морьскую преплывающим». Есть сходство и в описании последних проводов митрополита Алексея и, как оказывается, тоже последних проводов из Москвы Митяя:

«О Алексеи митрополите»	Повесть о Митяе
Проводиша его усердием и со тщанием *честно епископи, архимандриты, игумени, попове, диакони и черноризци и множество народа. . . Князь же великии* Дмитрии Иванович *сам* стояше над ним и *тако же и брат. . .* Вси же проводивши его людие, *разидошася кождо в свояси.*	*И проводиша его честно сам князь великии* с бояры стареишими, *тако же и епископи и архимандриты и игумени, попове, диакони, черньци и множьство народа, и увернушася от него назад.*

Большую роль в сходстве выражений играет, конечно, сходство предметов изображения, а в сходстве предметов изображения — сходство тем. Но ведь и сама близость тем при хронологической близости описываемых событий может навести на мысль, что и тот, и другой ряд событий описан одним человеком — человеком близким к митрополичьему престолу. Также и общность подхода к теме, разработки ее (даже такая мелочь, как совпадение «лишних» деталей в сценах проводов: «разидошася кождо в свояси» и «увернушася от него назад») свидетельствует об одной руке. Можно указать и некоторые совпадения в «свободных» мелочах. Так, в рассказе «О Алексеи митрополите» есть выражение «*вся елико довлеет* на потребу монастыреви», а в Повести о Митяе — «*с всякою* областию, *елико довлеет* и достоить митрополиту владети». Слова «в старости глубоце» есть в обоих произведениях. В рассказе: «*Князь же великий* никако же не сотвори того, не *въсхоте*»; в Повести: «*сего въсхоте князь великий сотворити*». В рассказе: «еже есть и до сего дне»; в Повести: «еже и до сего дни».

Сколь бы ни казались обычными, трафаретными, неизбежными эти общие выражения рассказа о митрополите Алексее и Повести о Митяе, однако же Киприан в своей редакции Жития митрополита Петра (создававшейся тоже после смерти митрополита Алексея), тема, ситуации и эпизоды которой подобны теме, ситуациям и эпизодам обоих этих произведений (тоже есть предыстория героя, тоже кандидата выдвигает князь, тоже путешествие морем в Константинополь, тоже последние проводы), ни разу не употребил ни одного из них. Значит, далеко не все в выборе языковых средств зависело от темы и предмета повествования, но кое-что — и от привычки к тем или иным оборотам самого автора.

Еще один элемент стилистического сходства: длинному перечню епископов «ставления» митрополита Алексея (в центре рассказа) соответствует как некоторой композиционной единице еще более длинный перечень членов посольства в центре Повести.

Существенно, наконец, и то, что первая редакция Повести ничем не отделена от рассказа о митрополите Алексее, ее начальная фраза связана с последней фразой рассказа местоимением: «По преставлении же его...» (особый заголовок появится у Повести лишь во 2-й редакции, в XV в.).

Соседство этих двух вставленных в летопись произведений и все отмеченные выше роднящие их черты делают удобным сопоставление фигур митрополита Алексея и наместника Митяя, подобно тому как близость двух портретов, исполненных в одинаковой манере, делает удобным сравнение изображенных на них людей.

Контраст между митрополитом Алексеем и наместником Митяем достаточно ярок. Алексей постригся в монахи, «яко 20-ти лет сый», и прежде, чем стать митрополичьим наследником, «пре-

бысть в чернечьстве даже и до 40-ть лет»; а в качестве наследника и наместника «Алексий пребысть епископом 3 лета или четыри». Митяй же, прежде чем стать архимандритом, монахом не был вовсе; «пребысть Митяй в архимандритехъ яко две лете», а епископом совсем не стал. Алексея ввиду его скромности «нужею возведоша... на старейшиньство»; Митяя же ведут в церковь на пострижение и для поставления в архимандриты «акы нужею», т. е. словно, якобы насильно, — скромность разыгрывается. Алексей «добродетелнаго ради жития его честен бысть и славим всеми и любим мнозими». О Митяе же сказано, что «бысть на нем зазор от всех человек, и мнози негодоваху о сем»; ясно также, что его боялись («ни един же от них дерзну рещи супротив Митяю»). Алексея князь Симеон Иванович возвысил «за премногую его добродетель», Митяя князь Дмитрий Иванович — за внешние качества. Алексей действует «общим съветом и думою всех людей, избранием князя великаго Ивана Ивановича, боле же рещи изволением божиим», Митяй — только волей великого князя и собственной дерзостью. Путешествуя в Константинополь, Алексей «божиим поспешением в малых днех путное шествие преходит, елико по суху бес пакости преиде и елико по водам без беды плытие, морскую пучину преплывая»; Митяй же «разболеся в корабли и умре на мори» («пучину морьскую преплавающим»), и затем даже корабль с его телом задерживается. Контраст распространяется далее на Пимена: Алексей «митрополитом на Русь поставляется рукама божия святителя святейшаго и блаженнаго архиепископа Костянтинаграда, Новаго Рима, вселеньскаго патриарха Филофиа и елико с ним служивших тогда пресвященных митрополит и боголюбивых епископ и всех священник, бывших тогда в честнем том сборе»; Пимена же поставляет продажный собор обманутого патриарха Нила, который здесь же и по имени назван. Алексей «пребысть в святительстве и в учительстве долгоденьствуя многа лета», а Митяй оказывается мертв, не достигнув святительства, Пимен же, и достигнув, попадает в ссылку.

Сообщив о смерти митрополита Алексея, автор повторяет — и тем самым подчеркивает — как раз то, что больше всего контрастирует в биографиях Алексея и Митяя: митрополит Алексей «добре упасе порученое ему стадо Христово, добре предержав церковнаа преставлениа, ибо в черньци пострижен 20-ти лет, а в чернечьстве поживе 40-те лет, а в митрополиты поставлен бысть 60-те лет...».

Умышленно или нет проведена эта невыгодная для Митяя и Пимена параллель с жизнью митрополита Алексея?

Киприан не мог быть автором рассказа «О Алексеи митрополите»: он ни в коем случае не написал бы о том, что митрополит Феогност и великий князь Симеон Иванович сами выбрали наследника митрополичьему престолу; как мы видели, единственное, что Киприан опустил в своей редакции Жития митрополита Петра по сравнению с первоначальной, — это факт «воименова-

ния» Петром наследника на митрополию. Стиль рассказа не схож с гораздо более эмоциональным стилем киприановского Жития и тем более со стилем его посланий. Выше мы отмечали факт различий в лексике между повествованиями об Алексее и Митяе, с одной стороны, и Житием митрополита Петра — с другой. В Житии есть грецизмы (о них — ниже), в рассказе их нет. Киприан называет Феогноста правильно, в рассказе же его имя по-русски искажено: «Фегнаст». Язык и стиль рассказа «О Алексеи митрополите» ничем не отличаются от языка и стиля погодных летописных статей. Например, к обороту с двумя отрицаниями («не») и противопоставлением («но») — «Князь же великий никако же *не* сотвори того, *не* въсхоте положити его кроме церкви, таковаго господина честна святителя, *но* в церкви близ олтаря положи его с многою честию» — легко найти аналогии в погодных статьях: «Князь же Олег *не* приготовился бе и *не* ста противу их на бои, *но* выбежал из своея земли...» (6886 г., — 1378 г.), «Князь Трубческый Дмитрий Олгердович *не* стал на бой, ни поднял рукы противу князя великаго и *не* биася, *но* выйде из града с княгинею своею...» (6887 г., — 1379 г.).

Очевидно, рассказ этот писал русский человек, может быть сам летописец.

Когда он его писал? Видно, что не сразу после смерти митрополита и похорон, но спустя какое-то значительное время, позволившее написать «иде же есть и д о н ы н е гроб его». Однако время это не могло быть слишком длительным, так как сцена похорон — самая большая во всем рассказе — написана хотя и вполне этикетно, но сравнительно подробно: автор не забыл неисполненного повеления митрополита Алексея положить его вне церкви, за алтарем, назвал стоявших над гробом князей и детей-княжичей, причем указал, по скольку им было в то время лет; о Василии Дмитриевиче он написал: «Князь же Василий... еще тогда младо детище сый...». Стало быть, когда писался рассказ, князь Василий уже не был «младым детищем». Похоже, что рассказ этот написан примерно в одно время с Повестью о Митяе. Написан он был, конечно, для летописи, для того именно, чтобы после сообщения о смерти митрополита поместить краткий похвальный очерк его церковного пути. Но вот что странно: при всей «растворенности» автора в фактах, при внешнем стремлении изложить лишь фактические сведения, сопроводив их самыми общими похвалами, именно эти сведения об Алексее оказываются в рассказе неточными, расплывчатыми, далеко не полными, написанными как будто по припоминанию, словно для самого автора, скрупулезного в иных вопросах (список епископов), они были не очень важными, не самыми важными. Возраст Алексея в момент пострижения он дает приблизительно: «я к о 20-ти лет сый»; время епископства — тоже: «И тако Алексий пребысть епископом 3 лета или четыри»; о времени пребывания Алексея в Константинополе говорит: «И н е д о л г о в р е м е н н о по поставлении пребыв, от-

пущаеться...»; о второй поездке митрополита Алексея в патриархию совсем забывает; равным образом забывает и о поездке в Литву; время управления Алексеем митрополией не называет: «И пребысть в святительстве и в учительстве долгоденьствуя многа лета»; ограничивается названием лишь одного основанного митрополитом Алексеем монастыря, но не забывает сказать, что монастырь этот был основан им как общежительный и получил от него «вся елико довлеет на потребу монастыреви»: «многа же села, и домы, и люди, и езера, и нивы, и пажити».

Этот недостаток, неточность фактических сведений, заметил, видимо, и сам автор и, наведя справки, вставил в свой рассказ между смертью митрополита и его похоронами — сводку с более точным указанием крупных периодов его жизни: «Добре упасе порученое ему стадо Христово, добре предръжав церковнаа преставлениа, ибо в черньци постригся 20-ти лет, а в чернечьстве поживе 40-те лет, а в митрополиты поставлен бысть 60-те лет, а пребысть в митрополитех 24 лета, и бысть всех дней и житиа его лет 85». Я думаю, что вставку эту сделал сам автор рассказа, потому что с ее помощью подчеркивается именно то, благодаря чему полнота и точность фактов оказались сначала не самым для автора важным, т. е. что Алексей потому именно оказался хорошим пастырем и хорошо соблюл церковные установления, что долгое время был монахом и дошел до митрополичьего престола постепенно, не перепрыгивая через иерархические ступени. А в этом и заключается коренное отличие пути Алексея от пути Митяя. Оценка деятельности митрополита Алексея в целом дана; оценки же деятельности наместника Митяя в Повести нет. Но при сопоставлении Повести с рассказом, какова эта невысказанная оценка, догадаться нетрудно. Особенности же рассказа «О Алексеи митрополите» получают свое объяснение при сопоставлении его с Повестью о Митяе. На этом основании я полагаю, что рассказ «О Алексеи митрополите» и первоначальная основа Повести — произведения в некоторых отношениях парные, написанные для летописи примерно в одно время одним и тем же человеком, умышленно постаравшимся сопоставить контрастирующие фигуры митрополита Алексея и его «наследника», Михаила-Митяя.

Но даже если стать на другую точку зрения, т. е. что основа Повести о Митяе была написана позже, чем рассказ о митрополите Алексее, и другим человеком, все равно трудно предположить, чтобы от взгляда человека XIV в., автора основы Повести, мог ускользнуть тот эффект, который не ускользнул от нашего, постороннего взгляда.

Элементы симметричные с элементами рассказа встречаются также и во вступлении Повести о Митяе, которое мы, вслед за Пл. Соколовым, в целом атрибутировали Киприану. Казалось бы, что «бысть» на Митяе «зазор от всех человек и мнози негодоваху о сем, и священници неключимоваху о нем», должен

был написать сам пристрастный Киприан, равно как и следующее за этим объяснение, почему так «бысть». Но сообщение это оказывается схожим с известием рассказа о том, что Алексей «честен бысть и славим всеми и любим многими, паче же и сам князь великий Семеон Иванович, купно же и Фегнаст митрополит, зело възлюбиша его». И тут и там диапазон внимания на миг расширяется до того, что захватывает «всех» и обобщенно показывает нам среду, общественное мнение, затем диапазон сужается («мнози» — «многими») и еще раз сужается («священници» — «князь великий Семеон Иванович купно же и Фегнаст митрополит»). Контуры одни. Но краски разные. Если бы Киприан коснулся рассказа «О Алексеи митрополите», он бы, конечно, убрал оттуда эпизод с «назнаменанием» наследника. Остается думать, что рассмотренное нами сообщение принадлежит русскому автору основы Повести и лишь сохранено Киприаном в его вступлении.

В какой-то мере и характеристика Митяя имеет свое соответствие в рассказе «О Алексеи митрополите». Но там Алексей нигде не характеризуется специально; характеристики митрополита Алексея как особой композиционной единицы нет; это делается лишь по ходу рассказа от его рождения до похорон — попутно. Да и добродетелям Алексея соответствуют не какие-то контрастирующие черты портрета Митяя; «симметричной» оказывается лишь пустота; правда, от этого она определенным образом окрашивается. Но пустота эта ощущается как пустота среди литературных портретов средневековья вообще.[2] И потому я не могу, как в предыдущем случае, быть уверенным, что портрет Митяя написан русским автором основы Повести.

Глава 7

ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ

Прямо злодеем в Повести никто не назван. Но скрытую тенденциозность, как мы видели, имеет уже сама манера ее изложения. Тенденциозен также и подбор материала.

Мы знаем, что событий, имеющих прямое отношение к русскому митрополичьему престолу и к истории Митяя, было на деле больше, чем упомянуто в Повести. Самое главное, что опущено, — поставление в русские митрополиты Киприана и отчаянные его попытки водвориться в Москве. Киприан появляется в Повести близко к ее концу, почти как deus ex machina. Соответствующие

---

[2] Лишь в литературе XVII в. внешность человека перестает прямо соответствовать его характеру. См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 21.

погодные статьи летописи далеко не восполняют этого пропуска, так что читатель может и не вспомнить о борьбе московского великого князя со ставленником патриарха Филофея. Этот пропуск понятен, если мы принимаем во внимание время окончательного оформления Повести, причастность к этому делу Киприана и учитываем, что ее возможным читателем или слушателем мог быть сам великий князь Дмитрий Иванович Донской: в интересы Киприана осенью 1382 г. никак не входило напоминать московскому князю о том, что было между ними прежде.

Не случаен в Повести и эпизод пострижения Митяя. Во времена, когда высшие церковные должности стали замещаться исключительно монахами, этот эпизод показывал, что Михаил-Митяй — монах не настоящий, что он для того только и пострижен был, чтобы занять высший в России церковный престол.

Не зря в сцене ссоры Митяя с Дионисием, где Дионисий не признает наместнической власти Митяя и называет его попом (т. е. по церковному сану, который тот имел и до пострижения), Митяю вложена в уста угроза расправиться с Дионисием в будущем, когда он станет митрополитом: «Ты мя попом нарече, а аз в тобе ни попа не доспею, а скрижали твои своима рукама спорю. Но не ныне мъщу себе, но пожди, егда прииду от Царяграда». Благодаря этим словам мы видим, сколь легкомысленно и самонадеянно рассчитывал Митяй на будущее, которое для него так и не наступило.

Почти все эпизоды, касающиеся Митяя, — это ряд его «дерзостей». Вот он «устремляется» «на преболший сан», «на превысокый степень стареишинства»; затем «въсхоте поставитися в епископы»; когда же увидел «себе осрамлена», он слишком самонадеянно пообещал Дионисию отомстить; а после бегства Дионисия он еще большее «дрързновение стяжа» и вскоре затем «дрързну Митяй просити паче силы прошениа» — чистых харатий...

Очень немного сказано в Повести о встрече Митяя с Мамаем: «и немного удржан быв и пакы отъпущен бысть». Автор сдержанно напоминает об обстоятельствах номинальной капитуляции Руси перед Мамаем, теперь уже разбитым Дмитрием Донским.

Что же касается Пимена, то хотя никаких определений ни его, ни его действий в Повести нет, самой историей его поставления в митрополиты — историей обмана, подлога и подкупа — она компрометирует его не меньше, чем покойного Митяя.

Ясно, что будь автор этих записей сторонником Митяя или Пимена, сторонником выделения великорусской митрополии, он не написал бы **такого** ряда эпизодов.

Кажется не случайным и подбор эпизодов, показывающих нам людей, противящихся продвижению к митрополичьему престолу Митяя и Пимена. Дионисий Суздальский, как мы знаем и знали современники, был одним из начинателей и вождей монашеского движения на Руси. Иван Петровский, — «пръвый общему житию началник на Москве», т. е. опять-таки один из инициаторов

того же движения — «пръвый общему житию началник», организатор первого монашеского общежития в Москве. Стоит вспомнить, что в рассказе «О Алексеи митрополите» специально отмечено обещание митрополита основанному им моныстырю «быти общему житию, еже есть и до сего дне». Единственными противниками Митяя и бояр оказываются, таким образом, два человека из одной — той же, что и митрополит Алексей, — монашеской «партии». Читателю Повести не оставлено возможности не сделать этого обобщения, в ее начале сказано: Митяй «нача воружатися на мнихы и на игумены». Конечно, такое именно размежевание, судя по всему, было и в действительности, но в данном случае важно то, что автор захотел эту действительность отразить. Если монахи пользовались авторитетом в тогдашнем обществе, то на их противников тем самым ложилась тень. И наоборот: поскольку противников монахов Повесть выставляет в неблагоприятном для них свете, монахи в целом по контрасту выигрывают.

Глава 8

НАСМЕШКИ

В характеристике-портрете Митяя насмешку нам приходилось «рассчитывать», сопоставляя то, что сказано, с тем, что не досказано. После же эпизода пострижения Митяя в монахи на фоне внешне беспристрастного изложения звучит вдруг откровенно издевательское замечание: «И ту бяше видети дива плъно: иже до обеда белець сый, а по обеде архимандрит; иже до обеда белець сый и мирянин, а по обеде мнихом началник и старцем старейшина, и наставник, и учитель, и вожь, и пастух!».

В. Л. Комарович, кажется, единственный из исследователей, кто отметил насмешливую интонацию в Повести: ее «публицистическая тенденция, — пишет он, — скрыта приемом литературной пародии. Митяй (кандидат великого князя), в недавнем прошлом мирянин, затем поп и вскоре кандидат на митрополию, изображен в виде сказочного попа Иоанна Сказания об Индийском царстве («до обеда поп, а по обеде царь»)... По-видимому, этот памфлет сочинен не без участия соперника Митяя — митрополита Киприана».[1]

[1] История русской литературы, т. 2, ч. 1. М.—Л., 1945, с. 226—227; Комарович В. Л. Из наблюдений..., с. 52. — Что же касается Сказания об Индийском царстве, то это греческое литературное произведение было уже известно на Руси, будучи, по мнению исследователей, переведено в XIII или XIV в.; см.: Баталин М. Сказание об Индийском царстве. Воронеж, 1876; Истрин В. М. Сказание об Индийском царстве. —

Сопоставление Митяя с попом-царем Иоанном остроумно и тонко: тут и внезапность, и обратимость метаморфозы, и «царственность» характера... Я хочу отметить еще одну очевидную здесь литературную параллель. Автор иронического замечания пользуется выражением и стилем агиографических похвальных словес: «мнихом началник, и старцем старейшина и наставник, и учитель, и вожь, и пастух» (ср. в Похвале Сергию Радонежскому: «...отцемь отець, и учителем учитель, наказатель вождем, пастырем пастырь, игуменом наставник, мнихомь начальник... сущий въждь...»).[2] А насмешка здесь точно такого же рода, как в Киприановом Житии митрополита Петра над Геронтием, когда тот дерзает завладеть митрополичьими атрибутами: «...подъемлет убо подвигы: приемлет же и святительскую одежу и утварь...». И здесь и там для насмешки использованы средства литературной иконописи. Эта двуплановость (буквальный смысл текста остро контрастирует с реальным смыслом, подтекстом) — очередное нарушение закона цельности изображения. Как и В. Л. Комаровичу, в замечании по поводу пострижения Митяя мне слышится интонация самого Киприана, человека изощренной книжной культуры, умеющего быть и резким, и насмешливым.

С Киприаном это замечание связывается и по другому признаку. В Житии Петра он всячески подчеркивает необходимость длительной монашеской, общежительно-монастырской подготовки для будущих святителей. Даже восхваляемому им герою, от рождения предназначенному свыше к святительству, оказалось необходимым «прежде пройти вся степени, и потом на учительском седалищи посадитися». Связь между этой темой Жития и этим замечанием о Митяе усмотрел уже Л. А. Дмитриев.[3]

Начитанность «комментатора» в церковной литературе сказывается и в ироническом замечании, сопровождающем длинный перечень членов русского посольства, — «И бысть их полк велик зело» (это цитата из Книги Бытия, 50, 9), и в замечании по поводу подкупа русскими послами греков — «Яко же рече Охтоик: Но сбор пустошных испълни мъздою десницю их». Если рассматривать Повесть и это последнее замечание изолированно, то может показаться, что здесь проявляется презрительное отношение к патриархии и к грекам вообще. Но, во-первых, в Повести говорится о соборе совершенно конкретного и прямо названного там патриарха — патриарха Нила. Он стоял у церковного кормила во все время создания Повести и еще семь лет после этого. Во-

---

Изв. по русскому языку и словесности АН СССР, 1930, т. 3, кн. 2, с. 369—464.

[2] Житие преп. Сергия Чудотворца. Сообщил архим. Леонид. СПб., 1885, с. 148—149.

[3] Дмитриев Л. А. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы. (К русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.). — ТОДРЛ, т. XIX. Л., 1963, с. 243.

вторых, отношение к патриарху Филофею и его собору, высказанное русским чуть выше, в рассказе «О Алексеи митрополите», весьма пиетично. Так что «сфера действия» замечания Повести весьма четко ограничивается патриархом Нилом.

Митрополита Киприана разделяли с этим патриархом, отступившим от политики Филофея, рукоположившим в великорусские митрополиты Пимена, а его, Киприана, лишившим звания митрополита всея Руси, старые константинопольские счеты. Скомпрометировать решения собора 1830 г. Киприан старался уже в своей редакции Жития митрополита Петра. «Датировка жития 1381 г. объясняет, почему Киприан в своем похвальном слове так много внимания уделяет восхвалению святости, богоизбранности и церковных заслуг „дивного“ Филофея, рукоположившего Киприана в митрополиты, и так много говорит о неустроениях и беспорядках в патриархии после Филофея. Рассказом об этих событиях Киприан опорочивает законность решений собора 1380 г., не называя при этом имени Пимена» [4] и, добавим, имени патриарха Нила.

Помимо старых счетов, настраивали митрополита Киприана осенью 1382 г. против этого патриарха насущнейшие интересы текущего момента — стремление удержаться на кафедре в Москве: как раз в это время из Константинополя к великому князю Дмитрию Донскому приходили грамоты с настоятельными просьбами изгнать Киприана, митрополита литовского, и принять Пимена, митрополита великорусского. Киприану в целях самообороны надо было скомпрометировать тех, кто посылал эти грамоты. Так что и это замечание тяготеет к Киприану. По-видимому, и оно должно звучать с насмешливой интонацией.

Насмешка явственно звучит также в эпизоде «замятни» и «разгласия» среди русских послов: «смятоша бо ся, яко же пишет: возмятошася и въсколебашася, яко пиании, и вся мудрость их поглощена бысть». «Пишет» — Давид-псалмовец: фраза взята из Псалтири.[5]

Также и в эпизоде наложения рук на Ивана, архимандрита Петровского, ясно раздается голос «комментатора». В этом месте ему изменяет насмешливая сдержанность, и у него срывается возмущенное восклицание: «Ивана, Петровского архимандрита, московьскаго киновиарха, началника общему житию! Сковаша нозе его в железа, смириша в оковах нозе его, понеже не единомудрьствует с Пумином». «Смириша в оковах нозе его» — цитата из Псалтири.[6] Информации во фразах этого восклицания нет: выше, при перечислении состава посольства, об Иване сказано, что «се бысть прьвый общему житию началник на Москве»; перед самым восклицанием сообщается, что «посадиша его в железа».

---

[4] Дмитриев Л. А. Роль и значение..., с. 251.
[5] См.: Псалом 106, 27.
[6] Псалом 104, 18.

Так что значима в этих фразах лишь интонация. Видно, что их автора возмущает в первую очередь то, что так обошлись с киновиархом, главой монашеского общежития. «Голос», таким образом, и здесь оказывается принадлежащим человеку, начитанному в церковной литературе и сочувствующему монахам-киновитам, молчальникам. Своей направленностью это замечание в равной степени совпадает и с «партийной» заинтересованностью Киприана, и с тенденцией манеры изложения и подборки эпизодов в основной части Повести. Может быть, все же Киприан, известный нам публицист и человек, выросший на Балканах в эпоху страстных споров, более вероятный автор и этого замечания «с направлением». Отметим, что в рассказе «О Алексеи митрополите» замечаний нет вовсе.

Обратим внимание и на распределение замечаний в Повести. Лишь одно из них, по поводу пострижения и поставления в архимандриты Митяя, находится в первой половине Повести, остальные же все — там, где говорится о русском посольстве, его деятельности в Константинополе и о Пимене, т. е. о том именно, что особенно сильно должно было волновать Киприана.

Глава 9

МОТИВИРОВКИ

Летопись не требует мотивировок. Подавляющее большинство известий существует там как бы изолированно друг от друга, «корпускулярно». Рассказ же или повесть должны, чтобы изложение было связным, хоть как-то объяснять происходящее. Слова «того ради», «понеже» встречаются в Повести о Митяе четыре раза (т. е. гораздо чаще, чем в летописных погодных статьях). Объяснения дела какими-то «внешними», уводящими за рамки повествования целями и причинами в Повести нет и быть, конечно, — по условиям поэтики того времени — не может. Добро и Зло при отсутствии откровенного деления персонажей на плохих и хороших в качестве открыто действующих сил тоже исключаются. Когда причина действия выходит за рамки повествования, остается один способ мотивировать его — волей, свободной, т. е. ничем и ни с чем не связанной волей («въсхоте», «не въсхоте»). Так, пострижение Митяя мотивировано тем, что «сего въсхоте князь великий сотворити архимандрита у Спаса»; «поставитися в епископы на Руси» Митяй просто «въсхоте»; русские послы в Константинополе решают найти замену Митяю тоже без всяких объяснений.

Необходимость связывать, мотивировать события имеет обя-

зательным следствием показ соотношения персонажей. «Волевая» же мотивировка предполагает их иерархическое размещение. В Повести такое размещение есть. Оно имеет как бы два уровня: неизменный верхний и переменный нижний. В верхнем — митрополичий престол и князь; в нижнем — Митяй, бояре, Пимен и др. Основная инициатива, инициатива «перводвигателя» исходит от князя. При этом, естественно, на него ложится и ответственность за происходящее. Потому, чтобы виновными в совершенных преступлениях оказались сами послы, а не князь, автор не мотивирует их поведение, отчего получается, что инициатива из верхнего уровня переходит в нижний и послы, в соответствии с официальной версией, оказываются сами ответственными за свои поступки, виновными.

Что касается Митяя, то видно, что и здесь авторы потрудились в том же направлении. Так, например, инициатива займа (эпизод с выдачей чистых харатий) целиком приписана одному Митяю («дрьзну... просити паче силы прошения... И дал князь великий...»). Князь по-прежнему остается в верхнем уровне, но бо́льшая часть ответственности перекладывается на Митяя. В подобных стараниях авторы встретились, конечно, с большими трудностями, чем в случае с послами, и следом этого является некоторая двойственность мотивировки возвышения Митяя. В основной части Повести прямо говорится, что Митяй «покинул архимандритью по великаго князя слову и на преболший сан устремися». Такая прямолинейность, видимо, не устроила Киприана, и он в своем начале постарался показать это событие иначе, в соответствии с той его трактовкой, какую он недавно дал в Житии митрополита Петра: Митяй «в весь сан митрополичь сам ся постави», «сам дрьзнул на таковый превысокий степень». Совершенно убрать инициативу князя здесь, конечно, возможности не было, но иначе расставить акценты удалось. Оставался, однако, открытым другой путь рассуждения, который мог бы свести эту переакцентировку на нет: а чего ради князь перед этим возвышал Митяя, разве не ясно, что он готовил его в преемники митрополиту Алексею? А чего ради он это делал? Объяснения решению князя «сотворити» Митяя «архимандрита у Спаса» в Повести нет, но есть объяснение предшествующему его решению, с которого и начинается вся карьера Митяя, — изволению сделать его духовником и печатником. Это — характеристика Митяя, которой мы выше особо занимались. Поскольку после нее никаких мотивировок княжеской воли нет, она в какой-то степени сохраняет свою «деловую», объяснительную функцию на протяжении всей истории Митяя. Получается, что благодаря своим качествам Митяй стал влиять на решения князя и тем самым часть инициативы (и, следовательно, ответственности) перекладывается с князя на него. В середине Повести помещена фраза, которая усиливает это впечатление: «Князь же великий зело любяше Митяя и чтяше и, и в сласть послушаше его». Та-

ким образом, характеристика Митяя закрывает в истории его возвышения ту брешь, которая иначе образовалась бы вследствие умолчания о Киприане и связанных с ним перспективах русской церковной жизни.

Но, может быть, Дмитрий Иванович действительно любил Митяя и потому хотел видеть митрополитом его, а не Киприана, и вовсе не думал о внутренней цельности и непротиворечивости своей политики, в том числе и церковной? В таком случае об этом обязательно думал бы кто-нибудь из его советников — при нем и за него. Имена подобных думающих советников история обычно сохраняет. Полагаю, что она сохранила имя и на этот раз. Князь Дмитрий Иванович, наверное, и чисто по-человечески был привязан к осуществителю его замыслов и советнику — Михаилу-Митяю. Нашего восприятия Повести это не меняет. Более того, это только облегчило бы старание авторов не бросать прямых упреков великому князю, но показать ему, что путь, которым благодаря его понятным и простительным человеческим слабостям шли персонажи «нижнего уровня», ни к чему хорошему не приводит. Конец Повести (возвращение Пимена из ссылки — привязка к настоящему моменту) заставляет думать, что цель этого показа — предостережение.

Глава 10

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Киприан смел открыто вмешиваться в круг княжеских решений, спорить с князем, советовать князю. Так, в 1378 г. во втором своем послании, рассчитанном и на князя, он писал, как следовало бы тому поступить: «годилося князю великому нас с радостию прияти, занеже в том болша ему честь». В 1381 г., утвердившись в Москве, в похвальном слове митрополиту Петру он объяснял по сути дела князю, какими должны быть его отношения с властью духовной. Теперь, осенью 1382 г., он предостерегал князя от готового состояться решения сменить митрополита. Решение это назревало, но еще произнесено не было; потому прибегать, как в 1378 г., к проклятию и отлучению, призывать силу небес на голову князя и тем самым неизбежно первым порывать с ним было нельзя.

Какими же средствами воспользовался Киприан? Прежде всего, конечно, насмешкой над своими конкурентами. Она, как мы видели, звучит и приглушенно, и прямо; но, кроме того, и вся Повесть целиком — с фигурой чрезмерно дерзающего Митяя, преступными приемами проведения в митрополиты Пимена и продажным собором патриарха Нила — производит впечатление

весьма заостренного памфлета. Картинки «нижнего уровня», сопровождаемые иногда замечаниями и восклицаниями «показывающего», проходят перед глазами зрителя-князя, и он видит, как он сам в качестве персонажа «верхнего уровня» вынужден отказаться от прежних желаний и пригласить на митрополичий престол Киприана.

Откуда же берется Киприан? Он незримо, так, чтобы не почувствовалось, что его с князем великим что-то разделяло, присутствовал в верхнем уровне Повести с самого ее начала. Его присутствие угадывалось по словам, вложенным в уста умирающего митрополита Алексея, о том, что митрополичий престол дают «бог и святая Богородица и пресвященный патриарх и вселеньскый збор», а не его, митрополита, благословение; оно стало ощутимо после ответа русским послам царя и патриарха: «а есть на Руси готов митрополит Киприан, его же преже давно поставил есть пресвященный Филофей патриарх»; и наконец, после княжеского решения, торжественно, под звон колоколов Киприан предстает перед нами в «верхнем уровне», рядом с князем, под приветствия «снизу» жителей града Москвы занимая митрополичий престол. Таким способом Повесть своеобразно, прикровенно показывает историю отношений великого князя Дмитрия Ивановича с митрополитом Киприаном, — ту же историю, что на разных своих стадиях отразилась в посланиях Киприана к игуменам Сергию и Феодору и в Житии митрополита Петра, — и показывает так, чтобы нужная Киприану осенью 1382 г. часть ее была ясно видна, а другая, ненужная, тонула в тени и заслонялась насмешливым рассказом про Митяя и про Пимена. Таким образом, Повесть «двуслойна»: «наружный» сюжет — история преступления и наказания конкурентов — вуалирует более глубокий конфликт: конфликт князя и Киприана, государства и церкви. Но вуаль эта не непроницаема, а в счастливом исходе конфликта она падает, являя нам идеальную картину наступившего мира и согласия между светским и духовным правителями: «Князь же великий Дмитрей Иванович прия его с великою честию и со многою верою и любовию».

Что же определило благоприятное для Киприана решение князя, что заставило его покончить с завуалированным в Повести конфликтом? Неужели событие «нижнего уровня», «наружного» сюжета — случайная смерть Митяя? Неужели успех Киприана, столь эффектно поданный, случаен?

За четыре с лишним года до того, в июне 1378 г., оскорбленный Киприан прямо указывал Дмитрию Ивановичу на надмирную силу, которую тот обратил против себя: он проклинал его «от благодати, даныя ми от пресвятыя и живоначалныя Троица, по правилом святых отець и божественых апостол». А годом ранее, в 1381 г., то же самое решение князя, трактовка которого в Повести о Митяе занимает нас сейчас, он объяснял как результат его, Киприана, молитв к святому митрополиту Петру: «мо-

литвою чудотворца» на небесах, «божиим поспешением и угодника его Петра чудотворца» Киприан, он пишет, выздоровел, «море преидох и Рускиа земля доидох», «внегда убо приат нас с радостию и честию великою благоверный великий князь всея Руси Дмитрей...».

Смерть Митяя в Повести загадочна. Но есть в ней как бы объяснительный намек: «Неции же поведаша, яко корабль тъй (с мертвым Митяем на борту, — *Г. П.*) стояше на едином месте и не поступаа с места ни тамо, ни семо, а инии мнози корабли плаваху мимо его, минующе семо и овамо». Один корабль стоит с мертвецом среди моря, а другие свободно плавают туда и сюда... Не чудо ли это? Не чудесна ли тогда и сама смерть Митяя?

Допустим, князь уже знал о генуэзско-византийской войне и об обстановке, какую застало судно с посольством в царьградских водах, — знал, так сказать, естественную причину задержки Митяева корабля. Но ведь можно задуматься и о причине причины. Князь знал, наверное, и пророчество Сергия Радонежского о Митяе, по рассказу «О Алексеи митрополите» знал, что Алексей плавал к патриарху, охраняемый «божиим поспешением», а по Житию митрополита Петра — что Геронтий тоже был чудесным образом задержан в море на его пути в Константинополь («...Геронтиеви злополучно некаково плавание случися: буря бо велика вь мори воздвижеся, и съпротивьнии ветри от носа кораблеви опрешася и нужу велику кораблеви творяху, и волны великы двизахуся. Петрову же кораблю тих некый и хладен, яко же зефир, и пособен ветр бысть, и яко же во сне море прешедшу, к стенам Константинаграда прелетевьше. Геронтиеви же в печали сущу...»).

А если смерть Митяя и задержка его корабля — не случайность, но результат вмешательства сверхъестественных сил, то и решение князя принять митрополитом Киприана — следствие этого вмешательства. Завуалированный, но ощутимый конфликт с князем разрешает завуалированно же, но ощутимо действующая в пользу Киприана божественная сила.

В конце Повести, как и в ее начале, ничего не говорится о том, что князя с митрополитом что-то разделяет. В последней сцене как будто нет ни князя, ни митрополита. Зритель видит только Пимена, ведомого из ссылки какой-то земной силой («от Чюхолмы веден бысть на Тферь»), и слышит замечание, дающее почувствовать, как в начале Повести и в сцене смерти Митяя, присутствие силы божественной: «Господня есть земля и конци ея». Если не знать ситуации осени 1382 г., можно не увидеть в этой искусно сделанной сцене завязки нового сюжета, по расстановке сил подобного сюжету истории с Митяем. На отмеченную нами недоговоренность, может быть, указывает и сам автор в начале следующей фразы: «До сде скратим слово...». Великий князь знал ситуацию осени 1382 г. лучше кого бы то ни

было, и по последней скупой сцене с замечанием он должен был, по моему мнению о замысле автора, не только понять завязку нового сюжета, но и предугадать его развязку. Киприан не угрожал князю, он осторожно его предостерегал.

Глава 11

ЖАНР

Мы можем теперь представить себе, как создавалась Повесть о Митяе.

Некий грамотей из митрополичьей канцелярии, причастный к летописанию, решил вскоре после проводов Митяя в Константинополь (лето 1379 г.) зафиксировать происходящее. Сначала он по припоминанию обрисовал церковный путь митрополита Алексея, продуманно расставив акценты. Затем — в параллель к нему — описал путь к митрополичьему престолу наместника Митяя. Поскольку от такого сравнения Митяй проигрывает совершенно явно, можно думать, что неведомый нам автор, — если только он не был таким смелым человеком, как Дионисий, — взялся за перо не раньше крутого поворота политики в пользу монахов-молчальников (осень 1379 г.), а может быть, и не раньше получения известия о смерти Митяя.

При Киприане и под его влиянием по возвращении из Константинополя посольства (декабрь 1381 г.) со слов его участников записки были продолжены.

Осенью 1382 г., когда Киприану стало грозить изгнание, он положил эти записки в основу очередного своего публицистического произведения, подобно тому, как раньше он использовал старый вариант Жития митрополита Петра.

Киприан переделал начало повествования о Митяе, сбив последовательность эпизодов, отчасти их повторив, добавил свои объяснения, формулы, намеки и этими средствами создал свою «завязку». Сопроводил некоторые эпизоды ироническими или возмущенными замечаниями — цитатами из священных книг. Кроме того, я склонен видеть руку Киприана в филигранной обработке последней сценки и замечании о принадлежности земли и ее концов.

Самая последняя фраза Повести (наверное, тоже Киприанова) представляет собой элемент обрамления, отделяющий повествование от окружающей его словесной среды, в данном случае от собственно летописи: «До сде скратим слово и скончаем беседу и о всех благодарим бога, яко тому слава в векы, аминь». Обращают на себя внимание два определения — «слово» и «беседа». Но к чему они относятся: к произведению, указывая на

его жанр, или к действию пишущего автора, ничего, так сказать, не знача?

Из «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» известно, что он был не очень грамотен — «книгам не научен сый добре», т. е., по всей вероятности, вовсе неграмотен. Написать о Митяе произведение, которое князь услышал бы в церкви, как, скажем, Житие митрополита Петра, не позволяла тема. Потому Киприан, если он желал довести до сознания князя свое предостережение, должен был искать иной путь.

Летописание — самый грандиозный из литературных жанров Древней Руси, всегда тяготевший к высоким престолам. Князья, митрополиты, архиепископы были первейшими заказчиками летописей. Не будь Дионисий Суздальский и «мних» Лаврентий уверены, что великий князь Дмитрий Константинович познакомится с новой версией Повести о Батыевом нашествии, они, конечно, не стали бы переделывать старый летописный рассказ. Трудно с уверенностью сказать, читал ли Дмитрий Константинович Лаврентьевскую летопись сам, своими глазами (думаю, что нет, так как заметные огрехи в оформлении переделанного места — вторжения в почерк Лаврентия почерка другого человека, а следом пробелы до конца страниц — могли бы его насторожить), но малограмотному Дмитрию Ивановичу Московскому определенно должны были читать вслух. Слушание князьями летописей являлось, по всей вероятности, своего рода церемонией, ритуалом. Потому-то, я думаю, Киприан и решил обратиться к князю именно через летопись. Повествование о Митяе стало как бы словом Киприана к великому князю, его с ним беседой.

«Слово», λόγος — известный жанр ораторской в основе прозы («речь»), переживший античность и едва ли не самый употребительный в средние века, — жанр чрезвычайно емкий. «Слово» может быть посланием (ἐπιστολή), проповедью,[1] может иметь полемическое (λόγος ἀντιῤῥητικός), хвалебное (λόγος ἐγκωμιαστικός), историческое (λόγος ἱστορικός) и любое другое содержание в зависимости от намерений авторов и потребностей жизни. Жития тоже, как правило, — «слова», их читали вслух в церкви и при монашеских трапезах.

На Руси сфера применения «слова» была у́же. Вследствие практического отсутствия здесь в XI—XIV вв. сколь-нибудь широких богословских и других общественно-литературных споров, «слово» служило главным образом целям торжественного красноречия и хвалы. Как пишет И. П. Еремин, «в подавляющем большинстве случаев древнерусские книжники термином „слово“ обозначали именно речи торжественного, эпидейктического типа в отличие от „поучений“: с термином „слово“ у них связывалось,

---

[1] См.: Kustas G. L. Studies in Byzantine Rhetoric. Θεσσαλονίκη, 1973, p. 60—62.

очевидно, представление о вполне определенном жанре. Ничего удивительного в этом нет: торжественное, эпидейктическое красноречие, церковное во всяком случае, уже в XI в. получило широкое развитие в литературе Киевской Руси».[2] Ряду древнерусских «слов» свойственна при этом жанровая нечеткость, расплывчатость.[3] Но здесь важно то, что все они более или менее приподнято-торжественны. Этот характер русские «слова» сохраняли и в интересующую нас эпоху («Слово о житии и учении святаго отца нашего Стефана, бывшаго в Перми епископа», «Слово похвално преподобному отцу нашему Сергию», «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго»). Насколько можно сейчас судить, наше «слово», Повесть о Митяе, не имеет на Руси предшественников со столь прозаическим, не торжественным характером церковно-политического памфлета. Это тоже говорит в пользу причастности к его оформлению самого Киприана.

Начало Повести, ее вступление, «завязка», резко отличающаяся от основной части, вполне соответствует требуемой жанром «слова» начальной композиционной единице — вступлению προοίμιον); основную, повествовательную часть Повести можно рассматривать как διήγησις — центральную, повествовательную часть «слова», а заключение — как эпилог (ἐπίλογος). Идущая от летописного стиля фрагментарность повествования вполне подходила для διήγησις «слова», будучи удобной для обязательного в «речи» комментирования. Эпизоды Повести и послужили опорой для эмоциональных замечаний «от автора».

На родство Повести о Митяе с ораторской прозой указывает и второе определение в эпилоге — «беседа», т. е. гомилия (ὁμιλία). На Руси беседой обычно называлась учительная, дидактическая разновидность красноречия.[4] В самой же Византии — и это сохраняется в современном греческом языке — термин λόγος стал почти равнозначен термину ὁμιλία. Но если говорить об оттенках, то и византийцев первый из них заставлял думать в первую очередь о чисто риторическом компоненте произведения, а второй — об этическом.[5] Так что второе определение подтверждает и, может быть, чуть-чуть дополняет первое, выставляя вперед назидательность как свойство Повести.

---

[2] Еремин И. П. Жанровая природа «Слова о полку Игореве». — В кн.: Еремин И. П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.—Л., 1966, с. 150—151.

[3] См.: Лихачев Д. С. 1) Жанр «Слова о полку Игореве». — Atti del convegno internazionale sul tema: La Poesie epica e la sua formazione. Roma, 1970, p. 318; 2) «Слово о полку Игореве» и процесс жанрообразования в XI—XIII вв. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 69—75; Рождественская М. В. О жанре «Слова на Лазарево воскресение». — Там же, с. 109—119.

[4] См.: Еремин И. П. Лекции по древней русской литературе. Л., 1968, с. 62.

[5] Kustas G. L. Studies in Byzantine Rhetoric, p. 62.

Таким образом, Киприан, слегка переработав записки неизвестного нам москвича, к одному качеству Повести прибавил другое: к особенностям летописной повести — особенности учительного ораторского произведения. В итоге Повесть приобрела двойную литературную природу: она сохранила фактографический характер летописного повествования, в ней сильно сказывается влияние делового, довольно сухого, «канцелярского» стиля и вместе с тем у нее появились черты эмоционально окрашенного ораторского «слова». В Повести есть следы живой речи, но влияния фольклора, устной народной литературы здесь нет совершенно. С обеих сторон Повесть о Митяе — плод книжной образованности. Точнее всего, мне представляется, определить ее как «историческое слово» (λόγος ἱστορικός). Отметим, кстати, что с этой жанровой разновидностью Киприан мог быть знаком по творчеству своего учителя, патриарха Филофея, автора «Исторического слова о совершенном латинянами разорении и пленении Гераклеи»,[6] причем это «слово» тоже служило целям самозащиты.[7]

Что же существенно новое привнесено Повестью о Митяе в русскую литературу? Смелость насмешки, возмущения, самостоятельного суждения, смелость показывать то, что князю выгодно было бы скрыть, смелость предостерегать правителя. Эта смелость станет свойством русской литературы.

В начале XV в., вскоре после смерти Киприана (1406 г.), появится новый замечательный сплав летописного рассказа, политического памфлета и ораторского «исторического слова» — Повесть о нашествии Едигея.[8] Прямо обращенная к «властодержцем» («таковым вещем да внимають»), она призывает их не доверять татарам, которые «никогда... истинно глаголють к христианом» и «ближняя от любви разлучають и усобную рать межи нас съставляють, и в той разности нашей сами в тайне покрадають нас», учит их быть бдительными («яко Русь не желателни суть на кровопролитие, но суть миролюбци, ожидающе правды») и слушаться «старцев» («Ибо красота граду есть старчество», «и богом почтено есть старчество» и т. д.).

*

В одной из летописей сказано: «В лето 6891 князь великый Дмитрей Иванович **выгна** Киприана митрополита. И бысть оттоле мятеж в митрополии».[9] В другой вместо «выгна» написано

[6] См.: Συλλογὴ 'Ελληνικῶν ἀνεκδότων. 'Επιστασίᾳ Κ. Τριανταφύλλη καὶ 'Α. Γραπποῦτου. Τόμος Α', Τεῦχος Α'. 'Εν Βενετίᾳ, 1874, σ. 1—23.

[7] См.: Прохоров Г. М. Филофей Коккин о пленении и освобождении гераклеотов. — ТОДРЛ, т. XXXIII (в печати).

[8] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 177—186.

[9] Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. — ПСРЛ, т. I, вып. 3. Изд. 2-е. Л., 1928, стб. 537.

«высла».[10] Так что на великого князя облеченное в литературную форму предостережение Киприана если и возымело какое-нибудь действие, то не настолько сильное, чтобы заставить отказаться от решения сменить митрополита. Однако на сей раз Киприан все-таки не был, как в 1378 г., грубо изгнан из Москвы (иначе он, конечно, написал бы об этом), и монашеская партия с его уходом не стала гонимой: Феодор Симоновский остался духовником великого князя, вернувшийся из Константинополя Дионисий Суздальский быстро восстановил добрые отношения с Дмитрием Донским, а Сергий Радонежский по-прежнему крестил новорожденных княжеских детей.

Осенью 1382 г. Киприан «съеха с Москвы в Киев», и «с ним вкупе» оказалось возможным уйти и ученику Сергия Радонежского Афанасию (игумену серпуховского общежительного монастыря на Высоком, основанного в 1374 г. перед «розмирием» с татарами). «Тое же осени» митрополит Великой Руси Пимен был переведен из Твери в Москву, и Дмитрий Донской «прия его с честию и с любовию на митрополию».[11]

Таким образом, осенью 1382 г. церковное деление Руси оказалось приведенным в соответствие с международным политическим: Галицкая Русь, захваченная Польшей, имела своего митрополита, Антония; западная Русь, подвластная Литве, — митрополита Киприана; Великая Русь, вновь подчиненная татарами, — митрополита Пимена.

---

[10] Насонов А. Н. Летописный свод XV века (по двум спискам). — В кн.: Материалы по истории СССР, II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, с. 306.

[11] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 147.

Часть третья

«МЯТЕЖ В МИТРОПОЛИИ»

Глава 1

ПОСЛАНИЕ «А҃ ИГУМЕНУ»

После изгнания из Москвы Киприан написал короткое послание или, лучше сказать, письмо, так как оно не преследует публицистических целей и «отличается, — как отметил уже Л. А. Дмитриев, — наиболее сильным личным чувством», «в нем проскальзывает чувство горести и усталости автора от той борьбы, которую ему приходилось вести за митрополичий престол».[1]

Спорным является вопрос, когда и для кого оно написано: оно не содержит ни даты, ни имени адресата, а обращено к «възлюбленному сыну моему а игумен[у] с всею еже о Христе братиею». Издатель посланий Киприана А. С. Павлов, из содержания письма установив, «что Киприан был уже раз призван в качестве московского митрополита, но что теперь опять изгнан из Москвы и, как прежде, намерен искать у патриарха суда с своим совместником», т. е. Пименом, — заключил, что «послание может быть отнесено к началу следующего 1383 года».[2] Что же касается адресата, то, по его мнению, послание «без особенной натяжки может быть отнесено к одному из двух знаменитых игуменов, Сергию или Феодору. Но что разуметь под буквою „а“ перед словом „игумен“? Если смотреть на эту букву как на начальную в скрытом имени игумена, то не означает ли она игумена Афанасия, к которому митрополит Киприан писал (позже) одно из известных своих посланий? В таком случае самое слово „игумен“ не есть ли пояснение, данное букве „а“ писцом?».[3]

Пл. Соколов возразил на это мнение: «...если письмо ... адресовано к Афанасию Серпуховскому, то оно не могло быть написано в 1383 г. В эту поездку Афанасий сопровождал Кип-

[1] Дмитриев Л. А. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы. (К русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.). — ТОДРЛ, т. XIX. Л., 1963, с. 230.

[2] Православный собеседник, Казань, 1860, ч. 2, с. 82—83.

[3] Там же, с. 105.

риана в Киев и, следовательно, последнему не для чего было писать ему письма». Сам Пл. Соколов отнес это письмо к 1378—1379 г., об адресате он высказался неопределенно: «следует отнести письмо Киприана к одному из сочувствовавших ему игуменов».[4]

На взгляд Л. А. Дмитриева, «по всей видимости, это письмо было написано Киприаном к человеку более близкому, чем Сергий и Феодор».[5]

Можно только удивляться, что букву «а» перед словом «игумен» никто не догадался прочесть как цифру «1»; получится — «1-игумен», т. е. «первоигумен» или «протоигумен». Скоро мы увидим, кого и почему так назвал Киприан.

*

О смерти Митяя и поставлении в митрополиты Пимена беглец Дионисий Суздальский узнал, очевидно, только уже в Константинополе. Там он был по крайней мере в 1381 г. (прислал в этом году оттуда на Русь две иконы). Но оказать, пользуясь близостью к патриархии, сколь-нибудь заметное влияние на русские церковные дела он смог не раньше 1382 г. Видимо, ему нелегко было добиться, чтобы его услышали и поняли. В конце концов аскетизм и образованность Дионисия произвели очень хорошее впечатление на греков,[6] и он все-таки объяснил патриарху, что поставление Пимена «есть зло для той церкви, ведущее к расколу, смуте и разделению, вместо того чтобы благоприятствовать согласию, миру и единению. Он утверждал еще, что грамоты и посольские речи о нем (Пимене, — *Г. П.*) — совершенная ложь и выдумка, и говорил, что несправедливо было бы признавать архиереем лицо, рукоположенное благодаря стольким неправдам. Это заставило и святого оного патриарха (Нила, — *Г. П.*) сказать ему, что если Пимен поставлен с помощью такой лжи и обмана, то справедливость требует, чтобы он был низложен».[7]

Самого Дионисия патриарх возвысил в сан архиепископа, чем сделал значительно более независимым от Пимена. Нижний Новгород и Городец, в обладании которыми, как жаловался Дионисий, его беспокоят митрополиты, были закреплены за его архиепископией, второй на Руси после архиепископии Великого Новгорода.[8] Кроме того, патриарх снабдил Дионисия грамотой в Псков против еретиков-стригольников, рекомендуя его псковичам как «мужа честна и благочестива, и добродетелна, и священных канонов известна хранителя»,[9] и поручил ему (во вся-

[4] Соколов Пл. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, с. 477—478.
[5] Дмитриев Л. А. Роль и значение. . ., с. 230.
[6] См.: РИБ, т. 6. СПб., 1880, № 23, стб. 199; см. также с. 68 наст. изд.
[7] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 209—212.
[8] РИБ, т. 6, № 23, стб. 199—204; там же, Прил., № 34, стб. 229—230.
[9] РИБ, т. 6, № 22, стб. 196.

ком случае так пишет сам Дионисий) утверждать в тамошних монастырях общежительный устав.[10] О еретиках патриарх узнал, скорее всего, от Дионисия. «Еще же вда ему патриарх и вселеньский сбор фелонь с четырми кресты, а стихарь с источникы. Еще же вынесе (Дионисий, — *Г. П.*) изо Царяграда страсти Спасовы и мощи многых святых».[11]

Беглец вернулся на Русь уже после нашествия Тохтамыша и изгнания Киприана, в конце 1382 г.[12] Пимен только недавно занял в Москве митрополичий престол. Но вопрос о русской митрополии не мог считаться решенным и теперь. Для князя, правда, этот вопрос не был уже принципиальным — речь могла идти лишь о той или иной личности великорусского митрополита. Пименом князь совсем не дорожил, возможно, опасаясь, что более сильное, чем он сам, влияние на него будут иметь сделавшие его митрополитом бояре. Пимен встретил, конечно, и много принципиальных противников — сторонников единой всероссийской церкви и Киприана. Этих людей князь рад был бы привлечь на свою сторону. Когда еще был жив митрополит Алексей и сразу после его смерти, Дмитрий Иванович, как мы помним, пытался это сделать, предлагая митрополичий престол Сергию Радонежскому. Тогда князь готов был пожертвовать любимцем Митяем; теперь с еще большей легкостью он мог пожертвовать нелюбимым Пименом. Было бы ради чего.

Энергичный и горячий Дионисий прибыл на Русь, полный, конечно, решимости продолжать борьбу. Теперь его удар был нацелен на Пимена. Он должен был известить князя, что патриарх готов низложить своего ставленника. Князь же не только не стал мстить архиепископу за былой обман,[13] но и предложил ему, как можно судить по дальнейшему, заместить собою того, против кого он воюет. Дело Киприана казалось безнадежно проигранным. Кто мог предвидеть, что столь могущественный Тохтамыш, подчинивший Русь, скоро будет разбит Тимуром и что немолодой Киприан надолго переживет молодого Дмитрия Ивановича! Не в характере Дионисия было выйти вдруг из борьбы и спокойно наблюдать торжество Пимена или какого-нибудь нового Митяя. И он, мне кажется, опять пошел на хитрость. Позже в патриар-

---

[10] Там же, № 24, стб. 205—206, 209.

[11] ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922, стб. 148.

[12] «Тое же зимы прииде изо Царяграда на Русскую землю Дионисий, епископ Суждальский, а в Суждаль приеха месяца генваря в 6 день. . .»; перед этим говорится о похоронах 1 января в Печерском нижегородском монастыре старца Павла Высокого, на которых присутствовал и Дионисий, — «яко и самому Дионисию прослезити по нем» (там же, стб. 147).

[13] В «Православном собеседнике» (1866, ч. 1, с. 239—250) находим «Повинное послание св. Дионисия, архиепископа суздальского, к великому князю Димитрию Ивановичу Донскому 1383 года», каковое, на мой взгляд, атрибутировано Дионисию Суздальскому никак быть не может. Я говорю об этом в Приложении I, где и печатаю это послание снова как написанное, по всей вероятности, Киприаном после прибытия в Москву в 1381 г.

хии охарактеризуют его деятельность в это время следующим образом: «...под видом исправления недугующей и бедствующей русской церкви (Дионисий, — *Г. П.*) коварно забирает в свои руки всю власть».[14] Без содействия великого князя это было бы, конечно, выше его сил.

В начале 1383 г. Дионисий посетил Нижний Новгород, Суздаль,[15] затем Великий Новгород. Из Новгорода Дионисий «по повелению» владыки Алексея «иде в Псков» утверждать «правоверную веру истинную крестьянскую», смущаемую «от злых человек, диаволом наущеных».[16] Псковскому Снетогорскому монастырю Дионисий дал грамоту о соблюдении правил иноческого общежития,[17] а самому городу Пскову — уставную грамоту «по чему ходити — как ли судити, или кого как казнити — да въписал и проклятье, кто иметь не по тому ходити», «проклятие и неблагословенье патриарше».[18] Эта грамота не дошла до нас, но о ней в 1395 г. слышал, отменял ее и просил послать к нему, чтобы лично ее разорвать (понятно, почему она не сохранилась), митрополит Киприан. По его словам, «Денисий владыка не свое дело делал», «въплелъся не во свое дело», — «то был суждальский владыка, а деял то в мятежное время, а патриарх ему того не приказал деяти».[19]

Летом 1383 г. («по Петрове дни»,[20] т. е. после 29 июня) Дионисий опять отправился в Византию. На этот раз уже не тайком от князя, а едва ли не как новый Митяй. Дионисий теперь во многом уподобился своему бывшему, ныне мертвому врагу. При поддержке князя он боролся с законным все-таки митрополитом. И, подобно Митяю, из этого путешествия Дионисий назад не вернется.

Дмитрий Донской послал с Дионисием в Константинополь «отца своего духовнаго, игумена Феодора Симоновьскаго — о управление митрополита Русскыя».[21] Явившись к патриарху Нилу, архиепископ Дионисий вручил ему грамоты великого князя Дмитрия Ивановича и других князей, содержащие обвинения против Пимена, а игумен Феодор засвидетельствовал, что власть в церкви по низложении Пимена должен получить, согласно великокняжеской воле, не кто иной, как сам Дионисий.[22] Из документа,

---

[14] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 211—212.

[15] См. сноску 12 на с. 173.

[16] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 379; Новгородская четвертая летопись. — ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 339. — Это сообщение заканчивает статью 6890 (1382—1383) мартовского года.

[17] РИБ, т. 6, № 24, стб. 205—210.

[18] Там же, № 28, стб. 233.

[19] Там же, стб. 233—235.

[20] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 148.

[21] Там же.

[22] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 211—212.

откуда мы это знаем, не ясно, шла ли речь о великорусской церкви или «всея Руси».

Выслушав княжеских посланцев, собор постановил отправить на Русь «двух архиереев и сановников — одного из церковных, другого царского; с тем, чтобы они исследовали дело Пимена, и если окажется справедливым, что говорят на него, именно, что он рукоположен при помощи обмана, лжи и подлога, то пусть низложат его, извергнут из церкви и поставят в ней Дионисия».[23] Патриарх, как видим, решил действовать осмотрительно. Русские же стали настаивать на немедленном рукоположении Дионисия. В документе, написанном в 1389 г. при преемнике Нила патриархе Антонии, эта история излагается с заметным смущением и раздражением, там не говорится прямо, что Нил уступил и выполнил требование послов. Мы узнаем лишь о представленных послами «грамотах, содержащих в себе много лукавого и им самим (Дионисием, — *Г. П.*) составленных»,[24] о ярости послов, вызванной промедлением в деле, — «так что они излили на всех нас поток многих ругательств с прибавлением насмешек, обвинений и ропота», — о распрях среди самих послов, когда они, «разделенные на две, нередко три партии, представляя в одно и то же время противоречащие грамоты, обвиняя друг друга и восставая друг на друга ... производили разделение и раздор. А церковь и не знала, на чьей стороне правда».[25] Но патриарх Нил рукоположил-таки Дионисия в митрополита, неясно только в какого. Летописная статья 6892 г. начинается — значит, речь идет о времени близком к марту 1384 г. — известием, что «прииде изо Царяграда в Киев Дионисий епископ, его же поставиша в Цареграде митрополитом на Русь; и помышляше от Киова ити на Москву, хотя быти митрополитом на Руси».[26]

Этот шаг Дионисия оказался для него роковым: «И изнима его киовьскый князь Володимерь Олгердовичь, глагола ему: Пошел еси на митрополию в Царьград без нашего повеления».[27]

Почему Дионисий отправился из Константинополя в Киев, где пребывал митрополитом Киприан, а не прямо в Москву? Ведь путей было много. Почему киевский князь счел себя обойденным тем, что не спросили его мнения, ставя Дионисия? Почему Дионисию в Константинополе надо было подделывать грамоты? Отчего возникла распря и среди этих русских послов? Почему, наконец, Дионисий с Феодором решительно не хотели дожидаться возвращения с Руси византийских сановников? Это все наводит на мысль, что Дионисий только по видимости пошел на компромисс с князем. Князю он нужен был как великорусский митрополит, Дионисий же стремился к единству русской церкви.

---

[23] Там же, стб. 211—214.
[24] Там же, стб. 211—212.
[25] Там же, стб. 213—214.
[26] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 149.
[27] Там же.

Надо полагать, патриарху Дионисий и Феодор представили дело так, будто князь требует объединения митрополии, и боялись разоблачения. В таком случае понятна и недоговоренность прокиприановского документа патриарха Антония. Ведь ставя Дионисия митрополитом всея Руси, патриарх Нил должен был низложить не только великорусского митрополита Пимена, но и малорусско-литовского митрополита Киприана.

В Киеве Дионисию надлежало заявить о своих новых правах и передать Киприану вызов в патриархию для низложения. В ответ на это он был арестован, «и тако пребысть в нятие и в заточении и до смерти».[28]

Так закончил свою полную авантюр жизнь этот замечательный, яркий человек — мистик-отшельник, чей пример вдохновлял и увлекал окружающих; образованный и влиятельный киновиарх, едва ли не самый первый распространитель на Руси общежитий; затем епископ, чьи прихожане открыли вооруженную борьбу с татарами (он и сам чуть не был убит); инициатор создания и, по-видимому, редактор уникальной и драгоценной для нас Лаврентьевской летописи, побуждавший князей к освободительной войне; единственный из архиереев, осмелившийся возвысить голос против временщика Митяя; человек, дважды «преухитривший» великого князя; первый нижегородский архиепископ; реформатор псковской церковной жизни, борец против ереси стригольников; номинальный митрополит всея Руси; и, наконец, киевский узник. Скончался Дионисий 15 октября 1385 г. после примерно полутора лет заключения «и положен бысть в Киевской Печере великаго Антония». В нижегородской Печере у Дионисия была, как мы помним, икона Богоматери с предстоящими Антонием и Феодосием Киевопечерскими, которую он в свое время вынес из Киева. На этом основании предполагают, что он был тамошним постриженником.[29] В таком случае путь его замкнулся. Но, может быть, когда-то, еще молодым человеком, он так же возвращался на Русь с Балкан через Киев. «И есть тело его, — добавляет к известию о его смерти писавший в конце XIV или в начале XV в. летописец, — и доныне цело и нетленно».[30] Насколько мы можем судить, Дионисий оставил по себе хорошую память.

Спутник Дионисия Феодор Симоновский задержался в Константинополе на несколько месяцев дольше. Он тоже «от патриарха кир Нила вселеньскаго вельми почтен бысть» — «в архимандритех в всех русскых старейшиньству сподобляеться».[31] Патриарх его «постави в архимандриты и лишшу честь поручи ему

---

[28] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 149.

[29] См. гл. «Дионисий Суздальский».

[30] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 151.

[31] Житие преп. Сергия Чудотворца. Сообщил архим. Леонид. СПб., 1885, с. 122.

паче инех архимандрит».[32] Как сказано в Никоновской летописи, «и бысть начялный архимандрит великый и честный Феодор Симоновский», и объяснено: «патриарх Нил... грамоты свои даде Феодору, честному архимандриту, строити монастырь Симановский в патриарше имя... а митрополиту ничим, никоторыми делы, не повиноватися, ни владети митрополиту манастырем Симановским ничем».[33] Иными словами, Феодор подчинялся с этих пор прямо и непосредственно патриарху, минуя митрополита. Называться Феодор стал «первопресвитером». Так, в заглавии переведенного им канона патриарха Филофея на Успение Богородицы написано: «Преведен же бысть на русьскый язык Феодором пръвопрозвитером»,[34] в заглавии Филофеева последования «о бездождии» — «Преведен же бысть на руский язык от многогрешнаго Феодора недостойнаго, рекше и а-презвитера».[35] Здесь мы видим ту же самую букву-цифру «а», что и в письменном обращении Киприана. Другого человека, который назывался бы «начальным архимандритом», «первопресвитером» или «первоигуменом», мы не знаем. Так что остается согласиться с тем мнением издателя посланий Киприана, по которому последнее из них адресовано Феодору Симоновскому, одному из прежних корреспондентов Киприана.

Феодор покинул Константинополь осенью 1384 г.[36] Письмо к нему Киприана направлено, как показывает обращение (к «а-игумену с всею... братиею») и содержание («А мне борзо быти у вас из Царягорода»), в Москву. В Москву же Феодор явился, по всей вероятности, не раньше зимы 1384/85 г. Стало быть, и письмо было написано не раньше этого времени.

«Тое же зимы приидоста изо Царяграда (очевидно, вместе с Феодором, — *Г. П.*) некаа два митрополита гречина — единому имя Матфей, а другому Никандр, — а с ними архидиакони и прочии сановникы, и позываху Пумина в Царьград».[37] Согласно париаршему документу, послы действовали более резко: «...расследовав дело Пимена, они нашли (все обвинения против него) правильными и извергли его из церкви».[38] Та же разница — в параллельных сообщениях о путешествии Пимена в Константинополь. Летописец: «Того же лета (1385 г., — *Г. П.*) майа в 9... Пумин митрополит поиде в Царьград. Изволи плыти по воде в судех

[32] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 150.
[33] ПСРЛ, т. XI, с. 142.
[34] ГПБ, Кирилло-Белоз., № 39/438, л. 171 об.; см.: Прохоров Г. М. К истории литургической поэзии. Гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 144.
[35] ГБЛ, Волокол., № 211, Канонник, XVI в., л. 28 об.; ГИМ, Синод., № 503 (774), Сборник канонов и молитв, XVI в., л. 22; см.: Прохоров Г. М. К истории литургической поэзии..., с. 142—143.
[36] «Тое же осени выиде изо Царяграда Феодор, игумен Симоновьскый...» (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 150).
[37] Там же.
[38] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 213—214.

по Волзе на низ к Сараю. Тогда же и Аврамей игумен Ростовьский Ниский поиде с ним вкупе».[39] Патриаршье определение: «...Пимен, изверженный из той церкви, согласно состоявшемуся здесь соборному решению патриарха, бежал оттуда, сложил с себя монашеские одежды, надел мирские и, после долгих скитаний с места на место, достиг Царствующего града».[40] Известие о переодевании и окольном долгом пути митрополита очень любопытно. Мы знаем, что во время следующей поездки Пимена в Царьград (1389 г.) около Таны (Азова) его корабль подвергнется нападению кредиторов-генуэзцев и сам митрополит и некоторые из его спутников будут схвачены и закованы, пока не отдадут долга. Пимен, конечно, предвидел возможность такой встречи и всеми силами старался ее избежать. Отсюда — маскарад и «долгие скитания с места на место».

В Константинополе Пимену пришлось ждать возвращения партиарших послов. Из Великой Руси они отправились, видимо, в Малую, ибо с ними явился на патриарший суд и Киприан, «вызванный сюда грамотою патриарха».[41] Письмо Феодору Симоновскому послано было, надо думать, еще из Киева; Киприан пишет: «Буди ти сведомо, сыну: еду к Царюгороду коньм[и] на Волошьскую землю. Мне не хотелося от своих детий нигде бывати. Да что взяти! Хто мене в труд путный вложил в сее время? Господь пак[и] да подасть ему познати истину. (Подразумевается, может быть, патриарх Нил, но вероятней — московский князь, однажды уже «познавший истину», т. е. принимавший Киприана, — *Г. П.*). А мне борзо быти у вас из Царягорода. А лживого человека и льстиваго (это, конечно, Пимен, — *Г. П.*) бог объявить».[42]

Наверное, именно по получении этого письма Феодор вновь поспешил в Константинополь, т. е. добился того, чтобы его опять послал туда его духовный сын — князь (о письме, я думаю, не знавший): «Того же лета (1386 г., — *Г. П.*) князь великий Дмитрей Ивановичь посла отца своего духовнаго Феодора, игумена Симоновьскаго, в Царьград о управление митрополия».[43]

Феодор прибыл в Константинополь вскоре после возвращения патриарших послов, ибо в соборном документе говорится, что в качестве обвинителя Пимена — а он выступал именно в этом качестве — он «имел достоверных свидетелей — принесенные им грамоты (от князя, — *Г. П.*) и только что возвратившихся оттуда лиц, которые производили там расследование по делу».[44] Однако Киприана в Константинополе он уже не застал: тот был

---

[39] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 150.
[40] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 213—214.
[41] Там же, стб. 215—216.
[42] Послания Киприана, V, с. 204.
[43] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 152.
[44] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 215—216.

послан императором Иоанном V Палеологом обратно в Малую Русь.[45] 29 мая 1387 г. патриарший собор, приняв во внимание «общую пользу, соединенную с тем делом», позволил Киприану отлучку, обязав возвратиться в течение года.[46] В Константинополе Киприан провел, я думаю, не менее трех месяцев, поскольку он тогда переписал там, в Студийском монастыре, «Лествицу» Иоанна Синайского в 279 листов, работу над которой кончил 27 апреля 1387 г.[47]

Императорское поручение было как-то связано, по-видимому, с Кревской династической унией Литвы и Польши (1386 г.). Палеолога должно было взволновать, конечно, не то, что литовский князь Ягайло, теперь польский король, стал обращать литовцев в римско-католическую веру (при этом «оказалось, что целая половина жителей Вильны исповедывала православие»),[48] а то, что в Восточной Европе появился новый могущественный христианский государь — потенциальный помощник против турок, на которого, возможно, способен был оказать влияние митрополит Киприан. Но еще более важной причиной спешной поездки Киприана могло быть появление в 1386 г. за западной границей Руси старшего сына Дмитрия Ивановича Донского, Василия. Он бежал из Орды и, боясь, видимо, татарской мести или отцовского гнева, или того и другого разом, направился не домой, а на Запад. И «прибеже... в Подольскую землю, в Великыя Волохы к Петру воеводе».[49] Он побывал также в Литве. Осенью 1387 г. великий князь Дмитрий Иванович посылал «бояр своих старейших против сыну своему князю Василью в Полотскую землю».[50] Княжич Василий служил, можно думать, центром притяжения для всех недовольных Ягайлом: когда в январе 1388 г. он решил, наконец, вернуться в Москву, с ним туда явились «князи Лятьские и панове, и Ляхове, и Литва».[51] В более поздних летописях находится любопытное сообщение, — что князь Василий, «обшед многыа земли от Ягайла, прииде на Москву, а с ним ис Киева приеха митрополит Киприань; и не приал его князь великий».[52] Отношение к Орде и Литве великого князя Дмитрия Ивановича, очевидно, отличалось от отношения его сына.

---

[45] По-видимому, этот приезд на Русь Киприана имеет в виду сообщение Софийской 1 летописи 6894 (1386) г.: «Прииде на Русь митрополит Киприян» (ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 239).

[46] См.: РИБ, т. 6, Прил., № 32, стб. 189—192; № 33, стб. 215—216.

[47] См.: Леонид, архим. Сведения о славянских пергаменных и бумажных рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой Духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящихся в библиотеке Московской Духовной академии). Рукописи на бумаге, вып. 2, отд. III. М., 1887, № 29 (152), с. 127.

[48] См.: Макарий, архиеп. История русской церкви, т. 4. СПб., 1886, с. 134.

[49] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 152.

[50] Там же.

[51] Там же, стб. 153.

[52] Там же, т. XV, стб. 444

Сколько Киприан ездил, мы точно не знаем («Прошло еще довольно времени, пока сей последний, быв послан в те страны по царским делам, возвратился назад, а между тем снова пришел из Великой Руси Феодор, посланный великим князем, с грамотами, содержащими в себе многие обвинения против Пимена, и с наказом устно передать многое по тому же делу».[53] Отсюда-то и ясно, что Феодор не застал в Константинополе Киприана).

Благодаря промедлению дело о русской митрополии странным образом еще более усложнилось и приняло почти фантастический оборот: Пимен и Феодор, обвиняемый и обвинитель, нашли вдруг общий язык и бежали из Константинополя на азиатский берег Босфора. Император и патриарх «употребили все старания, чтобы найти их и убедить возвратиться»; трижды они слали к ним парламентеров и грамоты, угрожая отлучением и гарантируя безопасность; те, однако, ничему «не вняли, но, убежав к туркам и найдя у них поддержку, осыпали многими ругательствами и царство, и церковь», а затем «со всею поспешностью пустились в путь, ведущий на Русь...».[54]

После более чем трех лет отсутствия, 6 июля 1388 г., Пимен (а вместе с ним, наверное, и Феодор) достиг Москвы. Как сказано в летописи, он пришел «не на Киев, но на Москву, а прииде бес исправы»,[55] — т. е. ничего не добившись в патриархии, Пимен остался в прежнем положении и звании митрополита Великой Руси. Это, кажется, был очень несчастный человек, не имевший ни реальной власти, ни покоя. На Руси он пробыл теперь всего девять месяцев.

Чем же объяснить столь крутой поворот Феодора Симоновского? Проще всего — честолюбием: в соборном документе говорится, что он заключил с Пименом «клятвенный союз на каких-то неподобных условиях и что еще у турок Пимен рукоположил его в архиепископы.[56] Отныне Феодор — уже не «первопресвитер» Симоновский, а архиепископ Ростовский. Но, может быть, Феодор еще и хитрил. Допустим, он первым почувствовал, что патриарх склонен оправдать Пимена. В таком случае он просто изменил тактику. Вероятно и то, что не дав состояться суду над Пименом, он спасал от суда Киприана. Ведь при поставлении Дионисия Нил уже должен был принять решение сместить Киприана. Патриарший суд грозил Киприану потерей всякого митрополичьего титула. Кроме того, ежели бы при этом был низложен и Пимен, — а это вероятней всего (как сообщает патриарх Антоний, Пимен «уже был предназначен к низложению прежним, рукоположившим его патриархом...»),[57] — великий

---

[53] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 215—216.
[54] Там же, стб. 215—218.
[55] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 154.
[56] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 215—218.
[57] Там же, стб. 223—224.

князь или бояре могли бы подобрать на его место нового и, кто знает, может быть, гораздо более сильного сторонника великорусского сепаратизма. И Нил бы его утвердил. Так или иначе, Феодор и после этого, как после возведения в митрополиты Дионисия, сумел, как мы увидим, сохранить с Киприаном хорошие отношения.

Глава 2

ДОКУМЕНТЫ 1389 г.

Достичь своей цели — утверждения в качестве митрополита всея Руси — Киприану удалось лишь при новом патриархе, Антонии, занявшем патриарший престол в феврале 1389 г.

Антоний принадлежал к числу последователей русской политики патриарха Филофея и был давним сторонником Киприана: «и прежде, — писал он, — мы были небезучастны к этим делам, напротив, крайне соболезновали о той расстроенной и страждущей от своих (чад) церкви»; и теперь, едва приняв на себя «предстательство во вселенской церкви», он поставил «это дело, предпочтительно пред другими, главнейшим предметом своих попечений», в чем ему активно содействовал престарелый император Иоанн V Палеолог, который «ставя на второй план все свои дела», «приложил все старание к тому, чтобы исправить русскую церковь, восстановить в ней древний порядок и устройство и уничтожить недавно возникшие соблазны».[1] Заинтересованность императора понятна: не получив эффективной помощи с Запада, он возложил теперь свои надежды на северные христианские страны и тоже стал стремиться к церковному объединению восточной и западной Руси, к тому, «чтобы на будущее время был один митрополит во всей Руси. Этим прежде всего озабочен высочайший и святой мой самодержец, оберегатель и защитник права и пользы, — пишет там же Антоний, — в этом бесспорно состоит и слава всей церкви и всех вкупе христиан».[2]

В феврале же 1389 г. в Константинополе было принято решение об окончательном (не требующем даже явки на суд) низложении великорусского митрополита Пимена и о восстановлении Киприана в звании митрополита Киевского и всея Руси, — «чтобы митрополитом Киевским и всея Руси был и именовался кир Киприан, который до конца своей жизни будет обладать ею и всем ее приходом... как настоящий архиерей всея Руси, не по имени только, но и на самом деле. Таковы будут и все после

[1] РИБ, т. 6, Прил., № 33, стб. 219—222.
[2] Там же, стб. 223—224.

него митрополиты русские... И этот порядок пусть нерушимо соблюдается отныне и впредь во все веки».[3]

Патриарх Антоний, обосновывая свое решение, рассказывает в этом соборном определении о борьбе вокруг русской митрополии, в том числе касается и истории Митяя.

Видно, что Антоний хотел снять с Дмитрия Донского всякую ответственность за происшедшее. Согласно этому документу, князь продвигал Митяя к митрополичьему престолу не по собственной инициативе, а «из уважения и послушания» к покойному митрополиту Алексею и «находя опору в грамотах бывшего патриарха», «будучи обманут грамотами бывшего патриарха». Этого патриарха, Макария, документ называет «самым виновным» во всем конфликте.

Рассматриваемое соборное определение является международным дипломатическим документом, и в силу этого многое в нем, конечно, написано под влиянием дипломатических расчетов. Стремление обелить князя Дмитрия объясняется, в частности, не только и не столько боязнью патриарха или Киприана ухудшить с ним отношения, сколько прежним стремлением сблизить и связать союзом литовского и великорусского князей. В данном случае патриарх Антоний обеляет московского князя в глазах литовцев; в другом месте этого же документа он обеляет литовских князей в глазах великоруссов. Он старается уменьшить взаимную литовско-русскую подозрительность и помочь Киприану в осуществлении его задачи — объединения Великой и Малой Руси под единой духовной властью.

Смерть Митяя тут прямо объяснена вмешательством мистических сил: «суд божий следовал за ним по пятам». В отличие от Повести о Митяе, здесь эта трактовка совсем не завуалирована. Вполне определенно обвинены здесь и «негодяи-послы», поставившие «сами себе пастырем некоего иеромонаха, носившего имя пастыря».

В отличие от Повести о Митяе, где сквозит желание скомпрометировать патриарха Нила и его собор, этот документ, на котором тоже лежит печать влияния Киприана, изображает Нила с симпатией — мягким, простодушным и доверчивым человеком: «Как могла подозревать такое зло (подлог русских послов, — *Г. П.*) добрая и божественная душа, непричастная ничему злому и исполненная всякой добродетели?». Дело в том, что патриарх Нил был теперь мертв.

Итак, в феврале 1389 г. Киприан вновь стал номинальным митрополитом всея Руси. На что рассчитывал патриарх Антоний, вынося такое решение? Загадка. В Москве, подчинявшейся Тохтамышу, правил великий князь Дмитрий Иванович; фактически существовала митрополия Великой Руси, которую возглавлял Пимен. Но, как ни странно, обстоятельства сложились таким

---

[3] Там же, стб. 225—226.

именно образом, что Киприан скоро смог вернуться в Москву и объединить под своим управлением малорусско-литовскую и великорусскую церковь «не по имени только, но и на самом деле». Как же это произошло?

13 апреля 1389 г., т. е. спустя примерно два месяца после решения патриарха Антония — время необходимое и достаточное, чтобы весть из Царьграда пришла в Москву, — втайне от князя («а князя великаго утаився, и не доложа его, ни явив ему»)[4] покинул столицу Великой Руси митрополит Пимен. С князем у него перед этим произошла ссора: «бе бо и распря некаа промежь их».[5] «И про то князь великий прогневася и не любо ему бысть».[6] Князь, очевидно, не хотел, чтобы Пимен покидал Москву. Это понятно: тем самым прекращала свое существование великорусская митрополия.

Из Москвы Пимен со смоленским епископом Михаилом, его ставленником, направился в Рязань, т. е. в Переяславль Рязанский — новую Рязань (старая была разрушена татарами). Один из спутников Пимена, Игнатий, оставил записки об этом путешествии: «И повеле митрополит Пимен... аще кто хощет, писати сего пути шествование все: како поидоша, и где что случися, или хто возвратится, или не возвратится вспять. Мы же сиа вся писахом».[7] (Пимен, очевидно, предчувствовал, что он-то не возвратится). Игнатий сообщает о торжественных встрече и приеме митрополита рязанским князем Олегом Ивановичем и епископом Еремеем Гречином и далее — о том, что Пимена провожали из Рязани до Дона пять епископов: Феодор Ростовский, Ефросин Суздальский (преемник Дионисия), Еремей Гречин Рязанский, Исаакий Черниговский и Данило Звенигородский.[8] Удивительно, что все они оказались в это время в Рязани. Собрались ли они здесь у Еремея Гречина на какой-то совет? Или пришли проводить низложенного митрополита? Тут наши источники молчат, даже, пожалуй, замалчивают. Но то, что епископы провожали его не из Москвы, говорит о расхождении с князем не одного митрополита, но также (если не в первую очередь) этих епископов.

В самом деле, что могло заставить Пимена бросить свой престол? Ведь доколе он оставался в Москве, дотоле оставался главой великорусской церкви; теперь, я думаю, князь это ему гарантировал. Уходя, тем более против воли князя, он терял все. Но он все-таки пошел. Из послушания? О византийских послах в это время нет известий, да и Пимен, как мы знаем, имел опыт неповиновения императору и патриарху. Останется думать, что он оказался не в силах противостоять большинству своих еписко-

---

[4] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 155.
[5] Хождение Игнатия Смольнянина, с. 1.
[6] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 155.
[7] Хождение Игнатия Смольнянина, с. 1.
[8] Там же.

пов, подавить их «мятеж». Они его не столько проводили, сколько выпроводили.

В составе сделанной для новгородских нужд подборки общерусского летописного материала, существующей в одном списке XV в., сохранился перевод неизвестной в оригинале грамоты патриарха Антония. Эта грамота дополняет сведения путевых записок Игнатия Смольнянина о конце жизни Пимена. Грамота эта публикуется нами в Приложении 4.

О последнем периоде пребывания Пимена на Руси митрополитом в грамоте говорится как о беззаконном, — что он, бежав от отлучившего его патриарха Нила, в «Рускую землю шед, и митрополью тамошнюю безаконне приемь, и мучителскы, и чрез законов и правил, и паче же рещи несвященне дрънзув священствовати...». Эту точку зрения разделяли, конечно, выпроваживавшие Пимена епископы.

Хотя Пимен и почувствовал, как говорит та же грамота, «яко не на добро ему будет в Руской земли пребытие», и отправился в «Царьствующий град», борьбы со своими противниками он не прекратил до самого конца. Такими идиллическими, какими они представляются по Хождению Игнатия Смольнянина, отношения его с русскими епископами не стали.

Перед отъездом в Царьград Пимен, как только мог, старался запастись деньгами, «церкви оноя богатства много събрав — ова убо от поставлений безаконных, ова же от церковных митрополскых събраний ея епископий, и еще от священных приложений, и святительских ризниц, — некая же и от некых взаемь взяв...». Вероятно, Пимен надеялся, что деньги, сделавшие его митрополитом, помогут ему им остаться. Но долг 1380 г. еще не был погашен.

Мы уже знаем, что около Азова среди ночи заимодавцы-фрязи захватили на корабле и «сковаша» митрополита и некоторых его спутников — «Ивана протопопа, и Григорья протодьякона, и Германа архидиакона, и Михаила дьака». На второй день, «утолени быша митрополитом и доволну мзду вземше», они отпустили своих пленников.[9] Из грамоты патриарха Антония мы узнаем о дальнейших событиях.

Архиепископ Феодор Ростовский (я думаю, глава коалиции епископов) не назван в числе спутников Пимена. Он был в числе провожавших его. Но они встретились в Кафе. Феодор рассказывал потом при свидетелях, спутниках Пимена, патриаршему собору — патриарх пишет об этом в своей грамоте, — «как в Кафе в темницах» его «затвори Пимин, и железы ногы его утвръди, и вешениемь томивь его, и битиемь разразив, и вся имениа его разграбив...». Пимен, понятно, остро нуждался в деньгах, поневоле расплатившись с кредиторами. Удивительно только, что он смог воспользоваться, как своими, кафинскими — очевидно, ге-

---

[9] Там же, с. 4—5.

нуэзскими — тюрьмами и орудиями пыток. В его действиях, повидимому, так или иначе были заинтересованы его заимодавцы.

Похоже, Пимен уплыл, оставив Феодора в темнице. В Кафе он пробыл не больше двух-трех дней, поскольку на третий день после нападения кредиторов путешественники еще страдали от шторма в Азовском море, а на шестой день уже миновали «Кафинский лимен и Сурож», взяв курс на Синоп.

Добравшись до Босфора, Пимен не сразу вступил в Константинополь, но остановился у турок, на восточном берегу. 27 июня он послал в Царьград на разведку первых своих послов. Потом переправился на европейский берег сам, но идти в патриархию не спешил и скоро («мало дний зде пребыв») узнал, что туда уже явились митрополит Киприан и Феодор Ростовский. Тут же — и уже навсегда — Пимен покинул столицу Византии и «пакы на всточную страну отшед, к турком прибеже». Он постарался — можно думать, просто в целях личной безопасности — найти друзей в турках: «И дружбу с ними сътвори, и дары овы убо им дав, овы же от них приемь». Добившись этого, он стал увереннее.

Зная, что Киприан и Феодор будут на него жаловаться, Пимен решил их упредить. «... в 16 день месяца июля прииде Михаил владыка Смоленский от Пимина в Царьград», — сообщает Игнатий Смольнянин.[10] А грамота сообщает, что Пимен послал в патриархию требование соборного суда с Киприаном и Феодором. Услышав об этом, те тоже стали просить патриарха устроить им суд с Пименом, чтобы «тягатися с нимь, яко же он просить, зане и сами зело се хотят».

Патриарх послал Пимену приглашение на суд. Но тот сказал посланцам, что не пойдет, пока не получит от императора грамоту, «обороняющу его от всех, им же должен есть сребромь, яко ни единому же от сих отвещати». Послы ответили, что это не входит в компетенцию патриарха и собора.

Возможно, для Пимена это было лишь отговоркой, поскольку в Константинополе он уже недавно был. Вероятно и то, что он хотел обеспечить себе свободу в случае проигрыша дела в патриаршем суде, ибо предметом тяжбы были именно «богатства». А сверх того, можно думать (почему — мы сейчас увидим), что у митрополита, пережившего недавно ночной арест, началось психическое расстройство.

Вторично явившимся посланцам Пимен ответил, что не придет к патриарху, пока не получит от него грамоту и не увидит, как тот его величает — «како убо пишет к пему о святительстве и чьсти».

На третий раз посланные «церковные бояре, логофет диакон Михаил Анарь и референд диакон Дмитрий Марула», оказались участниками безобразной сцены. Увидав «позовщиков», русский

---

[10] Там же, с. 9.

митрополит бросился бежать, а те за ним. После третьего его отказа явиться суд мог состояться в его отсутствие. И митрополит не сомневался, «яко по третием позвании осужен будет по правде». Патриарши послы, «в след его гоняще, яко же неции ловци, следяще, обретоша» беглеца. Но они нашли его как бы ничего не понимающим, трясущимся и мятущимся: он «показа [ся] убо абие болезнию слежати, и дрожя, и огня испълнену, и ни же мало мощи от зыбания и от одръжащаа его болезни, вся подвижа съставы, семо и овамо нося и обдержим». Позовщики все-таки начали свою речь. Тогда больной вскочил и опять пустился бежать — «встав, иде же лежаше, и с спехом изыде, и бегу яться, всякымь образом ухыщряа избежати их, безумне о собе помыслив, яко сим образом осужениа убежит». По-видимому, действительно «безумне».

Патриарх созвал собор, и суд состоялся в отсутствие Пимена. Против Пимена в качестве свидетелей Киприана выступили смоленский епископ Михаил и спасский архимандрит Сергий, спутники Пимена, как люди, знавшие действия Пимена на Руси, «известнее ведущие о семь». Феодор же «о собе възвести». Суд постановил осудить и отлучить Пимена от церкви окончательно и бесповоротно, да «отнюду же ни места ответу обрящет когда, ни же надежди будущаго уставлениа когда, но будет в всемь своемь животе извержен и несвящен». Пименовы стяжания решено было по возможности вернуть «иже тая имевшим, от их же их взимал»; «И митрополиту Киприану взяти елика от митрополии его он (Пимен, — *Г. П.*) взял. И Феодору взяти елика в Кафе пограблена бышя от него». Грамота датирована сентябрем 1389 г.

«Таже потом разболеся пресвященный Пимин митрополит...». Вероятно, он уже был больным, когда изображал больного. «...и преставися месяца сентября в 11 день в Халкидоне. И, привезше тело его, положиша вне Царяграда, на краи моря, противу Галаты, в церкви Предтечеве», — пишет Игнатий Смольнянин.[11]

«...и разъяша имение его иnии», — отмечает русский летописец.[12] Возможно, это были неудовлетворенные кредиторы, возможно — Киприан и Феодор, руководствовавшиеся соборным постановлением, возможно — случайные турки.

За три дня до смерти Пимена Феодор и Киприан, которым, очевидно, не хватало денег на дорогу в Москву, написали заемную кабальную грамоту некоему Николаву Нотаре Диорминефту, «ближнему державного... царя», в «тысячи рублев старых новгородских».[13] Когда и как они с ним расплатились, мы не знаем.

1 октября Киприан в сопровождении двух греческих епископов, а также владык Ионы Волынского, Михаила Смоленского и

---

[11] Там же, с. 10.

[12] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 157.

[13] Акты исторические, собр. и изд. Археографическою комиссиею, т. 1. 1334—1598. СПб., 1841, с. 473—474 (№ 252).

Феодора Ростовского тронулся в путь на Русь. Препятствий для него теперь не осталось, ибо Дмитрий Донской тоже умер: сорокалетний великий князь скончался 19 мая 1389 г., спустя месяц после бегства из Москвы великорусского митрополита.

Из Константинополя Киприан доплыл (попал при этом в бурю и грозу) до Белгорода (Аккермана),[14] оттуда пришел в Киев, а из Киева 6 марта 1390 г. («в великое говение на средокрестной недели» 6898 г.) явился «на свою митрополию» в Москву. Летописец, говоря об этом, особо — дважды — отмечает, что вместе с ним «вси епископи кииждо свою епископию приаша», и перечисляет тех самых владык, которых застал покидавший Русь Пимен в Рязани: Феодор Ростовский, Ефросин Суздальский, Еремей Рязанский, Исаакий Черниговский и Брянский (не назван здесь из них лишь Даниил Звенигородский, но добавлен Феодосий Туровский).[15] Не совсем ясно, то ли надо было, чтобы Киприан утвердил их в епископских и архиепископских правах, то ли (вероятней) они теперь возвращались на покинутые места. Другой летописец следующим образом прокомментировал водворение в Москве Киприана: «и преста мятежь в митрополии, и бысть едина митрополья Кыев, и Галичь, и всея Руси».[16]

---

[14] ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, с. 101.
[15] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 158.
[16] ПСРЛ, т. I, вып. 3. Л., 1928, стб. 537.

ЭПИЛОГ

ЗАПИСИ В ЛЕТОПИСНЫХ ПОГОДНЫХ СТАТЬЯХ

В статьях 6887, 6888 и 6889 (1379—1381) гг. летописей, содержащих под 6885 г. первую редакцию Повести о Митяе, есть записи о тех же событиях. Сравнение этих записей, касающихся Митяя, Дионисия Суздальского, Киприана и Пимена, с соответствующими местами Повести обнаруживает их текстуальную близость. Вот примеры:

Повесть (6885 г.)	Статья 6887 г.
И бысть по времени, *поиде Митяй к Царюграду на митрополию*: *с Москвы* на Коломну, а *с Коломны* за Оку на Рязань, *и перевезъся за Оку месяца иулиа 26 день*, *на память святаго мученика Ермолая*, *по Борише дни во вторник*.	Того же лета поиде *с Москвы в Царьград на митрополию* архимандрит *Михайло*, нарицаемый *Митяй*, наместник Алексеев митрополичь, и поиде *с Коломны*, *и перевезеся* за реку *Оку месяца иуля в 26 день*, *по Борише на память святаго мученика Ермолаа в вторник*.
Повесть	**Статья 6888 г.**
. . . и *посла по* него *игумена Феодора Симоновьскаго*, *отца своего духовнаго*, *в Киев*, *зовучи его к себе на Москву*. *А отпустил* по него *о великом заговение*.	Тое же зимы князь великий Дмитрей Ивановичь *посла игумена Феодора Симоновскаго*, *отца своего духовнаго*, *в Киев* по митрополита по Кипреяна, *зовучи его на Москву к собе* на митрополию, *а отпустил* его *о велицем заговение*.
Повесть	**Статья 6889 г.**
Князь же великый не въсхоте *его прияти*. *Бывшу* Пимену *на Коломне*, тогда *сняша с него клобук белый* с главы его. . .	. . . *князь же великий* Дмитрей Ивановичь *не прия его*, и *бывшу* ему *на Коломне*, *сняша с него белый клобук*.

Но что от чего зависит: погодные статьи от Повести или Повесть от погодных статей?

Прежде всего отметим, что записи в летописных погодных статьях далеко не покрывают содержания Повести.

Два раза летописные статьи допускают по сравнению с Повестью неточности, на которые мы выше уже обращали внимание. Во-первых, согласно Повести, Митяй отправился в Константинополь спустя какое-то время («по времени») после Дионисия; статья же 6887 г. говорит, что они двинулись в путь «в едино время». По-видимому, запись в летописи была сделана не сразу после событий, позже Повести, когда незначительный промежуток времени исчез из памяти. Во-вторых, согласно Повести, Пимен возвратился из Византии не раньше двадцатых чисел декабря 1381 г.: весть о его приближении пришла в Москву «минувшу же седмому месяцу» после праздника Вознесения; в статье же 6889 г. время его возвращения указано более расплывчато и неверно («тое же осени»).

В статье 6887 г. содержится информация, которой нет в Повести, — указан путь бегства Дионисия: «в судех Волгою к Сараю». Исчезло здесь порицание Дионисию за обман великого князя: «Дионисий же тем преухитри князя великого, словом убо обещася...» (тогда как в Повести: «и преухитри князя великаго словом худым, обещася...»). Это позволяет считать, что погодные статьи были составлены не раньше возвращения и прощения (1382 г.), а может быть, и не раньше смерти (1385 г.) Дионисия.

Дальнейший анализ статьи 6887 г. еще дальше отодвигает от событий и уточняет время ее написания. Сообщение о смерти Митяя («Но не сбылася мысль Митяева и не случися ему быти митрополитом на Руси: не дошед бо Царяграда на мори преставися в корабли и привезен бысть мертв и положен бысть в Галате») сопровождено длинным торжествующим комментарием, обнажающим и прямо, «в лоб», говорящим то, что было сказано в Повести завуалированно, между строк: «Се же преславно явление показа бог неизреченными его судбами, глаголеть бо апостол: „Никто же о себе честь воземлет, но званый от бога“. Сего же епископи вси и игумени и прозвутери и мниси и священници вси не хотяху, но един князь великий хотяше. Он же на то надеяшеся на княжескую любовь, не въспомяну пророка глаголюща: „Добро есть надеятися на бога, нежели надеятися на князь“. Есть же инако разумети, но глаголати не мощно противу судбам божиим, многажды бо наводит бог на ны скорби и предает ны в руце немилостивым пастухом и суровым за грехы наша, но не до конца прогневаеться господь, ни в векы враждует, ни по грехом нашим воздал нам, рече бо: „Просите и дасться вам“, — и пакы рече: „Призови мя и услышу тя, просите и примете“. Вси же епископи и прозвитери и священници того просиша и бога о том молиша, дабы не попустил Митяю в митрополитех быти, еже и бысть, и услыша бог скорбь людей своих, не изволи быти ему пастуху и митрополиту на Руси».

Если в Повести лишь по намекам, аналогиям и умолчаниям мы должны были понять, что смерть Митяя — результат чудесного вмешательства божественной силы, то здесь, в комментарии,

это сказано предельно ясно: «Се же преславно явление показа бог неизреченными его судбами» — «не изволи быти ему пастуху и митрополиту на Руси».

Если в Повести на протяжении всего рассказа о Митяе мы лишь угадывали незримое участие Киприана в конфликте, то комментарий и об этом говорит яснее: «никто же о себе честь воземлет, но з в а н ы й о т б о г а». А званым от бога на русскую митрополию Киприан считал себя и достаточно ясно писал об этом во втором послании и в Житии митрополита Петра.

Повесть, как мы помним, трактует причину возвышения Митяя двойственно: с одной стороны, он «сам дерзнул», с другой — «по великого князя слову». В комментарии остается лишь след этой двойственности («никто же о с е б е часть воземлет»), инициатива и, следовательно, ответственность почти целиком приписывается князю: «Сего... князь великий хотяше. Он же на то надеяшеся на княжескую любовь...».

Благодаря такому обнажению инициативы князя завуалированный в Повести конфликт — конфликт князя и церкви — в комментарии показывается вполне откровенно и даже подчеркнуто: «Сего епископи вси, и игумении, и прозвутери, и мниси, и священници вси не хотяху, но е д и н князь великий хотяше». «Все же епископи и прозвитери и священници того просиша и бога о том молиша, дабы не попустил Митяю в митрополитех быти». (Отметим попутно, что между епископами и священниками названы пресвитеры, т. е. старцы).

Повесть лишь осторожно показывала, что в деле с Митяем князь обратил против себя надмирную силу; комментарий же открыто говорит, что, войдя в конфликт с церковью, князь пошел «противу судбам божиим».

«Добро есть надеятися на бога, нежели надеятися на князь» — так процитировать Псалтирь,[1] имея в виду великого князя Дмитрия Ивановича, можно было лишь после его смерти, после 1389 г. И еще одна фраза комментария заставляет думать, что он возник после бегства Пимена, т. е. после того же 1389 г.: «многажды бо наводит бог на ны скорби и предает ны в руце немилостивым пастухом и суровым за грехи наша, но не до конца прогневаеться господь, ни в векы враждует...». Видно, что к моменту написания летописной статьи 6887 (1379—1380) г. церковь не единожды, но многажды была предана «в руце немилостивым пастухом и суровым», т. е. не одному лишь Митяю; можно усмотреть здесь и намек на имя Пимена («пастух»).

Этот комментарий относится по сути дела не только к эпизоду смерти Митяя, но ко всей Повести в целом. Повесть, как мы видели, была осторожным предостережением князю, комментарий же к ней — торжествующее назидание. За вычетом этой разницы интерпретация событий здесь и там сходна. Возвраще-

---

[1] Псалом 117, 8—9.

ние в комментарии от момента смерти Митяя «назад», в предшествующие времена (очередное нарушение закона цельности изображения, однонаправленности художественного времени); обилие цитат из церковных книг (как в «замечаниях» в Повести); наконец, резкость и смелость в противопоставлении бога и князя, сын которого находился в то время у власти, — позволяют думать только о Киприане как об авторе этого комментария. О руке Киприана свидетельствует и встречающийся здесь грецизм: «Есть же инако разумети, но глаголати не мощно...». «Есть же», ἔστι μέν = возможно, можно. По-русски эта фраза должна начинаться так: «Возможно иначе разуметь...». Этот грецизм, а также намек на Пимена с помощью осмысления его имени (вспомним, что то же — в соборном определении 1389 г.) показывают в комментаторе человека, который не мог забыть греческого языка, даже когда писал по-русски. Такого же рода особенности языка различимы и в Киприановой редакции Жития митрополита Петра. Там он писал: «никто же доволен ныне есть», — мысля греческим словом ἱκανός = пригоден, способен, достоин; «самохотиемь» = αὐτοθελεί = по своей воле, добровольно; «или что конець таковому видению», «но конець последи с удивлениемь яви», где «конець» = τὸ τέλος = цель, исполнение; «в мале не безместно что бысть на блаженаго», где «безместно что» = ἄτοπόν τι = нечто неприличное, наглое, нелепое.

Формулируем два вывода: 1) не Повесть о Митяе зависит от статей 6887—6889 гг., но записи о Митяе, Киприане и Пимене в этих статьях сделаны с использованием Повести; 2) автором комментария к известию о смерти Митяя в статье 6887 г. был Киприан.

Таким образом, комментарий в летописной статье 6887 г. мы должны рассматривать как заключительное звено в цепи публицистических произведений митрополита Киприана, посвященных истории с Митяем. В хронологическом порядке эти произведения размещаются следующим образом: 1378 г. — второе послание игуменам Сергию и Феодору — резкое обличение великого князя; 1381 г. — Житие митрополита Петра — мягкое наставление; 1382 г. — Повесть о Митяе — завуалированное предостережение князю; 1390 г. (или вскоре после этого) — комментарий в летописной статье 6887 (1379—1380) г. — назидание его потомкам.

По своей форме эти произведения резко различны: первое из них принадлежит к эпистолярному жанру, второе — к агиографическому, третье — к повествовательному, четвертое составляет фрагмент летописной статьи. Различна в них и трактовка роли великого князя Дмитрия Ивановича в истории с Митяем: в первом из них князь — инициатор борьбы с Киприаном, во втором — лишь попуститель, в третьем (в Повести) — нечто среднее между попустителем и инициатором, в последнем — опять инициатор. Роднит же эти произведения, помимо общности темы, общая их задача — наставлять князя, воздействовать на светскую власть.

В совокупности они являют как бы партию Киприана в драме о русской митрополии. Значение этой драмы выходит далеко за пределы влияния на тогдашнюю московскую политику.

В самом деле, вопрос о том, кто и каким будет в Москве митрополитом, оказался для Руси таким же центральным, узловым — нити от него расходились к самым разным проблемам внутренней и международной жизни, — каким в Византии был вопрос о Фаворском свете, «божественной энергии». Победят ли в Византии исихасты или гуманисты — это определяло направление культурно-этнического развития греков и в значительной мере других православных народов. Точно так же от того, кто укрепится на митрополичьем престоле в Москве и какой будет эта митрополия — великорусской или общерусской, — зависели существенные особенности формы, в которую отольется этническое самосознание великороссов, прежде всего их отношение к единоверцам-малорусам и к мусульманам-татарам, к татарской «царской» власти.

Сама же рассмотренная нами борьба вокруг русской митрополии 70—80-х гг. XIV в. сопоставима по смыслу и итогам с гражданской войной 1341—1347 гг. в Византии. Трагическая необходимость очередной раз самоопределиться относительно духовно и экономически агрессивного Запада, с одной стороны, и военно агрессивного Востока — с другой, породила в Византии, как мы знаем, не только теоретические богословские споры, но и гражданскую войну. Победа в ней Иоанна Кантакузина, отдавшая ключевые позиции в церкви в руки монахов-исихастов, немало способствовала возрождению в Восточной Европе православия. «Мятежь» в русской митрополии тоже был проявлением борьбы за то или иное самоопределение страны, за самосознание ее властей и ее народа, и он тоже закончился победой исихастов.

И там и тут торжество исихазма имело следствием духовную интеграцию на основе нового синтеза старых традиций. Но для Византии оно означало, что на уступки ради спасения «Римской» империи церковь не пойдет даже под угрозой возвращения «доконстантиновских» времен (это в итоге и произошло). Что же касается Москвы, то к задаче стать национальной столицей Великороссии у нее прибавилась задача стать наднациональной столицей огромного, зыбкого в своих границах мира, расположенного между Востоком и Западом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

ПОСЛАНИЯ МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА

Более ста лет назад в ставшем теперь библиографической редкостью журнале «Православный собеседник» (Казань, 1860, ч. 2, с. 84—106) были напечатаны четыре послания митрополита Киприана по Кормчей 1493 г. из собрания Соловецкого монастыря. (Об этой замечательной книге, написанной специально для посылки в Соловецкий монастырь, см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II. Казань, 1855, с. 1—25).

Второе послание издано, кроме того, отдельно — в 6 томе «Русской исторической библиотеки. Памятники древнерусского канонического права. Часть 1 (Памятники XI—XV вв.)» (СПб., 1880, стб. 173—186). Для этой публикации в дополнение к Соловецкому списку был выборочно использован список Кормчей конца XV—начала XVI в. — ГИМ, Чудовское собр., № 169 (при публикации ошибочно указан № 148).

Сейчас известно еще два списка: ГПБ, собр. Берсенева, F II, № 119, Кормчая (так наз. Мясниковский список), первая четверть XV в. (об этой рукописи см.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I. Исследование и описание филиграней. СПб., 1899, с. 225; Правда русская, I. Тексты. М.—Л., 1940, с. 181—182) и ГИМ, собр. Барсова, № 155, Кормчая, конец XV—начало XVI в.

В Мясниковском и Чудовском списках помещается, однако же, только второе послание, и то не полностью. В Барсовском значительная часть текста в начале второго послания умышленно затруднена для чтения. Самым исправным оказывается список из Соловецкого собрания; им мы и пользуемся здесь как основным.

Считаю возможным включить в это переиздание и текст, озаглавленный «От иного послания о повинных», следующий за посланиями Киприана в Соловецкой и Барсовской рукописях. Он дважды был издан: сначала по Соловецкому списку как «Повинное послание Дионисия, архиепископа суздальского, к великому князю Димитрию Ивановичу Донскому 1383 года» («Православный собеседник», 1866, ч. 1, с. 239—250), а затем по Барсовскому как послание 1113 г. епископа Даниила Владимиру Мономаху (Тихомиров М. Н. Малоизвестные памятники. 2. Киевские князья XI столетия в послании о повинных. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 454—456). Второй издатель не знал публикации первого.

Первый издатель (А. С. Павлов) писал, что послание начинается словами «Аз же Ди. . . епископ. . . се же по судбам божиим. . .», и был уверен, что там, где он поставил многоточия, — пропуски и что первоначально здесь читалось: «Аз же, Д*ионисий*, епископ *суждальский, поставлен есмь всесвятым патриархом вселенским в архиепископа*; се же по судбам божиим. . .». М. Н. Тихомиров справедливо отмечает, что буква Д «могла обозначать как начальную букву имени епископа, почему-то решившего скрыться под псевдо-

нимом, так и цифру 4. Поэтому слова «аз же Д епископ» с равным успехом могут быть прочитаны как «аз же 4 епископ»» (с. 454). Поскольку автор послания пишет о равноапостольном Владимире как о прадеде адресата, М. Н. Тихомиров решил, что «епископ обращается к кому-то из правнуков Владимира Святославича». Поводом для написания послания, считает он, могли быть преследования сторонников Святополка Изяславича со стороны вступившего в 1113 г. на киевский престол Владимира Мономаха. Букву «Д» М. Н. Тихомиров расшифровывает как «Даниил»: «Даниил был поставлен епископом 6 января 1113 г.» (с. 455).

Но «прадед» может означать, конечно, и просто предка. И мне кажется основательным рассуждение первого издателя, что «. . .помещение послания в рукописи наряду с посланиями митрополита Киприана, вместе с которыми оно составляет в ней нечто целое, вносное и ничем не связанное с предыдущими и последующими статьями, входящими в состав древне-письменных кормчих, заставляет думать, что настоящее послание относится к одному времени с посланиями митрополита Киприана и именно поэтому помещено переписчиком наряду с ними» (с. 240). Заметим вдобавок, что посланиям Киприана предшествует в Соловецкой и Барсовской Кормчих (где и обнаруживается «От иного послания о повинных») того же времени послание патриарха (Филофея) «к честному мниху честнаго монастыря» (Сергию Радонежскому). Вся эта подборка посланий возникла, очевидно, в среде близкой если не к самому митрополиту Киприану, то к одному из его адресатов, Сергию Радонежскому.

Что же касается понимания слов «аз же Д̃ епископ», то оно зависит от того, где мы ставим перед ними точку — непосредственно или за предшествующими словами «по благочестию». Вот эти два варианта: 1) «благодать господа нашего Иисуса Христа, любы бога и Отца, причастие Святаго духа да будеть с тобою по благочестию. Аз же Д̃ епископ. . .»; 2) «благодать господа нашего Иисуса Христа, любы бога и Отца, причастие Святаго духа да будеть с тобою. По благочестию аз же Д̃ епископ. . .». Я убежден, что возможен только второй вариант: перед словами «по благочестию» находится законченная литургическая фраза («благодать. . . да будет с тобою»). И тогда получается: «По благочестию аз же 4(-й) епископ, се же по судбам божиим, аще недостоин. . .». Эти слова предполагают, что существует «4-й епископ» *не* по благочестию. И Киприан, и Пимен были *четвертыми* московскими епископами (считая первым митрополита Петра, вторым Феогноста, третьим Алексея). Естественно, что поставленного с помощью подкупа и обмана Пимена, своего соперника, Киприан не считал епископом «по благочестию», «по судбам божиим». Автор послания отмечает также роль княжеской воли в том, что *он* оказался четвертым епископом: «. . . твоего же ради еже к богу потщания велия и еже к нему веры теплыя и до нас худых простретья любве, еже хотениа молитвы». Смысл всего текста хорошо выражается приведенной в нем цитатой из Евангелия от Матфея (10, 41): «Приемляй пророка во имя пророче мызду пророчю приемлеть; приемляй праведника в имя праведничю мьзду праведничю приемлеть». Если, как я думаю, автор этого послания — Киприан, то написано оно было в 1381 г. и обращено к Дмитрию Донскому. Хваля князя за то, что тот его пожелал принять, автор-епископ просит его при этом быть милостивым к «съгрешающим к тобе», явить милость «на съгрешившем к богу и тобе на имярек». Имеется в виду, очевидно, кто-то из сторонников митрополита, рассердивших князя.

Тексты печатаются по правилам, принятым в ТОДРЛ.

Основной список:

ГПБ, Солов., № 858, Кормчая, 1493 г., л. 527—539 об. *С.*

Разночтения:

ГПБ, собр. Берсенева, F II, № 119, Кормчая, первая четверть XV в., л. 217—221 об. *М.*

ГИМ, собр. Барсова, № 155, Кормчая, конец XV—начало XVI в., л. 271—280 об. . . . . Б.
ГИМ, Чудовск., № 169, Кормчая, конец XV—начало XVI в., л. 266 об.—269. Ч.

I. 3-го ИЮНЯ 1378 г.

Того же.*

Благословение о Святем дусе възлюбленым сыном нашего смирения, преподобным игуменом [1] Сергию и Федору.[2]

Молюся богови, да пребываите в спасении душевном с богом даною вам братьею. Наставляйте их к путем спасеным. Слышу о вас и о вашей добродетели, како мирьская вся мудрования преобидите и о единой воли божией печетеся. И о том велми благодарю бога и молюся ему, да сподобить нас видети друг друга и насладитися духовных словес.

Буди же вам сведомо: приехал есмь в Любутеск в чет[верг], месяца иуня [3] 3 день. А еду к сыну своему, ко князю к великому на Москву.

Иду же, яко же иногда Иосиф от отца послан к своей братии, мир и благословение нося. Аще неции о мне инако свещают,[4] аз же святитель есмь, а не ратный человек. Благословением иду, яко же и господь, посылая ученики своя на проповедь, учаше их, глаголя: «Приемляй вас мене приемлет».

Вы же будите готови видетися с нами, где сами погадаете. Велми жадаю видетися с вами и утешитися духовным утешением. А милость божиа и святыа Богородица и мое благословение да будеть на вас.

---

* Это послание, по времени написания первое, помещается в *С* вторым (л. 536 об.—537), а в *Б* третьим (л. 278—278 об.). Этим и объясняются слова «Того же». В начале же второго послания, помещенного и в *С*, и в *Б* первым, автор Киприан себя называет.

1–2 .С҃.Ф҃.*Б* 3 *Доб.* в *Б*. 4 свещеваютъ *Б*.

II. 23 ИЮНЯ 1378 г.

[1] Киприан, милостию божиею митрополит [2] всея Руси — честному [3] старцю игумену [4] Сергию и игумену [5] Феодору *и* [6] аще кто ин [7] единомудрен с вами.

Не утаилося от вас [8] и от всего рода [9] християньскаго, елико [10] створилося [11] надо мною,[12] еже не [13] створилося [14] ни над единым

1–16 *Текст Б сознательно затруднен для прочтения, будучи расчленен на короткие отрезки (по 2—7 букв), которые в измененном порядке помещены в своеобразные увенчанные «шпилями» таблицы, причем пропущены и замены отдельные буквы, а сверх того как вертикальные колонки таблиц, так и чередующиеся с ними обведенные рамкой горизонтальные строчки написаны поочередно киноварью и чернилами.* 2–3 шлея мули гелкъпору *МЧ*. 4–5 Семчию и ичурепу *М*; *нет Ч*. 6 *В СЧ нет, восст. по М.* 7–8 едипъруцмепъ л шари. Не укаисъля от шал *М*; *в Ч нет* единъ. 9 мода *МЧ*. 10 *Доб.* с мно(ю) *Ч*. 11–12 *Нет Ч*. 13 несть *Ч*. 14 *Доб.* есть *МЧ*.

святителем, [15] как Руская земля стала. Яз божиим изволением и избранием великаго и святаго сбора и благословением и ставлением вселеньскаго патриарха поставлен есмь митрополит на всю Рускую землю, а вся вселенная ведаеть. И нынече поехал есмь был со всем чистосердечием и з доброхотением к князю великому. И он послы ваша разослал мене не пропустити и еще заставил заставы, рати сбив и воеводы пред ними поставив, и елика зла надо мною деяти — еще же и смерти предати нас немилостивно — тех научи и наказа же. Аз же, его безъчестия и души болши стрега, иным путем проидох, на свое чистосердие надеяся и на свою любовь, еже имел есмь к князю великому, и к его княгини, и к его детем. Он же пристави надо мною мучителя,[16] проклятого Никифора. И которое зло остави, еже не сдея надо мною! Хулы, и надругания, и насмехания, грабления, голод! Мене в ночи заточил нагаго и голоднаго. И от тоя ночи студени и нынеча стражу. Слуги же моя — над многими злыми, что над ними издеяли, отпуская их на клячах [х]либивых бе[з] седел во обротех лычных, — из города вывели ограбленных и до сорочки, и до ножев, и до ногавиць, и сапогов и киверев не оставили на них!

Тако ли не обретеся никто же на Москве добра похотети души князя великаго и всей отчине его? «Вси ли уклонишася вкупе и непотребне быша?»

Створится [17] князю великому, что клячи отданы, а того не ведает, что от 40 и штий коний ни един не осталъся цел — все заморили, похромили [18] и перварили,[19] ганася на них куды хотели, и нынеч[е] теряются.

И аще миряне блюдутся князя, занеже у них жены и дети, стяжания и богатьства, и того не хотять погубити, — яко и сам Спас глаголеть: «Удобь есть вельблуду сквозе иглинеи уши проити, неже богату в царьство небесное внити», — вы же, иже мира отреклися есте и иже в мире и живете единому богу, како, толику злобу видив, умолчали есте? Растерзали бы есте одежи своя, глаголали бы есте пред князи,[20] не стыдяся! Аще быша вас послушали, добро бы. Аще быша вас убили, и вы — святи. Не весте ли, яко грех людьский на князи, и княжьский грех на [21] люди нападаеть? [22] Не весте ли Писание, глаголющее, яко аще плотьскых родитель клятва на чада чадом падаеть, колми паче духовных отець клятва? — И та сама основания подвиже[т] и пагуби предаеть. Како же ли молчанием преминуете,[23] видяще место свято поругаемо, по Писанию, глаголющему: «Мерзость запустения, стояще на месте святем»?

Сице ли почли суть князь и бояре митрополии и гробы святых митрополитов? Тако ли несть кого прочитающаго божественая правила? Не весте ли, что пишеть? [24]

[15-24] *Нет МЧ.* [17] Творится *Б.* [18-19] *Нет Б.* [20] цари *Б.* [21-22] людех падаеть *Б.* [23] примесуете *Б.*

Святых апостол правило 76 глаголеть[25] сице, яко: «Не подобаеть святителю брату, или сыну, или иному сродпику, или другу даровати и[26] на святительское достояние поставляти его же хощеть. Наследники бо своего епископьства творити неправедно есть и божия даровати пристрастием человечьскых.[27] Не подобаеть бо божию церковь под наследники подъкладати. Аще же кто таково створить, разрушено таковое поставление да будеть. Сам же створивый да отлучен будеть».

Послушайте же толкование сего правила что глаголеть. Святительское достояние Святаго духа благодать, дар мнети подобаеть. Как убо дерьзнет кто благодать духовную яко наследие предати[28] кому[29] дарованием? Сего ради непрощено есть епископом в собе место их же хотять в своих церквах поставляти и посажати. Котории бо яже стяжаша имения в своего епископьства времени не имуть власти оставляти им же хотять, не[30] токмо яже от наследия сродников пребывша[31] им, яко же 32 правило иже в Карфагени сбора рече, то и како самую епископью ко инымь предадять яко наследником своим пастырьскыя[32] власти и строения нищим[33] имения оставляющих[34] и, пристрастия ради человечьскаго, или дружбы, или любве ради сродничьныя, яже богови освящена суть подароваюгь[35] им же хотять? Аще бо[36] от некоего таковое что створится, створеному бо разрушену быти правила повелеваюгь, створивый же отлучен да будеть. Епископъм бо от сборов поставлятися повелено бысть.

И 23 правило Антиохийскаго сбора тако глаголеть: «Не подобаеть епископу, аще и на конець жития своего, иного оставляти наследника в себе место». Се же и израильтяном отречено бысть. На Моисиа бо яко вину вскладають,[37] зане Арона и сыны его на священничьство възведе. И аще бы бог не знамением священьничьство их укрепил, изгнани быша были святительства.

И смотри же и святых апостол правило 29-е что глаголеть: «Аще который епископ мьзды ради сана святительскаго приобрящеть, или прозвитер, или диакон, да отлучится и сам, и[38] поставивый его, и да отсечен будеть от святаго причастия оттинуд, яко Симон вълхв мною, Петром».

Тожде глаголеть и 30-е правило тех же святых апостол. Глаголеть[39] сице: «Аще который епископ мирьскых князий помощию святительство приобрящеть, да извержен и отлучен будеть, и способници ему вси».

Назнаменати лепо есть: когда вдовицею[40] казпен бываеть вкупе священник, или паче — по святемь Генадии патрпархи Новаго Рима — трижда вкупе?

---

[25] *Доб.* бо *Б.* [26] *Нет. Ч.* [27] человечьскимь *МБЧ.* [28] предавати *МБЧ* [29] *Доб.* иному *МБЧ.* [30] но *Б.* [31] прибывша *БЧ.* [32] *Доб.* своя *Б.* [33] *Исправлено на* нищих, *как в МБЧ.* [34] оставляюще *МЧ.* [35] подаваюгь *М.* [36] убо *М.* [37] воскладаху *МБЧ.* [38] *Нет* Б. [39] *Доб.* бо *МБЧ.* [40] двоицею *МБЧ.*

Слышите и толкованиа тому же — в 25-мь правиле речено бысть: «Не подобаеть двократы мъщати о едином». Сде же и в обою правилу сею сугубо наводить казни злобы ради преумножения [41] и прегрешениих тяжести.

Ничто же есть убо злейшее сего, еже божественое дарование куплением себе приобретаеть, мьздою или силою княжьскою. Тако ж и продаяй то яко раба вменяеть Святаго духа дар. Яко же в сборном послании Тарасьеви, святейшаго патриарха Костантинаграда к папе старейшаго Рима Андреянови тако писано есть: «Отраднее будеть Македонию и прочим духоборцем, неже сим. Они бо тварь и раба божия и отца Святаго духа блядословяху, а сии раба себе створять [42] его: еже бо аще кто продаеть, и купляй его владыка хощеть быти купимому, ценою бо [43] среброною притяжаваеть то».Тако бо суть непрощена прегрешения такова! И того ради купующеи и продающеи мьздою или силою княжьскою [44] святительство — и обои извержени и от церкви оттинуд отлучени и изгнани бывають. Святаго же патриарха Генадия послание и проклятием таковыа осужаеть, сице бо глаголеть: «Да будеть отречен таковый и всякого священьскаго достояния же и службы лишен и проклятию и анафеме предан будеть. И приемляй куплению [45] благодать Святаго духа, и продаваяй — аще клирик, аще простець — да будет проклят».

Се слышите правила и заповеди святых апостол и святых отець. Кто же христианни [46] и святым именем Христовым [47] именуяся, смеет дрънзнути инако глаголати? Зане пишеть в Святем писании, яко: «Вся, яже чрес церковнаго предания и учительства и въображениа святых и приснопамятных отець обнавляема и творима или по сем [48] сдеатися хотяща, анафема да будеть». И по других глаголех,[49] яко: «Иже в небрежение полагающим священная и божественая правила блаженых отець наших, иже святую церковь утвержають и, все христианьское жительство украшающе, к божественому наставляють [50] благогове[и]ньству, анафема да будеть».

Сим сице имущим, как у вас стоить на митрополице месте чернець в манатии святительской и в клобуце, и перемонатка святительская на нем, и посох в руках? И где се бещиние [51] и злое дело слышалося? Ни в которых книгах. Аще брат мой преставилъся, аз есмь святитель па его место.[52] Моя есть митрополия. Не умети было ему наследника оставляти при [53] своей смерти. Коли слышалося преже поставления възлагати на кого святительскыя одежи, их же нелзе никому же носити, но токмо святителем единем? Како же смееть стояти на месте святительском? Не блюдеть ли ся казни божиа? А еще [54] страшно и трепетно и всякиа грозы исполнено еже створить: [55] садится в свя-

---

[41] преумножныя *Ч*. [42] творят *МБЧ*. [43] *Нет МЧ*. [44] *Доб.* в *М*. [45] куплею *МБЧ*. [46] крестьянин *МБ*. [47] Христосовым *М*. [48] сих *Б*. [49] глаголеть *МБЧ*. [50] наставляеть *Б*. [51] бесчеснея *Б*. [52] месте *Ч*. [53] по *МБЧ*. [54] еже *Б*. [55] творит *МБЧ*.

том олтари на наместном месте. Веруйте, братия, яко лучше бы ему не родитися! И аще долготерпить бог и не ниизъпосылаеть казнь, к вечной муце готовить таковых.

А что клеплють митрополита, брата нашего, — что он благословил есть[56] его на та вся дела, тъ есть лжа. Понеже пишеть 34-е правило святых апостол и Антиохийскаго сбора правило 9-е, съгласующе сему, глаголеть бо: «Кроме болшаго своего да не творять епископи ничто же, разве своего предела кождо, ни же болший,[57] не сущим иным, — за единьство». Или утаилося есть нам, како учинилося есть на смерти митрополичи? Виде грамоту, зап[и]сал митрополит, умирая. А та грамота будеть с нами на великом сборе.

А се буди вам сведомо.[58] Полтретия лета мне в святительстве; а как выехал[59] есмь на Киев — [60]две лете[61] и 14 дний до сего дни, иже есть иуня месяца 23 день. Не вышло[62] из моих[63] уст слово[64] на[65] [66]князя на великого на Димитрия ни до[67] ставления, ни по поставлении, ни на его княгыню, ни на его бояре.[68] Ни доканчивал есмь с ким иному добра хотети [69]боле его[70] — ни делом, ни словом, ни помыслом. Несть моеа вины пред ним. Паче же молил есмь бога о нем, и о княгини, и о детех его, и любил есмь от всего сердца, и добра хотел есмь ему и всей отчине его. И аще кого услышал есмь где пригадывающа на его лихо, неневидел есмь его. А коли где пригажаломися сборова,[71] ему болшее место велел есмь «многа лета» пети, а да потом иным.

Аще[72] кого в полону отведена где изнашел есмь из его отчины, колка сила моя была, выимая от погани,[73] отпускал есмь. Кашинцев нашел есмь в Литви два года в погребе седящих и княгини деля великой вынял есмь их како мога,[74] клячи под них подал[75] есмь и отпустил их есмь зятю ея, князю кашиньскому.

Которую вину нашел есмь на мне князь великий? Чим яз ему виноват или отчине его? Яз[76] к нему ехал есмь благословити его, и княгиню его, и дети его, и бояр его, и всю отчину его, и жити ми[77] с ним в своей митрополии, как и моя братия с отцем его и з дедом с князьми великими. А еще с дары честными хотел есмь дарити. Кладет на мене вины, что был есмь в Литве первое. И которое лихо учинил есмь, быв тамо? Не зари же ми никто же — что иму говорити.

---

[56] *Нет МБЧ.* [57] болшим *М.* [58] ведомо *Ч.* [59] въехал *М.* [60–61] 6 лет *М.* [62] *Нет Ч.* [63] *Нет Ч.* [64] *Нет Ч.* [65] *Дважды Ч.* [66–67] *В Ч — тайнопись в виде разделенных точками и снабженных надстрочными знаками следующих букв*: м в м с к в т р ы н л н е а ш х о я л н д л ь в з к. [68] бояр *Б*; *М и Ч на этом оканчиваются, М — вследствие утраты последних листов книги*; *Ч завершают слова*: слава тебе аргъ (*или* аггъ). [69–70] ему боле *Б.* [71] сбороватп *Б.* [72] И аще *Б.* [73] *Доб.* и *Б.* [74] *Доб.* п *Б.* [75] давал *Б.* [76] И яз *Б.* [77] *Нет Б.*

Аще был есмь в Литве, много христиан горькаго плененна освободил есмь. Мнозе от невидящих бога познали нами истинпаго бога и к православной вере святым крещением пришли. Церкви святыа ставил есмь. Христианьство утвердил есмь. Места церковная, запустошена давными леты, оправил есмь приложити к митрополии всея Руси. Новый Городок литовьскый давно отпал, и яз его оправил и десятину доспел к митрополии же и села. В Велыньской же земли тако же: колько лет стояла Вол[од]имерьская епископиа без владыки, запустошала; и яз владыку поставил и места исправил. Тако же отприснаа[78] села софийская отпала к князем и бояром, и яз тых доискываюся. И оправдаю,[79] чтобы[80] по моей смерти было кого бог оправдаеть.

Буде[81] вамь сведомо, что брату нашему Одеюрееви мнвропродиву[а] не волно было сласти ни в Велыньскую землю, ни в Литовьскую владыку которого, или звати, или дозрети которое дело церковное, или поучити, или посварити на кого, или казнити виноватаго — или владыку, или архимандрита, или игумена, или князя поучити, или боярина.[82] Святительскым недозиранием[83] которыйждо владыко, не блюдася, по своей воли ходил как хотел. А попове и черньци и вси христиане — как животина бес пастуха.

Ныне же, божиею помощью,[84] нашим потружанием, оправилося церковное дело. И годилося князю великому нас с радостию прияти, занеже в том болша[85] ему честь. Яз потружаюся[86] отпадшая место приложити к митрополии и хочю укрепити, чтобы[87] до века так[88] стояло на честь и на величьство митрополии. Князь же великий гадает двоити митрополию. Которое величьство прибудеть ему от[89] гадкы? Хто же ли се пригадывать ему?

Которая есть моя вина перед князем перед великим? Надеяся[90] на бога: не найдеть в мне вины на единыя. И аще ли бы вина моя дошла которая, ни годится князем казнити святителев: есть у мене патриарх, болший над нами, есть великий сбор, и он бы тамо послал вины моя, и они бы с исправою мене не[91] казнили. А се ныне без вины мене обещестил, пограбил,[92] заперев, держал голодна и нага, а черньци мои на другом месте. Слуг моих опрочь мене заточил у ночи. А слуг моих нагих отслати велел с бещестными словесы. И хто можеть[93] изрещи хулы, их же на мя изрекли! Се ли въздасть мне князь великий за любовь мою и доброхотение?

Слышите же, что глаголеть сбор святый, иже Первовторый именуемый, събравшися в храме Божии Слова Премудрости,

---

[а] *Т. е.* Алексееви митрополиту — *тайнопись* (*заменены согласные*). [78] оприсная *Б.* [79] оправляю *Б.* [80] *Доб.* и *Б.* [81] Веде *Б.* [82] *Доб.* И *Б.* [83] недозрением *Б.* [84] *Доб.* и *Б.* [85] болшая *Б.* [86] тружаюся *Б.* [87] *Доб.* и *Б.* [88] *Доб.* и *Б.* [89] *Доб.* тоя *Б.* [90] Надеюся *Б.* [91] *Нет Б.* [92] погребех *Б.* [93] хощеть *Б.*

рекше в Святей Софии. Глаголеть бо того сбора святаго правило 3-ее сице: «Аще кто от мирьскых, огосподився и преобидев убо божественых и царскых повелений, преобидев же и страшных церковных обычаев и законоположений, дерзнеть святителя кого бити, или запрети — или виною, или замыслив вину, — таковый да будеть проклят».

Сицево аз ныне пострадал есмь. Сде святый сбор проклинаеть, аще и вину каковую притворять святителю. Мне же которую вину изнайдоша, запревше мене в единою клети за сторожьми? И ни же до церкви имел есмь выхода. Потом же, смеръкшуся другому дневи, пришедше, изведоша мене, не вед[я]щу мне, камо ведуть мене: на убиение ли, или на потопление? А еще бещестнейше: мене ведуще,[94] и сторожеве,[95] и проклятый Никифор воевода — одежами моих слуг оболчени и на их коних и седлех ехающе.[96]

Слыши[97] небо и земля и вси христиане, что створиша над мною христиане!

Что же ли створиша патриаршим послом, хуляще[98] на патриарха, и на царя, и на сбор великий! Патриарха литвином назвали, царя тако же, и всечестный[99] сбор вселеньский. И яз, колика сила, хотел есмь, чтобы злоба утишилася. Тъ бог ведаеть, что любил есмь от чистаго сердца князя великаго Дмитрия и добра ми было хотети ему и до своего живота.

А понеже таковое бещестие възложили на мене и на мое святительство, — от благодати, даныя ми от пресвятыя и живоначалныя Троица, по правилом святых отець и божественых апостол, елици причастни суть моему иманию, и запиранию, и бещестию, и хулению, елици на тот свет свещали,[100] дв оудушь отдумени [б][101] и неблагословении[102] от мене, Киприана, митрополита всея Руси, и прокляти,[103] по правилом святых отець!

И хто покусится сию грамоту сжещи или затаити, и тот таков.

Вы же, честнии старци и игумени, отпишите ми на-борзе, да угонить мене ваша грамота на-борзе, что мудрьствуете, понеже сде се есмь не благословил.

А ко Царюгороду еду оборонитися богом и святым патриархом и великим сбором. И тии на куны надеются и на фрязы, яз же на бога и на свою правду.

Писано же си грамота мною месяца иуня в 23 день в лето 6886, индикта перваго.

Мне же их бещестие болшу честь приложило по всей земли и в Царигороде.

[б] *Т. е.* да будуть отлучени.

[94–95] исторгоша *Б.* [96] ездяху *Б.* [97] Слышите *Б.* [98] хулящим *Б.* [99] весь *Б.* [100–101] дщ вудушь отдумини *Б.* [102] вобдввсни *Б.* [103] да будут пбокдат(и) *Б.*

III. 18 ОКТЯБРЯ 1378 г.

Того ж.

Благословение и о Святем дусе възлюбленым сыном нашего смирения имярек, имярек, имярек. Благодать, мир. Здравия душевнаго и телеснаго и делом спасеным молится наше[1] смирение от бога вседержителя вам с всею же[2] о Христе братиею.

Елико смирение, и повиновение, и любовь имеете к святей божией церкви и к нашему смирению, все познал есмь от слов ваших. А како повинуитеся к нашему смирению, тако крепитеся. Яз бо славы не ищу, ни богатьства, но митрополию свою, ю же ми есть предала святая божия великая церкви. А смирения и съединения церковнаго желаю и христианьскаго. А хто нас не въсхотели — потом познають истину.

А яз без измены еду ко Царюгороду, а пред собою вести послал же есмь.

А вы, сынове, не тужите. Молите же господа бога, да сподобить нас видетися, и тогда утешимся веселием духовным и възрадуемся.

Писася си грамота месяца октября в 18 день в Кееве,[3] в митрополии.

---

[1] нашему *Б*. [2] еже *Б*. [3] Кыеве *Б*.

IV. 1381 г.*

ОТ ИНОГО ПОСЛАНИЯ О ПОВИННЫХ

Богом вседержителем нареченному из чрева матере своея единочадым его сыном, господомь нашим Иисусом Христом почтеному господьскым и царьскым саном и пресвятым и благим и животворящим Духом его зблюдаему и усиляему на предспение господьскых же и царьскых разум и державы, благоч[ес]тивому великому князю: благодать господа нашего Иисуса Христа, любы бога и Отца, причастие Святаго духа да будеть с тобою.

По благочестию аз же 4 епископ, се же по судбам божиим, аще недостоин, — твоего же ради еже к богу потщания велия и еже к нему веры теплыя и до нас худых простретья любве, еже хотения молитвы. Рекше Спасу нашему Христу: «Приемляй пророка во имя пророче мызду пророчю приемлеть, приемляй праведника в имя праведниче мьзду праведничю приемлеть». Еже «понеже створисте от менших си[х] братии моей, и мне створисте». Се же есть твоеа благоч[ес]тивыа душа[1] и божественыя душа[2] и божественыя[3] разум еже в всех и от всех искати ползы своему спасению иже[4] и здравию. Се же есть дар божий еже есть таков разум имети в сердци своем, [5]поистинно и[6] достойно еже о сицевых пещися.

---

* *В рукописях (СБ) это послание помещается последним, пятым.*

[1] *Нет Б*. [2-3] *Нет Б*. [4] же *Б*. [5-6] попст(и)не бо *Б*.

По Спасову слову: «Ему же дасться много, [7] и много [8] въстяжется от него»; сего ради требе и много смотренне твоему благочестию, да и многих управиши к [9] богови [10] в своем царстве, понеже сын божий наречеся по благодати и образ божий носиши. Да и подасть ти еже [11] прият, да и зблюдеши, в твоем бо есть разуме. Поминаяй же [12] честнаго прадеда ти [13] Володимира равна апостолом подщание еже к богу, еже от злых на благое уклонение и како тмы тмами и[х] [14] приведоша [15] к богови [16] святым просвещением, из самех уст адовех исхитивши. Тако же и благочестиваго и приснопамятнаго святаго деда твоего — како славится о нем еже о христоименитых людей [17] попечение многое. Тако же и христолюбиваго великаго князя отца твоего [18] кротость же и милость и [19] безлобие многое, и богобоязньство, и правда, яко же пророк рече [20] о Давиде: «Избрах Давида мужа кротка по сердцю моему». Се бо поистине раб божий беаше в [21] всем. Да оного поминая еже от злобы на добро совращение и потщание апостольскаго управления, сего же еже о людех попечение много, святаго же ти отца еже добродетелное исправление — да семи всими, потщався исправлений и приимши от бога прошение твое въскоре, и безмятежно и долголетно поживеши в нынешнем царствии и будущаго и неизреченнаго и бесконечнаго царства съобещник с богом будеши, иже есть выше ума и смысла человеча. О сем молимся богови, аще и недостойне есмы.

Молю же о [22] сем твое державное царство, да и милостив будеши съгрешающим к тобе, исполняя Спасово слово, еже рече: «Аще оставите человеком съгрешения их, и отець вашь небесный оставить вам съгрешения ваша», — да бы еси милость свою явил на съгрешившем к богу и тобе на имярек, рекшу господу: «70 седморицею пращайте их», «Оставляйте брату съгрешения его», да яко же в многих, тако же и о сем явится человеколюбие твое: да будеши съвершен, Спасу рекшу: «Яко же *отець* вашь небесный свершен есть».

Бог [23] милостию своею и молитвами святыа Богородица съблюдет тебе в царствии твоем от всякого зла и на противныя победы даруеть, в будущем веци [24] жизнь вечную, благодатию и человеколюбием [25] единороднаго Сына твоего [26] в векы.[27] Аминь.[28]

[7-8] *Нет Б.* [9] *Нет Б.* [10] *Доб.* и *Б.* [11] *Доб.* и *Б.* [12] еже *Б.* [13] *Нет Б.* [14] *Нет Б.* [15] приведшю *Б.* [16] *Доб.* и *Б.* [17] людех *Б.* [18-19] кротостью же и милостью *Б.* [20] *Начиная с этого места некоторых слов и частей слов не хватает в Б вследствие того, что оборван край листа.* [21] по *Б.* [22] и о *Б.* [23] *Доб.* же *Б.* [24] вече *Б.* [25-27] *Нет Б.* [26] *Должно быть, конечно,* своего. [28] *В Б доб. приписка, заканчивающая одновременно и всю книгу*: Аще буду, господа, в моде (!) уме где описалъся, и вы собои исправлив(а)ите, а не клените.

V. КОНЕЦ 1382 ИЛИ НАЧАЛО 1383 г.

Того же.

Благословение о Святем дусе възлюбленому сыну моему 1 игумен[у] с всею еже о Христе братиею.

Буди ти[1] сведомо, сыну: еду к Царюгороду коньми на Волошьскую землю.

Мне не хотелося от своих детий нигде не бывати. Да что взяти! Хто мене в труд путный вложил в сее время? Господь бог пак[и] да подасть ему познати истину. А мне борзо бытп у вас из Царягорода. А лживаго человека и льстиваго бог объявить.

Ты же прележи своей пастве, ведый, яко о них слово въздаси богови. Аще ли кто не послушаеть, о том болши прилежи и учи. Веси бо слово господне, глаголющее: «Изводять честное от недостоиньства, яко уста моя будеть». Маловременна бо есть жизнь наша, и блажен человек, ходяй в заповедех господних.

Отпиши же ми ко мне — дати ми сведомо, как еси. А господь бог да съблюдеть вас неврежены.

---

[1] *Нет Б.*

Приложение II

ЖИТИЕ МИТРОПОЛИТА ПЕТРА

Житие митрополита Петра в редакции митрополита Киприана публикуется здесь по пергаменной Служебной минее на декабрь месяц, хранящейся в Харьковской государственной научной библиотеке им. В. Г. Короленко под № 816281, л. 128 об.—140. Исследованию этой рукописи я посвятил особую работу, где привожу соображения в пользу 80-х гг. XIV в. как времени ее создания и ближайшего окружения митрополита Киприана как среды ее происхождения. Допускаю, что встречающиеся в этой рукописи исправления и греческие пометы на полях сделаны самим митрополитом.[1]

Текст Жития дан в этой рукописи в той же точно редакции, что в Сборнике XV в. (ГИМ, соб. Уварова, № 1045, лл. 98—108 об.), но в намного лучшем, более исправном, можно сказать, отличном виде. В существующих изданиях Жития[2] текст или немного, или существенно отличается; в составе Великих Миней Четьих — его распространенная редакция. Каково взаимоотношение редакций? Это можно будет решить, как справедливо пишет Л. А. Дмитриев, «лишь после полного текстологического анализа всех выявленных списков киприановского Жития Петра».[3] Думаю, что публикация харьковского списка облегчит задачу исследователей. Прочим же читателям она даст возможность, не выпуская из рук этой книги, сопоставить так или иначе посвященные истории Митяя разные литературные произведения.

---

[1] См.: Прохоров Г. М. Древнейшая рукопись с произведениями митрополита Киприана. — Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978 (в печати).

[2] Макарий, архиеп. История русской церкви, т. IV, кн. 1. СПб., 1866, с. 308—312; Памятники славяно-русской письменности, изданные имп. Археографическою комиссиею, 1. Великие Минеи Четии. Декабрь, дни 18—23. М., 1907, стб. 1620—1646; Книга Степенная царского родословия. — ПСРЛ, т. XXI, 1-я половина. СПб., 1912, с. 321—332; Ангелов Боню Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958, с. 159—176.

[3] Дмитриев Л. А. Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиции Великотырновской книжной школы (в печати).

МЕСЯЦА ДЕКАБРЯ В 21 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ И МАЛО ИСПОВЕДАНИЕ ОТ ЧЮДЕС ИЖЕ В СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО ПЕТРА АРХИЕПИСКОПА КЫЕВЬСКАГО И ВСЕЯ РУСИ. СПИСАНО КИПРИАНОМЬ СМЕРЕНЫМ МИТРОПОЛИТОМЬ КЫЕВЬСКЫМЬ И ВСЕЯ РУСИ. ГОСПОДИ БЛАГОСЛОВИ ОТЧЕ.

Праведници в векы живуть и от господа мьзда их, и строение их от вышьняго. И праведник, аще постигнеть скончатися, вь покои будеть. И похваляему праведнику, възвеселятся людие, занеже праведьнымь подобает похвала. От сих убо един есть и иже ныне нами похваляемый священноначалникь. И аще убо никто же доволен ныне есть похвалити достойное по достоиньству, но пакы неправедно, судих, таковаго святителя венець неукрашен некако оставити, аще и прежде нас бывшии самохотиемь преминуша. Смотрение и се некое божие, мню, и святаго дарование, яко да и мы малу мъзду приимемь, яко же и вдовица она, принесъшпа две медьници.

И аз убо многыми деньми томим и правлачимь[а] любовию к истинному пастуху, и хотящу ми малое некое похваление принести святителю, но свою немощь сматряющу недостижну к оного величьству, удержаваахся. Пакы же до конца оставити и облепитися тяжчайша вьмених. Сего ради, на бога всю надежду възложив и на того угодника, по дело выше меры нашея прияхся — мало убо ми от житиа его поведати, елико бог дасть и елико от сказателей слышах, мало же и от чюдес его. Ни бо аще не можеть кто всю глубину исчрипати, оставити тако и не поне малою чашею прияти и прохладити свою жажду? Так и о семь недостойно судих, на его ми месте стоящу и на его гроб зрящу, и того же ми престола наследствовавшу, его же он преже лет остави и к небесным обителемь преиде. Начну убо еже о немь повесть.

Рождение же его и вьспитание и еже изь мира изъшествие. Съй убо блаженый Петр родися от християну и благоговейну родителю вь единомь от мест земля Велынскыа. Прилучи же ся нечто сицево и прежде рождениа его, еже не достоить молчанию предати. Еще бо ему сущу в утробе матерьни, в едину от нощий, свитающи дневи недели, виде видение таково мати его. Мнеше бо ся ей агньца на руку дръжати своею, посреде же рогу его древо благолиствьно израстъше и многыми цветы же и плоды обложено, и посреде ветвей его многы свеще светящих и благоуханиа исходяща. И възбудившися, недоумеаше, что се или что конець таковому видению. Обаче аще и она недомышляшеся, но конець последе с удивлениемь яви, еликыми дарми угодника своего бог обогати.

Рождьшу же ся отрочати, и седьмаго лета възрасти[б] достигшу, вдано бываеть родительми книгам учитися. Но убо учителеви с прилежаниемь ему прилежащу, отроку не спешно учение творяшеся, но косно и всячьскы неприлежно. О семь убо немала

[а] *Так в ркп.* [б] *Так в ркп.*

печаль бяше родителем. Немалу же тьщету се вьменяаше себе и учитель его. Единою же яко во сне виде отрок некоего мужа вь святительскых одеждах пришедша и ставьша над нимь и рекша ему: «Отверзи, чадо мое, уста своя». Оному же отверзъшу, святитель десною рукою прикоснуся языку его, и благословивьшу его, и яко же некоею сладостию гортань его нальявшу. И абие възбудися отрочя и никого же виде. И от того часа вся, елика написоваше ему учитель его, малымь проучениемь изъучааше, яко и в мале времени всех сверьстник своих превьзыде и предвари.

Бывшу же ему двоюнадесятимь летом, иде к прилежащей тамо пустыни в един от манастырь, и от тамо сущаго игумена постризается и кь братии причитается. И с от'ятиемь убо власныим и всяко мудрование съотрезуеть плотское, и бываеть свершен в всемь послушник, духовному отцу своему последуя. Вь поварню убо воду на раму своемь и дрова носяя, и братня власяница измывая, зиме же и лете се творя бесъпрестанно. Ни же се остави правило, еже по звону церковному пръвому обретатися вь церкви вь нощных и дневьных правилех, и по скончани после же всех исходити. Но и стоащу ему вь церкви и с благоговениемь послушающу божественаго писаниа с всякымь прилежаниемь, николи же въсклонися к стене. И лета убо доволна вь таковомь устроени проводи день от дне, яко же некоею лествицею въсхождениа вь сердци полагаше, по Лествичника указанию же и слову. Всегда убо наставника во всем послушая и братиамь без лености служа, не яко человекомь, но яко самому богу. И всем образ бываше благ к добродетелному житию смерениемь, и кротостию, и молчаниемь.

По времене же и даиконьское служение приемлет разсуждениемь наставничим. Потом же и презвитерьскому сану сподобися. И ни тако пръваго служениа не преста, еже служити братиамь с всякымь смерениемь в съкрушени сердца, но вь желание приходить учению иконному, еже и въскоре навыче повелениемь наставника. И сему убо делу прилежа, и образ Спасов пиша и того всенепорочныа Матере, еще же и святых въображениа и лица, и отсюду ум всяк и мысль от земных отводя, весь обожен бывааше умомь и усвоевашеся к вообрaжениемь онех, и болшее рачение кь добродетелному житию прилагаше, и к слезам обращаашеся. Обычай бо есть в многых се, яко егда любимаго лице помянет, абие от любве кь слезам обращается. Сице и съ[й] божественый святитель творяше, от сих шаровных образов к пръвообразным ум возвождаше. И убо преподобный отець нашь и божий человек без лености иконы делааше. Наставник же, сих приемля, раздавааше — ова братиамь, ова же и некыимь христолюбивыим приходящиимь в монастырь благословениа ради. По времене же, благословениемь и повелениемь наставника своего, исходить от обители. Ни бо достоаше таковому человеку не преже

проити вся степени и потомь на учительскомь седалищи посадитися.

Исходить убо от обители и обьходить округ места она пустынная, и обретаеть место безмолвьно на реце, нарицаемой Рата, и ту жилище себе въдружаеть, и труды многы под[ъ]емлеть, и болезни к болезнемь прилагает, и поты пролиет. И церковь въздвизаеть во имя Спаса нашего Иисуса Христа, и келии въставляеть вь пребывание к приходящей к нему братии. И вь мале времени събрася к нему немало число братий. И съ[й] убо блаженый печашеся о их спасении, яко отець чядолюбив. И не точию словомь учаше сих, но и деломь болшее наказуаше тех. Бяше бо нравомь кроток, молчалив же в всемь, и не яко старейшина показуашеся брат[и]и, но последни всех творяшеся. Ни же когда разъярися на кого съгрешающа, но с тихостию и словом умереным учаше. Беше же и милостив толико, яко николи же просящаго убога или странна не отпусти тъща, но от обретающихся в них подааше, множицею и вьтаи брат[и]и, поминая рекшаго: «Милуяй нищаго богу вьзаимь даеть», и самого господа послушаа, повелевающа: «Будете щедри, яко же отець вашь небесный щедр есть». Множицею бо, не имы что ино дати просящим, дааше от икон писомых от него, иногда же и власаницу, снемь с себе, дасть на пути убогу, томиму зимою.

И в сицевых убо пребывая подвигох же и исправлени[и]х, не мощно бе граду укрытися, на горе добродетели стоащу. Но и князю тогдашьному в слух приде добродетелное мужа житие, и велможамь такожде, и просто рещи — всей стране и земли оной. Тогда бо беше вь своей чьсти и времени земля Велыньскаа, всякымь обильствомь преимущи и славою, аще и ныне по многых ратех не такова, обаче и вь благочести. И всеми убо чтомь и славимь бе дивный съ[й] человек — княземь убо и славными велмужи. И вси слово и учение его приимаху.

Тогда убо прилучися и святителю оному Максиму, иже в она лета престол всея Рускыя земля украшаше, проходити землю ону, поучаа люди божиа по преданному уставу. Прииде же се[й] божий человек Петр с своею братиею благословениа от святителя приати, и образ пречистыа владычица наша Богородица, иже бе сам написал, принесе ему. Святитель же божий, оного убо с братьею благослови, образ же Пречистыа сь великою радостию приемь и, златом и камениемь украсив, у собе дръжаше, во дни и в нощи моляшеся ей непрестанно о съхранени и съблюдени Руской земли даже до своего живота.

И житиа убо сего конець премени архиепископ Максим, и тело его вь гробе положено бысть вь славной церкви пречистыа владычица наша Богородица и приснодевица Мариа в преименитомь граде Володимери. Геронтий же некто, игумен сы[й], дерьзну дерзостию, въсхытити хотя сан святительства, не веды, яко «всяк дар свершен свыше есть, сходя от бога, отца светом», ни бо слыша Писание, глаголющее: «ни хотящему, ни текущому»,

но милующему богу». Но тако самовластиа недугом объят быв, своеумиемь на таковую высоту дрьзну. Некако и время благополучно себе творяше, никому же вьзбраняющу ему от таковаго бесловесиа. Под[ъ]емлеть убо подвигы: приемлеть же и святительскую одежу, и утварь, еще же и ту самую икону, ю же бе своею рукою отець нашь Петр написал и Максиму принесл. Поемь же и жезл пастырьскый и церковныя сановникы, и поиде к Константинуграду, яко готово имея чаемое.

Се же услышано бысть по всей земли Руской даже и до Вельıни, еже и мнози негодоваху. Князь же Вельньскыя земли съвещавает съвет не благ: въсхоте Галичьския епископии вь митрополь претворити, изветомь творяся, Геронтиева высокоумиа не хотя. И нападаеть на Петра словесы, подъгнещая его к Царюграду. И се убо творяше на многы дни, овогда сам князь собою глагола Петрови, овогда же боляр и съветник своих посылая к нему. И святый прекланяется, исходит кь словесемь их, и сам убо кь путеви управляшеся.

Князь же вьтай Петра написуеть писанна сь молениемь к святому патриарху и к всему священному сбору, прося молениа своего не погрешити, но того самого Петра на святительскомь престоле видети прошаше. И посла убо сь писанми посылает сь Петром.

Геронтиеви же на море пришедшу, на корабль въсходить и к Царюграду устръмляется. Преподобному же отцу нашему Петру море достигшу, таже и на иномь месте в корабль вьшедшу и тому же Царюграду попловувшу. Но Геронтьеви злополучно некаково плавание случися, буря бо велика вь мори воздвижеся, и съпротивьнии ветри от носа кораблеви опрешася и нужу велику кораблеви творяху, и волны великы двизахуся. Петрову же кораблеви тих некый и хладен, яко же зефир, и пособен ветр бысть. И яко же во сне море прешедшу, кь стенам Константина града прелетевьше.

Геронтиеви же вь печали сущу, в нощи явися ему икона пречистыа Богородица, ю же бе, яко преди сказахом, своима рукама Петр преподобный написал, глаголющи ему сице: «Вьсуе тружаешися: толику путеви вдалъся еси! Не вьзыдет на тя святительскый великый сан, его же въсхытити въсхотел еси. Но иже мене написавый Петр, игумень Ратьскый, служитель Сына и бога моего и мой, тьй възведен будет на высокый престол славьныа митрополи Рускыя, и престол украсит, и люди добре упасет, о них Христос, сын мой и господь, кровь свою, от мене заимованную, пролиа. И сице богоугодно поживь, вь старости мастите кь желаемому владыце и пръвому святителю преидет радостно». Таковое бо видение Геронтий видев и словеса услышав от честнаго и славныа Пречистыа образа, абие възбудися и начат сказовати всем сущимь с нимь, сице глаголя: «Вьсуе тружаемься, брат[и]е: желаемаго не получим». Онем же вину вьпрашающимь уведети, всем виденнаа и слышанаа сказует. И тако по мнозех истопленни и бурях, едва възмогоша Царяграда доити.

Но убо, яко же рехом, преподобному отцу Петру Константина града предваривьшу, исходить ис корабля и кь святому патриарху вь преименитый храм святыа Премудрости Божиа Слова въсходить. Бе же тогда патриаршьскаго вселеньскаго престола украшеваа святый Афанасий дивный. И Петру убо в двери вьходящу, иде же бе патриаръх седя, благоухание некое исполнися храмина она. И разуме Духомь святым патриарх, яко приходомь Петровымь благоухание оно бысть, и прият его радостне, благословению сподоби его сь веселиемь. Потомь же, яко и вину пришествиа их уведе, абие сбор съзываеть священнейших митрополитов, и избрание по обычаю сътваряють. И явися достоин иже и прежде рождениа нареченый Петр, и в мори такожде образом пречистыа Богородица. И патриарху убо с священным сбором божественую тайную службу свершающу, свещает и дивнаго Петра, светилник на свещнице поставив, яко да всем сущимь вь храмине светить. И учителя того и пастуха земли Руской уставляеть. Тогда убо, яко же от некыих истинных слышах поведающих, лице его, рече, просветися, яко всем служащимь с патриархомь удивитися. От сего убо болшее извещение патриарх с всем сбором приемь, глаголаше, яко: «Се человек повелениемь божиимь приде к нам, и того благодатию добре стадо упасеть, порученое ему». Быть веселие духовное в день он.

По малех же днех и Геронтий прииде к Царюграду по многых истомлених, яко же преди написахом. И въсходить и тъ[й] к святейшому патриарху и, не хотя, вся прилучьшаася ему сказует, еще же и сонное видение. Патриарх же доволно словеса извеща, еще же и от правил богоносных отец наших прирек, яко не достоить миряномь избраниа святительскаа творити, ни же никому смети самому на таковый сан дрьзати, не преже от святаго сбора избран, паче же от пресвятаго и живоначалнаго Духа назнаменан. И ина многа словеса от святых правил и божественых писаний изрече ему, абие препокои слово. Ризы же святительскыа с честною иконою и пастырьскый жезл, тако же и церковныа сановникы приемь, в руки предаеть истинному святителю и божию человеку Петру, сице рек: «Приими Богородичный святый образ, иже ты своима рукама написал еси. Сего бо ради и въздарие тебе дарова сама икона, о тебе прорек».

И оттоле убо святейший патриарх Афанасий на всяк день беседы душеполезныя простирааше, святителю Петру глаголя сице: «Блюди убо, чядо и брате о Христе възлюбленый, в каковы и коликы подвиг вьшел еси. Се тебе великый корабль Христос бог поручил есть наставляти и правити и к пристанищем спасениа привести. Да не обленишися никогда же, да не уныеши, да не отяготишися великымь попечениемь величьства и множества земля Руския. Се приемникь быти апостольскаго служениа, делателя тебе Христос винограда своего постави. Буди подражатель апостолом, буди ученик истинный Спасов, яко да и ты с дрьзновениемь в второе пришествие его станеши, вьзывая: «Се аз и дети,

яже ми еси дал». И таковыми словесы и иными множайшими всегда блаженаго поучая, по днех славно Коньстантинаграда отпусти.

Оному же изъшедшу и море благополучьне преплувшу, и к святейши митрополи Рускаго престола пришедшу, и мир и благословение всемь подавшу, начат учити богомь порученое ему стадо, преходя от места до места, с елицемь, аще кто речет, смерениемь же, и трудом, и кротостию, поминая рекшаго: «В сердце кротьких почиеть Бог», и пакы: «Сердце съкрушено и смерено Бог не уничижить».

Сим же тако имущимь, не бе лукавому терпети. Но яко изначала человечьскому роду враг и ратник, не хотяй никогда же ползу человечьскую видети, малу спону святому сътвори: некыих подгнети нехотети того пришествиа. По времени же себе зазреша и святителя приаша, и с смерением тому покоришася. Он же не тъкмо [не] злопомни, но и от душа тем отдасть и о них молитву сътвори. И своему делу прилежаше.

По времени же пакы зависти делатель враг завистию подьходить Аньдреа, епископа суща Тиферьскаго предела, легька убо суща умом, легчайша же и разумом, и изумлена суща, и о суетне[й] се[й] славе зинувша, и поостривьша язык свой глаголати па праведнаго безаконие. И съплитает[в] ложнаа и хулна словеса, и посылаеть в Царьствующий град к святейшому и блаженому патриарху Афанасию. Он же удивися, неверна та вьмени. Обаче яко многа суща навеждениа она, посылаеть единого от клирик церковных святый Афанасий с писаниемь, глаголя сице: «Всесвященнейший митрополит Кыевьскый и вьсея Руси, о Святемь дусе възлюбленый брат и съслужитель нашего сьмерениа Петр! Веси, яко избраниемь Святаго духа поставлен еси пастух и учитель словеснаго Христова стада. И се ныне приидоша от вашего языка и твоего предела словеса тяжка на тя, яко же слухы моя исполниша и помысл мой смутиша. Потщися убо сие очистити и исправити».

Таковое убо писание и словеса посланный от патриарха клирик приемь, Руской земли достизает. Но убо шеперная Ондреева не утаишася прежде того пресвященному святителю Петру. И на бога всю възложив надежду, глаголаше: «Тръплю, потръпех Господа, и внят ми», — и: «Аще Бог по нас, то кто на ны?». И яко убо патриархом посланый клирик прииде на Русь, сбор сбирается вь граде Пераяславли.[г] Приходить и боголюбивый епископ Ростовьский Сумеон, и преподобный Прохор, игумен тогда сый. Призвану бывшу и Андрею епископу Тьферьскому, иже бяше и самоделатель всем тогдашним молвам. Князю бо Михаилу тогда самому во Орде сущу, но сынове его приидошя, Дмитрий и Александро, и иных князей доволно, и велмужий много. Еще же и лучьшии от игумен и чернець, и священник множество.

[в] *Так в ркп.* [г] *Так в ркп.*

Тогда посланный патриархом клирик писания и словеса преподобному святителю Петру пред всеми являет. И велику мятежу бывшу о льживомь и льстивом оклеветани[и] святаго. Толико бо молва бысть, яко вьмале не безместьно что бысть, аще не бы самый святитель и божий человек вепль[д] уставил, подражая своего учителя Христа, вьнегда к Петрови рече: «Вонзи ножь свой в ножьницу». Кротка убо учителя кроткый ученик, во всемь ему последуя, глаголаше бо к всем: «Брат'е и чяда о Христе възлюбленнаа! Не унши есмь аз Ионы пророка. Аще убо мне ради ес[ть] волнение се великое, иждените мене, и уляжеть молва от вас. Почто убо мене ради подвижетеся толико?». Обаче онем учителя ради и пастуха добраго всем спирающимся, изыскати хотящим, кто и откуду есть, иже таковаа словеса льживая на отца нашего и святителя възведый, обаче злому делатель не утаися, но всем в явление прииде неправденое еже на святаго Андреево облъгание, и пред всеми посрамлен и уничижен бысть. Святый же Петр ничто же не сътвори ему зла, но пред всеми словесы утешительныими поучив его, рече ему: «Мир ти о Христе, чядо! Не ты се сътвори, но изначала роду человечьскому завидяй диавол. Ты же отныне съблюдайся. Момошедшаа же Господь да отпустить ти». Князя же, и весь причет же, и народ тако же доволне поучив, с миром отпусти. Самь же кь трудом труды прилагааше, данный ему талант во сто хотя умножити. Смерение же тако же к смерению приложи. И без лености прохождааше грады же и в[е]си, поучавая порученое ему богомь стадо, ни труда убо, ни же болезней телесных ощущаа. Тако и в старость приходя бяше, сирымь же убо, и вдовицам, и убогым яко присный отець являашеся.

В то же время и Сеить еретик явися, туждаа церкве Христовы и православныа веры мудрьствуя, его же святый препре. И непокоряющася того, проклятию предасть, иже и погыбе.

И яко убо прохожаше места и грады Божий человек Петр, прииде в славьный град, зовомый Москва, еще тогда мало сущу ему и не многонародну, яко же ныне видим есть нами. В том убо граде бяше обладуя благочестивый великый князь Иоан сын Данилов, вьнука блаженаго Александра. Его же виде блаженый Петр вь православии сиающа и всякыми добрыми делы украшена, милостива суща до нищих, честь подавающа святыимь божиимь церквам и тех служителем, любочьстива к божественымь писаниемь и послушателя святых учений книжныих, и зело възлюби его божий святитель. И начат болшее инех мест жити в том граде.

Съвещавает же съвет благ князю, съветуя ему, яко да сътворить церковь, каменемь съставлену, во имя пречистыа владычица нашеа Богородица и приснодевица Мариа, пророчьствовав сице, яко: «Аще мене, сыну, послушаеши и храм пресвятое Богородици въздвигнеши вь своем граде, и самь прославившися паче инех князий, и сынове и вьнуци твои в роды, и град съ[й] славен будет

[д] *Так в ркп.*

в всех градех Русскых, и святители поживуть в нем, и възыдут „руки его на плеща враг его“, и прославиться Бог в немь. Еще же и мои кости в немь положени будут». Сиа убе словеса князь от учителя с радостию великого прием, начят с тщаниемь о церкви прилежати. И основанней бывши, начят день от дне спеати и въздвизатися. И самому святому прилежати на всяк день спешити.

И бяше убо веселие непрестанно посреде обоих духовное. Князю убо во всемь послушающу и честь велию подавающу отцу своему, по господнему повелению, еже рече к своим ученикон: «Приемляй вас мене приемлеть». Святителю же пакы толико прилежащу сынови своему князю о душевных и телесных, яко с Павломь ему глаголати.[e]

И яко убо начят церковь свершатися, проуведе святый смерть свою божиимь откровением, и начят святыма своима рукама гроб себе творити близь святаго жерьтвеника. И по свершении его пакы виде видение, възвещающее ему житиа сего исхождение и к богу, его же измлада възлюби, прехожение. И весь радости исполнися.

И дневи бывшу, сам въходить в церковь и божественую служьбу свершает. Помолився о православных же царех и князех, и о своемь сыну, его же възлюби — благочестиваго глаголю князя Иоана, — и за все благочьстивое христианьское множество всея Рускыа земля, и о умерших тако же въспоминание сътвори, и святымь таинам причастився. По изъшествии же его из церкве призывает весь причет и доволно поучив их, яко же обычай бяше ему творити. От оного убо часа не преста милостыню творити всем приходящимь к нему убогым, такожде же и монастырем, и по церквамь иереом. И яко убо позна свое еже из мира исхожение и час уведе, призывает некоего именемь Протасиа, его же бе князь старейшину града поставил. Князю бо тогда не прилучися в граде. Бе же Протасий он мужь честен, и верен, и всякыими добрыми делы украшен. И рече ему: «Чядо, се аз отхожу житиа сего. Оставляю же сыну своему възлюбленому князю Ивану милость, мир и благословение от бога и семени его до века. Елико же сын мой мене упокои, да въздасть ему бог сторицею вь мире семь, и живот вечный да наследить. И да не оскудеет от семени его обладая местом его, и память его да упространится». Таже елико имяше влагалище дасть ему, завещав на церковное сверьшение истъщити то. И всем вкупе мир дав, начят вечерню пети. И еще молитве сущи в устех его, душа от тела его исхождааше. Самому рукы на небо въздевшу, и тело убо на земли оста, душа же на небеса възлете кь желаемому Христу.

И князю убо с великою скоростию вь град приспевшу с всеми велможи своими, о преставлени[и] добраго отца и благоучителя

---

[e] *В ркп. ГИМ, Увар., № 1045 (613), XV в., л. 102, здесь сверх того читается* Мнехъся и сам аз отлучен быти от Христа по брат[и]и своей. — *Ср.: Послание апостола Павла к римлянам, 9, 3.*

велми тужаше, и на одр святаго поставлеше, кь церкви понесоша, яко же обычай есть мерьтвымь творити. Страшно же нечто прилучися тогда и всякого ужаса исполнено. Человек некый неверие имея к святому прежде, и тъ[й] приде посреде народа оного, вь помысле своемь понашая его, глаголя: «Почто самый князь и колико народа предходять и последують единому человеку мрътву и толику честь дають ему?». И оному убо таковаа помышляющу вь сердци своемь, абие виде, яко же послежде с извещениемь сказа, святаго на одре ономь седяща и с обою страну одра народ благословляюща — и князя предидущаго, и последующий народ. И одр убо с мощьми к гробу принесьше, иже сам собе беше уготовал, поставляють его в немь, месяца декабриа в 21 день, иде же и ныне лежит, чюдеса различная точа иже с верою приходящим.

По двадесятих же днех еже вь гробе положениа его унюша некый, от рождениа своего имея руци расслаблении отнудь недвижимы, яко ни к устом мощи принести их, съ[й] убо к гробу святаго с теплою верою притече, с слезами моляся, и абие исцеление получи. Потом же слукому исцелениа дарова, слепому же зрение подасть.

Сиа убо тогда явление сдеашася у гроба святаго в малых днех, яже благоверьный князь Иоан, написав, принесе в славный град Володимер. И сборну убо тогда и празничну дневи сътворшуся, на амвоне посреде церкве прочтени быша. Тогда и он тамо прилучися, иже преже неверие имея к святому, яко же преди писахом, поведа посреде народа, како виде его на одре седяща и благословляюща народы, вьнегда к церкви несом бе. Сиа убо князь услышав, и причет, и весь народ, единогласно прославиша бога и того угодника. «Прославляющих бо мя, — рече Господь, — прославлю».

Не преста бо господь от оного дне даже и доныне, знамениа и чюдеса творя у гроба святаго. Приходящеи бо с верою независтне приемлють исцелениемь дары. Болша же исцелениа вьтаи бывають. И в семь и по смерти смирение дръжа божий угодьник, и таинныа и скровеныа болезни исцелеваа.

По времени же прииде Феогност пресвященный митрополит Кыевьскый [и] всея Руси, поставлен святейшим патриархом Исаием. И обрете у гроба святаго Петра толика исцелениа бывающа. Посылает к Царюграду и възвещает патриарху и сбору всему о чюдесех святаго. Патриарх же сбор сбирает, и писанию митрополичю прочтену бывшу, вси единемь гласомь прославиша бога, прославляющаго святых своих. И въсписуеть патриарх Феогностови с всемь сборомь сице: «Пресвященный митрополит всея Руси и всечестный о Святем дусе възлюбленый брате нашего смерения и служитель! Благодать буди и мир от бога твоему святительству. Писание приахом твоего святительства, поведающее убо и извещающее о прежде тебе бывшаго святителя Петра тоя же святейшиа церкве, како прославлен бысть по смерти от бога, и ближний его служитель бысть и угодник, яко и чюдесемь вели-

кыим сврьшатися от него, и всякыа болезни целити. Възрадовахомся убо и възвеселихомся духомь о сем и дольжное богови въздахомь славословие. А понеже от нас выпрашаеть уведети твое святительство, како сътворити о таковых святых мощех, веси и сам, каковый чин вь таковых имат святая божиа церковь. Извещение о том приемши известно и неизменно, таковому церковному приимется уставу святительство твое и о томь, и пеньми священными и славословеньми почтеть божиа угодника, и к преднимь летом предасть вь хвалу и славу прославляющаго бога того славящим, его же благодать буди с твоимь святительством».

Таковое убо писание принесено бысть святителю божию Феогносту. Он же в явление князю и всем то сътваряеть, и праздник светел святому сътваряють. И оттоли даже и доныне празднуемь есть святый по достоиньству. И яко же источник чреплемый большее истекает, сице и гроб чюдотворца новаго Петра с верою приходящимь исцелениа истекають душевнаа и телеснаа.

К сему же и аз малу некую душеполезную повесть приложу, таже слово препокою.

Прежде сих лет, не вем како — судбами, ими же весть бог, — и аз смереный възведен бых на высокый престол сеа митрополи Рускоа святейшим патриархомь и дивнымь Филофеемь и еже о немь священнаго сбора. Но к Руской земли прошедшу ми, мало что съпротивно съприлучити ми ся ради моих грехов. И третиему лету наставшу, пакы к Царюграду устремихся. И тамо ми достигшу по многых трудех и искушених, надеющу ми ся некое утешение обрести, обретох всяко неустроение в царехь же и в патриаршьстве. На престоле бо бяше патриаршьскомь седя злевъзведеный Макарий безумный, дрьзнувый кроме избраниа сборнаго, паче же назнаменаниа Святаго духа, наскочити на высокый патриаршьскый престол царьскым точию хотениемь. Святейший бо блаженый он патриарх Филофий бяше преж[е] тогда, украшая престол великаго вселеньскаго патриаршьства, иже лета доволна добре стадо духовное упасе, и на ересь Акиндинову и Варламову подвизася, и сих учениа раздрушивь поученьми своими, еще же и Григору еретика словесы своими духоносными поправ, и учениа и списаниа его до конца низложив, и самых проклятию предасть; книгы многы на утвержение православным написа и словеса похвалнаа, каноны сложи многоразличны. Но сего, яко свята, и велика, и дивьна суща делом и словом, тогдашний царь не въсхоте. Но того лъжными и оболгателными словесы престола сводит и вь монастыри затворяет. По своему же нраву избирает Макариа некоего безумна и всякого разума лишена, и кроме церковнаго предания же и устава посаждаеть мерзость запустениа на месте святемь. Изганяеть бо ся Иаков, вьводит же ся Исав, иже и прежде рождениа възненавиденьный. Яко же Аркадий, жены своея послушав, заточи Златогласнаго Иоана, Арсакиа же акаянаго престолу его приемника сътваряет.

Но убо дивный Филофей, и божий человек, и медоточный язык, вь таковомь истомлени[и] и болезнех нестерпимых, славослова и благодаря бога не преста. И по лете усну сномь блаженным, душу же в руце бога живаго предасть. И причьтен бысть лику патриаршьску, их же и житию поревнова.

Царь же, озлобивый его, царство напрасно погуби. Макарий же, иже от него поставленьный, судомь божиим сборне изметается и извержению, яко злославен, и заточению предан бываеть. На томь же убо сборе и аз с иными святители бых, в томь же свитце изверьжениа его подписах.

Пребых же убо в оное время в Константинеграде тринадесят месяць. Ни бо ми мощно бяше изыти, велику неустроению и нужи належащи тогда на Царьствующий град. Море убо латиною дръжимое, земля же и суша обладаема безбожными турки. И вь таковомь убо затворе сущу ми, болезни неудобьстерпимыа нападоша на мя, яко еле ми живу быти. Но едва яко в себе преидох, и призвах на помощь святаго святителя Петра, глаголя сице: «Рабе божий и угодниче Спасов! Вем, яко дрьзъновение велие имееши кь Богу и можеши напастуемым и болным помощи, иде же аще хощеши. И аще убо угодьно есть тебе твоего ми престола доити и гробу твоему поклонитися, дай же помощь и болезни облегчение». Веруйте же ми, яко от оного часа болезни оны нестерпимыя престаша. И в малых днех Царствующаго града изыдох и, божиимь поспешениемь и угодника его, приидох и поклонихся гробу его чюдотворивому, внегда убо прият нас [с] радостию и честию великою благоверный великый князь всея Руси Дмитрей, сын великаго князя Иоана, внука Александрова.

Такова убо великаго сего святителя и чюдотворца исправлениа. Сицевы того труды и поты, ими же изъмлада и от самыя уности богу угоди и их же ради бог того въспрослави, въздарие ему даровав.

Се тебе от нас слово похвално, елико по силе нашей грубой, изрядный в святителех, о них же потекл еси, яко безътруден апостол, о стаде порученомь ти, словесных овцах Христовых, их же своею кровию искупи конечным милосердиемь и благостию. И ты убо сице веру съблюде, по великому апостолу, и течение сверши, яснейше наслажаешися невечерняго и Троичнаго света, яко, небеснаа мудрьствовав, възлете благоуправлен. Нас же, молим тя, назирай и управляй свыше. Веси бо, колику тяжесть имат житие се. В томь бо и ты некогда трудился еси. Но убо понеже тебе предстателя Русьскаа земля стяжа, славный же град Москва честныа твоя мощи, яко же некое съкровище, честно съблюдает, и, яко же тебе живу, на всякый день православнии и светлии наши князи сь теплою верою покланяются и благословение приемлють с всеми православными, въздающе хвалу живоначалней Троици, ею же буди всемь нам получити о самом Христосе, о господи нашемь, ему же подобаеть слава, честь и дръжава с безначалнымь Отцомь, всесвятым и благым и животворящиимь Духом ныне и вь бесконечныя векы, аминь.

РАССКАЗ «О АЛЕКСЕИ МИТРОПОЛИТЕ» И ПОВЕСТЬ О МИТЯЕ-МИХАИЛЕ

Текст печатается по Рогожскому летописцу — ГБЛ, ф. 247, № 252/253, Сборник, около середины XV в., л. 322—329 об. В цифровых сносках указываются разночтения Симеоновской летописи — БАН, 16.8.25 (1409), середина XVI в., л. 227—242. В сносках под буквенными обозначениями приводятся выписки Н. М. Карамзина из Троицкой летописи 1408 г. — по примечаниям 54—60 к пятому тому «Истории государства Российского». Реконструкция текста Троицкой, осуществленная М. Д. Приселковым, показывает, что Н. М. Карамзин выписывал, сокращая (см.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 406—413).

О АЛЕКСЕИ МИТРОПОЛИТЕ *

Сий убо преподобный отець нашь Алексий митрополит беаше родом болярин, славных и нарочитых бояр [1] от страны Русскыя,[2] от области Московьскыя, благородну и благоверну родителю сыну [3] от отца, нарицаемаго Феодора, и матери именем Марии. Роди же ся в княжение великое Тферьское Михаилово Ярославич[а] при митрополите Максиме, до убиения Акинфова, старее сый князя великаго Семена 17 лет. Крести же его, еще младенца суща, князь Иван Данилович, еще сый не в великом княжении. Бе же преже в святом крещении наречено бысть имя ему Симеон. И еще детищем буда,[4] изучися всей грамоте, и, в уности сый, и [5] всем книгам извыче, измлада бога возлюбив. И оставле родителя своя и женитву, и яже по плоти ужники и ближникы, и всяко пристрастие мирское възненавиде, и [6] богу единому работати вжеле, и видимою веръстою, як[о] 20-ти лет сый, изыде из мира, и в едином от манастырей постризается, Алексий преименование в мнишьском чину приемлет [7] си. И [8] добре подвизася на добродетель, и всяко благоизволение иночьскаго житиа исправле, и всяко писание Ветхаго и Новаго завета проиде. И пребысть в черничьстве даж[е] и до 40-ть лет. И добродетелнаго ради житиа его честен бысть и славим всеми и любим мноземи. Паче же и сам князь великий Семеон Иванович, купно же и Фегнаст митрополит, зело возлюбиша его и тайно некако назнаменоваша его, и таковыя благодати дос[то]йна бывша, и за премногую его добродетель избраша его,[9] нужею возведоша его на старейшиньство, яко быти ему наместнику и наследнику по Фегнасте митрополите [10] митрополитом на Руси, еже и бысть. Того бо ради преосвященный Фегнаст митрополит, еще сый и [11] при своем животе, сам постави его епископа своима рукама с прочими епископы.

---

* Заглавие написано киноварью на поле.

[1] *Доб.* литовских [2] *Доб.* и [3] сын [4] быв [5] *Нет.* [6] *Нет.* [7-8] Сей [9] *Доб.* и [10] *Нет.* [11] *Нет.*

И тако Алексий пребысть епископом 3 лет[а] или четыри, действуя епископьскаа[12] святительскаа, дондеже преставися Фегнаст митрополит. И по том преставлении Фегнаста митрополита общим съветом и думою всех людей,[13] избранием князя великаго Ивана Ивановича, боле же рещи изволением божиим, понужен и отпущен бысть к Царюграду на поставление митрополиа. И божиим поспешением в малых днех путное шествие преходит, елико по суху бес пакости преиде, и елико по водам бес пакости плытие, морскую пучину преплывая, въскоре устремився, постизаеть Царьград, в нем же и митрополитом на Русь поставляется рукама божия святителя, святейшаго и блаженнаго архиепископа Костянтинаграда, Новаго Рима, вселеньскаго патриарха Филофиа и елико с ним служивших тогда пресвященных митрополит и боголюбивых епископ и всех священник, бывших тогда в честнем том сборе. И не долговременно по поставлении пребыв, отъпущаеться от Царяграда благословением патриарха Филофиа и всего честнаго его сбора, и незамедленно приходит на свою митрополию на Русскую землю.

И пребысть в святительстве и в учительстве, долгоденьствуя многа лета, уча слову божию, по благочестии побараа, правя слово истины православныя веры, поставляя епископы и священникы, попы, диаконы.[а] Бяху же епископи ставлениа его: первый — Игнатий, епископ Ростовьскый, Василей, епископ Рязаньскый, Феофилакт, епископ Смоленьскый, Иван Сарайскый, Парфений Смоленьскый, Филимон Коломеньскый, Петр Ростовьскый, Феодор Тферьскый, Нафанаил Брянскый, Афанасий Рязаньскый, Алексий Суждальскый, Алексий Новгородьскый — Великаго Новагорода, Василей Тферьскый, Данило Суждалскый, Матфей Сарайскый, Арсений Ростовьскый, Еуфимий Тферьскый, [14]Дионисий Суждальскый,[15] Герасим Коломенскый, Григорий Черниговьскый, Данило Смоленьскый.[б] Се же суть епископи поставлениа его.

Поставил же есть[16] церковь камену во имя святаго архангела Михаила, честнаго его Чюда, ю же украси подписию и иконами, и книгами, и[17] ссуды священными и, спроста рещи, всякими церковными узорочьи. Обеща же ся тому монастырю быти общему житию, еже есть и до сего дне. Многа же села и домы, и люди, и езера, и нивы, и пажити подавал есть[18] и вся, елико довлеет на потребу монастыреви. Не токмо же предиреченаа даания и благодеаниа, но и самого себе в том монастыри повеле положити

[а-б] Бяху же епископи ставленья его: Игнатий Ростовский, Василий Рязанский, Феофилакт Смоленский, Иван Сарайский, Парфений Смоленский, Филимон Коломенский, Петр Ростовский, Феодор Тферьский, Нафанаил Брянский, Афанасий Рязанский, Алексий Суждальский, Алексий Новогородьский, Василий Тферьский, Данило Суждальский, Матфей Сарайский, Арсений Ростовский, Евфимий Тферьский, Дионисий Суждальский, Герасим Коломенский, Григорий Черниговский, Данило Смоленский. ..

[12] *Доб.* и [13] *Доб.* и [14-15] *Нет.* [16] *Доб.* и [17] *Доб.* златыми [18] *Доб.* святый

преставлешася, иде же есть и донынe гроб его, входя в церковь одеснуую олтаря. Созда же себе таковый монастырь за двенадесят лет до своего си преставлениа.

Таче потом[19] по мнозех его добродетелех и по мнозех исправлениих преставися. Конец житию приат в старости добре, в старости честне, в старости глубоце, в седине честне. Честна бо поистине таковаа седина, яко же рече Великый Василий: честна седина постом украшена. Добре упасе порученое ему стадо Христово, добре предръжав церковнаа преставлениа,[20] ибо в черньци пострижеся 20-ти лет, а в чернечьстве поживе 40-те лет, а в митрополиты поставлен бысть 60-те лет, а пребысть в митрополитех 24 лета. И [в]бысть всех дней и[21] житиа его лет 85. Егда же преставлешеся,[22] заповеда князю великому, — не повеле положити себе в церкви, но внеуду церкви за олтарем. Тамо указа место и ту повеле положити ся конечнаго ради и последняго смирениа. Князь же великий никако же не сотвори того,[23] не въсхоте положити его кроме церкви, таковаго господина честна святителя, но в церкви близ олтаря положи[24] его [г] с многою честию.

Проводиша его[25] усердием и со тщанием честно епископи, архимандриты, игумены, попове, диакони и[26] черноризци, и множество народа с свещами и с кадилы, и со псалмы, и с [27]пес[нь]ми и с пении[28] духовными, певшие над ним обычныя надгробныя песни. [д]Князь же великий Дмитрий Иванович сам стояше над ним и[29] тако же и брат его князь Володимер Андреевич; князь же Василий, сын сый[30] князя великаго Дмитриа, еще тогда младо детище сый, шести лет сущу ему, а князю Юрию Дмитриевич[ю], брату его, три лет[а] сущу.[е] Вси же, проводивши[31] его, людие разидошася кождо в свояси.

[в-г] Бысть всех лет жития его 85; и заповеда князю великому положити внеуду церкви за олтарем, конечнаго ради смеренья. Князь же вел. не всхоте положити кроме церкви таковаго господина честна святителя, но в церкви близ олтаря положиша его. [д-е] Князь же вел. сам стояше над ним, тако же и брать его, к. Володимер Андр., к. Василий, сын кн. великаго, шести лет сущу ему, а князю Юрью Дмитриевичу три лет сущу.

[19] по сем [20] правлениа [21] *Нет.* [22] представляшеся [23] сего [24] положиша [25] *Доб.* с [26] *Нет.* [27-28] песмипении [29] *Нет.* [30] *Нет.* [31] проводившеи

ПОВЕСТЬ О МИТЯЕ-МИХАИЛЕ

По преставлении же его взыде на его место и на его степень некоторый архимандрит именем Михаил, нарицаемый Митяй. Да незнаемо съдея, странно некако и незнаемо: облечеся в сан митрополичь и возложе на ся белый клобук и монатию[1] со источникы и съкрижальми и перемонатку митрополичю и печать и по-

---

[1] мантию

сох митрополичь, и, просто рещи, в весь сан митрополичь сам ся постави.

Бе бо преже [а]князь великий Дмитрей Иванович просил того у Алексея у[2] митрополита, дабы благословил прежереченаго Митяя на митрополию. Алексий же митрополит не хотяше того[3] сотворити, понеже новоуку сущу ему в чернечьстве, яко же и апостол глаголеть: «Подобает епископу непорочну быти и не новоуку, да не, развеличався, в пругло диаволе впадет». Князь же великий много нуди о сем Алексея митрополита,[б] дабы[4] благословил, овогда бояр старейших посылая, овогда сам приходя. [в]Алексий же митрополит, умолен быв и принужен, не посули быти прошению его, но, известуя святительскы и старческы, паки[5] же пророчьскы, рече: «Аз не доволен благословити его, но оже дасть ему бог и святая Богородица и пресвященный патриарх и вселень[скый] збор».[6г]

И бысть на нем зазор от всех человек, и мнози негодоваху о сем, и священници неключимоваху о нем, понеже еще не поставлен сый вселенскым патриархом, но сам дрьзнул на таковый превысокый степень. И на дворе[7] митрополиче живяше, и хожаше в всем сану митрополиче, и казну и ризницю митрополичю взя, и бояре митрополичи служахут ему и отроци предстояху ему, и вся, елико подобает митрополиту и елико достоит, всем тем обладаше. И нача воружатися на мнихы и на игумены. Епископи же и прозвитери въздыхаху от него, глаголюще: «Воля господня да будет».

Взывкати[8] же и распытовати, кто есть наместник съй Митяй или отъкуду бе. Сий Митяй саном [д]беаше поп, един[9] коломенскых поп;[10] возрастом не мал, телом высок, плечист, рожаист, браду имея плоску и велику и свершену; словесы речист, глас имея доброгласен износящь; грамоте горазд, пети горазд, чести горазд, книгами говорити горазд; всеми делы поповьскими изящен и по всему нарочит бе. И того ради избран бысть изволением великаго князя во отчьство и в печатникы; и бысть Митяй отець духовный князю великому и всем бояром старейшим, но и печатник, ю же[11] на собе ношаше печать князя великаго.[е]

[а–б] Кн. вел. Дмитрий Ив. просил у Алексия у митрополита, дабы благословил Митяя на митрополью. Алексий же не хотяше того створити, понеже новоуку сущу ему в черньнечестве, да не впадет в пругло дьяволе. Князь же великий много нуди митрополита. . . [в–г] Алексий же митрополит, умолен быв и принужен, не посули быти прошенью его, но известуя святительски, паче же пророчески, рече: «Аз не доволен благословити его, но оже дасть ему бог и св. Богородица и патриарх и вселенский собор». [д–е] бяше един от коломенских попов; телом высок, плечист, рожаист, браду имея плоску и велику, и свершенну; словесы речист, глас имея доброгласен износящ; грамоте горазд, пети горазд, чести горазд, книгами говорити горазд; всеми делы поповскими изящен и по всему нарочит бе. И того ради избран бысть изволеньем вел. князя в отьчество и в печатники, иже на себе ношаше печать князя великаго.

[2] *Нет.* [3] то [4] абы [5] паче [6] собор [7] *Доб.* на [8] Взыскати [9] *Доб.* от [10] попов. [11] иже

И пребысть в таковем чину и в таковем устроении многа лета, дондеже състаресяˣ[ж]старець Иван, нарицаемый Непейца, архимандрит Спасьскый, иже бога ради оставль архимандритию Спаскую в старости глубоце и сниде в келию млъчаниа[з] ради. И тогда взыскание бысть, кому быти по Непейце архимандриту у Спаса; и в пръвых помянен бысть сий прежепомяненый Митяй. Сего въсхоте князь великий сотворити архимандрита у Спаса, еже и бысть: его же избра и прият. И въскоре восхищен бысть прежереченый Митяй на постры жение и аки нужею приведен бысть в церковь святаго Спаса, тако же и от Чюда Михаилова призван бысть архимандрит именем *Елисей,*[12] нарицаемый *Чечетка,*[13и] [он и постриг] Митяя в черньци, — не токмо в черньци, но и в архимандриты. И ту бяше видети дива плъно: иже до обеда белець сый, а по обеде архимандрит, иже до обеда белець сый и мирянин, а по обеде мнихом началник и старцем старейшина, и наставник, и учитель, и вожь, и пастух.

И пребысть Митяй в архимандритехь яко две лете, а по преставлении Алексея митрополита покинул архимандритью по великаго князя слову и на преболший сан устремися и на превысокый степень старейшиньства, на двор митрополичь взыде и ту живяше, пребываше с всякою областию; елико доблеет[14] и достоит митрополиту владети, то тем всем владеяше Митяй по всей митрополии; [к]с попов дань сбираше, сборное и рожественое, и урокы, и оброкы и пошлины митрополичи.[л] То все взимаше, готовляшеся на митрополию, и тщашеся и наряжашеся ити к Царюгороду на поставление. [м]Но еще дотоле, преже даже не иде к Царюграду, въсхоте[15] поставитися в епископы[н] на Руси.

Сице же ему умысливщу, в един от дний беседует Митяй к князю великому, глаголя: «Почтох книгы, глаголемыя Намаканон,[16] яже суть правила апостольская и отечьскаа, и обретох главизну сицю, яко достоить епископов 5 или 6, сшедшеся, да поставят епископа. И ныне да повелит дръжава твоя с скоростию, елико по всей Русстей епархие да ся снидут епископи, да мя поставят епископа». По повелению же княжю собрашася епископи. Ни един же от них дерзну рещи супротив Митяю, но тъкмо Дионисий, епископ Суздальскый.[17] И по многу възбрани[18] князю великому, рек: «Не подобает тому тако быти». Митяй же видя себе осрамлена, и умышление его безделно бысть.

[ж-з] — старец Иван, нарицаемый Непейца, архимандр. Спасский, иже бога ради оставль архимандритью в старости глубоцей и сниде в келью молчания [и] *Н. М. Карамзин пишет*: Митяя постриг Чудовский архимандрит Елисей Чечетка. [к-л] с попов дань сбираше, сборное и рожественное, и урокы, и оброки, и пошлины митрополичи. [м-н] Но еще дотоле, преже даже не поиде ко Царюграду, всхоте без митрополита поставитися в епископы

[12] *Для имени оставлен пробел.* [13] *Для прозвища оставлен пробел.* [14] довлееть [15] *Доб.* без митрополита [16] Монаканон [17-18] повъзбрани

Нецин же от младоумных наустиша и навадиша Митяю на Дионисия, а Дионисию на Митяя. Митяй же осуди яко виновата Дионисиа, рек: «Не подобаше ти, о епископе, понеже, пришедшу ти в град, преже всех ко мне не пришел еси, ни же поклони ми ся, ни же благословениа от мене потребова, но яко небрегома не почте[19] мя. Не веси ли, кто есмь аз: власть имам во всей митрополии!» Деонисий же рече: «Не имаши на мне власти никоея же, тобе бо[20] подобает паче приити ко мне и благословитися, и предо мною поклонитися, аз бо есмь епископ, ты же поп. Кто [21]убо боле есть, епископ ли, или поп?»[22] Митяй же рече: «Ты мя попом нарече, а аз в тобе ни попа не доспею, а скрижали твои своима рукама спорю. Но не[23] ныне мъщу себе, но пожди, егда прииду оть Царяграда». И мнозе распре бывше междю има.

Пребысть же Митяй наместник на Москве лето едино и шесть месяць. Оттоле начат Дионисий помышляти ити к Царюграду. Се уведав, Митяй поведа[24] князю великому, дабы запретил Дионисию. Князь же великий отъинудь възбрани Дионисию: «Не ити к Царюграду, да не сотвориши пакости, никакоя[25] споны Митяю, дондеже приидет в митрополитех». И повеле Дионисиа нужею удръжати. Дионисий же виде себе нужею крепко дръжима бе, и преухитри князя великаго, словом худым обещася, глаголя: «Ослаби ми[26] и отъпусти мя, да живу по воле, а уже к Царюграду не иду без твоего слова. А на том на всем се поручаю тебе по себе поручника старца игумена Сергиа». [о]Князь же великый послуша[27] молениа его, верова словесем его, устыдевся[28] поручника его, отъпусти Дионисиа на том слове, что: «Ти не ити к Царюграду без моего слова, но ждати до году Митяевы митрополии». Дионисий же с неделю не помедлив, и въскоре бежанием побежа к Царюграду,[п] обет свои измени, а поручника свята выдал. Митяй же болшее оправдание себе[29] и дръзновение стяжа, а на Дионисиа поношение и негодование. Князь же великий зело любяше Митяя и чтяше и, и в сласть послушаше его.

Надо всеми же сими [р]дръзну Митяй просити паче силы прошениа, и рече князю великому: «Аще обретох благодать пред тобою, дай же ми прошение, да ми даси хоратию не написану, а запечатану твоею печатию князя великаго, да ю возму с собою

[о–п] Князь же великий отпусти Дионисья на том слове, што: «Ти не ити ко Царюгороду без моего слова, но ждати до году Митяевы митропольи». Дионисий же, с неделю не помедлив, бежаньем побежа ко Царюгороду

[р–с] дерзну Митяй просити паче силы прошенья, и рече князю великому: «Аще обретох благодать пред тобою, дай же ми прошение, да ми даси харатью ненаписану, а запечатану твоею печатью, да ю возму с собою в Царьград на запас, да коли что ми надобе, да то напишу на ней». И дал князь великий таковую харатью не едину и рек: «Аще будет оскудение, или какова нужа, и надобе заняти тысячу сребра или колико, то се вы буди кабала»

[19] чте [20] *Нет* [21–22] у тебе более: епископ ли, поп ли? [23] *Нет.* [24] възвести [25] никоея [26] мя [27] послушав [28] устыделся [29] *Доб.* ириат

в Царьград и имам ю приготовану, таковую хоратию, на запас, да коли что ми надобе и что хощу, да то напишу на ней». И дал князь великий таковую харатию не едину, и печать свою си приложи, рек: «Аще будеть оскудение, или какова нужа, и надобе заняти или тысуща сребра, или колико, то се вы буди кабала [с] моя и с печатию».

И бысть по времени, поиде Митяй к Царюграду на митрополию: с Москвы на Коломну, а с Коломны за Оку на Рязань, и перевезъся за Оку за [30] реку месяца иулиа 26 день, на память святаго мученика Ермолая, по Борише дни в вторник. И проводиша его честно сам князь великий с бояры с старейшими, тако же и епископи, и архимандриты, и игумены, попове, диакони, черньци и множество народа, и увернушася от него назад. А с ним вкупе поидоша к Царюграду трие архимандриты: 1[-й] — архимандрит Иван Петровьскыи, [т]се бысть пръвый общему житию началник на Москве,[у] Пимин архимандрит Переяславьскый, Мартин архимандрит Колом[ен]ьскый. Дорофей печатник, Сергий Озаков, Степан Высокый, Антоний Копие, Макарий игумен Мусолиньскый, Григорей диакон Спасьскый и инии мнози игумени, попове, диакони, черници,[31] и Александр протопоп Московьскый, Давид протодиакон Даша, и крилошане володимерьскыи, и люди дворные, и слугы пошлые митрополичи, и казна, и ризница митрополича. А се бояр: Юрий Василиевич Кочевин-Олешеньскый, то есть болший боярин, тоже и посол князя великаго, тому и старейшиньство приказано. А се митрополичи бояре: Федор Шелохов,[32] Иван Артемиевич Коробьин, Андрей брат его, Невер Бармин, Степан Илиин Кловыня, толмачь Василий Кусков,[33] а другыи Буило. «И бысть их полк велик зело».

И проидоша всю землю Рязаньскую и приидоша в Орду, в места половечьскыи. И проходящим им Орду, и ту ят бысть Митяй [34] Мамаем, и немного удръжан быв и пакы отъпущен бысть. И проидоша всю землю Татарьскую и приидоша к морю Кафиньскому, и внидоша в корабль. Пловущим им по морю и пучину морьскую преплавающим, и уже близ Царяграда бывшим, яко видети Царьград, [ф]внезапу Митяй разболеся в корабли и умре на мори. Неции же поведаша, яко корабле тъй стояше [35] на едином месте и не поступаа с места ни тамо, ни семо,[36] а инии мнози корабли плаваху мимо его, минующе семо и овамо. И вложиша Митяя в варку, еже есть в меншее судно, и привезоша его мертваго в Галату,[х] и ту [37] погребен бысть.

[т-у] се бысть первый общему житью начальник на Москве [ф-х] внезапу Митяй разболеся в корабли и умре на мори. Неции же поведаша, яко корабль тот тогда стояше на едином месте и не поступая с места ни семо, ни тамо, а ини корабли плаваху мимо. И вложиша Митяя в варку, еже есть в меньшее судно, и привезоша мертваго в Галату.

[30] *Нет.* [31] черньци [32] Шолохов [33] Кустов [34] *Нет.* [35] *Доб.* тогда [36] ни семо, ни тамо [37] ту и

Умрьшу же Митяю, бысть в них замятня и недоумение, «смятоша бо ся,[38] — яко же пишет, — возмятошася и въсколебашася, яко пиании, и вся мудрость их поглощена бысть». И бысть промежи ими распря и разгласие: ови хотеша Ивана в митрополиты, а друзии Пимина. И много думавше промежи собою, и яшася бояре за Пимина, а Ивана оставиша поругана и отъринуша и. Иван же виде себе тако небрегома от них и отъриновена и рече к ним: [ц]«Аз не обинуяся възглаголю на[39] вы, единаче есте не истиньствуете, ходяще».[ч] Они же отътоле искаху подобна времени и съвет сотвориша на Ивана, яко да имут его. И пришедше, возложиша руце на Ивана и яша его, и посадиша его в железа, — Ивана Петровскаго архимандрита, московьскаго киновиарха, началника общему житию! Сковаша нозе его в железа, «смириша в оковах нозе его», понеже не единомудрьствует с Пимином.

Пимин же, съзирая ризницю и казну Митяеву, обрете ту прежереченую харатию, имущу печать князя великаго, а писания не имущу, и, подумав с думцами своими, написа грамоту на той хоратие, сице глаголющу: «От великаго князя русскаго к царю и к патриарху. Послал есмь к вам Пимина. Поставите ми его в митрополиты, того бо единого избрах на Руси и паче того иного не обретох».

Явлена же бысть си грамота всему збору, ю же прочетше, царь и патриарх отвещаста Руси и рекоста: «Въскую сице пишеть русскый князь о Пимине? А есть на Руси готов митрополит Киприан, его же преже давно поставил есть пресвященный Филофей патриарх, того и мы отъпущаем на Русскую митрополию. Кроме же того иного не требуем поставити». Русини[40] же [ш]позаимоваша оною кабалою сребро[41] в долг на имя князя великаго у фряз,[42] у бесермен в росты, еже и до сего дни тот долг ростет,[щ] россулиша посулы и раздаваша и сюду и сюду, тем едва утолиша всех. Яко же рече Охтоик:[43] «Но сбор пустошных исплъни мъздою десницю их». Царь же[44] и патриарх много истязавше Пимина и яже бяху около его сущии с ним, и бывшу [45]збору и зопрашанию,[46] и истязанию, и распытованию, изволиша сице, яко[47] поставити Руси Пимина митрополитом. Рекоша бо грекы: «Аще русини или право глаголють, или не право, но мы истиньствуемь, но мы правду деем и творим и глаголем». И тако поставил есть Нил патриарх Пимина митрополитом на Русь.

И прииде весть князю великому, яко: «Митяй твой умре, а Пимин стал в митрополиты». Князь великий не въсхоте Пи-

---

[ц–ч] «Аз не обинуяся възглаголю на вы, яко не истинствуете ходяще».
[ш–щ] позаимоваша оною кабалою серебра в долг на имя князя великаго у фряз и у бесермен в росты, еже и до сего дни тот долг ростет.

[38] смятошася бо [39] *Нет.* [40] Русь [41] серебра [42] *Доб.* и
[43] Октаик [44] *Нет.* [45–46] събору и изупрошанию [47] *Нет.*

мина приати, рек: «Несмь послал Пимина в митрополиты, но послах его яко единаго от служащих Митяю. Что же се сътворено есть, о них же аз слышу таковаа?» И преже даже[48] не поиде Пимин изо Царяграда на Русь, но единаче еще сущу ему в Цареграде в то время и медляшу ему, тогда [ы]князь же великий въсхоте приати Киприана митрополита, сущу ему в Киеве в ты дни, и посла по него игумена Феодора Симоновьскаго, отца своего духовнаго, в Киев, зовучи его к себе на Москву. А отъпустил по него о великом заговение.

И прииде пресвященный Киприан митрополит ис Киева на Москву в[49] свою митрополию в че[тверто]к 6 недели по пасхе, в самый праздник възнесения господня. И многу звонению бывшу[50] во вся колоколы, и многу пароду сшедшуся на сретение его, яко[51] весь град подвижеся. Князь же великий [52]Дмитрей Иванович прия его[53] с великою честию и со многою верою и любовию.

И минувшу же[54] седмому месяцю и[55] прииде весть: «Се Пимин грядет изо Царяграда на Русь[э] на митрополию». Князь же великый не въсхоте его приати. Бывшу Пимину [ю]на Коломне, тогда сняша[56] с него клобук белый с главы его и розведоша около его дружину его, и думци его, и клиросници его,[57] отъяша от него и ризницю его, и приставиша приставника к нему некоего боярина именем Ивана сына Григориева Чюровича,[58] нарицаемого Драницю. И послаша Пимина в изгнание и в заточение. И ведоша его с Коломны на Охну, не заимая[59] Москвы, а от Охны в Переяславль, а оттуду[60] в Ростов, а оттоле[61] на Кострому, а с Костромы в Галичь, ис Галича на Чюхлому. И тамо пребысть в оземьствовании лето едино. Но и от Чюхломы веден бысть на Тферь. Господня[62] есть земля и конци ея.[я]

До сде скратим слово и скончаем беседу, и о всех благодарим бога, яко тому слава в векы. Аминь.

[ы–э] Князь вел. посла по него игумена Федора Симоновьскаго, отца своего духовнаго, в Киев, зовучи его к собе на Москву. А отпустил по него о великом заговении. И прииде Киприан митрополит в четверг шестой недели по пасце, в самый праздник възнесенья. И многу звоненью бывшу и многу народу сшедшуся на сретение его. Князь же вел. прия его со многою любовью... И минувшу седьмому месяцу, паки приде весть: «Се Пимин грядет из Царяграда на Русь. . . [ю–я] на Коломне сняша с него клобук белый и розведоша около его дружину его, и думци его, и клиросници, и отъяша ризницу, и приставиша приставника, некоего боярина Ивана Григорьева сына Чуриловича, нарицаемого Драницю. И ведоша Пимина с Коломны на Охну, не заимая Москвы, а от Охны в Переяславль, а от Переяславля в Ростов, а от Ростова на Кострому, а с Костромы в Галичь, а из Галича на Чухлому. И тамо пребысть в оземствованьи лето едино. Но и от Чухломы выведен бысть на Тферь. Господня бо есть земля и конци ея.

[48] да иже [49] на [50] сущу [51] и [52–53] *Нет.* [54] *Нет.* [55] пакы [56] сня [57] и [58] Чюриловичя [59] замая [60] от Переяславля [61] от Ростова [62] *Доб.* бо

ГРАМОТА ПАТРИАРХА АНТОНИЯ

В этом приложении впервые публикуется грамота константинопольского патриарха Антония от сентября 1389 г., касающаяся взаимоотношений и претензий митрополита Пимена, с одной стороны, и митрополита Киприана и архиепископа Феодора — с другой. Грамота эта публикуется в славянском переводе; греческий ее оригинал неизвестен.

Текст этой грамоты был обнаружен в составе летописных подборок, содержащихся в некогда принадлежавшей Н. М. Карамзину рукописи ГПБ, F. IV.603, на листах 393—396. Будучи мысленно соединены одна с другой, эти подборки дают в сумме летописный свод, первичный по отношению к Новгородской 4 летописи. В науке существует гипотеза, что подборки отражают не дошедшую до нас в целом виде «Новгородскую Карамзинскую летопись».[1] Анализ состава этих подборок привел меня, однако же, к выводу, что они являются не половинками существовавшего и «разрезанного» (разрезать надо было не поперек, а вдоль), а заготовками, составными частями для не существовавшего ранее, нового летописного свода, а именно — известной нам Новгородской 4 летописи. Первая из этих подборок главным образом новгородская по своему материалу, а вторая — главным образом общерусская. Материал для второй подборки — а в ней-то и находится «Список грамоты патриарши сборное» — черпался из общерусского свода, отражением которого является Софийская 1 летопись, но пополнялся за счет самостоятельных, внелетописных произведений и документов, оказавшихся доступными новгородцам — составителям этой подборки, трудившимся в конце XIV—начале XV в.[2]

СПИСОК ГРАМОТЫ ПАТРИАРШИ СБОРНОЕ

Антоний милостию божиею архиепископь Констянтинаграда, Новаго Рима, и вселенскый патриарх.

Бывый митрополит Рускый Пимин по сборном осужении и извержении, бывшемь от поставлышаго его патриарха, святейшаго и приснопамятнаго Нила, и по отлучении посланных к нему на всточную страну по отбежании его еже от зде, и в Рускую землю шед, и митрополью тамошнюю безаконне приемь, и мучителскы, и чрез законов и правил, и паче же рещи несвященне дрьзнув священствовати непреподобный, и поставлениа епископомь, и прозвитеромь, и диакономь творити, и все деати вседрьзый и елика истинным святителемь достоит творити в своих им митрополиах, творяся утаитись великых и неутаеных очию божию, их же утаитись всех ничто же может — ни слово, ни дело, ни помышление. И богатства събрав яко многа, ведый, яко не на добро ему будет еже в Руской земли пребытие, опять пакы

[1] См.: Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, с. 96—98, 100; Лурье Я. С. 1) Новгородская Карамзинская летопись. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 207—213; 2) Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 199—218.

[2] См.: Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV. 603 и проблема сводного общерусского летописания. — ТОДРЛ, т. XXXII, с. 165—198.

възвращается. И ни тако право в Царьствующий град приходить, но пръвие на въсточную страну шед, но тако с развращеною и лестною мыслию в Царьград вниде, и ни же к священному сбору прииде, ни же нашего смиренна отинудь виде, мало дний зде пребыв.

И понеже позна пресвященнаго митрополита Киевскаго и всеа Руси и всечестнаго Киприана, о Святом дусе възлюбленнаго брата нашего смирениа и съслужебника, и боголюбиваго архиепископа Ростовскаго Феодора, хотящих жаловатись на него божественому и священному сбору, яко да тяжутся с нимь о них же имеют стязаний по части каяждый с нимь, пакы на всточную страну отшед, к туркомь прибеже. И дружбу с ними сътворь, и дары овы убо им дав, овы же от них приемь. И оттуду пишет нашему смирению, неправду ему быти глаголаше велми, и суд прошааше по правиломи праведнымь и моляшесь пожидати зде митрополиту Киприану и архиепискому Феодору, до[ко]ле судится с ними сборне: с митрополитомь убо — их же створи на нь многых и великых зол, с Феодором же — о них же облъгует его, еже яко поставил есть его епископа и въсхыщение створил имению его и онех, их же глаголаше, клепля его.

Сиа убо он списаниемь възвести. Она же бяше прелесть и лжа и яко же попережение — жалованиа образ, яко же после явлено бысть. Еще имаше глаголати о собе убо, яко суд прося правилен и никако же того приемлющим, и не догадываашеся он, яко своими клеппцами уловлен будет и в свой ров впадет.

И яко убо грамота сборне почтена бысть и в всех слухы прииде, митрополит всеа Руси Киприан и архиепископь Феодор много молишя смерениа нашего и божественаго сбора позвати Пимина приити семо и тягатися с нимь, яко же он просит, зане и сами зело се хотят, и паче — аще не въсхощет он приити, но сии паче того ищут.

Праведну убо сих явившусь прошению, посылает сборне смиренне наше боголюбивых церковных бояр: логофета диакона Михаила Анаря и референда диакона Дмитриа Марулу, — и приказуеть тому приити к сбору и тягатись о их же глаголеть, яко аще не въсхощеть приити, съпротив глаголет си. Он же, яко же бы не был тот писавый и суда просивый: готов убо, глаголаше, быти и хощеть приити, но аще не прииметь честную грамоту държавнаго и святого ми самодръжца, обороняющу его от всех, им же должен есть сребромь — яко ни единому же от сих отвещати, — не хощет приити. Но услышав от тех позовников: «И что се к патриарху и к сбору? Но в тобе се стоит и в цари святом».

Сбору убо абие събравшуся и Пиминовых ответов уведавше, праведно судишя и второе позвание створити к нему. И пакы тии же посылаются позовникы, то же к нему глаголюще, — и еже аще не ныне приидет, симь зде сущим, на них же жалуется, и посылаемых от нас послов с ними святитель, иже известнее яже о немь и вещий ведящих, невъзможно есть по сих места

ответу обрести. Он же ныне паче пръваго жесточайших дасть ответов и, аще не грамоту нашего смирениа, глаголаше, приметь — еже познати, како убо пишет к нему о святительстве и чьсти, — ни же приидет.

Смерение же нашему правилне о нем ответу хотящу створити, и третие позывание посылает теми же бояры церковными с сборомь. И третие на суд того позывают. Он же, се ведый, яко по третием позвании осужен будет по правде, пръвие убо въсхоте позовщиков убежати — еже дела смутити: явитися не слышав и третиаго позваниа. Да яко же сии, в след его гоняще, яко же нецции ловци, следяще, обретоша, показа убо абие болезнию слежати, и дрожя, и огня исплънену, и ни же мало мощи от зыбаниа и от одръжащаа его болезни, вся подвижа и съставы, семо и овамо и нося и обдержим. И позовщиком наченшим глаголати, встав, иде же лежаше, и с спехом изыде, и бегу яться, всякымь образом ухыщряа избежати их, безумне о собе помыслив, яко сим образом осужениа убежит.

Симь убо сице последующим, смерение наше разсуди сборне рещи митрополиту Киприану и Феодору вещь, ю же имеют на Пимина. И се преже митрополит глаголя, яко по осуженьи, им же Пимин осужен бысть, в Рускую землю отшед, яко же недостоаше, и церкви оноя богатства много събрав — ова убо от поставлений безаконных, ова же от церковных митрополскых събраний ея епископий, и еще от священных приложений, и святительских ризниц, — некая же и от некых взаемь взяв, зде прииде. Просит убо с[е], яко церкви оноя митрополит и присный, приати и ова убо, яко митрополскаа, имети самому, прочая же имущим та отдати. Представи же и послухов, оттоле с Пимином пришедших: боголюбиваго епископа Смоленского Михаила и архимандрита Сергиа, известнее ведущих о семь. Феодор же архиепископь — и тот яко же о собе възвести, — как в Кафе в темницах сего затвори Пимин и железы ногы его утвръди, и вешениемь томивь его, и битиемь разразив, и вся имениа его разграбив, и прошаше поне[a] сиа приати от него. К симь всемь, разсмотрив, смирение наше, се иже о нас священнейших святитель и всечестных: Кизичьскаго [и] Никомидийскаго Макариа, Никейскаго Алексиа, Халкидонскаго Гавриила, Монемвасийскаго Иосифа, Амасийскаго [и] Андреанополскаго Матфеа, Ганьского Никандра, Драмскаго Асафа, — о жалованой убо вещи, ю же подвиже Пимин о священничстве, о их же глаголаше неправду ему быти:

Осужену быти тому и в семь, не токмо понеже двожды извержен бысть сборне, но понеже и ныне суд просив и жалобу положив, творяся праведне глаголати, таже, позван быв нами, всех тех отбеже, отнюду же ни места ответу обрящет когда, ни же надежди будущаго уставлениа когда, но будет в всемь своемь животе извержен и несвящен.

---

[a] *Так в ркп.*

А о них же подвигошя на нь вещи и о сребре, и инех таковых всеа Руси митрополит Киприан и Феодор, — разсудихомь и ответ дахом: Да иде же аще обрящут Пиминова богатства, ким же любо имеема кроме всякого слова и извета, тая да взимают и к темь, иже тая имевшим, от их же их взимал, да отдана будут. И митрополиту Киприану взяти елика от митрополеи его он взял. И Феодору взяти елика в Кафе пограблена бышя от него.

Възглашаем же и зборное отлучение тяжчайшее и грознейшее на всякого иже в руках своих приемшаго или сребра, или ино что, или все, или мало, или потом хотящаго приати и хранити, или ведящаго, или надзнавшаго како-либо о сих, — яко да отдана будут митрополиту Киприану и архиепископу Феодору.

Сего ради дан бысть настоящий суд и ответ нашего смерениа крепости деля.

Месяца сентяб[ря] настоащаго 13 индик[та] в лето 6898.

Имеет же и самаа грамота подпись честною рукою патриаршею сице: Антоний милостию божиею архиепископь Констянтинаграда, Новаго Рима, и вселенскый патриархь.

Имеет же самаа та грамота подписи митроличскыми руками: Смеренный митрополит Никомидийскый имярек, Никейскый, Халкидонскый, Монемвасийскый, Андреанополскый, Серскый, Ганьскый, Арамскый.[б]

[б] *Должно быть*: Драмскый.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека Академии наук
ВВ — Византийский временник
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина (Москва)
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ГПБ — Государственная Публичная библиотека (Ленинград)
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
МГПИ — Московский государственный педагогический институт
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ПДП — Памятники древней письменности
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских
DOP — Dumbarton Oaks Papers
PG — Migne J. P. Patrologia Graeca
REB — Revue des études byzantines

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Все иллюстрации — миниатюры Лицевого свода XVI в. (БАН, 31.7.30).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Часть третья

«МЯТЕЖ В МИТРОПОЛИИ»

ЭПИЛОГ

Приложения

Гелиан Михайлович
Прохоров

ПОВЕСТЬ О МИТЯЕ

РУСЬ И ВИЗАНТИЯ В ЭПОХУ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор издательства Е. А. Смирнова
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор Г. А. Смирнова
Корректоры Э. Н. Липпа и А. Х. Салтанаева

ИБ № 8394

Сдано в набор 26.12.77. Подписано к печати 19.07.78. М-31884. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 15 + 1 печ. л. на меловой бумаге = 16 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 17.99. Тираж 20500. Изд. № 6677. Тип. зак. № 1048. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Наука»,
Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164,
Менделеевская линия, д. 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

АДРЕСА И ПОЧТОВЫЕ ИНДЕКСЫ МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»

1 р. 30 к.